

13

СОБРАНИЕ ВОЛЬФА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

СЕРГЕЯ

А. О. ПИСЕМСКОГО

ТОМ I

СОБРАНИЕ ВОЛЬФА.

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ.

—
СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

—
ТОМЪ X.

СОЧИНЕНІЯ
А. ПИСЕМСКАГО.

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ Х.

ВЪ ВОДОВОРОТЪ

ЧАСТИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

INSTYTUT

BADAŃ LITERACKICH PAN

BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7

Tel. 26-68-63

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостинный дворъ, № 17 и 18.

Петровка, д. Михалкова, № 5.

<http://r1884.org.pl>

24.156/10-11

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ (Спб., В. О., 16 л., № 5).

ВЪ ВОДОВОРОТЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Б. П. БОМБОРОТЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВЪ ВОДОВОРОТѢ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

По солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, часовъ около двухъ пополудни, вмѣстѣ съ прочею толпою, проходили двое мужчинъ въ шляпахъ и въ пальто съ дорогими бобровыми воротниками; оба пальто были сшиты изъ лучшаго англійскаго трико и имѣли самый модный фасонъ, но сидѣли они на этихъ двухъ господахъ совершенно различно. Одинъ изъ нихъ былъ благообразный, но съ нерусскою физіономіей, лѣтъ 35 мужчина; онъ, какъ видно, умѣлъ носить платье: вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, оно было на немъ застегнуто, оправлено и вычищено до послѣдней степени, и вообще, правильностью своей фигуры онъ напоминалъ даже нѣсколько модную картинку. Встрѣтившійся имъ кавалергардскій офицеръ, приложилъ руку къ золотой каскѣ своей и слегка мот-

нувь головой, назвалъ этого господина: — «Здравствуйте, баронъ Мингеръ!» — «Bonjour!» — отвѣчалъ тотъ, съ нѣскольکو нѣмецкимъ акцентомъ. На товарищѣ барона, напротивъ того, пальто было скорѣе напялено, чѣмъ надѣто: оно какъ-то дѣзло на немъ вверхъ, лацканы у него неуклюже топорщились, и изъ-подъ нихъ виднѣлся поношенный кашне. Самъ господинъ былъ высокаго роста; руки и ноги у него огромныя, выраженіе лица не глупое и очень честное; какъ-бы для вящей противоположности съ барономъ, который былъ причесанъ и выбритъ безукоризнѣйшимъ образомъ, господинъ этотъ носилъ довольно неряшливую бороду и вообще всей своей наружностью походилъ болѣе на фермера, чѣмъ на джентльмена, имѣющаго возможность носить такіа дорогія пальто. Не смотря на это, однако, баронъ, при всемъ своемъ стараніи высокоприлично и даже гордо держать себя, въ отношеніи товарища своего обнаруживалъ какое-то подчиненное положеніе. Передъ однимъ изъ книжныхъ магазиновъ, высокій господинъ вдругъ круто повернулъ и вошелъ въ него; баронъ тоже не преминулъ послѣдовать за нимъ. Высокій господинъ вынулъ изъ кармана записочку и сталъ по ней спрашивать книгъ; прикащикъ подалъ ему всѣ, какія онъ желалъ, и всѣ онъ оказались изъ области естествознанія. Высокій господинъ принялся заглядывать въ нѣкоторыя изъ нихъ, при этомъ немножко морщился и дѣлалъ недовольную мину.

— А что, — началъ онъ какимъ-то неторопливымъ голосомъ и уставляя черезъ очки глаза на прикащика: — нѣмецкіе подлинники можно достать?

— Можно-съ, — отвѣчалъ тотъ.

— Достаньте, пожалуйста! — протянулъ опять высокій господинъ: — и пришлите все это въ Морскую, въ гостиницу «Парижъ», Григорову.... князю Григорову, — прибавилъ онъ затѣмъ, какъ бы больше для точности.

Во все это время, баронъ то смотрѣлъ на одну изъ вывѣшенныхъ новыхъ ландкартъ, то съ нетерпѣніемъ взглядывалъ на своего товарища; ему, должно быть, ужасно было скучно, и вообще, какъ видно, онъ не особенно любилъ посѣщать хранилище знаій человѣческихъ.

— Vous dinez aujourd'hui chez votre oncle? — спросилъ онъ тотчасъ же, какъ они вышли изъ магазина.

— Д—да! — отвѣчалъ протяжно Григоровъ.

— Je viendrai aussi! — подхватилъ скороговоркой баронъ.

— Bien! — проговорилъ, какъ бы по механической привычкѣ и совершенно чистымъ акцентомъ, князь. — Приходите! — поспѣшилъ онъ затѣмъ сейчасъ же прибавить.

Баронъ вскорѣ раскланялся съ нимъ и ушелъ въ одинъ изъ переулковъ; князь же продолжалъ неторопливо шагать по Невскому. Мелькающіе у него передъ глазами дорогіе магазины и проѣзжавшіе по улицамъ разнообразныя экипажи нисколько не возбуждали его вниманія, и только на самомъ концѣ Невскаго, онъ, какъ бы чѣмъ-то уколотый, остановился: къ нему, какъ и къ другимъ проходящимъ лицамъ, взывала жалобнымъ голосомъ крошечная дѣвочка, вся иззябшая и звонившая въ треугольникъ. Князь проворно вынулъ свой бумажникъ, вы-

тащилъ изъ него первую, какая попалась ему подъ руку, ассигнацію и подалъ ее дѣвчкѣ: это было пять рублей серебромъ. Крошка отъ удивленія раскрыла на него свои большіе глаза, но князь уже повернулъ въ Морскую и скоро былъ далеко отъ нея. Затѣмъ онъ пришелъ въ гостиницу «Парижъ» и вошелъ въ большой и нарядный номеръ. Здѣсь онъ свое цѣнное пальто такъ же небрежно, какъ, вѣроятно, и надѣвалъ его, сбросилъ съ себя и, сѣвъ на диванъ, закрылъ глаза въ утомленіи. Въ такомъ положеніи князь просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не раздался звонокъ въ его номеръ: это принесли ему книги изъ магазина. Расплатившись за нихъ, князь сейчасъ же принялся читать одинъ изъ нѣмецкихъ подлинникововъ, при чемъ глаза его то выражали удовольствіе отъ прочитываемаго, то какое-то недоумѣніе, какъ будто бы онъ не совсѣмъ ясно понималъ то, что прочитывалъ. Въ этомъ чтеніи князь провелъ часа полтора, такъ что официантъ вошелъ и доложилъ ему:

— Карета, ваше сіятельство, пріѣхала къ вамъ.

— Ахъ... да... — протянулъ князь, и затѣмъ онъ лѣниво всталъ и началъ переодѣваться изъ широкаго пальто во фракъ.

Дядя князя Григорова, къ которому онъ теперь ѣхалъ обѣдать, былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Михайло Борисовичъ Бахтуловъ и принадлежалъ къ высшимъ сановникамъ. Почти семидесятилѣтній старикъ, съ красивыми сѣдыми волосами на вискахъ, съ нѣскольکو лубавой, кошачьей фізіоно-

міей и носившій изъ всѣхъ знаковъ отличія одинъ только портретъ покойнаго Государя, осыпанный брилліантами, Михайло Борисовичъ въ молодости получилъ прекрасное, по тогдашнему времени, воспитаніе и съ первыхъ же шаговъ на службѣ быстро пошелъ впередъ. Трудно, конечно, утверждать, чтобъ Михайло Борисовичъ имѣлъ собственно какія-либо высшія государственныя способности, но за то положительно можно сказать, что онъ владѣлъ необыкновеннымъ даромъ (качество весьма нужное для государственныхъ людей), — даромъ умно и тонко льстить. Лицо, которому онъ желалъ или находилъ нужнымъ льстить, никогда не чувствовало, что онъ ему льститъ; напротивъ того, всѣ слова его казались ему дышащими правдою и даже нѣкоторою строгостью. Однажды, — это было, когда Михайлѣ Борисовичу стукнуло уже за шестьдесятъ, — передъ началомъ одной духовной церемоніи, кто-то замѣтилъ ему: «ваше высокопревосходительство, вы бы изволили съѣсть, пока служба не началась».... — «Мой милый другъ, — отвѣчалъ онъ громко и потрепавъ ласково говорившаго по плечу, — я съ дѣтства сдѣлалъ привычку никогда въ церкви не садиться».... Михайло Борисовичъ какъ будто бы Богу даже желалъ льстить и хотѣлъ въ храмъ Его быть пріятнымъ Ему.... Любимецъ трехъ государей, Михайло Борисовичъ въ прежнее суровое время какъ-то двоялся: въ кабинетѣ своемъ онъ былъ другъ ученыхъ и литераторовъ и говорилъ въ извѣстномъ тонѣ, а въ государственной дѣятельности своей все старался свести на почву законовъ, которые онъ зналъ отъ доски до доски наизусть и съ этой стороны, по об-

щему мнѣнію, былъ непреборимъ. Въ настоящее же время, Михайло Борисовичъ былъ одинаковъ какъ у себя дома, такъ и на службѣ, и дома даже консервативнѣе, и нѣкоторымъ своимъ близкимъ друзьямъ на ушко говаривалъ:—«слишкомъ распускаютъ, слишкомъ!»—Дѣтей Михайло Борисовичъ не имѣлъ и жилъ съ своей старушкой женой въ довольно скромной, по его положенію, квартирѣ: онъ любилъ власть, но не любилъ роскоши! Марья Васильевна Бахтулова (родная тетка князя Григорова) была кротчайшее и добрѣйшее существо. Племянника своего она обожала; когда онъ былъ въ лицѣ, она безпрестанно брала его къ себѣ на праздники, умывала, причесывала, цѣловала, закармливала сладкими, надѣляла деньгами и потомъ, что было совершенно противно ея правиламъ и понятіямъ, способствовала его рановременному браку съ одной весьма небогатой дѣвушкой. Самъ Михайло Борисовичъ какъ-то игнорировалъ племянника и смотрѣлъ на него черезчуръ свысока: онъ вообще весь родъ князей Григоровыхъ, судя по супругѣ своей, считалъ не совсѣмъ умиымъ. Племянникъ, въ свою очередь, не отдавая себѣ отчета, за что именно, ненавидѣлъ дядю.

За полчаса до обѣда, Михайло Борисовичъ сидѣлъ въ своей гостиной съ толстымъ, короткошейнымъ генераломъ, который своими отвисшими брылями и приплюснутымъ носомъ напоминалъ отчасти буддага, но только не съ глупыми, большими, кровавыми глазами, а съ маленькими, сѣрыми, ушедшими внутрь подъ брови и блистающими необыкновенно умнымъ, проникающимъ человѣческимъ блескомъ. Кроткая Марья Васильевна была тутъ же: она сидѣла и меч-

тала, что вотъ скоро придетъ ея Гриша (князь Григоровъ тѣмъ, что пребывалъ въ Петербургѣ около мѣсяца, доставляя теткѣ безконечное блаженство). «Онъ придетъ, она налюбуется на него, наглядится, — глаза у него ужасно похожи на глаза ея покойнаго брата. Конечно, братъ ея былъ больше комильфо. О, онъ былъ истинный петиметръ»... — и лицо Марьи Васильевны принимало при этомъ нѣсколько гордое выраженіе. «У Гриши манеры хуже, но зато онъ ученый!... философ!» утѣшала себя и въ этомъ отношеніи старушка. Михайло Борисовичъ былъ на этотъ разъ въ нѣсколько недовольномъ и какъ бы неловкомъ положеніи, а толстый генералъ почти что въ озлобленномъ. Онъ сейчасъ хлопоталъ было оплести Михайла Борисовича по одному дѣлу, но тотъ догадался и уперся. Генералъ очень хорошо зналъ, что въ прежнее, болѣе суровое время Михайло Борисовичъ не сталъ бы ему очень противодействовать и даже привелъ бы, вѣроятно, статью закона, подтверждающую желаніе генерала, а теперь... «О, старая лисица, совсѣмъ перекинулся на другую сторону!».... думалъ онъ со скрежетомъ зубовъ и готовъ былъ растерзать Михайла Борисовича на кусочки, а между тѣмъ долженъ былъ ограничиваться только тѣмъ, что сидѣлъ и недовольно пыхтѣлъ: для нѣкоторыхъ темпераментовъ подобное положеніе ужасно! Наконецъ, вошелъ лакей и доложилъ:

— Баронъ Мингеръ.

— Пропи! — сказала Михайло Борисовичъ съ явнымъ удовольствіемъ на лицѣ.

Глаза старушки Бахтуловой тоже заблестали еще болѣе добрымъ чувствомъ. Баронъ вошелъ. Во фракѣ

и въ туго накрахмаленномъ бѣльѣ онъ сталъ походить еще болѣе на журнальную картинку. Прежде всѣхъ онъ поклонился Михайлѣ Борисовичу, который протянулъ ему руку хоть нѣсколько и фамильярно, но въ то же время съ тѣмъ добрымъ выраженіемъ, съ какимъ обыкновенно начальники встрѣчаютъ своихъ любимыхъ подчиненныхъ.

Баронъ еще на школьной скамейкѣ подружился съ княземъ Григоровымъ, познакомился черезъ него съ Бахтуловымъ, поступилъ къ тому прямо на службу по выходѣ изъ заведенія и былъ теперь одинъ изъ самыхъ близкихъ домашнихъ людей Михайла Борисовича. Служебная карьера черезъ это открывалась барону великолѣпнѣйшая.

Толстому генералу онъ тоже поклонился довольно низко, но тотъ въ отвѣтъ на это едва потнулъ ему головой. Послѣ того, баронъ подошелъ къ Марьѣ Васильевнѣ, поцѣдовалъ у нея руку и сѣлъ около нея.

— Что, видѣли вы сегодня Гришу? — спросила она его ласково.

— Видѣлъ. Онъ сейчасъ будетъ сюда, — отвѣчалъ баронъ почтительнымъ голосомъ.

— Да, вѣроятно, — подтвердила старушка съ удовольствіемъ.

Это говорили они о князѣ Григоровѣ, который и самъ вскорѣ показался въ гостиной всей своей громадной фигурой. Онъ былъ тоже во фракѣ и отъ этого казался еще выше ростомъ и еще неуклюже. Онъ какъ-то притворно-радушно поклонился дядѣ, взглянулъ на генерала и не поклонился ему; улыбнулся теткѣ (и улыбка его въ этомъ случаѣ была

гораздо добрѣе и искреннѣе), а потомъ, кивнувъ головой небрежно барону, усѣлся въ одинъ изъ отдаленныхъ дивановъ, и лицо его, вслѣдъ затѣмъ, приняло скучающее и недовольное выраженіе, такъ что Марья Васильевна не преминула спросить его встревоженнымъ голосомъ:

— Ты здоровъ, Гриша?

— Здоровъ! — отвѣчалъ онъ ей, мрачно смотря себѣ на руки.

Старый генералъ вскорѣ поднялся. Онъ совершенно казеннымъ образомъ наклонилъ передъ хозяйкой свой станъ, а Михайлу Борисовичу, стоя къ нему бокомъ и не поворачиваясь, протянулъ руку, которую тотъ съ своей стороны крѣпко пожалъ и пошелъ проводить генерала до половины залы.

Возвратясь оттуда, Михайло Борисовичъ усѣлся на прежнее свое мѣсто и, кажется, былъ очень доволенъ, что остался между своими.

— Удивительные есть люди! — произнесъ онъ какъ бы больше самъ съ собой.

Баронъ при этомъ обратился весь во вниманіе.

— Вы, можетъ быть, знаете, — отнесся уже прямо къ нему Михайло Борисовичъ, — что одно извѣстное лицо желаетъ продать свой домъ въ казну.

Баронъ наклоненіемъ головы своей изъяснилъ, что онъ знаетъ это.

— А этотъ господинъ, — продолжалъ Михайло Борисовичъ, мотнувъ головой на дверь и явно разумѣя подъ именемъ господина ушедшаго генерала, — желаетъ получить извѣстное мѣсто, и между ними произошло, вѣроятно, такого рода *facio ut facias*: «вы-де схлопочите мнѣ мѣсто, а я у васъ куплю за

«это домъ въ мое вѣдомство»... А?—заклучилъ Михайло Борисовичъ, устремляя на барона смѣющійся взглядъ, а тотъ при этомъ сейчасъ же погупился, какъ будто-бы даже ему совѣстно было слушать подобныя вещи.

— Ну, и чортъ ихъ тамъ дери! — снова продолжалъ Михайло Борисовичъ, нахмуривая свои брови.— Дѣдали-бы сами какъ хотятъ, такъ нѣтъ-съ!.. нѣтъ!..— даже взвизгнулъ онъ.— Сегодня этотъ господинъ прѣзжаетъ ко мнѣ и прямо проситъ, чтобы я вотировалъ за подобное предположеніе. «Яковъ Петровичъ!— говорю я, — я всегда былъ противъ всякаго рода казенныхъ фабрикъ, заводовъ, домовъ; а въ настоящее время, когда мы начинаемъ немножко освобождаться отъ этого, я вотировать за такое предположеніе просто считаю для себя дѣломъ законопреступнымъ.»

— Это совершенно справедливо-съ, — подхватилъ вѣжливо баронъ, — но домъ все-таки, вѣроятно, будетъ купленъ, и господинъ этотъ получить желаемое мѣсто.

Михайло Борисовичъ на довольно продолжительное время пожалъ своими плечами.

— Очень можетъ быть, по французской поговоркѣ: будь жаденъ какъ кошка, и ты въ жизни получишь вдвое больше противъ того, чего стоишь! — произнесъ онъ не безъ грусти.

Пока происходилъ этотъ разговоръ, Марья Васильевна, видя, что баронъ, начавъ говорить съ Михайломъ Борисовичемъ, какъ-бы случайно всталъ передъ нимъ на ноги, воспользовалась этимъ и сѣла рядомъ съ племянникомъ.

— Завтра ѣдешь? — спросила она его ласковымъ голосомъ.

— Завтра, ma tante, — отвѣчалъ тотъ, держа, по-прежнему, голову въ грустно-наклоненномъ положеніи.

— Жаль мнѣ, другъ мой, очень жаль съ тобой разстаться, — продолжала старушка: на глазахъ ея уже появились слезы.

— Что дѣлать, ma tante, — отвѣчалъ князь; видимо, что ему въ одно и то же время жалко и скучно было слушать тетку.

— Нынѣшней весной, если только Михайло Борисовичъ не увезетъ меня за-границу, непременно пріѣду къ вамъ въ Москву, непременно!.. — заключила она и, желая даже какъ-бы физически поласкать племянника, свою маленькую и сморщенную ручку положила на его жилистую и покрытую волосами ручишу.

— Пріѣзжайте, — отвѣчалъ онъ, а самъ при этомъ слегка старался высвободить свою руку изъ-подъ руки тетки.

— Пойдемте, однако, обѣдать! — воскликнулъ Михайло Борисовичъ.

Всѣ пошли.

Когда первое чувство голода было удовлетворено, между Михайломъ Борисовичемъ и барономъ снова начался разговоръ и попрежнему о томъ-же генералѣ.

— Мнѣ говорилъ одинъ очень хорошо знающій его человѣкъ, — началъ баронъ, потупляясь и слегка дотрогиваясь своими красивыми, длинными руками до серебряныхъ черенковъ вилки и ножа (голосъ барона былъ при этомъ какъ-бы нѣсколько нерѣшителенъ, можетъ быть потому, что высокопоставленные лица иногда не любятъ, чтобы низшія лица рѣзко

выражались о другихъ высокопоставленныхъ лицахъ), — что онъ вовсе не такъ уменъ, какъ объ немъ обыкновенно говорятъ.

— Не знаю-съ, насколько онъ уменъ! — рѣзко отвѣчалъ Михайло Борисовичъ, выпивая при этомъ свою обычную рюмку портвейну; въ сущности онъ очень хорошо зналъ, что генералъ былъ уменъ, но только тотъ всегда подавлялъ его своей аляповатой и дѣйствительно ужъ ни передъ чѣмъ не останавливающейся натурой, а потому Михайло Борисовичъ издавна его ненавидѣлъ.

— И что вся его энергiя, — продолжалъ баронъ нѣсколько уже посмѣлѣе, — ограничивается тѣмъ, что онъ муштруетъ и гонитъ подчиненныхъ своихъ и на костяхъ ихъ, такъ сказать, зиждетъ свою славу.

Михайло Борисовичъ усмѣхнулся.

— Есть это немножко!.. Любимъ мы изъ себя представить чисто метущую метлу... По моему-съ, — продолжалъ онъ, откидываясь на задокъ кресель и видимо приготовляясь сказать довольно длинную рѣчь, — я чиновника долго къ себѣ не возьму, не узнавъ въ немъ прежде человека; но, разъ взявъ его, я не буду считать его пѣшкой, которую можно и переставить, и вышвырнуть какъ угодно.

— Вы, ваше высокопревосходительство, такой начальникъ, что... — И баронъ не докончилъ даже своей мысли отъ полноты чувствъ.

Михайло Борисовичъ тоже на этотъ разъ какъ-то болѣе обыкновеннаго расчувствовался.

— Не знаю-съ, какой я начальникъ! — произнесъ онъ голосомъ, полнымъ нѣкоторой торжественности: — но знаю, что составъ моихъ чиновниковъ по своимъ

умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, конечно, есть лучший въ Петербургъ...

— Служить у васъ, ваше высокопревосходительство...—началъ баронъ и снова не докончилъ.

На этотъ разъ его перебилъ князь Григоровъ, который, въ продолженіе всего обѣда, хмурился, тупился, смотрѣлъ себѣ въ тарелку и наконецъ, какъ бы не утерпѣвъ, произнесъ на всю залу:

— Я бы никогда не могъ служить у начальника, который меня любитъ!

Баронъ и Михайло Борисовичъ вопросительно взглянули на него.

— Между начальникомъ и подчиненнымъ должны быть единственныя отношенія: начальникъ долженъ строго требовать отъ подчиненнаго исполненія его обязанностей, а тотъ долженъ строго исполнять ихъ.

— Да это такъ обыкновенно и бываетъ!.. — возразилъ Михайло Борисовичъ.

— Нѣтъ, не такъ-съ! — продолжалъ князь, краснѣя въ лицѣ:—любимцы у насъ не столько служатъ, сколько услуживаютъ женамъ, дочерямъ, любовницамъ начальниковъ...

Марья Васильевна обмерла отъ страха. Слова племянника были слишкомъ дерзки, потому что баронъ именно и оказывалъ Михайлѣ Борисовичу нѣкоторыя услуги по поводу одной его старческой и, разумѣется, чисто-физической привязанности на сторонѣ: онъ эту привязанность сопровождалъ въ театръ, на гулянье, и вообще даже нѣсколько надзиралъ за ней. Старушка все это очень хорошо знала и отъ всей души прощала мужу и барону.

Михайло Борисовичъ, въ свою очередь, сильно разсердился на племянника.

— То, что ты говоришь, нисколько не относится къ нашему разговору, — произнесъ онъ, едва сдерживая себя.

Баронъ старался придать себѣ видъ, что онъ нисколько не понялъ намека Григорова.

— Я не къ вашему разговору, а такъ сказалъ! — отвѣчалъ тотъ, опять уже потупляясь въ тарелку.

— Да, ты это такъ сказалъ! — произнесъ насмѣшливо Михайло Борисовичъ.

— Такъ сказалъ-съ! — повторилъ Григоровъ кротко. Марья Васильевна отошла душою.

Обѣдъ вскорѣ послѣ того кончился. Князь, вставъ изъ-за стола, взялся за шляпу и сталъ прощаться съ дядей.

— А курить? — спросилъ его тотъ лаконически.

— Не хочу-съ! — отвѣчалъ ему князь тоже лаконически.

— Ну, какъ знаешь! — произнесъ Михайло Борисовичъ. Въ голосъ старика неволью слышалась еще неостывшая досада; затѣмъ онъ, мотнувъ пригласительно барону головой, ушелъ съ нимъ въ кабинетъ.

Съ Марьей Васильевной князю не такъ скоро удалось проститься. Она непременно заставила его зайти къ ней въ спальню; здѣсь она изъ дорогой божницы вынула деревянный крестикъ и подала его князю.

— Отвези это княгинюшкѣ отъ меня и скажи ей, чтобы она сейчасъ же надѣла его: это съ Геннадія преподобнаго, — непременно будутъ дѣти.

Князь не безъ удивленія взглянулъ на тетку, но крестикъ однако взялъ.

— Что смотришь? Это не для тебя, а для княгинюшки, которая у тебя умная и добрая... гораздо лучше тебя!..—говорила старушка.

Князь сталъ у ней на прощанье цѣловать руку.

— И повѣрь ты, другъ мой,—продолжала Марья Васильевна какимъ-то уже строгимъ и внушительнымъ голосомъ,—пока ты не будешь вѣровать въ Бога, никогда и ни въ чемъ тебѣ не будетъ счастья въ жизни.

— Я вѣрую, тетушка,—проговорилъ князь.

— Ну!—возразила старушка и затѣмъ, перекрестивъ племянника, отпустила его наконецъ.

Въ кабинетъ между тѣмъ тоже шелъ разговоръ о князѣ Григоровѣ.

— Я пойду, однако, прощусь съ княземъ,—проговорилъ было баронъ, закуривая очень хорошую сигару, которую предложилъ ему Михайло Борисовичъ.

— Оставьте его!—произнесъ тотъ тѣмъ же досадливымъ голосомъ.

Баронъ остался и не пошелъ.

— Странный человекъ—князь!—сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Просто — дуракъ! — рѣшилъ Михайло Борисовичъ,—хорошую жизнь ведетъ: не служитъ, ни дѣлами своими не занимается, а ѣздитъ только изъ Москвы въ Петербургъ и изъ Петербурга въ Москву.

— Да, жизнь не очень дѣятельная!—замѣтилъ съ улыбкою баронъ.

— Дуракъ! — сказалъ еще разъ Михайло Бори-

совичъ; онъ никогда еще такъ рѣзко не отзывался о племянникѣ: тотъ очень разсердилъ его послѣднимъ замѣчаніемъ своимъ.

Князь въ это время шагаль по Невскому. Карету онъ обыкновенно всегда отпускалъ и ѣздилъ въ ней только туда, куда ему надобно было очень чистымъ и незагрязненнымъ явиться. Чѣмъ ближе онъ подходилъ къ своей гостиницѣ, тѣмъ быстрее шелъ, и придя къ себѣ въ номеръ, сейчасъ же принялся писать, какъ бы спѣша передать волновавшія его чувствованія.

«Добрая Елена Николаевна!—писалъ онъ скорымъ и малоразборчивымъ почеркомъ.—Не смотря на то, что черезъ какіе-нибудь полтора дня я самъ возвращусь въ Москву, мнѣ все-таки хочется письменно побесѣдовать съ вами — доказательство, какъ мнѣ необходимо и дорого ваше сообщество. Никогда еще такъ не возмущалъ и не истерзывалъ меня офиціальныи и чиновничій Петербургъ, какъ въ нынѣшній пріѣздъ мой. Какая огромная привычка выработана у всѣхъ этихъ господъ важничать, и какая подъ всѣмъ этимъ лежитъ пустота и даже мелочность и ничтожность характеровъ!.. Мнѣ больше всѣхъ изъ нихъ противны ихъ лучшіе люди, ихъ передовые; и для этого-то сорта людей (кровью сердце обливается при этой мысли) отецъ готовилъ меня, а между тѣмъ онъ былъ, сколько я помню, человекъ не глупый, любилъ меня и вонечно желалъ мнѣ добра. Понимая, вѣроятно, что въ лицѣ меня ничему порядочному не научать, онъ въ то же время зналъ, что мнѣ оттуда дадутъ хорошій чинъ и хорошее мѣсто, а въ Россіи чиновничество до

такой степени все зашло, въ такой мѣрѣ покойнѣе, прочнѣе всего, что родители обыкновенно лучше предпочитаютъ убить, недоразвить въ дѣтяхъ своихъ человѣка, но только чтобы сдѣлать изъ нихъ чиновника. Въ университетахъ нашихъ очень плохо учатъ, но тамъ есть какой-то научный запахъ; тамъ человѣкъ, по крайней мѣрѣ, можетъ усвоить нѣкоторые приемы, какъ потомъ образовать самого себя; но у насъ и того не было. Свѣтскія манеры, немножко музыки, немножко разврата на петербургскій ладь и наконецъ бессмысленное либеральничанье, что, впрочемъ, есть еще самое лучшее, что преподано намъ тамъ. Грустнѣй всего, что съ такимъ небогатымъ умственнымъ и нравственнымъ запасомъ пришлось жить и дѣйствовать въ очень трудное и переходное время. Вы совершенно справедливо какъ-то разъ говорили, что нынче не только у насъ, но и въ европейскомъ обществѣ человѣку, для того чтобы онъ былъ не совершеннѣйшій пошлякъ и поступалъ хоть сколько-нибудь честно и цѣлесообразно, приходится многое самому изучить и узнать. То, что вошло въ насъ посредствомъ уха и указки изъ воспитывающей насъ среды, видимо нигуда не годится. Но чѣмъ замѣнить все это, что поставить вмѣсто этого?—Естествознаніе, мнѣ кажется, лучше всего можетъ дать отвѣтъ въ этомъ случаѣ, потому что лучше всего можетъ познакомить человѣка съ самимъ собой; ибо онъ, что бы тамъ ни говорили, прежде всего *животное*. Высшія его потребности. смѣю думать,—роскошь, безъ которой онъ можетъ и обойтись; доказательствомъ служатъ дикари, у которыхъ духовнаго только и есть, что религія да

кой-вакія пѣсни. Итакъ, моя милая Елена Николаевна, приметесь за естествознаніе. Я накупилъ по этому отдѣлу книгъ, и мы съ вами будемъ вмѣстѣ читать ихъ: я заранѣе прихожу въ восторгъ, представляя себѣ эти прекрасные вечера, которые мы будемъ съ вами посвящать на общую нашу работу въ вашей гостиной. Кстати, по поводу вашей гостиной, о вашей матушкѣ: почему васъ могло такъ возмутить письмо ея ко мнѣ, которымъ она проситъ прислать ей изъ Петербурга недорогой мѣховой салопъ? Во-первыхъ, въ Петербургѣ дѣйствительно мѣха лучше и дешевле; во-вторыхъ, мнѣ кажется, мы настолько добрые и хорошіе знакомые, что церемониться намъ въ подобныхъ вещахъ не слѣдуетъ, и смѣю васъ завѣрить, что даже самыя огромныя денежныя одолженія по существу своему есть въ то же время самыя дешевыя и ничтожныя, и конечно никогда не могутъ окупить тѣхъ высоконравственныхъ наслажденій, которыя иногда люди даютъ другъ другу, и которыя я въ такой полнотѣ встрѣтилъ для себя въ вашемъ семействѣ.

«За ваши посѣщенія жены моей приношу мою искреннюю благодарность. О, какъ вы глубоко подмѣтили, что она отъ своего добраго, дѣтскаго взгляда на жизнь неизлечима. Десять лѣтъ я будилъ и бужу въ ней взглядъ взрослой женщины и не могу добудиться, и это одна изъ трагическихъ сторонъ моей жизни.

«Вашъ другъ,
«Григороевъ.»

186—года, января.

II.

Князь Григоровъ, по происхожденію своему, принадлежалъ къ весьма старинному и чисто-русскому княжескому роду. Родство у него было именитое: не говоря уже о Михайлѣ Борисовичѣ Бахтуловѣ, два дяди у него были генераль-адъютантами, три тетки статсъ-дамами, двѣ-три кузины дамами-патронессами. Всѣми этими связями князь нисколько не воспользовался для составленія себѣ хоть какой-нибудь служебной карьеры. Онъ не былъ даже камеръ-юнкеръ и служилъ всего года два мировымъ посредникомъ, и то въ самомъ началѣ ихъ существованія. Жилъ онъ въ настоящее время постоянно въ Москвѣ, въ огромномъ барскомъ домѣ, съ двумя каменными крылами для прислугъ. Стекляная дверь вела съ подъѣзда въ сѣни, изъ которыхъ въ бель-этажъ шла мраморная лѣстница, съ мраморными статуями по бокамъ. Зала, гостиная и кабинетъ были полны рѣдкостями и драгоцѣнностями; все это досталось князю отъ дѣда и отъ отца, но самъ онъ весьма мало обращалъ вниманія на всѣ эти сокровища искусствъ: не древній и не художественный міръ волновалъ его душу и сердце, а, напротивъ того, міръ современный и соціальный!

Въ одинъ изъ холоднѣйшихъ и ненастнѣйшихъ московскихъ дней, къ дому князя подходила молодая, стройная дѣвушка брюнетка, съ очень красивыми, выразительными, умными чертами лица. Она очень аккуратно и нѣсколько на мужской ладъ была одѣта

и, какъ видно, привыкла ходить пѣшкомъ. Не смотря на слѣпящую вьюгу и холодъ, она шла смѣло и твердо, и только подойдя къ подъѣзду княжескаго дома, какъ бы нѣсколько смутилась.

— Князь дома? — спросила она, впрочемъ, довольно спокойнымъ голосомъ, отворившаго ей дверь швейцара.

— Никакъ нѣтъ-съ! — почти крикнулъ ей тотъ въ отвѣтъ.

Въ большихъ черныхъ глазахъ дѣвушки явно отразился испугъ.

— Какъ же нѣтъ? Второй ужъ часъ! — произнесла она, вынимая изъ-за пояса серебряные часы и показывая ихъ швейцару.

— И княгиня тоже очень беспокоится, — отвѣчалъ тотъ.

— Поѣздъ обыкновенно приходитъ въ десять часовъ! — продолжала дѣвушка почти гнѣвнымъ тономъ.

— Они такъ всегда прежде и прїѣзжали-съ... Карета еще въ восемь часовъ за ними уѣхала, — пояснилъ ей швейцаръ.

Дѣвушка постояла еще нѣкоторое время въ недоумѣніи.

— Ты княгинѣ ничего не говори, что я заходила; я не пойду къ ней; мнѣ пора по дѣлу! — произнесла дѣвушка опять какимъ-то повелительнымъ тономъ и сама пошла.

Швейцаръ ничего ей не отвѣтилъ и только громко хлопнулъ за ней дверь.

Въ это время на верху лѣстницы показалась хорошенькая собой горничная.

— Княгиня спрашиваетъ, кто звонилъ?—крикнула она оттуда.

— Барышня эта!..—отвѣчалъ швейцаръ.

— Какая барышня?

— Да какъ она, проклятая, и забылъ... Елена Николаевна, чтоли!?

— А, Жиглинская! — произнесла горничная и снова побѣжала въ комнаты,

Дѣвушка, между тѣмъ, быстро прошла нѣсколько переулковъ, наконецъ щеки у ней разгорѣлись, дыханіе стало перехватываться: видимо, что она страшно устала. Приостановившись на минуту, она вынула изъ кармана загрязненный кошелекъ и, ощупавъ въ немъ нѣсколько денегъ, подкликнула къ себѣ извозчика. «На петербургскую желѣзную дорогу!»—сказала она ему и затѣмъ, не дождавшись даже отвѣта, сѣла къ нему въ сани и велѣла какъ можно проворнѣе себя везти: нетерпѣніе отражалось во всѣхъ чертахъ лица ея. Въ вокзалѣ желѣзной дороги она обратилась къ первому, попавшемуся ей навстрѣчу, кондуктору, только-что, видно пріѣхавшему съ какимъ-нибудь поѣздомъ и сильно перезабшему.

— Петербургскій почтовый поѣздъ не пришелъ еще?—спросила она.

— Нѣтъ еще!—отвѣчалъ ей тотъ сердито.

— Что же, несчастье, что ли, съ нимъ случилось?—спросила дѣвушка.

— А Богъ его знаетъ... Можетъ, и несчастье случилось,—говорилъ кондукторъ, уходя отъ нея въ одну изъ дверей.

Дѣвушка осталась на мѣстѣ блѣдная и замѣтно недоумѣвающая, что ей предпринять.

Въ это время по вокзалу проходилъ небольшого роста инженеръ, но въ внушительнѣйшей ильковой шинели.

— Говорять, съ петербургскимъ поѣздомъ несчастіе случилось?—обратилась къ нему стремительно дѣвушка.

Инженеръ отеръ на нее удивленные глаза.

— Какое-съ? — спросилъ онъ ее не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Онъ не приходитъ; теперь уже скоро два часа... онъ долженъ быть въ десять часовъ.

— Да, но вѣроятно онъ отъ мятели запоздалъ, — возразилъ инженеръ.—Бабаевъ!—крикнулъ онъ стоявшему у дверей сторожу,—не видать поѣзда?

— Идетъ, ваше высокоблагородіе! — отвѣчалъ сторожъ.

— Ну вотъ видите, идетъ!.. пришелъ благополучно,—отнесся инженеръ любезно къ дѣвущкѣ.

Та при этомъ вся вспыхнула радостью.

— Позвольте мнѣ туда пройти на платформу: я брата жду!—проговорила она какъ-то стремительно.

— Сдѣлайте одолженіе. Бабаевъ! пропусти госножу эту!—приказалъ инженеръ тому же сторожу, который пріотворилъ дверь, и дѣвушка сейчасъ же юркнула въ нее; но, выйдя на платформу и какъ бы сообразивъ что-то такое, она быстро отошла отъ дверей и стала за стоящую въ сторонѣ толпу бабъ и мужиковъ. Поѣздъ наконецъ подошелъ; дѣвушка еще старательнѣе спряталась за толпу. Стали выходить пассажиры, въ числѣ которыхъ изъ перваго класса вышелъ и князь Григоровъ, нагруженный пеллами и сакъ-вояжами, съ измятымъ, не выспавшимся

лицомъ. Яркій румянецъ покрылъ при этомъ щеки дѣвушки. Князь лѣниво подаль встрѣтившему его лакею билетъ отъ багажа, а самъ прошелъ на подъѣздъ. Тамъ жандармъ выкликнулъ ему его экипажъ, въ который онъ сѣлъ и тотчасъ же уѣхалъ. Дѣвушка тоже вскорѣ вышла изъ-за своей засады и, очутившись на улицѣ, она думала было сначала нанять извозчика, но—увы!—въ грязномъ кошелькѣ ея не оказалось ни копѣйки. Дѣвушка при этомъ усмѣхнулась, покачала головой и пошла пѣшкомъ. Послѣ трехверстной, по крайней мѣрѣ, ходьбы, она вошла наконецъ въ одинъ деревянный домъ, надъ окнами котораго прибита была вывѣска съ надписью: *безплатная школа*.

Князь, ѣхавъ въ своей покойной каретѣ, замѣтно былъ подъ вліяніемъ не совсѣмъ веселыхъ мыслей: болѣе мѣсяца онъ не видался съ женою, но предстоящее свиданіе вовсе, кажется, не занимало и не интересовало его; а между тѣмъ князь женился по страсти. Еще бывши юнымъ, нескладнымъ, застѣнчивымъ школьникомъ, онъ, въ нескладномъ, казенномъ мундирѣ и въ безобразныхъ бѣлыхъ перчаткахъ, которыхъ никогда не могъ прибрать по рукѣ, ѣздилъ на Васильевскій островъ къ нѣкому изъ нѣмцевъ горному генералу, у котораго была жена и съ подлюжины прехорошенькихъ собой дочерей. Семейство это было небогатое, но чрезвычайно музыкальное. Учить музыкѣ дѣтей родители старались изо всѣхъ силъ, и старшая дочь ихъ, mademoiselle Елиза, дѣвушка лѣтъ восемнадцати, необыкновенно миловидная изъ себя, съ голубыми, какъ небо, глазами и съ льно-подобными, густыми волосами,

играла очень хорошо на фортепiano. Съ семействомъ этимъ познакомилъ князя баронъ, который хоть и былъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ весь сотканъ изъ практическихъ стремлений, но музыку любилъ и даже самъ недурно игралъ на фортепiano. Эта музыкальность барона собственно и послужила первоначальнымъ основаніемъ его школьной дружбѣ съ княземъ, который въ то время приходилъ въ бѣшеный восторгъ отъ итальянской оперы и отъ музыки вообще. По буднямъ князь обыкновенно наслаждался игрою друга, а по праздникамъ—игрою mademoiselle Елизы, которая, впрочемъ, въ то время талантъ свой попреимуществу разсынала передъ бывавшими у нихъ въ домѣ молодыми горными офицерами и ухаживавшими за ней всѣмъ гуртомъ. Наши школьники тоже воспылали къ ней страстью, съ тою только разницею, что баронъ всякій разъ, какъ оставался съ Елизой вдвоемъ, дѣлалъ ей глазки и намекалъ ей даже словами о своихъ чувствахъ; но князь никогда почти ни о чемъ съ ней не говорилъ и только слушалъ ея игру на фортепiano съ понуренной головой и вздыхалъ при этомъ; за то князь очень много говорилъ о своей страсти къ Елизѣ барону, и тотъ выслушивалъ его, какъ бы самъ въ этомъ случаѣ нисколько неповинный. Все это, впрочемъ, разрѣшилось тѣмъ, что князь, кончивъ курсъ и будучи полнымъ распорядителемъ самого себя и своего громаднаго состоянія,—такъ какъ отецъ и мать его уже умерли,—на другой же день по выходѣ изъ лицея отправился къ добрѣйшей теткѣ своей Марьѣ Васильевнѣ, всталъ передъ ней на колѣни, признался ей въ любви своей къ Елизѣ

и умолялъ ее немедля ѣхать и сдѣлать отъ него предложеніе. Старушка сначала въ ужасъ пришла отъ этой новости; потомъ тщилаась отговорить безумца отъ его намѣренія, убѣждая его тѣмъ, что онъ очень еще молодъ и не знаетъ ни себя, ни своего сердца, и наконецъ, по крайней мѣрѣ, себя хотѣла выгородить въ этомъ случаѣ и восклицала, что она, какъ Пилать, умываетъ тутъ руки!.. Но все это, разумѣется, кончилось тѣмъ, что Пилать этотъ поѣхалъ и сдѣлалъ отъ племянника предложеніе. Горный генералъ, супруга его и невѣста пришли въ крайнее удивленіе; но партія была слишкомъ выгодна, и согласіе немедленно послѣдовало. Князь былъ на седьмомъ небѣ; невѣста тоже блистала счастіемъ и радостью. Вслѣдъ за тѣмъ князь съ своей молодой женой уѣхалъ въ деревню и хлопоталъ единственно о томъ, чтобы взять съ собой превосходнѣйшій рояль. Музыка и деревня поглотили почти совершенно ихъ перые два года супружеской жизни; потомъ князь сдѣлался мировымъ посредникомъ, хлопоталъ искреннѣйшимъ образомъ о народѣ; въ концѣ концовъ однако музыка, народъ и деревня приваскучили ему, и онъ уѣхалъ съ женой за границу, гдѣ прямо направился въ Лондонъ, сошелся, говорятъ, тамъ очень близко съ русскими эмигрантами; но потомъ вдругъ почему-то уѣхалъ изъ Лондона, вернулся въ Россію и поселился въ Москвѣ. Здѣсь онъ на первыхъ порахъ замѣтно старался сблизаться съ учеными и литераторами, но послѣднее время и того не сталъ дѣлать, и нѣкоторые изъ родныхъ князя, посѣщавшіе иногда княгению, говорили, что князь *все читаетъ теперь.*

Бдучи въ настоящемъ случаѣ съ желѣзной дорогой и взглядывая повременамъ сквозь каретное стекло на мелькающіе передъ глазами дома, князь вдругъ припомнилъ лондонскую улицу, по которой онъ въ такой же ненастный день ѣхалъ на станцію желѣзной дороги, чтобы уѣхать совсѣмъ изъ Лондона. Хорошо ли, худо ли онъ поступалъ въ этомъ случаѣ, князь до сихъ поръ не могъ себѣ дать отчета въ томъ, но только поступить такимъ образомъ заставляли его всѣ его физическіе и нравственные инстинкты.

Воспоминанія эти, должно быть, были слишкомъ тяжелы и многозначительны для князя, такъ что онъ не замѣтилъ даже, какъ кучеръ подвезъ его къ крыльцу дома и остановилъ лошадей.

— Ваше сіятельство, мы пріѣхали! — крикнулъ онъ наконецъ, обертываясь къ каретѣ.

— Ахъ, да, вижу! — сказалъ, какъ бы разбуженный отъ сна, князь и затѣмъ сталъ неловко отворять себѣ двери экипажа.

Швейцаръ хоть и видѣлъ, что подѣхала барская карета, но, по случаю холода, не счелъ за нужное выйти къ ней: всѣ люди князя были страшно избалованы и распущены!

Въ залѣ князя встрѣтила улыбающаяся своей доброй улыбкой и очень, повидимому, обрадованная пріѣзду мужа княгиня. Впрочемъ, она только подошла къ нему и какъ-то механически поцѣловала его въ щеку.

Князь нѣсколько лѣтъ уже выражалъ замѣтное неудовольствіе, когда жена хоть сколько-нибудь ярко выражала свою нѣжность къ нему. Сначала ее

очень огорчало это, и она даже плакала потихоньку о томъ, но потомъ привыкла къ тому. На этотъ разъ князь тоже совершенно механически отвѣтилъ на поцѣлуй жены и спѣшилъ пройти въ свой кабинетъ, гдѣ быстро и очень внимательно осмотрѣлъ весь свой письменный столъ. Княгиня, хоть и не совсѣмъ поспѣшными шагами, но вошла за нимъ въ кабинетъ.

— Писемъ, ма сѣге, ни отъ кого не было? — спросилъ онъ ее довольно суровымъ голосомъ: слова, ма сѣге, видимо, прибавлены были, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить тонъ.

— Нѣтъ! — отвѣчала кротко княгиня.

Князь сѣлъ на стулъ передъ столомъ своимъ. Лицо его явно имѣло недовольное выраженіе.

Княгиня помѣстилась напротивъ него.

— Что Марья Васильевна?—спросила она.

— Ничего себѣ; такъ же, попрежнему, добра и такъ же, попрежнему, несносна... Вотъ прислала тебѣ въ подарокъ,—прибавилъ князь, вынимая изъ кармана и перебрасывая къ женѣ крестикъ Марьи Васильевны: — велѣла тебѣ надѣтъ; говорить, что послѣ этого непременно дѣти будутъ.

— Вотъ какъ! — сказала княгиня, немного краснѣя въ лицѣ.—Что-жь, я очень рада буду тому.

Князь на это ничего не сказалъ.

О Михайлѣ Борисовичѣ княгиня ужъ и не спрашивала: она очень хорошо знала, что мужъ на этотъ вопросъ непременно разразится бранью.

— Кого еще видѣлъ въ Петербургѣ? — сдѣлала она ему болѣе общій вопросъ.

— Мингера, разумѣется,—отвѣчалъ князь съ нѣкоторою гримасою. Пріятель этотъ своимъ послѣднимъ

подобострастнымъ разговоромъ съ Михаиломъ Борисовичемъ просто показался князю противенъ. — Къ намъ лѣтомъ собирается прїѣхать въ Москву погостить, — присовокупилъ онъ, — но только, по своей нѣмецкой щепетильности, все конфузится и спрашиваетъ, что не стѣснить ли насъ этимъ? Я говорю, что меня нѣтъ, а жену — не знаю.

Легкая и едва замѣтная краска пробѣжала при этомъ на лицѣ княгини.

— Чѣмъ же онъ меня можетъ стѣснить? Нисколько... — проговорила она тихо.

— Ну такъ такъ и надобно написать ему! — проговорилъ князь и позѣвнулъ во весь ротъ.

Княгиня при этомъ потупилась: легкая краска продолжала играть на ея лицѣ.

— Кто былъ у тебя во все это время? — спросилъ князь послѣ нѣкотораго молчанія и какъ бы пооживившись нѣсколько.

— Да кто былъ? — отвѣчала княгиня, припоминая: — прїѣзжала всего только одна Анна Юрьевна и велѣла тебѣ сказать, что она умираетъ отъ скуки, такъ долго не выдавъ тебя.

— Взаимно и я тоже! — подхватилъ князь.

— Значить, полное согласіе сердець!... — замѣтила княгиня.

— Совершеннѣйшее! — воскликнулъ князь, смотря на потолокъ. — А что, — продолжалъ онъ съ нѣкоторой разстановкой и точно не рѣшаясь вдругъ спросить о томъ, о чемъ ему хотѣлось спросить: — Анна Юрьевна ничего тебѣ не говорила про свою подчиненную Елену?... — Голосъ у него при этомъ былъ какой-то странный.

— Нѣтъ, говорила: хвалила ее очень!—отвѣчала княгиня, повидимому, совершенно равнодушно, и только голубые глаза ея забѣгали изъ стороны въ сторону, какъ бы за тѣмъ, чтобы князь не прочелъ ея тайныхъ мыслей.

— А у тебя Елена бывала? — продолжалъ тотъ спрашивать.

— Была раза два. Она и сегодня, говорятъ, заходила.

— Сегодня? — переспросилъ князь.

— Да, но ко мнѣ почему-то не зашла; о тебѣ только спросила.... Слова эти княгиня тоже замѣтно старалась произнести равнодушно; но все-таки они у ней вышли какъ-то суше обыкновеннаго. — Очень ужъ тебя ждали здѣсь всѣ твои любимыя дамы! — присовокупила она, улыбаясь и какъ бы желая тѣмъ скрыть то, что думала.

— Что-жь, это не дурно для меня! — отвѣчалъ въ свою очередь съ усмѣшкой князь. Извѣстie, что Елена къ нимъ сегодня заходила, явнымъ образомъ порадовало его, такъ что онъ тотчасъ же послѣ того сдѣлался гораздо веселѣе, сталъ рассказывать княгинѣ разныя разности о Петербургѣ, острилъ, шутилъ при этомъ. Та, съ своей стороны, замѣтила это и врядъ ли даже не поняла причины тому, потому что легкое облако печали налетѣло на ея молодое лицо и не сходило съ него ни во время слѣдовавшаго затѣмъ обѣда, ни потомъ....

Часовъ въ 7-мъ вечера князь уѣхалъ изъ дому.

Бывшая утромъ вьюга превратилась вечеромъ въ страшный морозъ, такъ что въ эту ночь тамъ, гдѣ-то у Калужскихъ воротъ, говорятъ, замерзли два извозчика, а въ Кремлѣ замерзъ часовой. Пѣшеходы если и появлялись, то по большей части бѣжали или въ лавочку, или въ кабакъ. На Моросейкѣ, въ одномъ изъ каменныхъ домовъ, въ окнахъ, густо забранныхъ льдомъ, свѣтился огонь. Это была квартира госпожи Жиглинской. Госпожа Жиглинская болѣе чѣмъ за годъ не платила за квартиру, и завѣдывавшій домомъ сенатскій чиновникъ докладывалъ было купцу-домовладѣльцу, что не согнать ли ее?

— Прахъ ее дери, заплатитъ когда-нибудь! Возьми съ нея вексель покрѣпче, — слышь? — сказалъ хозяинъ.

— Слушаю-съ! — протянулъ сенатскій чиновникъ.

— Другіе, пожалуй, и даромъ не станутъ стоять въ этихъ сараяхъ! — разсуждалъ хозяинъ. — Не передѣлывать же ихъ дьяволовъ! Холодища, чай, такой, что собакамъ не сжить, не то что людямъ.

— Очень холодно-съ! — подтвердилъ сенатскій чиновникъ и въ тотъ же день взялъ вексель съ госпожи Жиглинской, которая, подписываясь, обругала прежде всего довольно грубыми словами домъ, потомъ хозяина, а наконецъ и самого чиновника.

Госпожа Жиглинская происходила изъ довольно богатой фамиліи и въ молодости, вѣроятно, была очень хороша собой; не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, она до сихъ поръ сохранила еще довольно ловкія манеры, умѣнье одѣваться къ лицу и вообще являла изъ себя женщину весьма внушительной и

презентабельной наружности. Жизнь ея прошла полна авантюровъ: сначала влюбилась она въ поляка офицера, вышла за него замужъ; тотъ прежде всего промоталъ ея приданое, потомъ вышелъ въ отставку и завелъ у себя игорный домъ. Госпожа Жиглинская обязана была быть любезною съ бывавшими и игравшими у нихъ молодыми людьми. Потомъ мужъ ея поступилъ въ штатъ московской городской полиціи частнымъ приставомъ въ одну изъ лучшихъ частей города. Жить они стали на этомъ мѣстѣ прекрасно; но и тутъ онъ что-то такое очень сильно проврался или сплутовалъ, но только исключень былъ изъ службы и вскорѣ умеръ, оставивъ жену съ восьмилѣтней дѣвочкой. Госпожа Жиглинская, впрочемъ, вскорѣ нашла себѣ покровителя и опять стала жить въ прекрасной квартирѣ, ѣздить въ коляскахъ; маленькую дочь свою она одѣвала какъ ангела; наконецъ, благодѣтель оставилъ ее и женился на другой. Госпожа Жиглинская хлопотала было сыскать себѣ новаго покровителя и, говорятъ, имѣла ихъ нѣсколько, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ; но, увы! все это были люди недостаточные, и такимъ образомъ, проживая небольшое состояніе свое, скопленное ею отъ мужа и отъ перваго покровителя своего, она принуждена была дочь свою отдать въ одно изъ благотворительныхъ учебныхъ заведеній и брала ее къ себѣ только по праздникамъ. Чѣмъ дольше дѣвочка училась тамъ, чѣмъ дольше и дальше шло ея воспитаніе, тѣмъ какъ-то суше и непривѣтливѣе становилась она къ матери и почти съ гнѣвомъ, который едва доставало у нея силъ скрывать, относилась къ образу ея жизни и вообще ко всѣмъ

ея понятіямъ. По мнѣнію матерп, напримѣръ, ничего не стоило поголодать дня два, поспѣть въ холоду, лишь бы только жить въ нарядной, просторной квартирѣ и имѣть потомъ возможность выѣхать въ театръ или на гулянье. Дочь же говорила, что человѣку нужна только небольшая комната, съ потребнымъ количествомъ чистаго воздуха (и тутъ она даже съ точностью опредѣляла это количество), нуженъ кусокъ здоровой пищи (и тутъ она опять-таки назначала съ точностью, сколько именно пищи) и наконецъ умная книга. По выходѣ изъ училища, дочь объявила матери, что она ничѣмъ не будетъ ее стѣснять и уйдетъ въ гувернантки, и дѣйствительно ушла; но черезъ мѣсяць же возвратилась къ ней снова, говоря, что частныхъ мѣстъ она больше брать не будетъ, потому что въ этомъ положеніи надобно сдѣлаться или работою, служанкою какой-нибудь госпожи, или предметомъ страсти какого-нибудь господина, а что она пріищеть себѣ лучше казенное или общественное мѣсто и будетъ на немъ работать. Во всѣхъ этихъ планахъ дочери питаться своими трудами мать очень мало понимала и гораздо больше бы желала, чтобы она вышла замужъ за человѣка съ обеспеченнымъ состояніемъ, или, если этого не случится, она, пожалуй, не прочь бы была согласиться и на другое, зная по многимъ примѣрамъ, что въ этомъ положеніи живутъ иногда гораздо лучше, чѣмъ замужемъ.... Жизнь, исполненная разнаго рода авантюровъ, немножко черезчуръ низко низвела нравственный уровень госпожи Жиглинской!

Въ настоящій вечеръ госпожа Жиглинская си-

дѣла въ своей комнатѣ на креслѣ, занятая вязаньемъ какой-то шерстяной косынки и сохраняя при этомъ гордѣйшую позу. Она закутана была на этотъ разъ во всѣ свои шали и бурнусы, такъ какъ во всей ея квартирѣ, не топленной съ утра, былъ страшный холодъ. Рядомъ съ комнатою матери, въ довольно большой гостиной, передъ лампой, на диванѣ сидѣла дочь госпожи Жиглинской, которая была никто иная, какъ знакомая намъ Елена. Мать и дочь были нѣсколько похожи между собой, и только госпожа Жиглинская была гораздо громаднѣе и мужественнѣе дочери. Кромѣ того, въ лицѣ Елены было больше ума, больше солидности, видно было больше образованія и совершенно не было той наглой и почти безстыдной дерзости, которая какъ бы освѣщала всю физиономію ея матери. Глубокія очертанія, котсырми запечатлѣны были лица обѣихъ дамъ, и очень замѣтные усы на губахъ старухи Жиглинской, а равно и замѣтный пушокъ тоже на губахъ дочери, свидѣтельствовали, что какъ та, такъ и другая надѣлены были одинаково пылкими темпераментами и имѣли характеры твердые, непреклонные, способные пзломаться о препятствіе, но не изогнуться передъ нимъ. Елена была на этотъ разъ вся въ слезахъ и посиивѣлая отъ холоду. Происходившій у нея разговоръ съ матерью былъ далеко не пріятнаго свойства.

— Это странно, — говорила Елена, голосомъ полнымъ горести, — какъ вы не могли послать Марюшу попросить у кого-нибудь десятка два полѣвъ!

— Я посылала, но не даютъ.... Что же мнѣ дѣ-

лать?... — отвѣчала Жиглинская какимъ-то металлически-холоднымъ тономъ.

— Отчего же не даютъ? Мы не даромъ бы у нихъ взяли; я говорила, что принесу денегъ, — и принесла наконецъ.

— Не даютъ!... — повторила госпожа Жиглинская. Ей какъ будто даже весело было дѣлать такіе отвѣты дочери, и она словно издѣвалась въ этомъ случаѣ надъ ней.

— Вы сдѣлаете то, — продолжала Елена, и черные глаза ея сплошь покрылись слезами, — вы сдѣлаете то, что я въ такомъ холоду не могу принять князя, а онъ сегодня непременно заѣдетъ.

— Отчего же не принять?... Прими!... Пускай посидитъ тутъ и посмотритъ, — отвѣчала госпожа Жиглинская явно уже съ насмѣшкой.

Сближеніе Елены съ княземъ сначала очень ее радовало. Что тамъ между ними происходило и чѣмъ все это могло кончиться, — она особенно объ этомъ не заботилась; но, видя, что князь безъ памяти влюбленъ въ дочь, она, главнымъ образомъ, совершенно успокоилась насчетъ дальнѣйшихъ средствъ своихъ къ существованію. На дѣлѣ же, сверхъ всякаго ожиданія, стало оказываться не совсѣмъ такъ: отъ князя имъ не было никакой помощи. Въ одну изъ минутъ весьма крайней нужды, госпожа Жиглинская рѣшилась было намекнуть объ этомъ дочери: «Ты бы попросила денегъ у друга твоего, у князя; у него ихъ много!» — сказала она ей больше шутя; но Елена почти озлобленно взглянула на мать: «Какъ вы глупо говорите!» — сказала она ей въ отвѣтъ и ушла послѣ того изъ ея комнаты. Госпожа Жиглин-

ская долго послѣ этого ни о чемъ подобномъ не говорила съ дочерью и допекала ее только тѣмъ, что дня по два у нихъ не было ни обѣда, ни чаю; хотя госпожа Жиглинская и могла бы все это имѣть, еслибы продала какія-нибудь свои брошки и сережки, но она ихъ не продавала. Въ вечеръ этотъ, она, вѣроятно, выведенная изъ всякаго терпѣнія холодомъ, опять, повидимому, хотѣла возобновить разговоръ на эту тему.

— И побогаче насъ люди иногда одолжаются и принимаютъ помощь отъ своихъ знакомыхъ, — проговорила она, какъ бы размышляя больше сама съ собой.

— Никогда! Низачто! — воскликнула Елена, догадавшаяся, что хочетъ сказать этимъ мать. — Я могла пойти къ князю, — продолжала она съ какимъ-то сдержаннымъ достоинствомъ, — и просить у него мѣста, возможности трудиться; но больше этого я ни отъ кого, никогда и ничего не приму.

Елена дѣйствительно, по совѣту одного молодого человѣка, встрѣчавшаго князя Григорова за границей и говорившаго, что князь непременно отыщетъ ей мѣсто, обратилась къ нему. Князь, послѣ весьма короткаго разговора съ Еленою, въ которомъ она выразила ему желаніе трудиться, бросился къ одной изъ вузинъ своихъ, Аннѣ Юрьевнѣ, и такъ присталъ къ ней, что та на другой же почти день дала Еленѣ мѣсто учительницы въ школѣ, которую Анна Юрьевна на свой счетъ устроила и была надъ ней попечительницей. Елена послѣ того пришла, разумѣется, поблагодарить князя. Онъ на этотъ разъ представилъ ее княгинѣ, которая на первыхъ порахъ

приняла Елену очень любезно и просила бывать у нихъ въ домѣ, а князь, въ свою очередь, выпросилъ у Елены позволеніе посѣтить ея матушку, и такимъ образомъ они стали видѣться почти ежедневно.

— Тебя никто и не заставляетъ ни отъ кого ничего принимать, — говорила между тѣмъ старуха Жиглинская.

— Нѣтъ, вы заставляете, вы пишете тамъ князю о какихъ-то вашихъ салопахъ, — возразила ей Елена.

Госпожа Жиглинская вспыхнула при этомъ немного: дочь въ первый еще разъ выразила ей неудовольствіе по этому поводу.

— Ха, ха, ха! Ха, ха, ха! — захохотала она какимъ-то непріятнымъ и злобнымъ смѣхомъ. — Я могу, кажется, и безъ твоего позволенія писать моимъ знакомымъ то, что я хочу.

— Да, вашимъ, но не моимъ, а князь — мой знакомый, вы это очень хорошо знаете, и я просила бы васъ не унижать меня въ глазахъ его, — проговорила рѣзко Елена.

Госпожа Жиглинская окончательно разсердилась.

— Ты мерзкая и негодная дѣвчонка! — воскликнула она (въ выраженіяхъ своихъ съ дочерью госпожа Жиглинская обыкновенно не стѣснялась и называла ее иногда еще худшими именами). — У тебя на глазахъ мать можетъ умирать съ голоду, съ холоду, а ты въ это время будешь преспокойно философствовать.

— Философствовать лучше, чѣмъ дѣлать что-нибудь другое!.. — начала Елена и врядъ ли не хотѣла сказать какую-нибудь еще болѣе рѣзкую вещь, но

въ это время раздался звонокъ. Елена поблѣднѣла при этомъ. — Мареуша, Мареуша! — крикнула она почти задыхающимся голосомъ. — Онъ войдетъ и въ самомъ дѣлѣ дастъ намъ на дрова.

Вбѣжала толстая, краснощекая дѣвка.

— Не принимай князя, скажи, что я больна, лежу въ постели, заснула... — говорила торопливо Елена и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торопливо гасила лампу.

Мареуша выбѣжала отворить дверь. Это дѣйствительно пріѣхалъ князь.

— Барышня больны-съ, легли въ постель-съ, почиваютъ, — донесла ему та.

Князя точно обухомъ кто ударилъ отъ этого извѣстія по головѣ.

— Но, можетъ быть, она приметъ меня, доложи! — какъ-то пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ-съ, онъ ужъ заснул! — сказала Мареуша и захлопнула у него передъ носомъ дверь.

Князь послѣ этого повернулся и медленно сталъ спускаться съ лѣстницы... Вскорѣ послѣ того, Елена, все еще остававшаяся въ темной гостиной, чуткимъ ухомъ услышала стукъ его отъѣзжавшей кареты.

III.

На другой день въ кабинетѣ князя сидѣло цѣлое общество: онъ самъ, княгиня и докторъ Елпидифоръ Мартынычъ Иллионскій, въ поношенномъ вицъ-мундирномъ фракѣ, съ тусклою, порыжѣлою и измятою шляпой въ рукахъ и съ низко-низко спущеннымъ владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Елпидифоръ Мар-

тынычъ принадлежалъ еще къ той допотопной школѣ врачей, которые кресты, чины и ленты предпочитаютъ даже деньгамъ и практику въ домѣ какого-нибудь высшаго служебнаго лица или даже отставнаго именитаго вельможи считаютъ для себя превыше всего. У Григоровыхъ Елпидифоръ Мартынычъ лечилъ еще съ дѣда ихъ; нынѣшній же князь хоть и считалъ почтеннаго доктора почти за идиота, но терпѣлъ его единственно потому, что вовсе еще пока не заботился о томъ, у кого лечиться. Княгиня же цѣнила въ Елпидифорѣ Мартынычѣ его привязанность къ ихъ семейству. Происходя изъ духовнаго званія и имѣя смолоду сильный басъ, Елпидифоръ Мартынычъ какъ-то необыкновенно громко и сильно откашливался и даже почему-то ужасно любилъ это дѣлать.

— К-х-ха! — произнесъ онъ на всю комнату, беря князя за руку, чтобы пощупать у него пульсъ. — К-х-ха! — повторилъ онъ еще разъ, и до такой степени громко, что входившая было въ кабинетъ собака князя, услыхавъ это, повернулась и ушла опять въ заднія комнаты, чтобы только не слышать подобныхъ страшныхъ вещей. — К-х-ха! — откашлинулся докторъ въ третій разъ. — Ничего, такъ себѣ, маленькая лихорадочка, — говорилъ онъ басомъ и нахмуривая свои глупыя, густыя брови.

— Конечно, ничего, стоило посылать! — произнесъ князь досадливымъ голосомъ, между тѣмъ лицо у него было какое-то искаженное и измученное. Руку свою онъ почти насильно послѣ того вырвалъ изъ руки Елпидифора Мартыныча.

— Все лучше посоветоваться! — отвѣчала кротко

княгиня: вечеромъ она видѣла, что мужъ откуда-то пріѣхалъ очень мрачный, затворился въ своемъ кабинетѣ и притворился, что читаетъ; но потомъ, ночью, она очень хорошо слышала, что князь не заснулъ ни на минуту, и даже стоналъ нѣсколько разъ, какъ бы отъ чего-то душившего его. Испугавшись всего этого, она поутру, не сказавъ даже о томъ князю, послала за Елпидифоромъ Мартынычемъ который и прибылъ сейчасъ же и вмѣстѣ съ княгиней вошелъ въ кабинетъ къ князю. Тотъ, увидѣвъ его и понявъ въ чемъ дѣло, въ первую минуту взбѣсился было; однако удержался и принялъ только очень сердитый видъ.

— Ничего-съ!—повторилъ еще разъ Елпидифоръ Мартынычъ, усаживаясь въ кресло и приготавливаясь, какъ видно, побесѣдовать. — К-х-ха! — откашлянувшись онъ затѣмъ съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ и отнесся уже съ разговорами къ княгинѣ: — Былъ я, сударыня, ваше сіятельство, у графа Виктора Сергѣевича на обѣдѣ; кушали у него: владыко съ викаріемъ, генераль-губернаторъ со свитой, разные господа сенаторы...

— Что-же это, онъ награду свою праздновалъ? — спросила княгиня.

— Непремѣнно такъ-съ, непременно! — подтвердилъ Елпидифоръ Мартынычъ. — Очень старикъ доволенъ; съ коронаціи еще онъ желалъ сей первенствующей ленты Россійской имперіи и вдругъ получилъ ее. Пріятно каждому—согласитесь!

— Да! — поспѣшила согласиться княгиня: она больше всего въ эти минуты желала, чтобы какъ-нибудь прекратить подобный разговоръ, отъ кото-

раго, она очень хорошо видѣла и понимала, до какой степени князь внутри себя рветъ и мечетъ; но Елпидифоръ Мартынычъ не понимался.

— Я, когда награжденъ былъ спмъ крестомъ, — продолжалъ онъ, указывая съ гордостью на своего Владимира, — прѣвзажаю тогда благодарить генераль-губернатора, всплакалъ отъ полноты чувствъ — ей-богу!

Князь уже болѣе не вытерпѣлъ.

— Не о чемъ, видно, вамъ плакать-то о болѣе порядочномъ! — произнесъ онъ.

— О болѣе порядочномъ—а?... Вольнодумецъ какой онъ!... Вольнодумецъ онъ у васъ, княгиня, а?... — обратился Елпидифоръ Мартынычъ къ княгинѣ.

— Ужасный! — отвѣчала та.

— А вы за ушко его за это, — за ушко!... И въ Бога вѣдь, чай, не вѣруеть?... — шутилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Не знаю! — сказала княгиня съ улыбкою.

— Вамъ, какъ медику, совѣстно, я думаю, объ этомъ и спрашивать и беспокоиться, — проговорилъ насмѣшливо князь.

— А вотъ что медики-съ, скажу я вамъ на это!... — возразилъ Елпидифоръ Мартынычъ: — у меня тоже вотъ въ молодости-то бродили въ головѣ разные фанабери, а тутъ какъ въ первую холеру въ 30-мъ году сунули меня въ госпиталь, смотришь, сегодня умерло двѣсти человекъ, завтра триста, такъ увѣруешь тутъ, будешь вѣрить!

— Смерть, и особенно близкихъ намъ людей, лучше всего насъ можетъ научить этому, — подтвердила и княгиня.

— Да какъ же, помилуйте! — воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ: — изъ земли взять, говорятъ, землей и будешь. А душа-то куда дѣвается? Ее-то надобно дѣвать куда-нибудь.

Князь на это только злобно усмѣхнулся.

— Нынче, сударыня, все отвергаютъ, все! — продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, попрежнему обращаясь къ княгинѣ. — Нынче, вонъ, говорятъ, между молодыми людьми какіе-то нигилисты есть, и у насъ въ медицинѣ все нигилисты, все отвергли; одинъ только, изволите видѣть, лаписъ и опиумъ признали! Все въ природѣ сотворено не на потребу человѣка, а ко вреду ему, и одинъ только лаписъ и опиумъ исцѣляютъ и врачуютъ его отъ всѣхъ болѣзней.

— Не отъ всѣхъ болѣзней, — возразилъ на это сердито князь, — а *genius morborum* нашего времени таковъ, что эти средства, попреимуществу, помогаютъ.

— Какой это *genius morborum* такой, желалъ бы я знать?... Какой это онъ?... — вспылилъ уже Елпидифоръ Мартынычъ. — Господи помилуй! — продолжалъ онъ, разводя руками: — всегда были лихорадки, чахотки, параличи, — всегда они и будутъ!... Новое намъ надобно было что-нибудь выдумать — вотъ что-съ! Приѣдетъ нынче докторъ къ больному и расписываетъ ему: «у васъ то-то и то-то; организмъ у васъ такой-то, темпераментъ такой-то!» Батюшки мои! цѣлую лекцію прочтетъ ему изъ медицины, а тотъ и думаетъ: «ай, какой мудрецъ всезнайка!»... А я, извините меня, за грѣхъ всегда считалъ это дѣлать. Я никогда не скажу больному, что у него; долженъ это знать я, а не онъ: онъ въ

этомъ случаѣ человѣкъ темный, его только можно напугать тѣмъ. Родныхъ, конечно, предупредю, когда кто труденъ, чтобы успѣли распорядиться о духовной и причастить заблаговременно!... К-х-ха!.. — откашлянулся старикъ въ заключеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздался и звонокъ снизу отъ швейцара.

Князь и княгиня переглянулись между собой.

— Кто можетъ быть такъ рано? — проговорила послѣдняя.

Князь тоже недоумѣвалъ.

— Дама какая-то идетъ! — сказалъ Елпидиѳоръ Мартынычъ, обертываясь и оглядываясь въ залу.

— Это, вѣроятно, Елена! — произнесла княгиня болѣе уже тихимъ голосомъ.

У князя всѣ мускулы въ лицѣ передернуло.

Въ кабинетъ вошла дѣйствительно Елена. Внутри себя она, должно быть, была страшно взволнована; но, по наружности, старалась сохранить смѣлый и спокойный видъ.

— Bonjour, princesse! — отнеслась она какъ-то особенно смѣло къ княгинѣ.

— Здравствуйте, — отвѣчала та ей негромко.

— Я пришла, князь, провѣдать, пріѣхали ли вы изъ Петербурга, — обратилась она какимъ-то неестественнымъ голосомъ къ князю.

Тотъ при этомъ сильно сконфузился.

— Да, я вчера пріѣхалъ, — отвѣчалъ онъ, понимая такъ, что Елена не хочетъ говорить при княгинѣ о томъ, что онъ заѣзжалъ къ ней вчера. Они часто о многихъ вещахъ, вовсе не условливаясь предварительно, не говорили при княгинѣ.

Доктору Елена вѣжливо поклонилась. Елпидиѳоръ

Мартынычъ, въ свою очередь, передъ ней всталъ и, какъ только умѣлъ, модно раскланялся и вслѣдъ за тѣмъ уже не спускалъ съ нея своихъ старческихъ очей.

Елена, благодаря тому, что съ дѣтства ей дано было чисто-свѣтское образованіе, а еще болѣе того, благодаря своей прирожденной польской ловкости, была очень граціозное и изящное созданіе, а одушевлявшая ее въ то время рѣшительность еще болѣе дѣлала ее интересной; она сѣла на стулъ невдалекѣ отъ князя.

— Маман проситъ васъ сегодня заѣхать къ ней; она очень желаетъ васъ видѣть, — проговорила Елена.

— А сами вы будете дома? — спросилъ ее протѣжно князь.

— Непремѣнно! — подхватила Елена стремительно. Она и прежде, когда приглашала князя, то всегда на первыхъ же порахъ упоминала имя «маманъ»; но саму маманъ они покуда еще княгинѣ не показывали, и князь только говорилъ ей, что это очень добрая, но больная и никуда не выѣзжающая старушка.

Елпидифоръ Мартынычъ, все еще продолжавшій смотрѣть на Елену, не утерпѣлъ наконецъ и отнесся къ ней:

— К-х-ха! — началъ онъ прежде всего съ кашлю, — позвольте мнѣ спросить: не имѣлъ ли я удовольствія встрѣчать васъ въ домѣ графини Анны Юрьевны?

— Очень можетъ быть, — отвѣчала Елена, — но только не въ домѣ у ней, а въ передней: я приходила къ ней просить мѣсто учительницы.

Елпидифоръ Мартынычъ склонилъ при этомъ свою голову.

— И получили вы сіе мѣсто?

— Получила, вотъ по милости князя! — сказала Елена.

Елпидифоръ Мартынычъ еще ниже склонилъ свою голову.

— Значить, мы въ нѣкоторомъ родѣ товарищи съ вами по службѣ. Я тоже служу у Анны Юрьевны по попечительству и смѣю рекомендовать себя: дѣйствительный статскій совѣтникъ Елпидифоръ Мартынычъ Илліонскій!

Елена молчала на это.

— А ваша фамилія? — продолжалъ старикашка.

— Жиглинская! — сказала Елена.

Елпидифоръ Мартынычъ растопырилъ руки.

— Елизаветы Петровны дочь? — воскликнулъ онъ.

— Да! — отвѣчала Елена.

— Я вотъ еще какую васъ видѣлъ, вотъ какоюнькую! — говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, показывая рукою отъ полу на аршинъ и все ниже и ниже затѣмъ опускаая руку. — Что же ваша матушка подѣлываетъ и какъ поживаетъ?

— Ничего, хорошо! — отвѣчала ему сухо и почти съ неудовольствіемъ Елена, потому что Елпидифоръ Мартынычъ, говоря послѣднія слова, явно уже обратилъ на нее какіе-то масляные глаза: онъ былъ ужасный волокита и особенно за небогатынькими дѣвчушками.

— Ну, однако мнѣ пора! — сказала Елена, вставая. Ее, попреимуществу, конфузило то, что внягния во все это время не проговорила съ ней ни слова.

— А вы въ какия страны, осмѣлюсь васъ спро-

силь? — обратился опять къ ней Елпидифоръ Мартынычъ, тоже поднимаясь съ своего мѣста.

— На Повровку! — отвѣчала ему Елена и отвернулась отъ него.

— Такъ не угодно ли я доведу васъ на своихъ коняхъ? Я въ эти именно страны и ъду, — говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, явно уже любезничая съ ней.

Елена нѣсколько мгновений замѣтно недоумѣвала и въ это время успѣла бросить короткій, но вопрошающій взглядъ на князя.

— Онъ васъ доведетъ отлично! — проговорилъ тотъ, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ взглядъ.

— Ну, хорошо! — сказала Елена. — Adieu, princesse! — прибавила она опять какъ-то официально княгинѣ.

— Прощайте! — отвѣчала та, стараясь, по обыкновенію, придать какъ можно болѣе простоты и естественности своему голосу.

— Ну такъ, значитъ, до свиданья, до вечера, — говорила Елена, подавая бойко руку князю.

— До вечера! — повторилъ тотъ, видимо дѣлая надъ собой страшное усиліе, чтобъ не смотрѣть на Елену тоже равнодушнымъ окомъ. — А я книгъ много для васъ накупилъ: прикажете ихъ уже привезти къ вамъ? — присовокупилъ онъ.

— Пожалуйста! — отвѣчала Елена и пошла.

Елпидифоръ Мартынычъ поспѣшилъ послѣдовать за ней.

Княгиня вышла ихъ обоихъ немного проводить.

— Барышня-то эта отличная, безподобная! — шепнулъ ей Елпидифоръ Мартынычъ, указывая глазами

на уходящую Елену и принимая отъ княгини деньги за визитъ.

— Да!—протяжно отвѣтила она и снова возвратилась въ кабинетъ къ мужу.

Князь сидѣлъ на креслахъ, закинувъ голову назадъ. Лицо его имѣло какое-то мечтательное выраженіе; лицо же княгини, напротивъ, и на этотъ разъ опять осѣнилось облакомъ тайнаго неудовольствія. Мужъ и жена, оставшись съ глазу на глазъ, чувствовали необходимость начать между собой какой-нибудь разговоръ, но о чемъ именно—не знали. Князь, впрочемъ, заговорилъ первый.

— Этотъ Елпидиоръ такой дуракъ невыносимый...—произнесъ онъ недовольнымъ голосомъ.

— Да, не умень...—согласилась и княгиня.

— Его непременно надобно прогнать и не пускать къ себѣ, а то онъ одними своими разсужденіями можетъ уморить человѣка.

— Пожалуй, какъ хочешь! — отвѣчала княгиня. Она, надо думать, разсердилась въ этотъ разъ на Елпидиора Мартыныча главнымъ образомъ за то, что онъ очень ужъ лестно отозвался объ Еленѣ.

Послѣ обѣда князь съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ дожидался вечера и въ шесть часовъ велѣлъ себѣ закладывать карету. Княгиня въ это время сидѣла на своей половинѣ. Увѣжая, князь не зашелъ даже къ ней проститься. Княгиня тоже не вышла, по обыкновенію, проводить его. Князь повезъ съ собою цѣлую вину книгъ и каретъ, разумѣется, велѣлъ ѣхать на Моросейку. Здѣсь вквртира госпожи Жиг-

линской представляла совсѣмъ другой видъ, чѣмъ вчера: она была вся натоплена и подметена. Сама госпожа Жиглинская, разодѣтая въ черное шелковое платье и въ модный, съ пунцовыми лентами, чепецъ, сидѣла на обычномъ своемъ мѣстѣ съ вязаньемъ въ рукахъ и надменно надсматривала за Марѳушей, приготовлявшей на столѣ чайный приборъ. Елена, тоже въ черномъ шелковомъ платьѣ, ловко обхватывающемъ ея стройный станъ, и очень красиво причесанная, сидѣла, попрежнему, на диванѣ. Она не то что была печальна, но какъ-то взволнована и вся какъ бы превратилась въ слухъ и вниманіе къ скрипу и стуку проѣзжавшихъ мимо экипажей. Наконецъ шумъ послышался въ самыхъ сѣняхъ ихъ квартиры.

Елена привстала.

— Марѳуша, поди, отвори! — воскликнула она.

Марѳуша побѣжала и отворила. Вошелъ князь, державшій въ обѣихъ рукахъ книги.

— Вотъ я вамъ все ихъ привезъ, — говорилъ онъ, входя въ гостиную къ Еленѣ.

— Ахъ, благодарю, тысячу разъ благодарю! — говорила та какъ бы въ самомъ дѣлѣ радостнымъ голосомъ и подсобляя князю уложить книги на одномъ изъ столиковъ. Освободившись окончательно отъ своей ноши, князь наконецъ усѣлся и принялся сквозь очки глядѣть на Елену, которая сѣла напротивъ него.

— Намъ, я думаю, лучше всего начать съ теоріи Дарвина, — произнесъ онъ.

— Это съ его ученія о происхожденіи видовъ? Я немножко знаю эту теорію, — отвѣчала Елена.

— Да, но ее надобно серьезно изучить, — возразилъ князь.

— Разумѣется! — подхватила Елена.

— Книжка эта довольно толстая...—продолжалъ князь и, не откладывая времени, всталъ и взялъ со стола одну изъ книгъ.—Я думаю, мы можемъ и начать! — повторилъ онъ.

— Хорошо! — отвѣчала Елена.

Князь открылъ книгу и хотѣлъ было приняться читать, но потомъ вдругъ почему-то пріостановился.

— Ваша маманъ? — спросилъ онъ какой-то сзороговоркой Елену.

— Благодарю! Она у себя въ комнатъ, — отвѣчала та.

— Тамъ? — спросилъ князь, указывая глазами на дверь.

— Тамъ!

• — Здравствуйте, Елизавета Петровна! — воскликнулъ князь.

— Здравствуйте!—отвѣчала госпожа Жиглинская, не поднимаясь съ своего мѣста: она ожидала, что князь непременно къ ней войдетъ, но онъ не входилъ.—Благодарю за салопъ! — прибавила госпожа Жиглинская.

— О, что... Очень радъ, — отвѣчалъ князь, немного сконфузясь.

Елена тоже при этомъ вся вспыхнула.

Князь затѣмъ замолчалъ и больше не сталъ говорить съ Жиглинской-старухой: онъ находилъ, что совершенно достаточно съ ней побесѣдовалъ. Насколько князю нравилась Елена, настолько противна была ему мать; своей массивной фигурой и нахаль-

нымъ видомъ госпожа Жиглинская внушала ему какое-то физиологическое отвращеніе къ себѣ. Елена, съ инстинктомъ и проникательностью умной дѣвушки, чувствовала это и старалась мать свою не сводить съ княземъ и не беспокоить его, такъ сказать, ею. Сама же госпожа Жиглинская, тоже замѣчавшая, что князь не совсѣмъ охотно съ ней встрѣчается и разговариваетъ, объясняла это совершенно иначе: она полагала, что князь, приволакиваясь за дочкой, просто ее притрухиваетъ. «Ахъ, какой онъ глупенькій, глупенькій!»—разсуждала она сама съ собой по этому поводу.

Князь принялся, наконецъ, читать. Елена стала слушать его внимательно. Она все почти понимала и только въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ мѣстахъ останавливала князя и просила его растолковать ей. Тотъ принимался, но по большей части путался, начиналъ говорить какія-то фразы, страшно при этомъ конфузился: не оставалось никакого сомнѣнія, что онъ самъ хорошенько не понималъ того, что говорилъ.

— Чортъ знаетъ какъ досадно не знать хорошенько естественныхъ наукъ! — воскликнулъ онъ какъ бы больше самъ съ собой.

— Да, немного мы знаемъ, очень немного... — произнесла протяжно Елена.— Но вы, кажется, очень устали? — прибавила она, взглянувъ съ участіемъ на князя, у котораго дѣйствительно, отъ двухчасоваго чтенія и отъ умственнаго при этомъ напряженія, потъ градомъ выступалъ на лбу.

— Есть отчасти...—отвѣчала ей тотъ съ улыбкою.

— Ну, такъ бросимте; будетъ на сегодня!—разрѣшила ему Елена.

— Будеть, такъ будетъ!—согласился съ удовольствіемъ князь. Ему самому давно, кажется, гораздо болѣе хотѣлось смотрѣть на Елену, чѣмъ въ книгу.

— Знаете что? — начала она потомъ, прищуривая немного свои черные глаза, и съ этимъ выраженіемъ лица была очень хороша собою:—я непременно хочу у васъ спросить объ одной вещи: что, княгиня сердится на меня, что ли, за что-нибудь?

— Княгиня? — переспросилъ князь нѣсколько съ притворнымъ удивленіемъ.

— Да. Она давеча не сказала со мной двухъ словъ, — отвѣчала Елена.

— Но вы такъ мало были у насъ, что она, я думаю, просто не успѣла этого сдѣлать, — возразилъ князь.

Елена сомнительно покачала головой.

— Врядъ ли это такъ, — сказала она, — потому что, кромѣ молчанія, княгиня имѣла такой сердитый и недовольный видъ.

— Ей, можетъ быть, нездоровилось!—объяснилъ князь.

— Но докторъ, однако, былъ у васъ, а не у княгини, — возразила Елена.

— А чортъ его знаетъ, у кого онъ былъ!—сказалъ съ сердцемъ князь, и вообще, какъ видно было, весь этотъ разговоръ начиналъ ему становиться скучнымъ и непріятнымъ.

— Но дѣло не въ томъ-съ. Перехожу теперь къ главному, — продолжала Елена:—мы обыкновенно наши письма, наши разговоры чаще всего начинаемъ съ того, что насъ радуешь или сердить, — словомъ,

съ того, что въ насъ въ извѣстный моментъ сплѣнѣй другаго живеть: согласны вы съ этимъ?

— Согласенъ, — отвѣчалъ князь.

— Ну-съ, а почему же вы послѣднее ваше письмо, — письмо, какъ видно, очень искреннее, — прямо начинаете съ того, что стали мнѣ описывать, до какой степени васъ возмущаетъ и вамъ ненавистенъ чиновничій Петербургъ?.. Вы какъ будто бы тутъ въ чемъ-то спѣшите оправдаться передо мной.

— Я?.. передъ вами?.. — спросилъ князь съ искреннимъ удивленіемъ.

— Да... значитъ, этотъ міръ еще волнуетъ и беспокоитъ васъ.

— Господи помилуй! — воскликнулъ князь: — меня можно укорить въ тысячѣ мелочностей, но никакъ ужъ не въ этомъ. Этотъ міръ никогда меня ничѣмъ не волновалъ и не привлекалъ.

— Напрасно, совершенно напрасно такъ думаете! — подхватила Елена: — и въ этомъ случаѣ вы, по-моему, мало себя знаете.

Князь уставилъ на Елену удивленный и вопрошательный взглядъ.

— Повѣрьте вы мнѣ-съ, — продолжала она миломъ, но въ то же время нѣсколько наставническимъ тономъ, — я знаю по собственному опыту, что единственное счастье человѣка на землѣ, — это *трудъ* и *трудиться*; а вы, князь, извините меня, ничего не дѣлаете...

При этомъ замѣчаніи князь вспыхнулъ.

— Какъ тутъ быть! — произнесъ онъ, нахмуривая брови: — найти себѣ занятіе и специальность ка-

кую-нибудь вовсе дѣло не легкое... Это выпадаетъ только на долю счастливецъ.

— Вамъ нечего и выдумывать себѣ никакой особенной специальности, а берите такую, какая она есть въ обществѣ. Вы человекъ умный, способный: повѣжайте въ Петербургъ, въ который вы и безъ того безпрестанно ѣздите, и поступайте тамъ на службу.

Когда Елена говорила послѣднія слова, то въ ея глазахъ, въ складѣ губъ и даже въ раздувшихся, красивыхъ ноздряхъ промелькнула какая-то злая прозня. Князь это подмѣтилъ и былъ крайне этимъ пораженъ: онъ никакъ не ожидалъ услышать отъ Елены подобнаго совѣта.

— Нѣтъ-съ, я служить не могу!—произнесъ онъ глубоко оскорбленнымъ голосомъ.

— Вы не попробовали этого, увѣряю васъ, а испытайте, можетъ-быть и понравится, тѣмъ болѣе, что княгиня давно хочется переѣхать въ Петербургъ: она тамъ родилась, тамъ всѣ ея родные; Москву она почти ненавидитъ.

— Княгиня можетъ ненавидѣть Москву, но я все-таки не поѣду отсюда по одному тому, что въ Москвѣ вы живете,—заклучилъ князь, произнеся послѣднія слова нѣсколько тише, чѣмъ прочія.

Елена при этомъ поблѣднѣла. Князь въ первый еще разъ такъ прямо сказалъ ей о чувствѣ своемъ. Она сама его горячо любила. Принадлежать человеку въ бракъ или безъ брака для Елены, по ея убѣжденіямъ, было рѣшительно все равно; только въ бракъ, какъ говорили ей, бываютъ эти отношенія нѣсколько попрочнѣе. Но если ужъ ей суждено, чтобы

человѣкъ любилъ ее постоянно, такъ и безъ брака будетъ любить; а если не сумѣетъ она этого сдѣлать, такъ и въ бракѣ разлюбитъ. Въ отношеніи дѣтей—то же: хорошій человѣкъ и незаконныхъ дѣтей воспитаетъ, а отъ дряннаго и законнымъ никакой пользы не будетъ. Но тутъ ее останавливали и смущали нѣсколько совершенно пныя соображенія: въ первыхъ, Елена очень хорошо понимала, что она наноситъ тутъ зло другой женщинѣ. «Но почему же эта женщина,—разсуждала и въ этомъ случаѣ Елена,—не постаралась сохранить любовь мужа?» Князь самъ ей рассказывалъ, что онъ давно разлюбилъ жену, потому что она никогда не раздѣляла ни одного изъ его убѣжденій; значить, Елена тутъ ничѣмъ не была виновата. Во-вторыхъ, она ужасно боялась встрѣтить въ князѣ какія-нибудь аристократическія тенденціи и замашки, которыхъ, конечно, она нисколько не замѣчала въ немъ до сихъ поръ; но, можетъ быть, въ этомъ случаѣ онъ маскировался только или даже самъ пока не признавалъ своихъ природныхъ инстинктовъ.

— Я-то меньше чѣмъ кто-либо должна васъ останавливать!—проговорила она.

— Тогда какъ въ васъ вся жизнь моя заключается!—воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, князь, ваша жизнь не во мнѣ заключается! — возразила Елена.—Мы съ вами птички далеко не одного полета: я — бѣдная пташка, которой ни внутри, ни извнѣ ничего не мѣшаетъ летать, какъ ей хочется, а вы—аристократическій орленокъ, привязанный многими, многими золотыми нитями къ своей глѣткѣ.

— Да нѣтъ же этого, влянусь вамъ!—воскликнулъ опять князь.

— Есть, князь, есть! — сказала Елена, и голосъ у ней при этомъ отозвался даже какой-то строгостью.

— Что же, послѣ этого, — продолжалъ князь, — стало быть, вы во мнѣ видите какого-то грубаго, грязнаго волокиту?

— Никогда!.. нисколько!.. Я вижу въ васъ только человѣка, не имѣвшаго еще въ жизни случая хорошо познакомиться съ самимъ собой.

— Значить, такой, какой я есть въ сущности, я вамъ не нравлюсь? — произнесъ князь тихо.

— Напротивъ!.. Къ несчастью, совершенно напротивъ! — отвѣчала тихо Елена, не глядя на князя.

— Но почему же къ несчастью? — спросилъ онъ ее съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

— А потому...—начала Елена, и глубокой вздохъ остановилъ ее слова,—потому что въ этомъ, въ самомъ дѣлѣ, мое несчастье!—заклучила она.

— Но кто-жь вамъ сказалъ это?

— Предчувствіе мое! — проговорила Елена, и глаза ея при этомъ мгновенно наполнились слезами.

Лицо князя тоже, въ свою очередь, какъ-то искажилось.

— А что если я все рушу, все переломая, чтобы сдѣлать васъ счастливою? — проговорилъ онъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

— Ничего вы не сдѣлаете! — возразила ему Елена тоже негромко.

Князь на это пожалъ только плечами. Онъ никогда еще не видалъ Елену въ такомъ ипохондрическомъ и почти озлобленномъ настроеніи. Въ по-

слѣдную поѣздку князя въ Петербургъ, ей вдругъ пришла въ голову мысль, что онъ ѣздитъ туда за тѣмъ, чтобы тамъ найти себѣ мѣсто, и въ настоящемъ разговорѣ она, попреимуществу, хотѣла его выспросить объ этомъ. Князь же собственно ѣздилъ въ Петербургъ съ совершенно другими цѣлями: впечатлительный и памятный по натурѣ, онъ всѣ явленія жизни, всѣ мысли изъ книгъ воспринималъ довольно живо и, разъ что усвоивъ, никогда уже не забывалъ того вполне. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, у него накопилась въ душѣ масса идей, чувствованій; разъяснить все это и найти какую-нибудь путеводную нить для своихъ воззрѣній, онъ жаждалъ неимоверно. Потолковать обо всемъ этомъ въ Москвѣ было рѣшительно не съ кѣмъ. Москва, какъ убѣдился князь по опыту, была въ этомъ отношеніи — болото стоячее. Петербургъ казался ему гораздо болѣе подвижнымъ и развитымъ, и онъ стремился туда, знакомился тамъ съ разными литераторами, учеными, съ высшимъ и низшимъ чиновничествомъ, слушалъ ихъ, самъ имъ говорилъ, спорилъ съ ними, но—увы!—просвѣта передъ жадными очами его послѣ этихъ бесѣдъ нисколько не прибывало, и почти каждый разъ князь уѣзжалъ изъ Петербурга въ какомъ-то трагически-раздраженномъ состояніи; но черезъ полгода снова ѣхалъ туда. Про всѣ эти свои сомнѣнія и колебанія князь не говорилъ Еленѣ; онъ не хотѣлъ передъ ней являться какимъ-то неопредѣленнымъ человѣкомъ и желалъ лучше, чтобы она видѣла въ немъ окончательно сформировавшагося матеріалиста.

— Что-жь, мы будемъ еще читать? — спросилъ онъ ее послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Не знаю, какъ хотите, — отвѣчала Елена, тоже болѣе занятая своими мыслями, чѣмъ тѣми, которыя выслушала изъ книги.

— Но, можетъ быть, поздно ужь? — замѣтилъ князь.

— Нѣтъ, ничего, — проговорила Елена, но только такимъ тономъ, что князь очень хорошо понялъ, что довольно читать.

— До свиданья! — проговорилъ онъ, вставая и крѣпко пожимая своей огромной ручищей красивую руку Елены.

— До свиданья! — сказала она и пошла проводить князя до передней.

— Я все-таки уѣзжаю съ нѣкоторой надеждой! — произнесъ онъ, еще разъ пожимая ей руку.

— Вамъ-то на меня надѣяться можно, мнѣ-то на васъ нельзя! — отвѣчала Елена съ удареніемъ.

— Увидимъ! — сказалъ князь.

— Увидимъ! — повторила и Елена, и затѣмъ, ловко поклонившись ему, возвратилась на прежнее свое мѣсто.

Во всемъ этомъ объясненіи князь показался ей такимъ честнымъ, такимъ бравымъ и благороднымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько сдержаннымъ и какъ бы не договаривающимся до конца. Словомъ, она и понять хорошенько не могла, чтò онъ за человѣкъ, и сознавала ясно только одно, что сама влюбилась въ него безъ ума и готова была исполнить самое капризнѣйшее его желаніе, хоть бы это стоило ей жизни.

Шаги матери вывели наконецъ Елену изъ ея раз-

мышлений; она оглянулась: старуха Жиглинская стояла передъ ней во весь свой величественный ростъ.

— Что это, въ любви, что ли, онъ съ тобой объяснялся? — спросила она дочь не то одобрительно, не то насмѣшливо.

— О, вздоръ какой! — произнесла та досадливымъ голосомъ.

— Г-мъ, вздоръ! — усмѣхнулась старуха. — Ко мнѣ, однако, онъ и проститься не зашелъ.

— Онъ разсѣянъ очень; вѣроятно, забылъ, — сказала Елена.

— Не разсѣянъ онъ, а скорѣй невѣжа! — сказала госпожа Жиглинская и опять ушла къ себѣ въ комнату, увидя, что отъ дочери ничего болѣе не добьешься.

Князь въ это время ѣхалъ не домой, а въ Англійскій клубъ. Онъ видимо былъ сильно взволнованъ всей предыдущей сценой съ Еленой и, пріѣхавъ въ клубъ, прямо прошелъ въ столовую, гдѣ спросилъ себѣ бутылку портвейну и порцію рыбы, которой, впрочемъ, онъ ничего почти не съѣлъ, зато портвейнъ принялся пить стаканъ за стаканомъ. Въ это время по столовой взадъ и впередъ ходилъ, заплетаясь разбитой параличомъ ногою, другой князь, старый, ветхій, и все посматривалъ, какъ Григоровъ опоражнивалъ бутылку; когда же тотъ спросилъ себѣ еще бутылку, старикъ долѣе не вытерпѣлъ сей возмутительной для него сцены, быстро, насколько позволяла ему параличная его нога, ушелъ изъ столовой, прошелъ всѣ прочія залы, билиардную, библіотеку и вошелъ наконецъ въ такъ называемую черновнижную комнату, гдѣ сидѣло довольно многочисленное общество.

— Тамъ, въ столовой, князя Василя Петро-
вича Григорова сынокъ, — началъ онъ, какъ бы до-
нося почтенному ареопагу, — другую бутылку порт-
вейну пьеть.

Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ, особенно болѣе
молодые, взглянули на старика вопросительно; но
другой старикъ, сидѣвшій въ углу и все время дре-
мавшій, понялъ его.

— А мы развѣ съ вами, Никита Семенычъ, въ
гусарахъ меньше пили? — отозвался онъ изъ глуби-
ны своихъ креселъ.

— Мы-съ пили, — отвѣчалъ ему рѣзко князь Ни-
кита Семенычъ, — на бивакахъ, въ лагеряхъ, у себя
на квартирѣ; а ужъ въ Англійскомъ клубѣ пить не
стали бы-съ, нѣтъ-съ... не стали бы! — заключилъ
старикъ и, заплетаясь ногою, снова пошелъ дози-
рать по клубу, всѣ ли прилично себя ведутъ. Князя
Григорова онъ, къ великому своему удовольствію,
больше не видалъ. Тотъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣтно
охмѣлѣвшій, уѣхалъ домой.

IV.

Прошла вся зима и наступилъ великій постъ.
Елена почти успѣла выучиться у князя по-англій-
ски: на всякаго рода ученіе она была преспособная.
Они прочли вмѣстѣ Дарвина, Ренана, Бюхнера, Мо-
лешота; но исторія любви ихней подвигалась весьма
медленно. Дѣло въ томъ, что какъ князь ни старал-
ся представить изъ себя матеріалиста, но въ сущ-
ности онъ былъ больше идеалистъ, и хотъ по своимъ

убѣжденіямъ твердо былъ увѣренъ, что однихъ только нравственныхъ отношеній между двумя любящимися полами *не можетъ и не должно* существовать, и хотъ вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ даже, что и Елена точно такъ же это понимаетъ, но сказать ей о томъ прямо—у него никакъ не хватило духу, и ему казалось, что онъ все-таки оскорбитъ и унизитъ ее этимъ. Случайной же минуты увлеченія никакъ не могло выпасть на долю моихъ влюбленныхъ, такъ какъ они видались постоянно въ присутствіи Елизаветы Петровны, которая въ послѣднее время очень за ними стала присматривать. Сія опытная въ жизни дама, видя, что ни дочь нисколько не помышляетъ обезпечить себя на счетъ князя, ни тотъ нимало не заботится о томъ, а потому она, какъ мать, рѣшилась, по крайней мѣрѣ насколько было въ ея возможности, не допускать ихъ войти въ близкія между собою отношенія; и для этого она, какъ только приходилъ къ нимъ князь, усаживалась вмѣстѣ съ молодыми людьми въ гостиной и затѣмъ ни на минуту не покидала своего поста. Напрасно тѣ при ней читали и разговаривали о совершенно неинтересныхъ для нея предметахъ,—она съ спокойнымъ и неподвижнымъ лицомъ сидѣла и вязала. Выведенная всѣмъ этимъ изъ терпѣнія, Елена даже разъ сказала князю: «Пойдемте въ мою комнату, тамъ будетъ намъ уединеніе!»—«И я съ вами пойду!»—проговорила при этомъ сейчасъ же госпожа Жиглинская самымъ кроткимъ голосомъ. — «Но вамъ скучно будетъ съ нами?» — возразила было ей дочь. — «Нѣтъ, ничего!»—отвѣчала старуха съ прежнею кротостью. Все это довело въ князѣ страсть къ Еленѣ почти до без-

умія, такъ что онъ похудѣлъ, сдѣлался какой-то мрачный, раздражительный.

Въ одно изъ воскресеній, князь обѣдалъ у кузины своей Анны Юрьевны. Анна Юрьевна была единственная особа изъ всей московской родни князя, съ которою онъ не былъ до неприличія холоденъ, а напротивъ того, видался довольно часто и былъ даже друженъ. Такимъ предпочтеніемъ отъ кузена Анна Юрьевна пользовалась за свой свободный нравъ. Владѣтельница огромнаго состоянія, она лѣтъ еще въ семнадцать вышла замужъ, но, и двухъ лѣтъ не проживши съ мужемъ, разошлась съ нимъ и безо всякой церемоніи почти всѣмъ рассказывала, что «une saaville de ce genre n'ose pas se marier!» Всю почти молодость Анна Юрьевна провела за границей. Скандальная хроника рассказывала про нее множество приключеній, и даже въ настоящее время шла довольно положительная молва о томъ, что она ѣздила на рандеву къ одному юному музыкальному таланту, но уже сильному пьяницѣ города Москвы. Анна Юрьевна и сама, впрочемъ, въ этомъ случаѣ не скрывать начала и очень откровенно объясняла, что ей многое на томъ свѣтѣ должно проститься, потому что она много любила. По наружности своей, она была плотная, но еще подбористая блондинка, съ сухими и нѣсколько строгими чертами лица и сильно рыжеватыми волосами. Лѣта ея въ настоящее время опредѣлить было нельзя, хотя она далеко не выглядѣла пожилою женщиною. Умная, богатая, бойкая, Анна Юрьевна сразу же заняла одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ обществѣ, и куда бы потомъ ни стала появляться, всюду сейчасъ же была окру-

жаема если не толпой обожателей, то, по крайней мѣрѣ, толпою самыхъ интимныхъ ея друзей, съ которыми она говорила и любила говорить самаго вольнаго свойства вещи. Съ женщинами своего круга Анна Юрьевна почти не разговаривала и врядъ ли не считала ихъ всѣхъ сравнительно съ собой дурочками. Князь Григоровъ, никогда и ни съ какой женщиной не шутившій, съ Анной Юрьевной любилъ однако болтать и на ея вольности отвѣчалъ обыкновенно такого рода вольностями, что даже Анна Юрьевна восклицала ему: «Нѣтъ, будетъ! Довольно! Это ужъ слишкомъ!» Обѣдать у Анны Юрьевны князь тоже любилъ, потому что въ цѣлой Москвѣ, я думаю, нельзя было найти такого пикантнаго и пріятнаго на мужской вкусъ обѣда, какъ у ней. Въ каждое блюдо у Анны Юрьевны не то что было положено, но навалено перцу.—Настоящій обѣдъ убоготворилъ тоже князя полнѣйшимъ образомъ: прежде всего былъ поданъ супъ изъ бычьихъ хвостовъ, пропитанный каенной, потомъ протертое свиное мясо, облитое разнаго рода соями, и наконецъ трюфели *à la serviette*, и все это предоставлено было запивать благороднѣйшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпчайшимъ бургонскимъ. Князь обѣдалъ одинъ у Анны Юрьевны. Послѣ обѣда, по обыкновенію, перешли въ будуаръ Анны Юрьевны, который во всемъ своемъ убранствѣ представлялъ какой-то нѣжащій и вмѣстѣ съ тѣмъ волнующій характеръ: на картинахъ все были очень красивыя и полуобнаженныя женщины, статуи тоже все Венеры и Діаны, мягкіе ковры, мягкая мебель, тепловатый полусвѣтъ камина... Сама Анна Юрьевна полулегла на длинное кресло, а князь

Григорьевъ, все еще остававшійся угрюмымъ и мрачнымъ, усѣлся на диванъ. Онъ очень ясно чувствовалъ въ головѣ шумъ отъ выпитаго бургонскаго и какой-то разливающейся по всей крови огонь отъ каенны и сой, и все его вниманіе въ настоящую минуту приковалось къ вѣсѣвшей прямо противъ него, очень хорошей работы, масляной картинѣ, изображающей *Ревекку*, которая, какъ водится, нарисована была брюнеткой и съ совершенно обнаженнымъ станомъ до самой талии. Что касается до Анны Юрьевны, которая за обѣдомъ тоже выпила стакана два три бургонскаго, то она имѣла замѣтно затуманившіеся глаза и была, какъ сама про себя выражалась, въ сильно вральномъ настроеніи.

— *Gregoire!*—воскликнула вдругъ она, соскучившись молчаніемъ кузена:—дѣвица, которую я опредѣлила по твоему ходатайству, n'est-elle pas la bien-aimée de ton coeur?

— Это съ чего вамъ пришло въ голову?—спросилъ, сколько возможно насмѣшливымъ и даже суровымъ голосомъ, князь. Но если бы въ комнатѣ было нѣсколько посвѣтлѣе, то Анна Юрьевна очень хорошо могла бы замѣтить, какъ онъ при этомъ покраснѣлъ.

— А мнѣ казалось,—воскликнула она,—что тутъ есть маленькая любовь... Ты знаешь, что изъ учительницъ я дѣлаю ее начальницей?

— Будто?—спросилъ князь, какъ бы совершенно равнодушнымъ голосомъ.

— Рѣшительно! Elle me plait infiniment!... Она такая усердная, такая привлекательная для дѣтей и, главное, такая элегантная.

Анна Юрьевна хотъ и бойко, но не совсѣмъ правильно изъяснялась по-русски: болѣе природнымъ языкомъ ея былъ языкъ французскій.

— Я совершенно полагала, что это одна изъ твоихъ боковыхъ альянсъ,—продолжала она.

— Одна изъ боковыхъ альянсъ?... — повторилъ насмѣшливо князь. — А вы полагаете, что у меня ихъ много?

— Увѣрена въ томъ!—подхватила Анна Юрьевна и захохотала.—*Il me semble, que la princesse ne peut pas...* какъ это сказать по-русски, владѣть всѣмъ мужчиной.

Князь нахмурился еще болѣе. Такой разговоръ о женѣ ему видимо показался не совсѣмъ пріятенъ и приличенъ.

— *Je crois qu'elle est très-apathique!*—продолжала Анна Юрьевна.

— *Et pourquoi le croyez-vous?* — спросилъ князь уже разсмѣявшись.

— *Parce qu'elle est blonde!* — отвѣчала Анна Юрьевна.

— *Mais vous l'êtes de même!*... — возразилъ ей грубо князь.

— *Oh!... moi je suis rousse!*... У насъ кровь такъ подвижна, что не имѣла времени окраситься, а такъ красная и выступила въ волосахъ: мы всѣ—кровь.

Князь покачалъ на это только головою.

— Новая теорія!.. Никогда не слыхалъ такой.

— Ну такъ услышь! Знай это! *A propos, encore un mot:* вчера пріѣзжалъ ко мнѣ этотъ Елпидифоръ Мартынычъ!...—И Анна Юрьевна, не смотря на свой гибкій языкъ, едва выговаривала эти два дубоватыхъ

слова. — Онъ очень плачетъ, что ты прогвалъ его, не приглашаешь и даже не принимаешь: за что это?

— За то, что онъ дуракъ и подлецъ великій! — отвѣчалъ князь.

— Но чѣмъ?—спросила Анна Юрьевна уже воскликнувъ и настойчиво.

— Всѣмъ, начиная съ своей подлой рожи до своихъ подлыхъ мыслей!—сказалъ князь.

— *Ei donc, mon cher!* У всѣхъ русскихъ, я думаю, особенно которые изъ бѣдныхъ вышли, такія же рожи и мысли.

Анна Юрьевна не совсѣмъ, какъ мы видимъ, уважала свою страну и свой народъ.

— Подите вы: у всѣхъ русскихъ!—перебилъ ее князь.

— Елпидифоръ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ хорошъ,— продолжала Анна Юрьевна, — что онъ рабъ и собачка самая вѣрная и не предастъ васъ нивогда.

— Ну, я до рабовъ не охотникъ, и по-моему, чѣмъ кто, какъ рабъ, лучше, тѣмъ, какъ человѣкъ, хуже. *Adieu!*—произнесъ князь и всталъ.

— Ты ужь ѣдешь?—спросила Анна Юрьевна съ неудовольствіемъ.

— Ёду, нужно!—отвѣчалъ князь, и при этомъ, какъ бы не утерпѣвъ, еще разъ взглянулъ на *Ревекку*.

— Головой парирую, что ты ѣдешь не домой!— сказала Анна Юрьевна, пожмая ему руку.

— Не домой, — отвѣтилъ князь.

— Но куда же?

— Куда нужно!

— Если мужчина не говоритъ, куда ѣдетъ, то онъ непремѣнно ѣдетъ къ женщинѣ.

Князь не безъ досады усмѣхнулся.

— У васъ, кажется, кузина, только и есть въ головѣ, какъ мужчины ѣздить къ женщинамъ или какъ женщины ѣздить къ мужчинамъ.

— Нѣтъ! — отвѣчала Анна Юрьевна съ презрительной гримасой: — надоѣло все это, такъ все *prosaïque*, ничего нѣтъ оригинальнаго.

— Но чего же бы вы желали оригинальнаго?

— Любви какого-нибудь философа, медвѣженка не ручнаго, какъ ты, напимѣрь!

— Я? — произнесъ князь и захохоталъ даже при этомъ.

— Ты, да! — подтвердила Анна Юрьевна.

— Въ первый разъ слышу! — проговорилъ князь и явно поспѣшилъ уйти поскорѣй отъ кузины.

— И въ послѣдній: женщины двухъ разъ подобныхъ вещей не говорятъ! — крикнула она ему вслѣдъ.

Князь на это ничего не отвѣтилъ и, сѣвъ въ карету, велѣлъ себя везти на Кузнецкій мостъ. Здѣсь онъ вышелъ изъ экипажа и пошелъ пѣшкомъ. Владѣвшія имъ въ настоящую минуту мысли замѣтно были несовсѣмъ спокойнаго свойства, такъ что онъ горѣлъ даже весь въ лицѣ. Проходя мимо одного оружейнаго магазина и случайно взглянувъ въ его окна, князь вдругъ пріостановился, подумалъ съ минуту и затѣмъ вошелъ въ магазинъ.

— Дайте мнѣ револьверъ, пожалуйста! — сказалъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ, обращаясь къ красивому и изящному изъ себя прикащику.

— Большой прикажете?—спросилъ его тотъ.

— Чтобы человекъ могъ убить!—отвѣтилъ, князь не совсѣмъ искренно улыбаясь.

— О, это всякій убьетъ! — подхватилъ съ гордостью прикащикъ.—Voici, monsieur,—прибавилъ онъ, показывая шестизарядный револьверъ.

— Кажется, хорошъ?—произнесъ князь.

— Превосходный! — воскликнулъ прикащикъ и, какъ бы въ доказательство того, прицѣлился револьверомъ въ другаго прикащика, который при этомъ усмѣхнулся и отодвинулся немного.

— Вамъ, вѣроятно, револьверъ нуженъ для дороги, monsieur?—присовокупилъ первый прикащикъ.

— Да-а!—протянулъ князь:—я ѣду въ деревню, а теперь тамъ безъ револьвера нельзя.

— О да, monsieur, многіе помѣщики берутъ съ собою револьверы. Зарядовъ прикажете?

— Непремѣнно-съ!—отвѣчалъ князь.

Прикащикъ, уложивъ револьверъ и заряды въ одинъ общій ящикъ, подалъ его князю. Тотъ, расплатившись, вышелъ изъ магазина и велѣлъ себя везти въ гостиницу Роше-де-Канкаль.

— Номеръ мнѣ особенный!—сказалъ онъ, входя туда.

— Въ какую цѣну?—спросилъ было его лакей.

— Въ какую хочешь!—отвѣчалъ князь.

Лакей ввелъ его въ богатѣйшій номеръ съ огромными зеркалами въ золотыхъ рамахъ, съ шелковой драпировкой, съ каминомъ и съ роскошнѣйшей постелью.

— Чернильницу мнѣ и все, что нужно для письма!—сказалъ князь.

— Сію секунду-съ!—отвѣчалъ лакей и, сбѣгавъ, принесъ, что ему было приказано.

— Ты мнѣ больше не нуженъ, — сказалъ ему почти сердито князь.

Лакей поспѣшно ступшевался.

Князь — выраженіе лица у него въ эти минуты было какое-то ожесточенное — сейчасъ же сѣлъ и принялся писать:

«Несравненная Елена! Я желаю до сумасшествія видѣть васъ; но ѣхать къ вамъ бесполезно: это все равно, что не видѣть васъ. Довѣрьтесь мнѣ и пріѣзжайте съ симъ посланнымъ; если вы не пріѣдете, я не знаю на что я рѣшусь!»

Запечатавъ эту записку облаткой, князь позвонилъ.—Вбѣжалъ тотъ же лакей.

— Кучера мнѣ моего позови! — проговорилъ князь.

Лакей вышелъ, и черезъ минуту вошелъ кучеръ, красивый мужикъ въ длинномъ лисьемъ суворномъ кафтанѣ и въ серебряномъ широкомъ кушакѣ. Водкой и холодомъ такъ и пахнуло отъ него на всю комнату.

— Ты поѣзжай къ Жиглинскимъ—слышишь?...—заговорилъ князь: — отыщи тамъ барышню непременно — слышишь?... отдай ей въ руки вотъ это письмо, только ей самой — понимаешь?... и привези ее сюда.

— Понимаю-съ!—протянулъ кучеръ. Онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ понялъ, въ чемъ тутъ штука.

— Если ея дома нѣтъ, то отыщи ее тамъ, куда она уѣхала, хоть бы на днѣ морскомъ то было —

понимаешь?...—продолжалъ князь тѣмъ же отрывистымъ и почти угрожающимъ голосомъ.

— Отыщу-сь, только бы сказали гдѣ, — отвѣчалъ кучеръ, потупляя нѣсколько глаза передъ княземъ.

— Ступай!

Кучеръ вышелъ и, проходя корридоромъ, видимо соображалъ, какъ ему все это хорошенько сдѣлать для барина.

Оставшись одинъ, князь принялся ходить по номеру. Шаги его были беспорядочны: онъ шелъ то въ одинъ уголъ, то въ другой. Не прошло еще и десяти минутъ послѣ того, какъ кучеръ уѣхалъ, а князь ужъ началъ прислушиваться къ малѣйшему шуму въ корридорѣ, и потомъ, какъ бы потерявъ всякую надежду, подошелъ къ револьверу, вынулъ его, осмотрѣлъ и зарядилъ. Глаза у него въ эти минуты были почти помѣшаны, руки дрожали... Но вотъ послышался наконецъ щелчокъ замка въ двери номера; князь поспѣшно спряталъ револьверъ въ ящикъ и вышелъ на средину комнаты; затѣмъ явно уже слышенъ сталъ шумъ платья женскаго; князь дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Вошла Елена, нѣсколько сконфуженная и робѣющая.

— Здравствуй!... Что это тебѣ такъ вздумалось прислать за мною?...—говорила она.

— Да такъ ужъ, извини!...—сказалъ князь, беря и дѣлуя обѣ ея руки.—Мы, впрочемъ, здѣсь совершенно безопасны,—прибавилъ онъ, подходя и запирая дверь.

Елена сняла шляпку и подошла къ зеркалу поправить свои волосы. Нѣкоторое смущеніе и кон-

фузливость были замѣтны во всей ея фигурѣ, во всѣхъ ея движеніяхъ.

— Ну, садись!—сказалъ ей князь, тоже какъ-то неловко и несмѣло беря ее за руку и сажая на стулъ.

Елена повиновалась ему.

— А что мать твоя?—спросилъ онъ.

— Она, какъ нарочно, въ гости сегодня уѣхала,—отвѣчала съ улыбкою Елена.

— А если бы не уѣхала, такъ пожалуй бы и не пустила тебя?

Лицо Елены мгновенно нахмурилось и приняло какой-то рѣшительный видъ.

— Вотъ еще!... послушалась бы я!... Взяла да ушла!—сказала она.

— А скажи, отчего это она,—продолжалъ князь,—двухъ словъ не даетъ намъ сказать наединѣ?

Елена затруднилась нѣсколько отвѣчать на этотъ вопросъ. Она отчасти догадывалась о причинѣ, почему мать такъ надзираетъ за ней, но ей самой себѣ даже было стыдно признаться въ томъ.

— Можетъ быть, ей почему-нибудь не нравятся наши отношенія,—отвѣчала она.

— А ты знаешь,—подхватилъ князь, все ближе и ближе пододвигаясь къ Еленѣ,— что если бы ты сегодня не пріѣхала сюда, такъ я убилъ бы себя.

— Что за глупости!—воскликнула Елена.

— Нѣтъ, не глупости; я и револьверъ приготовилъ!—прибавилъ онъ, показывая на ящикъ съ пистолетомъ.

— Фарсъ!—проговорила Елена уже съ досадой.— Не говори, пожалуйста, при мнѣ пустыхъ словъ: я ужасно не люблю этого слушать.

— Это не пустяка слова, Елена,—возражалъ въ свою очередь князь какимъ-то прерывистымъ голосомъ: — я безъ тебя жить не могу!... Мнѣ дышать будетъ нечѣмъ безъ твоей любви! Для меня воздуха безъ этого не будетъ существовать—понимаешь ты?

Елена сомнительно, но не безъ удовольствія повачала своей хорошенькой головкой.

— Наконецъ, я прямо тебѣ говорю, — продолжалъ князь:— я не въ состояніи болѣе любить тебя въ такихъ далекихъ отношеніяхъ... Я хочу, чтобы ты вся моя была, вся!...

Елена при этомъ немного отвернулась отъ него.

— Да развѣ это не все равно? — сказала она.

— Нѣтъ, не все равно.

— Ну, люби меня, пожалуй, какъ хочешь!... — проговорила наконецъ Елена, но лица своего попрежнему не обращала къ нему.

— Я сегодня,—говорилъ, какъ-бы совсѣмъ обезумѣвъ отъ радости, князь, — видѣлъ картину «Ревекка», которая, какъ двѣ капли, такая же красавица, какъ ты, только вотъ она такъ нарисована, — прибавилъ онъ, и дрожащей, но сильной рукой разорвалъ переднія застѣжки у платья Елены и спустилъ его вмѣстѣ съ сорочкою съ плеча.

— Что ты, сумасшедшій? — было первымъ движеніемъ Елены воскликнуть.

Князь же почти въ какомъ-то благоговѣніи упалъ передъ ней на колѣни.

— О, какъ ты дивно хороша! — говорилъ онъ, простирая къ ней руки.

Елена пылала вся въ лицѣ, но все-таки старалась сохранить спокойный видъ; по принципамъ сво-

имъ она находила очень естественнымъ, что мужчина любитъ тѣломъ любимой женщины.

— А что если ты...— заговорила она, видая на князя взглядъ, — не будешь меня любить такъ, какъ я хочу, чтобъ меня любили?

— Буду, какъ только ты желаешь, но ты меня разлюбишь сама!

— За что же я тебя разлюблю?.. Развѣ ты знаешь причину тому?

— Никакой я не знаю, но можешь разлюбить. Постой!..—воскликнулъ князь и всталъ на ноги.— Если ты разлюбишь меня или умрешь, такъ позволь мнѣ застрѣлить себя... изъ этого револьвера...—прибавилъ онъ и раскрылъ передъ Еленой ящикъ съ оружіемъ.

— Изволь!—отвѣчала та смѣясь.

— Напиши это чернилами на крышкѣ.

— Зачѣмъ же писать?—спросила Елена.

— Непремѣнно напиши, я хочу этого!

— Но что-жь я писать буду?

— Напиши, что *позволяю князю Григорову, когда я разлюблю его, застрѣлиться, такая-то.*

Елена написала.

— Ну, теперь я доволенъ! — проговорилъ князь и всталъ снова передъ Еленой на колѣни...

V.

Весеннее солнце весело свѣтило въ квартиру госпожи Жиглинской. Сама Елизавета Петровна сидѣла на этотъ разъ въ гостиной, по обыкновенію

своему сохраняя весьма гордую позу, а прямо противъ нея помѣщался, нѣсколько разъ уже посѣщавшій ее, Елпидифоръ Мартынычъ, раздуженный, въ новомъ вицъ-мундирѣ, въ чистомъ бѣлѣ и въ лаковыхъ даже сапогахъ. Онъ всегда ѣздилъ къ Жиглинскимъ прифранченный и замѣтно желалъ встрѣтиться съ Еленой, но ни разу еще не засталъ ее дома. Елизавета Петровна, очень обрадовавшись пріѣзду этого гостя, не преминула сейчасъ же начать угощать его кофеемъ, пріятный запахъ отъ котораго и распространился по всемъ комнатамъ. Довольство въ домѣ Жиглинскихъ съ тѣхъ поръ, какъ Елена сдѣлалась начальницей заведенія, замѣтно возрасло; но это-то именно и кидало Елизавету Петровну въ злобу неописанную: повышение дочери она прямо относила не къ достоинствамъ ея, а къ вліянію и просьбамъ князя. «А, голубчикъ, ты этими наградами по должности и думаешь отдѣлаться!?! Нѣтъ, шалишь!»—разсуждала она все это время сама съ собой, и Елпидифоръ Мартынычъ пріѣхалъ къ ней какъ нельзя болѣе кстати, чтобы излить передъ нимъ все, что накопило у нея на душѣ.

— Да, времена, времена!..—говорила она, и начальное лицо ея покрылось оттѣнкомъ грусти.

— К-х-ха!—отвѣшлянулся ей въ отвѣтъ Елпидифоръ Мартынычъ.—Времена вотъ какія-съ!..—началъ онъ самой низкой октавой и какъ бы читая тайныя мысли своей собесѣдницы:—сорокъ лѣтъ я лечилъ у князей Григоровыхъ, и вдругъ негоденъ сталъ!..

— За что же такъ?—спросила она его насмѣшливо.

— К-х-ха! — <http://rcin.org.pl> Елпидифоръ Марты-

нычъ:—за то, видно, что не говори правды, не те-
рай дружбы!..

— Вотъ за что!—произнесла Елизавета Петровна:
она давно и хорошо знала Иллионскаго и никакъ
не предполагала, чтобы онъ когда-нибудь и въ чемъ-
нибудь позволилъ себѣ быть мученикомъ за правду.

— Конечно, это грустно видѣть...—продолжалъ
онъ съ нѣкоторымъ уже чувствомъ. — Покойный
отецъ князя былъ человѣкъ почтенный; сколько
тоже ни было здѣсь высшаго начальства, всѣ его
уважали. И самъ былъ лично свидѣтелемъ: стояли
мы разъ у генераль-губернатора въ приѣмной; гене-
раловъ было очень много, полковниковъ тоже, на-
стоятель греческаго монастыря былъ, кажется, тутъ
же; только всѣмъ говорятъ: «занять генераль-гу-
бернаторъ, дожидайтесь!» Наконецъ слышимъ, гря-
детъ: самъ идетъ сзади, а впереди у него князь Гри-
горовъ,—это онъ все съ нимъ изволилъ бесѣдовать
и заниматься. Генераламъ всѣмъ генераль-губерна-
торъ говоритъ: «Вы зачѣмъ? Вамъ что надо?» а
князю Григорову жметъ ручку и говоритъ: «adieu,
mon cher, пріѣзжай завтра обѣдать!» К-ха!—заклю-
чилъ Елипидифоръ Мартынычъ такъ сильно, что Ели-
завета Петровна, довольно уже привыкшая къ его
кашлю, даже вздрогнула немного.

— Ну, сынку такой чести не дожидаться!—замѣ-
тила она.

— Нѣтъ... нѣтъ!..—подхватилъ ядовито-насмѣш-
ливо Елипидифоръ Мартынычъ.—Вотъ который годъ
живетъ здѣсь, а я человѣка порядочнаго не видалъ
у него!.. Мало, что изъ вруга своего ни съ кѣмъ не
видится, даже съ родными-то своими со всѣми разо-

шелся, и все, знаете, съ учеными любить бесѣдовать, и не то что съ настоящими учеными—съ какимъ-нибудь ректоромъ университета или ректоромъ семинаріи, съ архіереемъ какимъ-нибудь ученымъ, съ историкомъ какимъ-нибудь или математикомъ, а такъ, знаете, съ вольнодумцами разными; обѣдами ихъ все прежде, бывало, угощалъ. Ну, и меня тоже иногда княгиня оставляла, такъ страсти Господни сидѣть за столомъ было—ей-богу!.. Такую ахиною несутъ что хотъ святыхъ выноси вонъ! А возражать имъ станешь, насмѣшкѣ подвергать тебя стануть, точно съ малымъ ребенкомъ разговаривать съ тобой примутся. Ко мнѣ разъ самъ князь присталъ, что видалъ ли я чудеса? «Нѣтъ, говорю, не имѣлъ этого счастья!» Ну такъ, говорить... повторить даже теперь не могу, что сказалъ дерзновенный...

— Все это, я полагаю, отъ скупости въ немъ происходитъ,—сказала Елизавета Петровна.

— К-х-ха!—отващлянулся Елпидифоръ Мартынычъ: онъ никакъ не ожидалъ такого вывода изъ его словъ.

— Можетъ быть, и отъ того,—произнесъ онъ.

— Совершенно отъ того! — подтвердила Елизавета Петровна.—У меня тоже, вонъ, дочка,—прибавила она, не помолчавъ даже нисколько:—хотъ изъ рукъ вонъ брось!

— А!..—произнесъ Илліонскій, сначала не понявшій хорошенько, почему Елизавета Петровна прямо съ разговора о князѣ перешла къ разговору о дочери.

— Въ восемь часовъ утра уйдетъ изъ дому, а въ двѣнадцать часовъ ночи является!..—продолжала она.

— А!..—произнесъ еще разъ Елипидифоръ Мартынычъ.—Что-жь это она на службѣ, что-ли, чѣмъ занята бываетъ?..—прибавилъ онъ глубокомысленно.

— Какая это служба такая до двѣнадцати часовъ ночи? Если ужъ и служба, такъ какая-нибудь другая...—возразила Елизавета Петровна и злобно усмѣхнулась. Она и прежде того всѣмъ почти всегда жаловалась на Елену, и не только не скрывала никакихъ ея недостатковъ, но даже выдумывала ихъ. Последнія слова ея смутили нѣсколько даже Елипидифора Мартыныча. Онъ ни слова ей не отвѣтилъ и нахмурилъ только лицо.

— Съ тѣхъ поръ и князь у насъ почти не бываетъ,—присовокупила Елизавета Петровна.

— Не бываетъ?—спросилъ Елипидифоръ Мартынычъ, навастривая съ любопытствомъ уши.

— Зачѣмъ же ему бывать? Видаются гдѣ-нибудь и безъ того!—отрѣзала Елизавета Петровна напрямикъ.

— Боже мой, Боже мой!—произнесъ Елипидифоръ Мартынычъ: такая откровенность Елизаветы Петровны окончательно его смутила.

— Только они меня-то, къ сожалѣнію, не знаютъ... — продолжала между тѣмъ та, все болѣе и болѣе приходя въ озлобленное состояніе.—Я бѣгать да подсматривать за ними не стану, а прямо дѣло заведу: я—мать, и мнѣ никто не запретитъ говорить за дочь мою. Господинъ князь долженъ былъ понимать, что онъ—человѣкъ женатый, и что она — не уличная какая-нибудь дѣвчонка, которую взялъ, поигралъ да и бросилъ.

— Чего уличная дѣвчонка!.. Нынче и съ тѣми

запрещаютъ дѣлать то!—воскликнулъ искреннѣйшимъ тономъ Елпидифоръ Мартынычъ: онъ самъ недавно попался-было прокурорскому надзору именно по такого рода дѣлу, и едва отвертѣлся.

— Какъ же не воспрещаютъ!..—согласилась Елизавета Петровна.—Но я собственно говорю тутъ не про любовь: любовь можетъ овладѣть всякимъ—женатымъ и холостымъ; но вознагради, по крайней мѣрѣ, въ такомъ случаѣ настоящимъ манеромъ и обезпечь дѣвушку, чтобы будущая-то жизнь ея не погнбла отъ этого!

— Еще-бы не обезпечить!—проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, разводя своими короткими руками: онъ далеко не имѣлъ такого состоянія, какъ князь, но и то готовъ бы былъ обезпечить Елену; а тутъ вдругъ этакій богачъ, и не дѣлаетъ того...

— И не думаетъ, не думаетъ нисколько! — воскликнула Елизавета Петровна. — Я затѣмъ вамъ и говорю: вы прямо имъ скажите, что я дѣло затѣю непременно!

— Миѣ кому говорить? Я у нихъ и не бываю...—возразилъ-было на первыхъ порахъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Ну, тамъ кому знаете! — произнесла госпожа Жиглинская почти повелительно: она предчувствовала, что Елпидифоръ Мартынычъ непременно пожелаетъ объ этомъ довести до свѣдѣнія князя, и онъ, дѣйствительно, пожелалъ, во-первыхъ потому, что этимъ онъ могъ досадить князю, котораго онъ въ настоящее время считалъ за злѣйшаго врага себѣ, а во-вторыхъ, сдѣлать непріятность Еленѣ, которую онъ вдругъ почему-то счелъ себя вправе ревновать.

Но кому же передать о томъ?.. Князь и княгиня не принимаютъ его... Лучше всего казалось Елпидифору Мартынычу рассказать о томъ Аннѣ Юрьевнѣ, которая по этому поводу станетъ, разумѣется, смѣяться князю и пожурить, можетъ-быть, Елену.

— Ну, прощайте!—сказалъ онъ, вставая.

— Прощайте!—отвѣчала ему госпожа Жиглинская, опять-таки предчувствуя, что онъ сейчасъ именно и ѣдетъ исполнить ея порученіе.

Елпидифоръ Мартынычъ въ самомъ дѣлѣ проѣхалъ прямо къ Аннѣ Юрьевнѣ.

— Дома госпожа?—спросилъ онъ очень хорошо ему знакомаго лакея, стоящаго въ залѣ.

— Дома, у себя въ кабинетѣ; но заняты, кажется...—отвѣчалъ ему тотъ почти съ презрѣніемъ.

— Ничего!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ и прошелъ прямо въ кабинетъ.

Анна Юрьевна дѣйствительно сидѣла и писала письмо.

— Здравствуйте!—проговорила она, узнавъ Иллѣонскаго по походкѣ и громкому кашлю, который онъ произвелъ, проходя гостиную.

— Садитесь, только не передъ глазами, а то развлекать будете,—говорила она, не поднимая глазъ отъ письма.

Анна Юрьевна хоть и принимала Елпидифора Мартыныча, но какъ-то никогда не допускала его близко подходить къ себѣ: онъ очень возмущалъ ея чувство брезгливости своимъ гадкимъ виць-мундиромъ и своимъ гадкимъ парикомъ.

— Что новаго? — проговорила она, кончивъ наконецъ писать.

— Ничего особеннаго-съ. К-х-ха!.. — отвѣчалъ ей съ кашлемъ Елпидифоръ Мартынычъ.— У матери одной я сейчасъ былъ, — гнѣвающейся и плачущей.

— У какой это?—спросила Анна Юрьевна, зѣвая во весь ротъ.

— У Жиглинской, у старушки, — отвѣчалъ невиннымъ голосомъ Иллѣонскій.

— О чемъ-же она плачетъ?—сказала Анна Юрьевна опять-таки совершенно равнодушно.

— По случаю дочери своей: совсѣмъ, говоритъ, дѣвочка съ панталыку сбилась...

— Елена?—спросила Анна Юрьевна, раскрывая въ нѣкоторомъ удивленіи глаза свои.

— Елена Николаевна-съ, к-х-ха!.. — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ. — Въ восемь часовъ утра, говоря ть, она уходитъ изъ дому, а въ двѣнадцать часовъ ночи возвращается.

— Гдѣ же она бываетъ?

Елпидифоръ Мартынычъ пожалъ плечами.

— Мать говоритъ, что въ мѣстѣ, вѣроятно, недобропорядочномъ!

— Но съ кѣмъ-нибудь, значить?

— Ужь конечно.

— Съ кѣмъ-же?

— Мать подозрѣваетъ, что съ княземъ Григорьемъ Васильевичемъ.

— Съ Гришей? Вотъ какъ!..—воскликнула Анна Юрьевна.

Елпидифоръ Мартынычъ держалъ при этомъ глаза опущенными въ землю.

— Но хороша и мать, — какія вещи рассказываетъ про дочь! — продолжала Анна Юрьевна.

— Она мнѣ по старому знакомству это рассказала,—проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— А вы мнѣ тоже по старому знакомству разболтали?.. — воскликнула Анна Юрьевна насмѣшливо.—И если вы теперь,—прибавила она съ явно сердитымъ и недовольнымъ видомъ, — хоть слово еще кому-нибудь кромѣ меня пикнете о томъ, такъ я на всю жизнь на васъ разсержусь!..

— Я никому кромѣ васъ и не смѣю сказать-съ,—пробормоталъ Елпидифоръ Мартынычъ, сильно сконфуженный такимъ оборотомъ дѣла.

— А мнѣ-то вы развѣ должны были говорить объ этомъ—неужели вы того не понимаете?—горячилась Анна Юрьевна.—Елена моя подчиненная, она начальница учебнаго заведенія: послѣ этого я должна ее выгнать?

Елпидифоръ Мартынычъ откашлянулся на весь почти домъ.

— Нѣтъ-съ, я не къ тому это сказалъ,—началъ онъ съ чувствомъ какого-то даже оскорбленнаго достоинства:—а говорю, потому что мать мнѣ прямо сказала: «я, говорить, дѣло съ княземъ затѣю, потому что онъ не обезпечиваетъ моей дочери!»

— Да развѣ онъ не обезпечиваетъ?—перебила его Анна Юрьевна.

— Нисколько, говорить мать... Кому же мнѣ сказать о томъ? У князя я не принятъ въ домъ.... я вамъ и докладываю. К-ха!

Анна Юрьевна нѣкоторое время размышляла.

— Это надобно какъ-нибудь устроить....—проговорила она, какъ бы больше сама съ собой.—Ну,

прощайте теперь,—заклучила она затѣмъ, бивнувъ головой Елпидиѳору Мартынычу.

Тотъ на это не осмѣлился даже поклониться Аннѣ Юрьевнѣ, а молча повернулся и тихо вышелъ изъ кабинета. Анна Юрьевна послѣ того тотчасъ же велѣла заложить карету и поѣхала къ Григоровымъ. Первые ея намѣренія были самыя добрыя—дать совѣтъ князю, чтобы онъ какъ можно скорѣе послалъ этимъ бѣднякамъ денегъ; а то онъ, по своему ротозѣйству, очень, можетъ быть, что и не дѣлаетъ этого.... (Анна Юрьевна считала князя за очень умнаго человѣка, но въ то же время и за величайшаго разиню.) Дѣвочка, по своей застѣнчивости и стыдливости, тоже вѣроятно ничего не просить у него, и старуха въ самомъ дѣлѣ затѣветъ процессъ съ нимъ и сдѣлаетъ огласку на всю Москву. Но когда Анна Юрьевна пріѣхала къ Григоровымъ, то князя не застала дома, а княгиня пригласила ее въ гостиную и что-то долго къ ней не выходила: между княгиней и мужемъ только-что передъ тѣмъ произошла очень не яркая по своему внѣшнему проявленію, но весьма глубокая по внутреннему содержанію горя сцена. День этотъ былъ день рожденія княгини, и она съ дѣтства еще привыкла этотъ день весело встрѣчать и весело проводить, а потому поутру вошла въ кабинетъ мужа съ улыбающимся лицомъ и, поцѣловавъ его, спросила, будетъ ли онъ сегодня обѣдать дома. Князь болѣе мѣсяца никогда почти не бывалъ дома и говорилъ женѣ, что онъ вступилъ въ какое-то торговое предпріятіе съ компанією, все утро сидитъ въ ихъ конторѣ, потомъ, съ компанією же, отправляется обѣдать въ Троицкій, а вечеръ

опять въ конторѣ. Княгиня дѣлала видѣ, что вѣрить ему.

— Что же, ты объѣдаешь или нѣтъ дома?—повторила она свой вопросъ, видя, что князь не отвѣчаетъ ей и сидитъ насупившись.

— Нѣтъ, не могу и сегодня,—отвѣчалъ онъ, не поднимая головы.

— Ну, какъ хочешь!—отвѣчала княгиня, и затѣмъ повернувшись ушла въ гостиную, гдѣ и принялась потихоньку плакать.

Князь все это видѣлъ, слышалъ и понималъ. Сначала онъ кусалъ себѣ только губы, а потомъ, какъ бы не вытерпѣвъ долѣе, очень проворно одѣлся и ушелъ совсѣмъ изъ дому.

Когда княгиня доложили о прїездѣ Анны Юрьевны, она велѣла принять ее, но сама сейчасъ же убѣжала въ свою комнату, чтобы изгладить съ лица всякій слѣдъ слезъ. Она не хотѣла еще никому изъ постороннихъ показывать своей душевной печали.

Покуда княгиня приводила себя въ порядокъ, Анна Юрьевна ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, и мысли ея приняли нѣсколько иное теченіе: прежде, видя князя вмѣстѣ съ княгиней и принимая въ основаніе, что послѣдняя была *très-apatique*, Анна Юрьевна считала нужнымъ и неизбѣжнымъ, чтобы онъ имѣлъ какую-нибудь альянсъ на сторонѣ; но теперь, узнавъ, что онъ уже имѣетъ таковую, она стала желать, чтобы и княгиня полюбила кого-нибудь посторонняго, потому что женщину, которая вѣрна своему мужу, потому что онъ ей вѣренъ, Анна Юрьевна еще нѣсколько понимала; но чтобы женщина оставалась безупречна, когда мужъ ей измѣ-

вилъ,—этого даже она вообразить не могла и такое явленіе считала почти униженіемъ женскаго достоинства; потому, когда княгиня наконецъ вышла къ ней, она очень дружественно встрѣтила ее.

— Bonjour, ma chère, — сказала она, крѣпко пожимая ей руку.—Супруга твоего, по обыкновенію, нѣтъ дома,—прибавила она, усѣвшись съ хозяйкою на диванъ.

— Дома нѣтъ!—отвѣчала княгиня, стараясь насильно улыбнуться.

— Что же ты одна сидишь?—Тебѣ надобно имѣть un bon ami, который бы развлекалъ тебя.

— Непремѣнно надобно! — подхватила княгиня, продолжая притворно улыбаться.

— Что же мѣшаетъ?—спросила Анна Юрьевна.

— Не умѣю, кузина!—отвѣчала княгиня.

— O, ma chère, quelle folie!.. Какъ будто бы какая-нибудь женщина можетъ говорить такъ! Это все равно, что если бы кто сказалъ, qu' il ne sait pas manger!..

Княгиня и на это только усмѣхнулась.

— Шутки въ сторону! Пріѣзжай ко мнѣ сегодня обѣдать,—продолжала Анна Юрьевна, въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, серьезно рѣшившаяся устроить что-нибудь въ этомъ родѣ для княгини.—У меня сегодня будетъ обѣдать un certain monsieur Chinsky!.. il n'est pas jeune, mais il est un homme fort agréable.

Химскій былъ одинъ изъ старыхъ заграничныхъ знакомыхъ Анны Юрьевны, нѣкогда участвовавшій во всѣхъ ея удовольствіяхъ.

— Нѣтъ, сегодня не могу,—отвѣчала княгиня, все-таки желавшая отобѣдать этотъ день дома.

— Отчего же?... Пріѣзжай!—повторила настойчиво Анна Юрьевна. Ей, по преимуществу, хотѣлось познакомиться княгиню съ Химскимъ, который былъ очень смѣлый и дерзкій человѣкъ съ женщинами, и Анна Юрьевна, безъ искренняго удовольствія, вообразить себѣ не могла, какъ бы это у нихъ вдругъ совершенно неожиданно произошло: Анна Юрьевна ужасно любила устраивать подобныя неожиданности.

— Что же, пріѣдешь или нѣтъ?—повторила она.

— Нѣтъ!—отвѣчала княгиня.

— Глупо!—произнесла Анна Юрьевна и позѣвнула; ей уже стало и скучно съ княгиней. Посидѣвъ еще нѣсколько времени, больше изъ приличія, она начала, наконецъ, прощаться и просила княгиню передать мужу, чтобы тотъ немедля къ ней пріѣхалъ по одному очень важному для него дѣлу; но, сходя съ лѣстницы, Анна Юрьевна встрѣтила самого князя.

Съ нимъ произошелъ такого рода случай: онъ уѣхалъ изъ дому съ невыносимой жалостью къ женѣ. «Я отнял у этой женщины все, все, и не далъ ей взамѣнъ ничего, даже двухъ часовъ въ день ея рожденія!»—говорилъ онъ самъ себѣ. Съ этимъ чувствомъ пришелъ онъ въ Роше-де-Канкаль, куда каждодневно приходила изъ училища и Елена, и гдѣ обыкновенно они обѣдали и оставались затѣмъ цѣлый день. По своей подвижной натурѣ, князь не удержался и разсказалъ Еленѣ свою сцену съ женой. Та выслушала его весьма внимательно.

— Что же, поѣзжай, отобѣдай съ ней вмѣстѣ,—сказала она, потупляя свои черные глаза.

— Не хочется что-то, — произнесъ не совсѣмъ, какъ показалось Еленѣ, искреннимъ голосомъ князь.

— Мало чего не хочется!—возразила ему Елена совсѣмъ ужь неискренно.

— И въ самомъ дѣлѣ лучше ѣхать! — сказалъ князь, подумавъ немного, и затѣмъ сейчасъ же всталъ съ своего мѣста.

— Поѣзжай! — повторила ему еще разъ Елена, протягивая на прощанье руку.

Если бы князь хоть сколько-нибудь повнимательнѣе взглянулъ на нее, то увидѣлъ бы, какая мрачная буря надвинулась на ея молодое чело.

— Послѣ обѣда я приѣду сюда. Ты подожди меня, — сказалъ онъ торопливо.

— Нѣтъ, я дожидаться не стану... — отвѣчала Елена.

— Отчего же?

— Оттого, что не хочу, — произнесла Елена, видимо употребивъ надъ собой все усиліе, чтобы смягчить свой голосъ и сдѣлать его менѣе гнѣвнымъ.

— Жаль очень! — проговорилъ князь, ничего этого не замѣтившій и спѣшившій только уйти. Ему на этотъ разъ больше всего хотѣлось приѣхать поскорѣй домой и утѣшить жену.

— Ахъ, очень кстати! — воскликнула Анна Юрьевна, увидѣвъ его входящимъ въ сѣни. — Гдѣ бы тутъ переговорить съ тобой? — Можно въ этой швейцарской? — прибавила она, показывая на комнату швейцара.

— Я думаю, можно, — отвѣчалъ князь, нѣсколько удивленный ея словами и встрѣчею съ нею.

И затѣмъ они оба вошли въ швейцарскую.

— У тебя связь съ Еленой, но ты не даешь ей ни копѣйки денегъ! Мнѣ сегодня очень достовѣр-

ный человекъ разсказалъ, que sa mère a envie de porter plainte contre vous,—начала Анна Юрьевна прямо.

— Какъ я не даю? Сколько разъ я предлагалъ Еленѣ...—бухнулъ князь, совсѣмъ опѣшенный словами Анны Юрьевны.

— Не Еленѣ надобно было предлагать!... Она, конечно, у тебя не возьметъ, а пошли матери, и пошли сейчасъ же! А теперь прощай,—проговорила Анна Юрьевна и сама пошла.

— Кузина, я боюсь больше всего, чтобы это открытіе не повредило въ вашихъ глазахъ Еленѣ?—проговорилъ ей вслѣдъ нѣсколько опомнившійся князь.

— Вотъ вздоръ какой!—отвѣчала Анна Юрьевна, садясь въ свою карету.

VI.

Совѣтъ кузины, въ отношеніи Жиглинскихъ, князь выполнилъ на другой же день, и выполнилъ его весьма деликатно. Зная, когда Елены, навѣрное, не бываетъ дома, онъ послалъ къ старухѣ Жиглинской своего управляющаго, который явился къ Елизаветѣ Петровнѣ и вручилъ ей отъ князя пакетъ съ тремястами рублей серебромъ.

— Князь приказалъ васъ спросить,—доложилъ ей при этомъ управляющій,—какъ вамъ будетъ угодно получать деньги на слѣдующіе мѣсяцы: къ вамъ ли ихъ приважете доставлять на домъ, или сами будете жаловать къ намъ въ контору для полученія?

— Ахъ, я сама буду ѣздить, вы не беспокойтесь,—проговорила Елизавета Петровна, принимая трепа-

шущими руками деньги и вся краснѣя въ лицѣ отъ удовольствія.

Управляющій поклонился ей и хотѣлъ было уйти.

— Князь нанялъ у меня землю и, вѣроятно, помѣсячно желаетъ мнѣ платить, — пояснила ему госпожа Жиглинская.

— Да-съ, они ежемѣсячно приказали вамъ доставлять, — отвѣчалъ ей управляющій.

— Очень благодарю!... очень!... — говорила Елизавета Петровна радушнѣйшимъ голосомъ. — У князя, кажется, тоже есть имѣніе въ Саратовской губерніи?

— Есть, — сказалъ управляющій.

— Ну, и мое имѣніе, значитъ, сосѣднее вашему. Не въ убыткѣ будете, что наняли, не въ убыткѣ! — повторила Елизавета Петровна дважды.

Управляющій молчалъ. Князь не говорилъ ему ни слова объ имѣніи.

— Большое имѣніе князь изволилъ у васъ взять? — спросилъ онъ.

— О, да, порядочное! — отвѣчала Елизавета Петровна съ нѣкоторою важностью. Ей казалось, что она, гдавъ такимъ образомъ, очень умно и тонко поступаетъ.

Когда управляющій ушелъ, Елизавета Петровна послала Мареушку купить разныхъ разностей къ обѣду. Еленѣ, впрочемъ, о полученіи денегъ она рѣшилась не говорить лучше, потому что, Богъ знаетъ, какъ еще глупая дѣвочка приметъ это; но зато, по поводу другаго обстоятельства, она вознамѣривалась побесѣдовать съ ней серьезно.

Елена въ этотъ день возвратилась изъ училища не въ двѣнадцать часовъ ночи, а къ обѣду. Выйдя

поутру изъ дому, Елена только на минуту зашла въ Роше-де-Канкаль, отдала тамъ швейцару записочку къ князю, въ которой увѣдомляла его, что она не придетъ сегодня въ гостиницу, потому что больна; и затѣмъ къ обѣду возвратилась изъ училища домой. Ее очень разсердилъ вчера князь. Напрасно рассудокъ говорилъ въ Еленѣ, что князь долженъ былъ такимъ образомъ поступить, и что для нея ничего тутъ нѣтъ ни оскорбительнаго, ни унижительнаго. «Нѣтъ, не долженъ!» — возражала она въ сердцахъ сама себѣ, «и если супругъ своей онъ не въ состояннн отказать въ подобныхъ пустякахъ, значитъ, она страшное значеніе имѣетъ для него. Что же послѣ того Елена?... Одно только пустое времяпрепровожденіе его, и съ ней, поэтому, церемониться нечего! Можно ей рассказать со всевозможными подробностями о своихъ глупыхъ объясненіяхъ съ супругой. Онъ гораздо бы больше показалъ ей уваженія, если бы просто не пріѣхалъ и сказалъ, что нельзя ему было, — все-таки это было бы умнѣе для него и покойнѣе для нея; тогда она, по крайней мѣрѣ, не знала бы пошлой причины тому. О, какъ въ эти минуты Елена возненавидѣла княгиню, и дала себѣ твердое и непреложное слово, въ первое же свиданіе съ княземъ, объяснить ему и показать въявь: *каковъ онъ есть человекъ на свѣтъ!*

Елена, какъ и большая часть дѣвушекъ ея времени и воспитанія, иногда любила въ мысляхъ и разговорахъ даже употреблять простонародные обороты.

Когда, наконецъ, Елизавета Петровна позвала дочь сѣсть за столъ, то Елена, не смотря на свою

грусть, сейчас замѣтила, что къ обѣду были поданы жареная дичь изъ гастрономическаго магазина, бутылка бѣлаго вина и, наконецъ, сладкій пирогъ изъ грѣцкихъ орѣховъ, весьма любимый Еленою. Она подумала, что мать все это приготовила по тому случаю, что Елена наканунѣ еще сказала, что придетъ обѣдать домой, и ей сдѣлалось нѣсколько совѣстно противъ старухи. «Она-то меня все-таки любить, а я ужь ее нисколько!» — подумала Елена съ нѣкоторою болью въ сердцѣ.

Елизавета Петровна, между тѣмъ, была въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа.

— Я не помню, говорила ли я тебѣ, — начала она, обращаясь къ дочери и какимъ-то необыкновенно развязнымъ тономъ: — что у покойнаго мужа было тамъ одно дѣло, по которому у него взято было въ опеку его имѣніе.

— Нѣтъ, не говорили, — отвѣчала ей серьезно Елена, дѣйствительно никогда ничего подобнаго неслыхавшая отъ матери.

— Какъ же, очень порядочное имѣніе! — воскликнула Елизавета Петровна. — И вообрази себѣ: сегодня является ко мнѣ писмоводитель квартальнаго и объявляетъ, что дѣло это рѣшено въ нашу пользу; доставилъ мнѣ часть денегъ и говорить, что и еще мнѣ будетъ доставлено!...

— Это хорошо! — проговорила Елена съ удовольствіемъ.

— Какъ же, ангель мой, не хорошо! Кромѣ ужь-помощи, которую мы теперь получимъ, у насъ будетъ ежегодный доходъ!

Передъ дочерью Елизавета Петровна выдумала

о какомъ-то имѣнии покойнаго мужа за тѣмъ, чтобъ Еленѣ не кинулся въ глаза тотъ избытокъ, который Елизавета Петровна, весьма долго напостившаяся, намѣрена была ввести въ свою домашнюю жизнь: похоти сердца въ ней въ настоящее время замѣнились похотями желудочными!

— Теперь еще я хотѣла тебя спросить, — продолжала она какимъ-то даже умильнымъ голосомъ: — отчего у насъ князь не бываетъ совсѣмъ?

— Онъ замѣтилъ, что вамъ не нравятся его посѣщенія, — отвѣчала Елена.

— Господи помилуй! Господи помилуй!... И не думала, и не думала! — воскликнула Елизавета Петровна, всплеснувъ даже руками.

— Какъ же вы не думали? Вы стерегли насъ, какъ я не знаю что! — возразила ей Елена.

— Да мнѣ просто любопытно было посидѣть и послушать вашихъ умныхъ разговоровъ, — больше ничего! — отвѣчала госпожа Жиглинская невиннѣйшимъ голосомъ.

Елена на это ничего не сказала и только нахмурилась: она очень хорошо видѣла, что мать тутъ лжетъ отъявленнымъ образомъ.

— Если въ этомъ только, то пускай пріѣзжаетъ, я глазъ моихъ не покажу. Что, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ, старухѣ, съ вами молодыми людьми дѣлать, о чемъ разговаривать?

Елена на это тоже молчала. Она одного только понять не могла, отъ чего въ матери произошла такая ѣперѣна, и объясняла это пріятнымъ наст роеніемъ ея уха, вслѣдствіе полученія по какому-то дѣлу дене гъ.

— Ты, пожалуйста, попроси князя бывать у насъ.

Мнѣ очень грустно, очень непріятно, что онъ такъ понимаетъ меня!—продолжала Елизавета Петровна.

— Хорошо, я ему скажу... — проговорила Елена. — Она сама гораздо бы больше желала, чтобы князь бывалъ у нихъ, а то какъ она ни вооружалась стоическимъ спокойствіемъ, но все-таки ей ужасно тяжело и стыдно было середь бѣлаго дня приходиться въ Роше-де-Канкаль. Ей казалось, что она на каждомъ шагу можетъ встрѣтить кого -нибудь изъ знакомыхъ, который увидитъ, куда она идетъ; что швейцарь, отворяя ей дверь, какъ-то двусмысленно или почти съ презрѣніемъ взглядывалъ на нее; что молодые офиціанты, стоящіе въ корридоръ, при проходѣ ея именно о ней и перешептывались.

— Непремѣнно скажи, прошу тебя о томъ! — восклицала Елизавета Петровна почти умоляющимъ голосомъ.— Или вотъ что мы лучше сдѣлаемъ! — прибавила она потомъ, какъ бы сообразивъ нѣчто: — чтобы мнѣ никакъ вамъ не мѣшать, ты возьми мою спальную: у тебя будетъ зала, гостиная и спальная, а я возьму комнаты за корридоромъ, такъ мы и будемъ жить на двухъ разныхъ половинахъ.

— Хорошо, мнѣ все равно! — отвѣчала Елена, сначала и не понявшая, для чего мать это затѣваетъ.

Елизавету же Петровну, какъ видно, сильно заняло ея новое предположеніе, такъ что, выйдя изъ-за стола, она, не теряя ни минуты, позвала Марѳушку и дворника и заставила ихъ вещи свои перетаскивать въ комнату Елены, а вещи Елены — въ свою комнату, и при этомъ послѣднюю замѣтно старалась убрать какъ можно наряднѣе; для этой

цѣли Елизавета Петровна оставила въ этой комнатѣ свой коверъ, свой ломберный столъ и на немъ вазы съ восковыми цвѣтами.

Елена во все это время полулежала въ гостиной на диванъ: у нея страшно болѣла голова и на душѣ было очень скверно. Не смотря на гнѣвъ свой противъ князя, она начинала невыносимо желать увидѣть его поскорѣй, но какъ это сдѣлать: написать ему письмо и звать его, чтобы онъ пришелъ къ ней, это прямо значило — унижить свое самолюбіе, и кромѣ того: куда адресовать письмо? Въ домъ къ князю Елена не рѣшалась, такъ какъ письмо ея могло попасться въ руки княгини; надписать его въ Роше-де-Канкаль, — но придетъ ли туда еще князь?

Тотъ, впрочемъ, безо всякаго зову, самъ не заставилъ себя долго дожидаться. Елизавета Петровна едва только успѣла покончить свои хлопоты по поводу убранства новаго помѣщенія Елены, какъ раздался довольно сильный звонокъ.

Елена при этомъ сейчасъ же привстала на диванъ; Мареушка бросилась отворять дверь; госпожа Жиглинская тоже, будто бы случайно, выставилась въ переднюю. — Это, какъ и ожидали всѣ, пріѣхалъ князь.

— Дома Елена Николаевна? — спросилъ онъ.

— Дома, пожалуйста! — отвѣтила за Мареушу Елизавета Петровна.

Князь вошелъ.

— Благодарю! — сказала проворно и почти насильно схвативъ его руку Елизавета Петровна. — Я Еленѣ не говорила, — и вы не говорите, — прибавила она почти шепотомъ.

— Зачѣмъ говорить ей!—произнесъ князь и поспѣшилъ уйти отъ Елизаветы Петровны.

— Вы больны?—сказалъ онъ обезпокоеннымъ голосомъ, входя въ гостиную къ Еленѣ и протягивая ей руку.

— Больна!—отвѣчала ему та довольно сухо.

— Но чѣмъ же?

— Голова болитъ! — говорила Елена. — Намѣреніе ея разбранить князя, при одномъ видѣ его, окончательно въ ней пропало, и она даже непомнила хорошенько, въ какихъ именно выраженіяхъ хотѣла ему объяснить поступокъ его. Князь въ свою очередь тоже, кажется, неможно предчувствовалъ, что его будутъ бранить. Вошедшая, впрочемъ, Марѳуша прервала на нѣсколько минутъ ихъ начавшійся разговоръ.

— Маменька приказала вамъ сказать, — обратилась она къ Еленѣ:—что онѣ со мной сейчасъ уѣзжаютъ къ Иверской молебень служить, а потомъ въ Каменному мосту въ бани-съ.

Князь при этомъ не удержался и улыбнулся, а Елена сконфузилась.

— Какъ ты, однако, глупа, Марѳуша! — проговорила она.

При этомъ Марѳа уже покраснѣла и сейчасъ же скрылась, а черезъ нѣсколько минутъ, дѣйствительно, Елизавета Петровна, какъ это видно было изъ оконъ, уѣхала съ ней на лихачѣ-гвоздицѣ. Дочь, такимъ образомъ, она оставила совершенно съ глазу на глазъ съ княземъ.

— Ну, подите, сюда и сядьте около меня!—сказала ему Елена.

Князь подошелъ и сѣлъ около нея.

Елена положила ему голову на плечо.

— Что, много изволили съ супругой вашей вчера любезничать? — спросила она его насмѣшливо.

— Напротивъ-съ, очень мало! — отвѣчалъ онъ ей тоже насмѣшливо.

— Я думаю!... — воскликнула Елена. — Ахъ, какой, однако, ты гадкій человѣкъ, — ужасъ! — прибавила она, протягивая свои красивыя ноги по дивану.

— Но чѣмъ же однако, позвольте васъ спросить? — сказалъ князь, все еще желавшій и продолжавшій отшучиваться.

— А тѣмъ, что... ну, рѣшился провести этотъ день съ женой. И скажи прямо, серьезно, какъ вонъ русскіе самодуры говорятъ: «хочу-моль, такъ и сдѣлаю, а ты моему нраву не препятствуй!» Досадно бы конечно было, но я бы покорила; а то пріѣхалъ, сначала хитрить сталъ, а потомъ, когда отпустили, такъ обрадовался, какъ школьникъ, и убѣжалъ.

— Ты въ самомъ дѣлѣ меня за какую-то дрянъ совершенную считаешь... — проговорилъ князь уже не совсѣмъ довольнымъ голосомъ.

— Да ты дрянъ и есть! — подхватила Елена, и сама при этомъ, какъ бы не удержавшись, взглянула ему съ нѣжностью въ лицо.

— Такъ вотъ же тебѣ за это по русскому самодурству, если оно такъ тебѣ нравится! — сказалъ князь и слегка приложилъ свою руку къ щецкѣ Елены. Она схватила его руку и начала ее цѣловать, цѣловать!

— Милый мой, ангелъ мой, я ужасно тебя люблю! — шептала она.

— А я развѣ меньше тебя люблю? — шепталь тоже князь, цѣлуя ее въ лицо.

— Меньше!.. Постои однако, — проговорила Елена, приподнимаясь съ дивана: — мнѣ что-то тутъ нехорошо, — прибавила она, показывая на горло: — ужасно какой противный вкусъ во рту.

— Но ты не скушала ли чего-нибудь?

— Нѣтъ, у меня съ недѣлю это чувство.... Какое-то отвращеніе почти отъ всякой пищи!

— Можетъ быть, это симптомы чего-нибудь? — спросилъ князь.

— Можетъ быть!... Но, другъ мой, — продолжала Елена какимъ-то капризнымъ голосомъ: — мнѣ хочется жить нынче лѣтомъ на дачѣ въ Останкинѣ. Я помню, тамъ въ дѣтствѣ жила: эти дѣса, пруды, дорога въ Медвѣдково!... Ужасно какъ было весело! Я хочу и нынѣшнее лѣто весело прожить.

— Что-жь, и отлично! — подхватилъ князь.

— А ты будешь ли ко мнѣ каждый день ѣздить? — спросила Елена.

— Я и самъ тамъ найму, чѣмъ мнѣ ѣздить, — отвѣчалъ князь.

— Скажите пожалуйста!... Но вы забыли, какъ княгиня еще позволить вамъ это.

— Я княгини и спрашивать не буду, а скажу ей только, что мы переѣдемъ туда.

— Ахъ, какой ты здѣсь храбрый, ужасно какой храбрый! — воскликнула Елена.

Князю замѣтно ужъ стало и не нравиться такое подсмѣиванье надъ нимъ.

— Ревность никакъ не высокое чувство и извинительна только самымъ необразованнымъ людямъ! — проговорилъ онъ, нахмуривая лобъ.

— Я это знаю очень хорошо! — возразила Елена. — Но она въ такомъ только случаѣ не извинительна, когда кто прямо говоритъ: «я васъ не люблю, а люблю другую!» а если говорить напротивъ....

— А если говорятъ напротивъ, такъ такъ, значить, и есть! — перебилъ ее рѣзко князь: — и чѣмъ намъ, — прибавилъ онъ съ усмѣшкою, — предаваться бесполезнымъ словопреніямъ, не лучше ли теперь же ѣхать въ Останкино и нанять тамъ дачи?

— Ахъ, я очень рада! — воскликнула Елена, въ самомъ дѣлѣ, радостнымъ голосомъ.

— Ну, такъ поѣдемте; время откладывать нечего.

— Сію минуту, только приѣдѣнусь немного, — отвѣчала Елена и ушла.

Князь, оставшись одинъ, погрузился въ размышленія. Его смутили слова Елены о постигающихъ ее припадкахъ: что если эти припадки подтвердятся? Страхъ и радость нанолнили при этой мысли сердце князя: ему въ первый разъ еще предстояло это счастье; но какъ встрѣтить это событіе, какъ провести его потомъ въ жизни? Когда Елена вошла въ шляпъ и бурнусъ, онъ все еще продолжалъ сидѣть, понутивъ голову, такъ что она принуждена была дотронуться вѣромъ до его плеча.

— Я готова! — проговорила она.

— Ёдемте-съ! — сказалъ князь, и чрезъ нѣсколько времени они уже катили въ его каретѣ по дорогѣ къ Останкину.

Елена сидѣла, прижавшись въ уголь экипажа.

— Какъ бы я желала, чтобы карета эта далеко, далеко и навсегда увезла насъ изъ Москвы! — сказала она.

— Да, не дурно бы это было! — согласился и князь, сохраняя свой задумчивый и разсѣянный видъ; его все еще не оставляла мысль о припадкахъ Елены. Въ Останкинѣ они прежде всего проѣхали въ слободку и наняли тамъ очень хорошенькую дачку для Елены. Князь хотѣлъ было сразу же отдать хозяину всѣ деньги.

— Не смѣйте этого дѣлать! — воскликнула на него по-французски Елена и подала хозяину дачи изъ своего кошелька двадцать пять рублей сереб.

— Но почему же...? — спросилъ ее князь тоже по-французски, опять нахмуривая лобъ.

— А потому, — отвѣчала Елена: — что жена ваша и безъ того, вѣроятно, думаетъ, что я разоряю васъ....

Лицо князя приняло еще болѣе сердитое выраженіе.

— Ядовито сказано, хоть несправедливо совершенно, — произнесъ онъ.

Изъ слободки князь и Елена прошли черезъ садъ къ главному дворцу: здѣсь князь вызвалъ къ себѣ смотрителя дома; оказалось, что это былъ какой-то старый лакей. Прежде всего князь назвалъ ему фамилію свою: лакей при этомъ сейчасъ же снялъ шапку.

— Что, ваши флигеля свободны? — спросилъ князь.

— Свободны-съ! — отвѣчалъ лакей.

— Ну такъ скажите вашему управляющему, что

оба эти флигеля я оставляю за собой на лѣто, и чтобы онъ прислалъ мнѣ записку, что они за мной.

— Слушаю-сь! — отвѣчалъ ему лакей почтительно.

Покуда происходили всѣ эти наниманья, солнце почти сѣло и на дворѣ становилось довольно свѣжо.

— Я начинаю, однако, зябнуть, — проговорила Елена.

— Поѣдьте скорѣе домой, — сказалъ съ заботливостью князь, подсаживая ее въ карету, гдѣ она не преминула спросить его: зачѣмъ онъ собственно нанялъ два флигеля?

— Затѣмъ, что въ одномъ будегъ жить княгиня, а въ другомъ я, — отвѣчалъ флегматически князь.

Елена на это ничего не сказала; но только удовольствіе видимо отразилось въ ея подвижномъ лицѣ.

При обратномъ пути кучеръ поѣхалъ нѣсколько другой дорогой, и такимъ образомъ пришлось проѣзжать мимо дома Анны Юрьевны. Было всего еще девять часовъ.

— Заѣдьте къ вашей начальницѣ! — сказалъ князь Еленѣ.

— Э, нѣтъ! Я всегда терпѣть не могла бывать у всѣхъ моихъ начальницъ, — отвѣчала Елена.

— Это не такая начальница; я васъ сблизю нѣсколько съ нею. Пожалуста, заѣдьте! — уговаривалъ князь. Ему, попреимуществу, хотѣлось посмотреть, какъ Анна Юрьевна приметъ Елену послѣ того, какъ узнала она тайну ея отношенія къ нему.

— Хорошо, заѣдемъ, если тебѣ такъ этого хочется, — согласилась Елена.

— Я только предупредю ея о васъ, — сказалъ князь, войдя съ Еленою въ залу Анны Юрьевны и уходя впередъ ея въ кабинетъ къ той.

— Я къ вамъ, кузина, заѣхалъ съ mademoiselle Жиглинской! — сказалъ онъ.

— Ахъ, очень рада! — отвѣчала Анна Юрьевна какимъ-то страннымъ голосомъ. Анна Юрьевна все не считала любовь чѣмъ-нибудь нехорошимъ или преступнымъ, но все-таки этотъ заѣздъ къ ней кузена съ своей любовницей, которая была подчиненною Анны Юрьевны, показался ей нѣсколько страннымъ и не совсѣмъ приличнымъ съ его стороны, и, потому, какъ она ни старалась скрыть это чувство — оно выразилось въ ея голосѣ и во всѣхъ манерахъ ея.

— Пожалуйста сюда, mademoiselle Елень! — крикнула она, услышавъ, что та въ залѣ дожидается.

Елена вошла. Она замѣтно конфузилась нѣсколько.

— Vous êtes bien aimable, что заѣхали ко мнѣ, — продолжала Анна Юрьевна, крѣпко пожимая ей руку. — Прошу впередъ посѣщать меня sans cérémonie.

— Но я могу помѣшать вашимъ занятіямъ! — возразила ей Елена.

— О, моя милая! — воскликнула Анна Юрьевна, — зачѣмъ вы это говорите? Вы очень хорошо убѣждены, что я рѣшительно ничего не дѣлаю, какъ только сплю и ѣмъ.

— Нѣтъ, я въ этомъ не убѣждена, — отвѣчала ей серьезно Елена.

— А мы съ mademoiselle Еленой ѣздили дачу на-

нимать въ Останкино, — вмѣшался въ разговоръ князь.— Она наняла дачку для себя, а я для себя!

— Вотъ какъ!— произнесла Анна Юрьевна.— Это однако даетъ и мнѣ мысль нанять дачу, только не въ Останкинѣ, а по сосѣдству около него, въ Свибловѣ! Иванъ Ивановичъ! — крикнула затѣмъ Анна Юрьевна, звоня въ то же время въ колокольчикъ.

На этотъ зовъ вошелъ ей главный дворецкій.

— Съѣздите, мой милый, завтра въ Свиблово и наймите мнѣ тамъ дачку. Помѣщеніе для меня какое хотите — мнѣ все равно, но главное, чтобы конюшни были хорошія и сарай.

Иванъ Ивановичъ поклонился ей на это и опять ушелъ къ себѣ.

— Я тамъ поселюсь, — начала Анна Юрьевна, обращаясь къ гостямъ своимъ,— и буду кататься по свибловскимъ полямъ на моихъ милыхъ коняхъ, или, какъ князь называетъ ихъ, моихъ бѣшеныхъ львахъ,— чудесно!

Анна Юрьевна страстно любила лошадей и въ самомъ дѣлѣ ѣздила почти на львахъ.

— Ну, эти львы ваши, кузина, вамъ сломятъ когда-нибудь голову,— замѣтилъ ей князь.

— Ахъ, мой милый!... ils feront très-bien!... — отвѣчала, слегка вздохнувъ, Анна Юрьевна:— я такъ часто въ жизни моей близка была сломать себѣ голову, но не успѣла только, такъ пусть же они мнѣ помогутъ въ этомъ. Ваши занятія въ концѣ мая совершенно окончатся? — отнеслась она затѣмъ уже къ Еленѣ, какъ бы чувствуя необходимость ее немножко приласкать.

— Да!— отвѣчала та ей сухо. Она очень хорошо

видѣла, что Анна Юрьевна, говоря съ ней, почти насилуетъ себя. Досада забушевала въ сердцѣ Елены противъ Анны Юрьевны, и, въ отмщеніе ей, она рѣшилась, въ присутствіи ея, посмѣяться надъ русской аристократіей.

— Миѣ очень бы желалось знать,—начала она,— что пресловутая Наталья Долгорукова изъ этого самаго рода Шереметевыхъ, которымъ принадлежитъ теперь Останкино?

— Изъ этого!—отвѣчала Анна Юрьевна съ нѣсколько надменнымъ видомъ. — Не правда ли, que c'est un être très poétique?... l'idéal des femmes russes!

Елена сдѣлала гримасу.

— По-моему, она очень должно быть недалеко была,—проговорила Елена.

Анна Юрьевна взглянула на нее вопросительно.

— Потому что,—продолжала Елена,—какимъ же образомъ можно было до такой степени полюбить господина Долгорукова, человѣка весьма дурныхъ качествъ и свойствъ, какъ говоритъ намъ исторія, да и вообще кого изъ русскихъ князей стоитъ такъ полюбить?

— Князь! Remerciez pour ce compliment; inclinez-vous!...—воскликнула Анна Юрьевна къ князю.

— Я потому и позволяю себѣ говорить это въ присутствіи князя, — подхватила Елена, — что онъ въ этомъ случаѣ совершенно исключеніе: въ немъ, сколько я знаю его, ничего нѣтъ княжескаго. А шутки въ сторону,—продолжала она какъ бы болѣе серьезнымъ тономъ: — скажите миѣ, былъ ли изъ русскихъ князей хоть одинъ настоящимъ образомъ великій человѣкъ, великій полководецъ, великій

поэтъ, ученый, великій критикъ, публицистъ?... Вездѣ они являются диллетантами, играютъ какую-то второстепенную роль. Суворовъ былъ не князь; Пушкинъ, не смотря на свои смѣшныя аристократическія замашки, тоже не князь, Ломоносовъ не князь, Бѣлинскій не князь, Чернышевскій и Добролюбовъ тоже не князья!

— Ну, а князь Пожарскій, напримѣръ?...— перебила ее Анна Юрьевна, слушавшая весьма внимательно всѣ эти слова ея.

Елена при этомъ мило пожала плечами своими.

— По-моему-съ, онъ только человѣкъ счастливой случайности, — сказала она. — И кто въ это дѣйствительно серьезное для Россіи время больше дѣйствовалъ: онъ или Мининъ — исторія еще не рѣшила.

— Пожарскій что? — замѣтилъ и князь. — Вотъ Долгорукій, князь Яковъ Долгорукій — то другое дѣло, это былъ человѣкъ настоящей!

— Это тотъ, который царскіе указы рвалъ?... Но развѣ одна грубость и дерзость даютъ право на званіе великаго человѣка? — возразила ему Елена.

— Но кромѣ тамъ вашего князя Якова Долгорукова мало ли было государственныхъ людей изъ князей? — воскликнула Анна Юрьевна. — Сколько я сама знала заграницей отличнѣйшихъ дипломатовъ и посланниковъ изъ русскихъ князей!...

— О, если вы такихъ людей разумѣете великими, то конечно ихъ всегда было, есть и будетъ очень много, — проговорила Елена.

— Но какихъ же вы-то разумѣете великими людьми? — спросила ее Анна Юрьевна уже съ нѣкоторою запальчивостью.

— Я разумѣю великимъ человекомъ только то-го, — отвѣчала Елена, — кто создалъ что-нибудь новое, избралъ какой-нибудь новый путь, неизвѣстный, по крайней мѣрѣ, въ его народѣ; а кто идетъ только искусно по старымъ дорожкамъ—это, пожалуй, люди умные... ловкіе въ жизни...

— Но какъ же въ жизни различить, кто идетъ по новымъ путямъ или по старымъ? — воскликнула Анна Юрьевна. — *La vie n'est pas un champ*, гдѣ видно, что есть дорога или нѣтъ... Вы говорите, моя милая, какую-то утопію!

— Почему же я говорю утопію?—спросила Елена удивленнымъ голосомъ: ее больше всего поразило то, съ какой это стати и въ какомъ значеніи употребила тутъ Анна Юрьевна слово—утопія.

— Рѣшительную утопію!—повторила та настойчиво съ своей стороны.

Анна Юрьевна простодушно полагала, что утопіею называется всякая ложь, всякій вздоръ.

— Ну, однако, поѣдемте, пора!—сказалъ вдругъ князь, вставая и обращаясь къ Еленѣ. Онъ, вѣжеству, нѣсколько опасался, чтобы разговоръ между дамами не достигнулъ еще до бѣльшихъ рѣзкостей.

— Пора!—отозвалась съ удовольствіемъ и Елена.

Анна Юрьевна, не смотря на происшедшій споръ, постаралась проститься съ Еленой какъ можно радушиѣе, а князя, когда онъ пошелъ было за Еленой, пріостановила на минуту.

— Посмотри, какъ ты дѣвочку изнурилъ: ее узнать нельзя!—проговорила она ему шепотомъ.

— Подите вы, изнурилъ!...—отвѣчалъ ей со смѣхомъ князь.

— Непремѣнно изнурилъ!... Она, впрочемъ, премуменькая, но предерзкая, должно быть...

— Есть это отчасти!—отвѣчалъ князь, еще разъ пожимая руку кухни и уходя отъ нея.

Когда онъ завезъ Елену домой, то Елизавета Петровна, уже возвратившаяся и приведшая себя въ порядокъ, начала его убѣдительно упрашивать, чтобы онъ остался у нихъ отужинать. Князь согласился. Елена за ужиномъ ничего не ѣла.

— Вы, кажется, хотите голодомъ себя уморить?—замѣтилъ ей князь.

— Все противно!—отвѣчала ему Елена.

Елизавета Петровна при этомъ отвѣтѣ дочери внимательно посмотрѣла на нее.

VII.

Въ самый день переѣзда Григоровыхъ на дачу, ихъ постигнулъ трауръ; получена была телеграмма, что скоростижно скончался Михайло Борисовичъ Бахтуловъ. Князю Григорову не премѣнно бы слѣдовало ѣхать на похороны къ дядѣ; но онъ не поѣхалъ, отговорившись передъ женой тѣмъ, что онъ считаетъ нечестнымъ скакать хоронить того человека, котораго онъ всегда ненавидѣлъ: въ сущности же князь не ѣхалъ, потому что на нѣсколько дней даже не въ состояннн былъ разстаться съ Еленой, овладѣвшей рѣшительно всѣмъ существомъ его и тоже переѣхавшей вмѣстѣ съ матерью на дачу.

Въ Петербургѣ смерть Михайла Борисовича, не говоря уже о Марьѣ Васильевнѣ, съ которой съ са-

мой сдѣлался отъ испуга ударъ, разумѣется, больше всѣхъ поразила барона Мингера. Баронъ мало того, что въ Михайлѣ Борисовичѣ потерялъ искреннѣйшимъ образомъ расположеннаго къ нему начальника, но, что ужаснѣе всего для него было, — на мѣсто Бахтулова назначенъ былъ именно тотъ свирѣпый генералъ, котораго мы видѣли у Бахтулова, и который на первомъ же приѣмѣ своего вѣдомства объяснилъ, что онъ въ подчиненныхъ своихъ желаетъ видѣть работниковъ, труженниковъ, а не друзей. Баронъ, насчетъ котораго были прямо сказаны эти слова, только слегка поблѣднѣлъ, и затѣмъ генералъ при каждомъ докладѣ его сталъ придираться ко всевозможнымъ пустымъ промахамъ и рѣзко выговаривать за нихъ. Баронъ молча выслушивалъ все это и въ душѣ рѣшился сначала уѣхать въ четырехмѣсячный отпускъ, а потомъ, съ наступленіемъ осени, хлопотать о переходѣ на какое-нибудь другое мѣсто. Въ одинъ день, наконецъ, онъ высказалъ генералу свою просьбу объ отпускѣ.

— Вы ѣдете за границу? — спросилъ его тотъ насмѣшливо.

— Нѣтъ-съ, въ Москву! — отвѣчалъ ему баронъ.

— Отчего же не за границу? — повторилъ генералъ опять насмѣшливо.

— Я не имѣю средствъ на то, — отвѣчалъ баронъ, гордо выпрямляясь передъ нимъ.

— Я могу испросить вамъ пособіе, — произнесъ генералъ уже серьезно.

— Я не боленъ и не имѣю права на пособіе, — преговорилъ баронъ тѣмъ же гордымъ тономъ. Онъ

не хотѣлъ отъ этого дикаго сатрапа принимать никакого одолженія.

Генераль затѣмъ, весьма равнодушно написавъ на его докладной запискѣ: «уволить!», возвратилъ ее барону, который, въ свою очередь, холодно съ нимъ раскланялся и удалился.

На другой день послѣ этого объясненія, баронъ написалъ къ князю Григорову письмо, въ которомъ между прочимъ излагалъ, что, потерявъ такъ много въ жизни со смертью своего благодѣтеля, онъ хочетъ отдохнуть душой въ Москвѣ; а поэтому спрашиваетъ у князя еще разъ позволенія пріѣхать къ нимъ погостить. «Этотъ Петербургъ, товарищи мои по службѣ, даже комнаты и мебель, словомъ все, что напоминаетъ мнѣ моего богоподобнаго Михайла Борисовича, все это еще болѣе раскрываетъ раны сердца моего», заключалъ баронъ свое письмо, на какое князь въ тотъ же день послалъ ему телеграфическую депешу, которою увѣдомлялъ барона, что онъ ждетъ его съ распростертыми объятіями и что для него уже готово помѣщеніе, именно, въ томъ самомъ флигелѣ, гдѣ и князь жилъ. Баронъ послѣ того не замедлилъ прибыть въ Москву и прямо съ желѣзной дороги, въ извозничьей каретѣ, биткомъ набитой его чемоданами, проѣхалъ въ Останкино.

Самого князя не было въ это время дома, но камердинеръ его показалъ барону приготовленное для него помѣщеніе, которымъ тотъ остался очень доволенъ: оно выходило въ садъ; передъ глазами было много зелени, цвѣтовъ. Часа въ два наконецъ явился князь домой; услыхавъ о пріѣздѣ гостя, онъ прямо прошелъ къ нему. Баронъ передъ тѣмъ только раз-

ложился съ своимъ измявшимся отъ дороги гардеробомъ. Войдя къ нему, князь не утерпѣлъ и ахнулъ. Онъ увидѣлъ по крайней мѣрѣ до сорока цвѣтныхъ штановъ барона.

— Зачѣмъ у васъ такая пропасть этой дряни? — воскликнулъ онъ.

— Цвѣтныхъ брюкъ надобно имѣть или много, или ни однѣхъ, а то онѣ очень приглядываются! — отвѣчалъ баронъ съ улыбкою и вѣрнопко цѣлуясь съ другомъ своимъ.

— Княгиню видѣли? — спросилъ князь.

— Нѣтъ еще! — отвѣчалъ баронъ.

— Ну такъ пойдите къ ней.

— Позвольте мнѣ нѣсколько привести себя въ порядокъ, — отвѣчалъ баронъ.

— Будемъ ждать васъ! — сказалъ князь и ушелъ къ женѣ.

Ему поскорѣ хотѣлось видѣть ее, потому что княгиня, какъ онъ успѣлъ подмѣтить, не совсѣмъ большое удовольствіе изъявила, услыхавъ, что баронъ собрался наконецъ и ѣдетъ къ нимъ гостить. Князь засталъ ее въ залѣ играющею на роялѣ. Звуки сильныя, энергическія, исполненныя глубокой тоски, вылетали изъ-подъ ея бѣленькихъ пальчиковъ. Княгиня въ послѣднее время только и развлеченіе находила себѣ что въ музыкѣ. Князь нѣкоторое время простоялъ на балконѣ, какъ бы не рѣшаясь и совѣстясь прервать игру жены. Невольное чувство совѣсти говорило въ немъ, что эти сильныя и гнѣвныя звуки были вызваны изъ кроткой души княгини имъ и его поведеніемъ: наконецъ онъ вошелъ, княгиня сейчасъ же перестала играть. Она никогда больше при мужѣ

не играла и вообще послѣднее время держала себя въ отношеніи его въ какомъ-то официально-поворномъ положеніи, что князь очень хорошо замѣчалъ и въ глубинѣ души своей мучился этимъ.

— Баронъ пріѣхалъ! — сказалъ онъ какъ можно болѣе привѣтливымъ голосомъ.

— Слышала это я, — отвѣчала княгиня холодно.

«Опять этотъ холодъ и ледь!» подумалъ про себя князь. Обѣдать этотъ разъ онъ предположилъ дома и даже весь остальной день могъ посвятить своему пріѣхавшему другу, такъ какъ Елена уѣхала до самаго вечера въ Москву, чтобы заказать себѣ тамъ лѣтній, и болѣе скрывающій ея положеніе, костюмъ.

Часа въ три наконецъ баронъ явился къ княгинѣ въ безуборизненно-модной жакеткѣ, въ щегольской соломенной лѣтней шляпѣ, съ дорогой тросточкой въ рукѣ и, по современной модѣ, въ ярко-зеленыхъ перчаткахъ.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ вашего папа, мама, сестрицъ, — говорилъ онъ, подходя и съ чувствомъ пожимая руку княгини. — Всѣ они очень огорчены, что вы пишете имъ о нездоровьѣ вашемъ; и вы дѣйствительно ужасно какъ похудѣли!... — прибавилъ онъ, всматриваясь въ лицо княгини.

— Старѣюсь, и отъ скуки вѣроятно! — отвѣчала княгиня.

— А вы въ Москвѣ скучаете? — спросилъ баронъ.

— Ужасно!... препротивный городъ!... — почти воскликнула княгиня.

Князь при этомъ разговорѣ сидѣлъ молча. Онъ догадывался, что жена всѣми этими словами въ его огородъ кидаетъ камешки.

На дачѣ Григоровы обѣдали ранѣе обыкновеннаго и потому вскорѣ за тѣмъ пошли и сѣли за столъ.

— Какъ чувствуетъ себя бѣдная Марья Васильевна?—спросила княгиня барона.

— Ахъ, Боже мой! виноватъ, и забылъ совсѣмъ! Она прислала вамъ письмо,—проговорилъ тотъ, вынимая изъ бумажника письмо и подавая его князю, который съ недовольнымъ видомъ началъ читать его.

— Марья Васильевна поручила мнѣ умолять князя, чтобы онъ хоть на нѣсколько дней пріѣхалъ къ ней въ Петербургъ,—объяснилъ баронъ княгинѣ.

— Я и сама думаю, что ему надобно съѣздить,—проговорила та.

— Ты думаешь, а я не думаю!—произнесъ сердито князь, кидая письмо на столъ.—Чортъ знаетъ, какая-то тамъ полоумная старуха и поѣзжай къ ней!.. Что я для нея могу сдѣлать? Ничего!—говорилъ онъ, явно вспыливъ.

— Утѣшилъ бы ее тѣмъ, что она увидитъ тебя, больше ничего,—подхватила княгиня.

— Если ей такъ хочется видѣть меня, такъ пусть сама сюда ѣдетъ,—сказалъ тѣмъ же досадливымъ голосомъ князь.

— Какъ же самой ей ѣхать! — возразила княгиня.

— Она тронуться съ постели теперь не можетъ!—поддержалъ ее баронъ.

— Ну когда не можетъ, такъ и сиди тамъ себѣ! — сказалъ князь рѣзко, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень ясно было видно, до какой степени онъ самъ хорошо сознавалъ, что ему слѣдовало съѣздить къ старушкѣ,

и даже желалъ того; но все-таки не могъ этого сдѣлать по извѣстной уже намъ причинѣ.

Княгиня на послѣднія слова его ничего не сказала; баронъ тоже. Онъ, кажется, начиналъ немножко догадываться, что между супругами что-то неладное происходитъ.

Послѣ обѣда князь пригласилъ барона перейти опять въ ихъ мужской флигель. Баронъ при этомъ взглянулъ мелькомъ на княгиню, сидѣвшую съ опущенными въ землю глазами, и покорно послѣдовалъ за княземъ.

Княгиня, оставшись одна, опять сѣла за рояль и начала играть; выбранная на этотъ разъ ея пьеса была не такая уже грустная и гнѣвная, а скорѣе сантиментальная. Видимо, что играющая была въ какомъ-то болѣе мечтающемъ и что-то вспоминающемъ настроеніи.

Князь, между тѣмъ, велѣлъ подать во флигель шампанскаго и льду и замѣтно хотѣлъ побесѣдовать съ пріятелемъ по душѣ. Приглашая такъ быстро и радушно барона пріѣхать къ нимъ, князь дѣлалъ это отчасти и съ эгоистическою цѣлью: онъ былъ въ такомъ страстномъ фазисѣ любви своей; у него такъ много, по этому поводу, накопилось мыслей, чувствъ, что онъ жаждалъ и задыхался отъ желанія хоть съ кѣмъ-нибудь всѣмъ этимъ подѣлиться. Баронъ для этого казался ему удобнѣе всѣхъ. Во-первыхъ, онъ былъ старый его пріятель, во-вторыхъ, замѣтно любилъ и уважалъ его и, наконецъ, былъ скромнень какъ рыба. Князь совершенно былъ убѣжденъ, что баронъ, чисто по своей чиновничьей привычкѣ, никогда и никому звука не скажетъ изъ того, что услышитъ

отъ него. Когда стакана по два, по три было выпито, и баронъ уже покраснѣлъ въ лицѣ, а князь еще и больше его, то сей послѣдній, развалясь на диванѣ, началъ какъ бы совершенно равнодушнымъ голосомъ:

— Я хочу вамъ, мой милый Эдуардъ, открыть тайну, въ отношеніи которой прошу прежде всего вашей скромности, а потомъ, можетъ быть, и нѣкотораго совѣта по случаю оной.

— За первое ручаюсь, а за второе, не знаю, съумѣю-ли,—отвѣчалъ баронъ.

— Съумѣете, потому что въ этомъ случаѣ вамъ подскажетъ ваша дружба и безпристрастіе ко мнѣ.

— О, если такъ, то конечно! — подхватилъ баронъ.

Сдѣлавъ такого рода предисловіе, князь перешелъ затѣмъ прямо къ дѣлу.

— У меня тутъ въ нѣкоторомъ родѣ романъ затѣялся,—началъ онъ какъ-то не вдругъ и постукивая нервно ногою.

— Романъ?... съ кѣмъ же это?—спросилъ баронъ.

— Съ дѣвушкой одной и очень хорошей...—отвѣчалъ князь, окончательно краснѣя въ лицѣ.

— Съ дѣвушкой даже? — повторилъ баронъ:—но какъ же княгиня на это смотритъ?—прибавилъ онъ.

— Княгиня пока ничего,—отвѣчалъ князь, держа голову потупленною и хоть не смотрѣлъ въ это время пріятелю въ лицо, но очень хорошо чувствовалъ, что оно имѣетъ не совсѣмъ одобрительное выраженіе для него.

— Вы лучше другихъ знаете,—продолжалъ князь, какъ бы желая оправдаться передъ барономъ,— что

женидба моя была рѣшительно поступокъ сумасшедшаго мальчишки, который не знаетъ, зачѣмъ онъ женится и на комъ женится.

Баронъ молчалъ.

— Къ счастью, какъ и вы вѣроятно согласитесь,—разъяснялъ князь,—изъ княгини вышла женщина превосходная; я признаю въ ней самыя высокія нравственныя качества; ея счастье, ея спокойствіе, ея здоровье дороже для меня собственнаго; но въ то же время, какъ жену, какъ женщину, я люблю ея больше...

Баронъ при этомъ гордо поднялъ голову и вопросительно взглянулъ на пріятеля.

— Но за что же именно вы разлюбили ее? — спросилъ онъ его.

— И самъ не знаю! — отвѣчалъ князь; о причинахъ, побудившихъ его разлюбить жену, онъ не хотѣлъ открывать барону, опасаясь этимъ скомпрометировать нѣкоторымъ образомъ княгиню.

— Ну, такъ какъ вы, мой милый Эдуардъ Федоровичъ,—заклучилъ онъ,—полагаете: виновата я или нѣтъ, разлюбя, совершенно противъ моей воли, жену мою?

— Конечно виноваты, потому что зачѣмъ вы женились, не узнавъ хорошенько дѣвушки, — отвѣчалъ баронъ.

— Совершенно согласенъ, но въ таковой мѣрѣ виновата и княгиня: зачѣмъ она шла замужъ, не узнавъ хорошенько человѣка?

— Но княгиня, однако, не разлюбила васъ?

— А я-то чѣмъ виноватъ, что разлюбилъ ее? — спросилъ князь.

— Тѣмъ, что *позволили* себѣ разлюбить ее, — отвѣчалъ баронъ, сдѣлавъ замѣтное удареніе на словѣ *позволили*.

Князь усмѣхнулся при этомъ.

— Вы, мой милый Эдуардъ, — отвѣчалъ онъ, — вѣроятно не знаете, что существуетъ довольно распространенное мнѣніе, по которому полагаютъ, что даже уголовныя преступленія, поймите вы! уголовныя не должны быть вмѣняемы въ вину, а ужъ въ дѣлѣ любви всякій французскій романъ вамъ докажетъ, что человѣкъ ничего съ собой не подѣляетъ.

— Но, однако, почему же вы спрашиваете меня: виноваты ли вы или нѣтъ? — возразилъ ему съ усмѣшкою баронъ.

Князь подумалъ нѣкоторое время: онъ и самъ хорошенько не давалъ себѣ отчета, зачѣмъ онъ спрашиваетъ о подобныхъ вещахъ барона.

— Очень просто-съ! — началъ онъ, придумавъ наконецъ объясненіе: — въ каждомъ человѣкѣ такая пропасть понятій рациональныхъ и предразсудочныхъ, что онъ иногда и самъ не разберетъ въ себѣ, которое въ немъ понятіе предразсудочное и которое настоящее, и вотъ, ради чего, я и желалъ бы слышать ваше мнѣніе, что такъ-называемая вѣрность брачная — понятіе предразсудочное, или настоящее, рациональное?

— По-моему, совершенно рациональное! — подтвердилъ баронъ.

— Жду доказательствъ отъ васъ тому!

— Доказательствомъ тому можетъ служить, — отвѣчалъ баронъ совершенно увѣренно, — то, что бракъ

есть доно, гнѣздо, въ которомъ вырастаетъ и воспитывается будущее поколѣніе.

— Но будущее поколѣніе точно такъ же бы хорошо возрастало и воспитывалось и при контрактныхъ отношеніяхъ между супругами безъ всякой вѣрности!

— Можетъ быть! Но въ такомъ случаѣ отношенія между мужемъ и женою были бы слишкомъ прозаичны.

— Но за то они были бы честнѣй нынѣшнихъ, и въ нихъ не было бы этой всеобщей мерзости дѣяній человѣческихъ — *лжи!* Вы вообразите себѣ какого-нибудь вѣрнаго, по долгу, супруга, которому вдругъ жена его разонравилась, ну, положимъ, хоть тѣмъ, что растолстѣла очень, и онъ все-таки идетъ къ ней, цѣлуетъ ея ножку, ручку, а самого его въ это время претить, тошнить; согласитесь, что подобное зрѣлище безнравственно даже!... И сей, вѣрный супругъ, по-моему, хуже разныхъ господъ камелій, приносящихъ себя въ жертву замоскворѣцкимъ купчихамъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, это дѣлаютъ изъ нужды, для добычи денегъ, а онъ зачѣмъ-же? Затѣмъ, что попъ ему приказалъ такъ!

Баронъ усмѣхнулся: подобная картина вѣрнаго супруга и ему показалась странна и смѣшна.

— А что за Москвой-рѣкой, въ самомъ дѣлѣ, можно выгодно жениться на какой-нибудь богатой купеческой дочкѣ? — спросилъ онъ вдругъ.

— Весьма. Хотите, я буду хлопотать для васъ объ этомъ?

— Сдѣлайте одолженіе! — подхватилъ баронъ шутя: — однако, вотъ что вы мнѣ скажите, — прибавилъ

онъ уже серьезно: — что же будетъ, если княгиня, такъ вполнѣ оставленная вами, сама полюбитъ кого-нибудь другаго?

— Имѣть полное нравственное право на то!... полнѣйшее! — воскликнулъ князь.

— Ну, нѣтъ, вы шутите! — пропзнесъ баронъ, краснѣя даже немножко въ лицѣ.

— Нисколько! Я даже душевно желаю того, по простому чувству справедливости: я полюбилъ другую женщину, поэтому и княгиня, если пожелаетъ того, можетъ отдать свое сердце другому; желаю только въ этомъ случаѣ, чтобы этотъ другой былъ человѣкъ порядочный!

Баронъ при этомъ опять усмѣхнулся и покачалъ только головой.

— Я все-таки не могу вѣрить, чтобы могли между вами существовать такія отношенія, — проговорилъ онъ.

— Совершенно такія существуютъ! — отвѣчалъ князь, нахмуривая брови: ему было уже и досадно, зачѣмъ онъ открылъ свою тайну барону, тѣмъ болѣе, что, начиная разговоръ, князь, по преимуществу, хотѣлъ передать другу своему объ Еленѣ, о своихъ чувствахъ къ ней, а вышло такъ, что они все говорили о княгинѣ.

— Странно, очень странно, — сказалъ ему на это баронъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ видно, удивленный тѣмъ, что слышалъ.

Въ это время изъ сада, подъ окномъ флигеля, раздался голосъ княгини.

— Эдуардъ Федорычъ! — крикнула она оттуда: — не хотите ли прогуляться со мной по Останкину?

— Ахъ, очень радъ!—воскликнулъ тотъ, и, сейчасъ же вставъ и схвативъ свою соломенную шляпу, пошелъ къ княгинѣ.

— И я съ вами пойду!—подхватилъ князь и тоже пошелъ за барономъ.

Княгиня, кажется, не ожидала увидѣть мужа.

— А ты развѣ дома еще?—спросила она его.

— Дома! — отвѣчалъ князь.

— Мы въ садъ не пойдёмъ; тамъ изъ Москвы наѣхало купечество, а потому толпа ужасная!—говорила княгиня.

— А баронъ, напротивъ, стремится къ замоскворѣцкому купечеству: партію хочетъ себѣ составить среди ихъ!—замѣтилъ князь.

— Партію вы хотите между купчихъ составить?—спросила княгиня барона, какъ бы нѣсколько укоризненнымъ голосомъ.

— Это вашъ супругъ мнѣ предлагаетъ, — отвѣчалъ тотъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они шли по дорогѣ къ Марьиной рошѣ, и когда вышли въ поле, то княгиня, которая была очень дальнзорка, начала внимательно глядѣть на ѣхавшую имъ на встрѣчу пролетку съ дамой.

— Это, кажется, Елена?—спросила она мужа.

— Да, она,—произнесъ тотъ протяжно. Онъ уже давно узналъ Елену, возвращавшуюся изъ Москвы. О томъ, что Жиглинскія будутъ въ Останкинѣ жить и даже переѣхали съ ними въ одинъ день, князь до сихъ поръ еще не говорилъ женѣ.

— Она, вѣроятно, къ намъ ѣдетъ! — прибавила княгиня.

— Не думаю, скорѣе домой! — возразилъ князь.

— Стало быть, она здѣсь живетъ? — произнесла княгиня, устремляя на мужа внимательный взглядъ.

— Здѣсь! — отвѣчалъ онъ ей почти сердито.

Елена въ это время подѣхала къ нимъ очень близко. Сначала она, видимо, недоумѣвала — выйти ли ей изъ экипажа или нѣтъ; наконецъ, замѣтно пересиливъ себя, она сошла и прямо обратилась къ княгинѣ.

— Bonjour, princesse! — произнесла она какъ бы радостнымъ голосомъ.

— Bonjour! — отвѣчала княгиня: — а вы въ Останкинѣ тоже живете? — присовокупила она послѣ короткаго молчанія.

— Въ Останкинѣ! — сказала Елена.

— А давно ли переѣхали?

— Недѣли двѣ.

Княгиня сдѣлала при этомъ знаменательную мину.

Князь же, съ своей стороны, спѣшилъ познакомиться Елену съ барономъ.

— Баронъ Мингеръ!... Mademoiselle Жиглинская!... — отрекомендовалъ онъ ихъ другъ другу. Елена довольно равнодушно поклонилась барону, но тотъ съ удовольствіемъ оглядѣлъ ее съ головы до ногъ; всѣ пошли потомъ обратно къ Останкину.

— Это именно та особа, о которой я вамъ говорилъ! — сказалъ негромко барону князь.

— А!... — произнесъ тотъ.

У воротъ сада дамы стали прощаться; послѣ того разговора, который произошелъ у нихъ при встрѣчѣ, онъ не сказалъ между собою больше ни полслова.

— Прощайте, княгиня! — произнесла Елена какъ бы отдыхающимъ отъ удушья голосомъ.

— Прощайте, — сказала и та не безъ удовольствія.

— Заходите какъ-нибудь къ намъ! — сказала Елена князю, садясь на своего пзвощика.

— Непремѣнно! — отвѣчалъ тотъ.

Княгиня послѣ того, ссылаясь на нездоровье, ушла къ себѣ въ домъ, а мужчины прошли въ свой флигель и стали играть на билліардѣ. Разговоръ объ Еленѣ и о княгинѣ между ними не начпнался болѣе, какъ-будто бы имъ обоимъ совѣстно было заговорить объ этомъ.

VIII.

Послѣ описанной нами прогулки, княгиня, въ самомъ дѣлѣ, видно расхворалась не на шутку, потому что дня два даже не выходила изъ своей комнаты. Въ продолженіе всего этого времени князь ниразу не зашелъ къ ней; на третье утро, наконецъ, княгиня сама прислала къ нему свою горничную.

— Княгиня приказали васъ спросить, что могутъ онѣ послать за Елпидифоромъ Мартынычемъ? — доложила ему та.

— А развѣ княгинѣ не лучше? — спросилъ князь, какъ бы нѣсколько встревоженнымъ голосомъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчала горничная.

— Но почему же именно за Елпидифоромъ Мартынычемъ? — произнесъ князь и пошелъ къ женѣ.

Княгпню засталъ онъ neodѣтою, съ дурнымъ цвѣ-

томъ лица, съ красными и какъ бы заплаканными глазами.

— Чѣмъ вы больны? — спросилъ онъ ее, хотя и догадывался о причинѣ ея болѣзни.

— И сама хорошенько не знаю! — отвѣчала княгиня, стараясь не глядѣть на мужа.

— Но что за сумасшествіе посылать за болваномъ Иллионскимъ, — возразилъ онъ.

— Потому что я ему больше другихъ докторовъ вѣрю, — отвѣчала княгиня холодно и равнодушно.

— Но я-то ему не вѣрю и не могу позволить ему лечить тебя! — проговорилъ рѣзко князь.

Княгиня слегка пожалала плечами.

— Въ такомъ случаѣ я останусь безъ доктора, — произнесла она.

Отвѣтъ этотъ видимо взбѣсилъ князя; но онъ сдержалъ себя.

— Зачѣмъ-же вы въ такомъ случаѣ спрашивали меня? посылайте, за чѣмъ хотите! — произнесъ онъ; и затѣмъ, повернувшись на каблукахъ своихъ, проворно ушелъ къ себѣ: князь полагалъ, что княгиня всю эту болѣзнь и желанье свое непременно лечиться у Елпидифора Мартыныча нарочно выдумала, чтобы только помучить его за Елену.

Княгиня дѣйствительно послала за Елпидифоромъ Мартынычемъ не столько по болѣзни своей, сколько по другой причинѣ: въ началѣ нашего разказа она думала, что князь идеалью былъ влюбленъ въ Елену, и совершенно была увѣрена, что современемъ ему наскучитъ подобное ухаживанье; постоянныя же отлучки мужа изъ дому княгиня объясняла тѣмъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, участвуетъ въ

какой-нибудь компаніи и, пожалуй, даже часто бываетъ у Жиглинскихъ, гдѣ они вѣроятно читаютъ вмѣстѣ съ Еленой книги, философствуютъ о разныхъ возвышенныхъ предметахъ, но никакъ не больше того. Когда князь сказалъ княгинѣ, что они переедутъ на дачу въ Останкино, то она была очень рада тому. Ей казалось, что онъ тогда, по необходимости, будетъ больше бывать дома и не станетъ каждый день скакать въ Москву для свиданія съ предметомъ своей страсти, а такимъ образомъ мало-по-малу и забудетъ Елену; но, по переездѣ на дачу, князь продолжалъ не бывать дома, — это уже начало княгиню удивлять и беспокоить, и тутъ вдругъ она узнаетъ, что Елена не только что не въ Москвѣ, но даже у нихъ подъ бокомъ живетъ: явно, что князь просто возитъ ее за собой.

Разузнать обо всемъ этомъ и подробно вывѣдать княгиня могла черезъ одного только Елпидиора Мартыныча, въ преданность котораго она вѣрила, и напередъ почти была убѣждена, что онъ все уже и знаетъ. Получивъ отъ княгини приглашеніе посѣтить ее больную, Елпидиоръ Мартынычъ сейчасъ же воспылалъ гордостью.

— Митъка, лошадей! — крикнулъ онъ какъ-то грозно своему лакею, и когда кони его (пара старыхъ саврасыхъ вятковъ) были поданы, онъ гордо сѣлъ въ свою пролетку, гордо смотрѣлъ, проѣзжая всю Срѣтенку и Мѣщанскую, и, выѣхавъ въ поле, гдѣ взору его открылся весь небосклонъ, онъ прищурившись, конечно, но взглянулъ даже гордо на солнце и, подѣвжая къ самому Останкину, такъ громко кашлянулъ, что сидѣвшія на деревьяхъ въ

ближайшей рощѣ вороны, при этомъ громopodobномъ звукѣ, вспорхнули цѣлой стаей и отъ страха улетѣли вдаль. У Григоровыхъ Елпидифоръ Мартынычъ рѣшился на этотъ разъ повести себя немножко сурово и сердито, желая дать имъ понять, что его нельзя такъ третировать: то поди вонъ, то пожалуй къ намъ,—и на первыхъ порахъ выдержалъ эту роль; попавъ сначала случайно въ мужской флигель и не найдя тамъ никого, кромѣ лакея, онъ строго спросилъ его:

— Гдѣ больная?

Лакей при этомъ выпучилъ на него глаза.

— Какая больная-съ? — сказалъ онъ ему.

— Княгиня! — крикнулъ ужъ на него докторъ.

— Ахъ, пожалуйста-съ, онъ въ томъ большомъ флигелѣ, — произнесъ лакей и повелъ Елпидифора. Мартыныча черезъ садъ, гдѣ тотъ снова гордо взглянулъ на цвѣты, гордо вдохнулъ въ себя запахъ резеды; но, войдя къ княгинѣ, мгновенно утратилъ свой надменный видъ и принялъ позу смиренной и ласкающейся овечки.

— Это что вы дѣлаете?.. хвораете?.. а?.. Не стыдно ли вамъ! — говорилъ онъ, цѣлуя бѣлую ручку княгини и потомъ, сколь возможно стараясь потише, отбашлянулся—к-ха!—Ну-съ, гдѣ же и что же у васъ болитъ?—продолжалъ онъ, принимаясь, по обыкновенію, шупать пульсъ.

— У меня желчь, должно быть; во рту очень горько, — проговорила княгиня.

— Тутъ, значить, есть боль, присовокупилъ Елпидифоръ Мартынычъ, ткнувъ довольно сильно княгиню пальцемъ въ правый желудочный бокъ.

Та при этомъ неволью покраснѣла.

— Есть маленькая боль, — отвѣчала она.

— А тутъ, въ сердчишкѣ ничего не болитъ?— пошутилъ Елпидифоръ Мартынычъ, показывая на лѣвый грудной бокъ княгини.

— А тутъ очень болтъ! — сказала она въ свою очередь съ горькою улыбкой.

— Знаемъ-съ, знаемъ! Ну, язычекъ покажите!

Зачѣмъ Елпидифоръ Мартынычъ требовалъ, чтобы княгиня языкъ ему показала, онъ и самъ хорошенько не понималъ; но когда та показала ему одинъ только кончикъ языка, то онъ почти прикрикнулъ на нее:

— Больше, больше высуньте!

Бѣдная княгиня почти до слезъ на глазахъ высунула ему языкъ.

— Ну языкъ такъ себѣ, ничего! — произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ и сѣлъ писать рецептъ. Прежде всего онъ затребовалъ приличное количество индальской эмульсии, а потомъ выписалъ для успокоенія нервовъ лавровишневыхъ капель, и на всякій случай, авось чему-нибудь поможетъ, нуксъ-вомика; затѣмъ, для пріятнаго вкуса и противъ желчи, положилъ лимоннаго сиропа; кромѣ того, прописалъ невиннѣйшій по содержанию, но огромной величины пластырь на печень и, сказавъ, какъ нужно все это употреблять, усѣлся противъ княгини.

— На дачку, вотъ, переѣхалъ; хорошо это, очень хорошо!

Княгиня молчала.

— Князя я не увижу, конечно, — продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ:—его, можетъ, дома нѣтъ, да и не любитъ, вѣдь, онъ меня.

— Онъ, кажется, куда-то ушелъ, — отвѣчала непрямо княгиня. Она все обдумывала, какъ-бы ей поскорѣе начать съ Елпидифоромъ Мартынычемъ тотъ разговоръ, который ей хотѣлось, и никакъ не могла придумать; но Елпидифоръ Мартынычъ самъ помогъ ей въ этомъ случаѣ: онъ, какъ врачъ, можетъ быть и незорливъ былъ, но какъ человекъ — далеко видѣлъ!

— Барышня-то эта, Жиглинская, которую я видѣлъ у васъ, здѣсь же живетъ, въ Останкинѣ? — ударилъ онъ прямо, куда нужно.

— Д-да... — протянула ему въ отвѣтъ княгиня. — А что, скажите, вы ее знаете хорошо? — прибавила она, помолчавъ немного.

— Знаю хорошо-съ, особенно старуху мать.

— Что же это за госпожа?

— Госпожа такая, что дама... благороднаго званія... — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ съ удареніемъ: — смолоду красавица была!.. Ахъ, какая красавица! — прибавилъ онъ и закрылъ даже при этомъ глаза, какъ бы желая себѣ яснѣе вообразить Елизавету Петровну въ ея молодости.

— Что-жь, она замужняя была? — спрашивала княгиня.

— Какъ же-съ!.. сначала замужемъ была, ну а потомъ и безъ замужества жила съ однимъ господиномъ какъ-бы въ замужествѣ. Болѣе всегда тѣлесною красотой блистала, чѣмъ душевной!

Для Елпидифора Мартыныча было ясно, какъ день, что онъ могъ или даже долженъ былъ бранить Жиглинскихъ передъ княгиней.

— Но, вѣроятно, и дочь у ней такая же? — при-

бавила княгиня; у ней губы даже при этомъ дрожали.

Елпидифоръ Мартынычъ пожалъ плечами.

— К-ха! — откашлянулся онъ. — Есть пословица русская: что яблоко отъ деревца не далеко падаетъ! — заключилъ онъ многозначительно.

— Но вы у нихъ бываете? — продолжала расспрашивать княгиня.

Елпидифоръ Мартынычъ поднялъ при этомъ свои густыя брови.

— Бываю... лечу старуху иногда, — солгалъ онъ.

— А мужа моего не видали тамъ? — проговорила княгиня, и у ней опять при этомъ задрожали губы.

— Нѣтъ, не видалъ, ни разу не застаивалъ, — отвѣчалъ улыбаясь Елпидифоръ Мартынычъ: — а сказывала старуха, что бываетъ у нихъ.

— Къ чему же она вамъ сказывала это? — допрашивала княгиня. Оскорбленная любовь и ревность съблали изъ нея даже искусную допрощицу.

— Да къ тому... — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ протяжно и соображая (онъ недоумѣвалъ еще отчасти: все ли ему говорить княгинѣ или нѣтъ)... — что жаловалась на дочь.

— Но какая же связь тутъ, что она жаловалась на дочь и что князь бываетъ у нихъ?

— А такая вотъ, — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, кашлянувъ: — что князь собственно и бываетъ у нихъ для дочки...

— Стало быть, мать противъ этого? — допрашивала княгиня.

— Сначала была *противъ*, — отвѣчалъ Елпиди-

форъ Мартынычъ съ лукавой улыбкой: — а теперь, кажется, за.

— Но почему же прежде *противъ*, а теперь *за*?—спросила княгиня.

— А потому, вѣроятно, что деньги за то отъ князя стала получать!.. Нынче, вѣдь, сударыня, весь міръ на этомъ замѣшанъ,—пояснилъ ей Елпидифоръ Мартынычъ и замѣтилъ при этомъ, что у княгини, противъ ея воли, текли уже слезы по щекамъ.

— Неприятно это видѣть, очень неприятно, въ какомъ-бы семействѣ это ни происходило, — продолжалъ онъ какъ-бы съ нѣкоторымъ даже чувствомъ.

— Но что же мнѣ теперь дѣлать?—спросила его княгиня тихо.

— Терпѣть!.. Богъ терпѣнье любитъ!..—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ наставническимъ тономъ.

— Но терпѣть можно, если остается еще надежда, что человѣкъ опомнится когда-нибудь и возвратится къ своему долгу; а тутъ я ничего этого не вижу?—полуспросила княгиня. Видимо, что она ожидала и желала, чтобы на эти слова ея Елпидифоръ Мартынычъ сказалъ ей, что все это вздоръ, одна только шалость со стороны князя, и Елпидифоръ Мартынычъ понималъ, что это именно княгиня хотѣла отъ него услышать; но въ то же время, питая желаніе какъ можно посильнѣе напакостить князю, онъ поставилъ на этотъ разъ правду превыше лести и угодливости людямъ.

— Да, возвращеніе для князя будетъ трудное и едва ли даже возможное, — проговорилъ онъ.

— Стало быть, связь между ними очень близкая

и прочная? — спросила княгиня, все болѣе и болѣе теряясь и волнуясь.

— Кто-жь это знаетъ? — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, псжавъ плечами. — К-х-ха! откашлянулся онъ: — мать мнѣ ея, когда я былъ у нихъ, передъ отъѣздомъ ихъ на дачу, говорила: — «что это, говорить, Леночку все тошнить и отъ всякой пищи у ней отвращеніе?» Я молчу, конечно; мало ли чело-вѣка отъ чего можетъ тошнить!

— Поэтому она ужъ въ интересномъ положеніи? — произнесла княгиня почти голосомъ ужаса.

— Ничего больше того не знаю, ничего-съ!... — сказала наотрѣзъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Но, Елпидифоръ Мартынычъ, вы узнайте мнѣ это хорошенько и повѣрнѣе, — продолжала княгиня тѣмъ же отчаяннымъ голосомъ.

— Что тутъ разузнавать? — возразилъ было Елпидифоръ Мартынычъ: — время всего лучше можетъ показать: пройдетъ мѣсяца три, четыре, и скрыть это будетъ невозможно.

— Но я не черезъ четыре мѣсяца хочу это знать, а теперь же, — иначе я измучусь, умру, поймите вы!

Елпидифоръ Мартынычъ развелъ руками.

— Можно, пожалуй, и теперь поразвѣдать, — сказалъ онъ.

— Вы сейчасъ же отсюда и завъжайте къ Жиглинскимъ, развѣдайте у нихъ, а завтра ко мнѣ пріѣдете и скажете, — настаивала княгиня.

— Хорошо! — согласился Елпидифоръ Мартынычъ: — только одного я тутъ, откровенно вамъ скажу, опасаюсь: теперь вотъ вы такъ говорите, а потомъ какъ-нибудь помиритесь съ княземъ, разнѣ-

житесь съ нимъ, да все ему расскажете; и останусь я какимъ-то переносчикомъ и сплетникомъ!

— Никогда я ему ничего не скажу и не помирюсь съ нимъ въ душѣ!... — возразила княгиня.

— Ну да, не скажете! — Женщина, вѣдь, вы, сударыня, и поэтому сосудъ слабый и скудельный!.. — замѣтилъ ей глубокомысленно Елпидифоръ Мартынычъ.

Когда онъ, наконецъ, отправился, и княгиня осталась одна, то дала волю душившимся ее въ продолженіе всей предыдущей сцены слезамъ. Елена, если только правда, что про нее говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, казалась ей какимъ-то чудовищемъ. «Какъ, разсуждала княгиня: дѣвушка все-таки изъ благороднаго званія, получившая образованіе, позволила себѣ войти въ близкую связь съ женатымъ человекомъ!» Судя по себѣ, княгиня даже вообразить не могла, какимъ образомъ дѣвушка можетъ рѣшиться на подобную вещь. Родившись и воспитавшись въ строго-нравственномъ семействѣ, княгиня, по своимъ понятіямъ, была совершенно противоположна Еленѣ: она самымъ искреннимъ образомъ вѣрила въ Бога, боялась чорта и грѣховъ, бесконечно уважала пасторовъ, о какихъ-либо протестующихъ и отвергающихъ что-либо мысляхъ княгиня и не слыхала въ домѣ родительскомъ ни отъ кого; изъ бывавшихъ у нихъ въ гостяхъ молодыхъ горныхъ офицеровъ тоже никто ей не говорилъ ничего подобнаго (во время дѣвчества княгини, отрицающія идеи не коснулись еще нашихъ военныхъ вѣдомствъ): и вдругъ она вышла замужъ за князя, который, на другой же день ихъ брака, началъ ей читать оду

Пушвина о свободѣ; потомъ сталъ ей толковать о русскомъ мужикѣ, его высокихъ достоинствахъ; объяснялъ, наконецъ, что міръ ждетъ социальныхъ переворотовъ, что такъ жить нельзя, что всѣ порядочные люди задыхаются въ современныхъ формахъ общества; изъ всего этого княгиня почти ничего не поняла настоящимъ образомъ и полагала, что князь просто фантазируетъ по молодости своихъ лѣтъ (она была почти ровесница съ нимъ). Будь князь понастойчивѣй, онъ, можетъ быть, успѣлъ бы втолковать ей и привить свои убѣжденія, или, по крайней мѣрѣ, она стала бы притворяться, что раздѣляетъ ихъ; но князь, какъ и съ большей частью молодыхъ людей это бываетъ, сразу же разочаровался въ своей супругѣ, отвернулся отъ нея умственно и не сталъ ни слова съ ней говорить о томъ, что составляло его суть, такъ что съ этой стороны княгиня почти не знала его, и видѣла только, что онъ знакомится съ какими-то странными людьми и, Богъ знаетъ, какія иногда странныя вещи говоритъ. Въ числѣ самыхъ сильныхъ нравственныхъ желаній княгини было желаніе имѣть дѣтей и она полагала, что быть матерью или отцомъ есть высшее счастье человѣка на землѣ. Услыхавъ, что ея соперницѣ угрожаетъ это счастье, княгиня страшно и окончательно испугалась за самое себя; она, судя по собственнымъ своимъ чувствамъ, твердо была убѣждена, что какъ только родится у князя отъ Елены ребенокъ, такъ онъ весь и навсегда уйдетъ въ эту новую семью; а потому, какъ ни добра она была и какъ ни чувствовала отвращеніе отъ всякаго рода ссоръ и сценъ, но опасность показалась ей слишкомъ велика, такъ что она рѣ-

шилась поговорить по этому поводу съ мужемъ серьезно. При такомъ душевномъ состояніи, прописанныхъ ей лекарствъ она, разумѣется, не принимала и продолжала весь остальной день плакать.

Елпидифоръ Мартынычъ, между тѣмъ, какъ обѣщаль княгинѣ, такъ и исполнилъ, и направился прямо къ Жиглинскимъ. Во всѣхъ своихъ сплетняхъ, которыми сей достопочтенный врачъ всю жизнь свою занимался, онъ былъ какъ-то необыкновенно счастливъ: въ настоящемъ случаѣ, на примѣръ, Елизавета Петровна сама ждала его и почти готова была посылать за нимъ.

— А, соболю мой ясный! — воскликнула она, увидавъ его изъ саду подъѣзжающимъ къ ихъ дачѣ. — Милости прошу! — повторяла она, сама отворяя ему калитку.

Елпидифоръ Мартынычъ вошелъ къ ней и хоть съ не большимъ удовольствіемъ, но поцѣловалъ у нея руку.

— На лавочку, сюда, подъ тѣнь! — говорила Елизавета Петровна и усадила Елпидифора Мартыныча рядомъ съ собой на одну изъ скамеечекъ.

— А мнѣ бы, глупой, давно слѣдовало васъ поблагодарить! — начала она, какъ бы спохватившись. Елизавета Петровна до сихъ поръ еще не говорила Елпидифору Мартынычу, что стала получать отъ князя деньги, опасаясь, что онъ, старый чортъ, себѣ что-нибудь запроситъ за то; но въ настоящее время нашла нужнымъ открыться ему.

— Ну, что тутъ... не стоитъ благодарности... — отвѣчалъ ей, въ свою очередь, какъ-то стыдливо потупляя свои очи, Елпидифоръ Мартынычъ: — сло-

веса наши, значить, подѣйствовали,—прибавилъ онъ затѣмъ съ отѣнкомъ нѣкоторой гордости.

— Подѣйствовали отчасти, — отвѣчала Елизавета Петровна.

— Что же, на много ли князь распоясался? — спрашивалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Не на много, не ошибется!

— А на сколько, однако?

— Ну, и говорить не хочется!... — Вы, однако, какъ-нибудь Еленѣ не проговоритесь: — она ничего не знаетъ объ этомъ.

— Зачѣмъ ей говорить! — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, нахмуривая немного свои брови. — А что она здорова? — присовокупилъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

— То-то, что нѣтъ!... Нездорова! — воскликнула Елизавета Петровна: — припадки, что я вамъ говорила, продолжаются.

— Что же это значить? — спросилъ ее со вниманіемъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Что значить? Я думаю, что обыкновенно это значить, — отвѣчала Елизавета Петровна. — Беременная, кажется, — произнесла она, помолчавъ немного и болѣе тихимъ голосомъ, чѣмъ обыкновенно говорила.

— Вотъ тебѣ на! — сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— И потому, господниъ его сіятельство, — продолжала Елизавета Петровна, какъ-то гордо поднимая свою громадную грудь: — теперь этими пустяками, которые намъ даетъ, не думай у меня отдѣлаться; какъ только ребенокъ родится, онъ его сейчасъ же

обеспечь двадцатью или тридцатью тысячами, а не то я возьму и принесу его супругѣ на окошко: — «на, поди; няньчись съ нимъ!» — Вы, пожалуста, такъ опять ему и передайте.

Елпидифоръ Мартынычъ на это молчалъ. Елизавета Петровна, замѣтивъ его нѣсколько суровое выраженіе въ лицѣ, поспѣшила прибавить:

— Устройте вы мнѣ это дѣло, — тысячу рублей вамъ за это дамъ, непременно!

Елпидифоръ Мартынычъ и на это усмѣхнулся только и ни слова не говоритъ.

— Вотъ записку сейчасъ дамъ вамъ въ томъ, — сказала Елизавета Петровна, и, съ необыкновенной живостью вставъ съ лавки, сбѣгала въ комнаты и написала тамъ записку, въ которой обязывалась заплатить Елпидифору Мартынычу тысячу рублей, когда получить отъ князя должныя ей тридцать тысячъ.

— Вотъ-съ, извольте получить! — говорила она, подавая ему ее.

Елпидифоръ Мартынычъ взялъ записку и, опять усмѣхнувшись, положилъ ее въ карманъ.

— Не знаю, какъ мнѣ вамъ устроить это, — произнесъ онъ какъ-то протяжно.

— Знаете!... Полноте, другъ мой!... Вы знаете! — говорила Елизавета Петровна нараспѣвъ и ударяя доктора по плечу.

— Да, знаю! Нѣтъ, сударыня, въ нынѣшнемъ вѣкѣ не узнаешь ничего: по-нашему кажется вотъ непременно слѣдовало, чтобы вышло такъ, а выйдеть иначе! — проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ и затѣмъ, вставъ съ лавочки, сталъ застегивать свое пальто. — Пора одного, — заключилъ онъ.

Елизавета Петровна проводила его до самой пролетки.

Елпидифоръ Мартынычъ велѣлъ себя везти въ Свиблово, чтобы кстати уже заѣхать и къ Аннѣ Юрьевнѣ. Онъ такимъ образомъ расположилъ въ головѣ планъ своихъ дѣйствій: о беременности Елены онъ намѣренъ былъ рассказать княгинѣ, такъ какъ она этимъ очень интересовалась; о деньгахъ же на ребенка опять намекнуть Аннѣ Юрьевнѣ, которая разъ и исполнила это дѣло отличнѣйшимъ образомъ. Но, пріѣхавъ въ Свиблово, онъ, въ великому горю своему, засталъ Анну Юрьевну не въ комнатахъ, а на дворѣ, около сарая, въ полумужской шляпѣ, въ замшевыхъ перчаткахъ, съ хлыстомъ въ рукѣ, и собирающуюся ѣхать кататься въ кабріолетѣ на одномъ изъ бѣшеныхъ рысаковъ своихъ.

— Убирайтесь назадъ, не во время пріѣхали! — крикнула было та ему на первыхъ порахъ.

— Ну, что дѣлать! — сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ, нѣсколько сконфуженный такимъ приѣмомъ, и собрался было отправиться въ обратную, но Анна Юрьевна, увидавъ на немъ его уморительную шинель на какой-то клѣтчатою подкладкѣ и почему-то съ стоячимъ воротникомъ, его изматую и порыжьлую шляпу и наконецъ его кислую и недовольную физиономію, не вытерпѣла и возымѣла другое намѣреніе.

— Елпидифоръ Мартынычъ, садитесь со мной и поѣдемте кататься. Ну, слѣзайте же поскорѣе съ вашей пролетки! — приказывала она ему, усѣвшись сама въ свой кабріолетъ.

Елпидифоръ Мартынычъ повелъ глазами на сердито стоящаго коня Анны Юрьевны, послушаться

однако не смѣлъ и, сказавъ своему кучеру, чтобы онъ ѣхалъ за ними, неуклюже и робко полѣзъ въ довольно высокій кабріолетъ. Грумъ слегка при этомъ посадилъ его и только-что Елпидифоръ Мартынычъ усѣлся, и усѣлся весьма неловко, на лѣвой сторонѣ, къ чему совершенно не привыкъ, и не всѣмъ даже тѣломъ своимъ,—какъ Анна Юрьевна ударила возжами по рысаку, и они понеслись по колеистой и неровной дорогѣ. Съ Елпидифора Мартыныча сейчасъ же слетѣла шляпа; шинель на клѣтчатою подкладкѣ распахнулась и готова была попасть въ колеса; самъ онъ началъ хвататься то за кабріолетъ, то даже за Анну Юрьевну.

— Матушка, матушка, Анна Юрьевна... потише... убьете... ей-богу, убьете!—кричалъ онъ почти благимъ матомъ; но Анна Юрьевна не унималась и гнала лошадь. Рысакъ, вытянувъ голову и слегка только пофыркивая, все сильнѣе и сильнѣе забиралъ.

— Господи!... Господи!—продолжалъ кричать Елпидифоръ Мартынычъ и стремился было сцапать у Анны Юрьевны возжи, чтобы остановить лошадь.

— Не смѣйте этого дѣлать!—прикрикнула та на него, и еще сильнѣе ударила возжами по рысаку.

Елпидифоръ Мартынычъ началъ уже читать предсмертную молитву; но въ это время съ парика его пахнуло на Анну Юрьевну запахомъ помады; она этого никакъ не вынесла и сразу же остановила рысака своего.

— Ступайте вонъ! Съ вами невозможно такъ близко сидѣть,—сказала она ему.

Елпидифоръ Мартынычъ, нисколько этимъ не обиженный, напротивъ обрадованный, сейчасъ же

слѣзъ; а Анна Юрьевна, посадивъ вмѣсто него своего грума, ѣхавшаго за ними въ экипажѣ доктора, снова помчалась и черезъ минуту совсѣмъ скрылась изъ глазъ.

— Эка кобыла ногойская!... Эка кобыла бѣшеная! — говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, обтирая грязь и сало, приставшія отъ колесъ къ его глупой шинели.

— У нихъ-съ не кобыла это, а меринъ! — замѣтилъ ему кучеръ его.

— Я не объ лошади говорю, а объ барынѣ! — возразилъ ему съ досадою Елпидифоръ Мартынычъ.

— Д-да! объ барынѣ! — сказалъ усмѣхнувшись кучеръ.

IX.

Въ этотъ же самый день князь ѣхалъ съ другомъ своимъ барономъ въ Москву осматривать ея древности, а потомъ обѣдать въ Троицкій трактиръ. Елена на этотъ разъ съ охотой отпустила его отъ себя, такъ какъ все, что онъ дѣлалъ для мысли или для какой-нибудь образовательной цѣли, она всегда съ удовольствіемъ разрѣшала ему; а тутъ онъ ѣхалъ просвѣщать своего друга историческими древностями.

День былъ превосходнѣйшій. Баронъ рѣшительно наслаждался и природою, и самимъ собой, и быстрой ѣздой въ прекрасномъ экипажѣ; но князь, напротивъ, вслѣдствіе утренняго разговора съ женой, былъ въ какомъ-то раздраженно-насмѣшливомъ расположеніи духа. Когда они наконецъ пріѣхали въ Москву, въ

Кремль, то баронъ всёми рѣдкостями кремлевскими началъ восхищаться довольно странно.

— Какъ это мило! — почему-то произнесъ онъ, останавливаясь передъ царь-колоколомъ.

— Что же тутъ милаго? — спросилъ его князь удивленнымъ голосомъ.

— То-есть, интересно, хотѣлъ я сказать, — поправился баронъ, и передъ царь-пушкой постарался уже выразиться точнѣе.

— *C'est magnifique!* — проговорилъ онъ, надѣвая пантоне и черезъ него осматривая пушку.

— *Magnifique* еще какой-то выдумаль! — сказалъ князь, покачавъ головой.

— Ахъ, кстати: я не помню, гдѣ-то читалъ, — продолжалъ баронъ, прищуривая глаза свои: — что въ Москвѣ есть царь-пушка, изъ которой никогда не стрѣляли, царь-колоколъ, въ который никогда не звонили, и кто-то еще, какой-то государственный человѣкъ, никогда нигдѣ не служившій.

— Ты это у Герцена читалъ, — сказалъ ему князь.

— Такъ, такъ!... Да, да! — подтвердилъ съ удовольствіемъ баронъ. — Этотъ Герценъ ужасно какой господинъ остроумный, — присовокупилъ онъ.

— Онъ и побольше, чѣмъ остроумный, — замѣтилъ какимъ-то суровымъ голосомъ князь.

— Конечно, конечно! — согласился и съ этимъ баронъ.

Въ Оружейную палату князь повелъ его мимо Краснаго крыльца и соборовъ.

Баронъ взглянулъ въ дверь Успенскаго собора и проговорилъ: «святыня русская!» Передъ вновь вызолоченнымъ главами Спаса-на-Бору, онъ снялъ даже

шляпу и перекрестился; затѣмъ, выйдя на набережную и окинувъ взоромъ открывшееся Замоскворѣчье, воскликнулъ: «вотъ она матушка Москва!»

Всѣ эти казенныя и стереотипныя фразы барона князь едва въ состояніи былъ выслушивать.

Всходя по лѣстницѣ Оружейной палаты, баронъ сказалъ, показывая глазами на вписанныя по бокамъ картины: «Какая славная кисть!»

— Прескверная!—повторилъ за нимъ князь.

— Ого, сколько ружей! — воскликнулъ баронъ, войдя уже въ первую залу со входа.

— Много,—повторилъ опять за нимъ князь.

Въ комнатѣ съ серебряной посудой баронъ началъ восхищаться нѣсколько поискренивше.

— Отличные сюжеты, замѣчательные,—говорилъ онъ, осматривая въ пэнсе вещи и загнувъ при этомъ нѣсколько голову назадъ. Наконецъ къ одному изъ блюдъ онъ наклонился и произнесъ, какъ бы прочитывая надпись: «*Блюдо!*»

— Чтожь «*Блюдо?*» Читай дальше,—сказалъ князь, стоявшій сзади барона и насмѣшливо смотрѣвшій на него.

— «*Блюдо!*»—повторилъ баронъ, но дальше рѣшительно ничего не могъ прочитать.

— Э, да ты, братъ, по-славянски-то совсѣмъ не умѣешь читать!—подхватилъ князь.

— Да, то-есть, такъ себѣ... Плохо, конечно!...—отвѣчалъ какъ-то уклончиво баронъ и поспѣшилъ перейти въ другое отдѣленіе, гдѣ хранились короны и одежды царскія.

— Это архіерейскія одежды?—спросилъ баронъ, останавливаясь передъ первымъ шкафомъ.

— Нѣтъ, это одежды царей,—отвѣчалъ протяжно сопровождавшій его чиновникъ,—архіерейскія одежды въ ризницахъ.

— Ть въ ризницахъ? — почему-то переспросилъ съ любопытствомъ баронъ.

— Въ ризницахъ,—повторилъ ему еще разъ чиновникъ.

Что касается до драгоценныхъ камней, то баронъ, повидимому, зналъ въ нихъ толкъ.

— Это очень дорогая вещь,—сказалъ онъ, показывая на огромный рубинъ въ коронѣ Анны Іоанновны.

— Да-съ,—повторилъ чиновникъ.

— Этакая прелесть, чудо что такое! — произнеслъ баронъ съ разгорѣвшимися уже глазами, стоя передъ другой короной и смотря на огромные изумрудные каменья. Но что привело его въ неописанный восторгъ, такъ это брилліанты въ шпагѣ, поднесенной Парижемъ въ 14-мъ году Остенъ-Сакену.

— Восемь штукъ такихъ брилліантовъ!... Восемь штукъ!—воскликнулъ баронъ.—Какая грань, какая вода отличная!—продолжалъ онъ съ какимъ-то даже умилениемъ, и въ этомъ случаѣ въ немъ, можетъ быть, даже кровь сказывалась, такъ какъ преданіе говорило, что не дальше какъ дѣдъ родной барона былъ ювелиръ и торговалъ на Гороховой, въ небольшой лавочкѣ, золотыми вещами.

Послѣ брилліантовъ баронъ обратилъ нѣкоторое вниманіе на старинные экипажи, которые его поразили своею курьезностію.

— Что это за безобразіе, что это за ужасъ! — говорилъ онъ, пожимая плечами.

— Покажи и тебя черезъ десять лѣтъ въ твоемъ пиджакѣ, — и ты покажешься ужасомъ и безобразіемъ, — замѣтилъ ему князь.

— Тутъ не въ томъ дѣло! Они сложны, огромны: но комфорту въ нихъ все-таки нѣтъ, — возразилъ баронъ.

— Никакъ не меньше нынѣшняго: попробуй, сядь, — сказалъ ему князь, явно желая подшутить надъ пріятелемъ.

— Гораздо меньше! — воскликнулъ баронъ и въ самолюбъ дѣлъ хотѣлъ было сѣсть, но чиновникъ не пустилъ его.

— Нѣтъ-съ, этого нельзя, — сказалъ онъ ему не совсѣмъ, впрочемъ, смѣлымъ голосомъ.

— Жаль! — произнесъ баронъ и пошелъ дальше.

Когда они наконецъ стали совсѣмъ выходить, чиновникъ обратился къ князю, котораго онъ немножко зналъ, и спросилъ его почти на ухо:

— Кто это съ вами, министръ, что-ли, какой?

Баронъ очень ужъ важенъ показался по виду своему.

— Нѣтъ, баронъ одинъ, — отвѣчалъ ему съ улыбкою и не безъ умысла князь.

— Ахъ, онъ ягель нѣмецкій, трава болотная! — зашипѣлъ, заругался чиновникъ: — не даромъ меня такъ претило отъ него!

Почтенный смотритель древностей былъ страшный русакъ и полагалъ, что всѣ несчастья въ мірѣ происходятъ отъ того, что нѣмцы на свѣтъ существуютъ.

Въ Троицкомъ трактирѣ баронъ былъ поставленъ другомъ своимъ почти въ опасное для жизни поло-

женіе: прежде всего была спрошена ботвинья со льдомъ; баронъ страшно жаждалъ этого блюда и боялся; однако началъ его ѣсть, и съ каждымъ кускомъ ощущалъ блаженство и страхъ; потомъ князь хотѣлъ закатить ему двухъ-дневальныхъ щей, но тѣ баронъ попробовалъ и рѣшительно не могъ ѣсть,

— Ахъ, ты габеръ-супникъ!—сказалъ ему почти съ презрѣніемъ князь.

— Почему же габеръ-супникъ? — возразилъ баронъ, какъ бы даже обидѣвшись такимъ названіемъ.

Вина за обѣдомъ было выпито достаточное количество, такъ что баронъ сильно захмѣлѣлъ, а князь отчасти, въ какомъ видѣ они и отправились домой.

— Это Сухарева башня? — говорилъ баронъ не совсѣмъ даже твердымъ языкомъ и устремляя свои мутные глаза на Сухареву башню.

— Сухарева! — отвѣчалъ ему прежнимъ же насмѣшливымъ тономъ князь.

— Ее Брюсъ построилъ? — продолжалъ баронъ надменнѣйшимъ и наглѣйшимъ образомъ.

— И не думалъ!—возразилъ ему серьезно князь.

— Какъ не думалъ? — воскликнулъ баронъ. — Я положительно знаю, что водопроводъ вашъ и Сухареву башню построилъ Брюсъ.

— Ну, да, Брюсъ!... ври больше! — произнесъ уже мрачно князь.

— Нѣтъ, не вру, потому что въ Россіи все, что есть порядочнаго, непременно выдумали иностранцы,—сказалъ баронъ, вспыхивая весь въ лицѣ.

— Отъ чего же ты до слухъ поръ ничего порядочнаго не выдумалъ?—спросилъ его князь.

— Отъ чего я?... Что же ты меня привелъ тутъ въ примѣръ? Я не иностранецъ! — говорилъ баронъ.

— Врешь!... врешь!—иностранцемъ себя въ душѣ считаешь!—допекалъ его князь.

— Вотъ вздоръ какой!—разсмѣялся баронъ, видимо стараясь принять всѣ эти слова князя за пріятельскую, не имѣющую никакого смысла, шутку; затѣмъ онъ замолчалъ, понурилъ голову и вскорѣ захрапѣлъ.

Князь же не спалъ и, повременамъ, сердито и насмѣшливо взглядывалъ на барона. Его, по преимуществу, бѣсила мысль, что подобный человѣкъ, столь невѣжественный, лишенный всякаго чувства національности, выльзетъ, пожалуй, въ государственные люди,—и князю ужасно захотѣлось вышвырнуть барона на мостовую и расшибать ему объ нее голову, именно съ тою цѣлю, чтобы изъ него не вышелъ современемъ государственный человѣкъ.

По возвращеніи въ Останкино, баронъ, не соевѣмъ еще проспавшійся, пошелъ досыпать, а князю доложили, что присылала Анна Юрьевна и что вечеромъ сама непременно будетъ. Между тѣмъ княгиня велѣла ему сказать, что она никакъ не можетъ выйти изъ своей комнаты занимать гостью, а поэтому князю самому надобно было оставаться дома; но онъ дня два уже не видалъ Елены: перспектива провести дѣлый вечеръ безъ нея приводила его просто въ ужасъ. Проклиная въ душѣ всѣхъ на свѣтѣ кузинъ, князь пошелъ къ Еленѣ и сталъ ее умолять придти тоже къ нимъ вечеромъ.

— Но меня жена ваша, можетъ быть, не велить

принять, или, еще хуже того, принявъ, попросить уйти назадъ!—возразила ему Елена.

— Что за пустяки! — произнесъ князь:— во-первыхъ, жена моя никогда и ни противъ кого не сдѣлаетъ ничего подобнаго; а во-вторыхъ, она и не выйдетъ, потому что больна.

— Да, если не выйдетъ, въ такомъ случаѣ приду съ удовольствіемъ,—сказала Елена.

Сидѣть съ гостями князь продолжалъ въ саду, гдѣ, по его приказанію, былъ приготовленъ на длинномъ столѣ чай съ огромнымъ количествомъ фруктовъ, варенья и даже вина.

Анна Юрьевна пріѣхала въ своей полумужской шляпѣ и вся раскраснѣвшаяся отъ жару. Она сейчасъ же сѣла и начала тяжело дышать. Увы! Анна Юрьевна, благодаря ли московскому климату, или, можетъ быть, и лѣтамъ своимъ, начала послѣднее время сильно полихъ и брюзгнуть. Князь представилъ ей барона, который окончательно выпался и былъ вымытый, причесанный, въ черномъ сюртучкѣ и въ легонькомъ, цвѣтномъ галстукѣ. Вскорѣ затѣмъ пришла и Елена: огромный черный шиньонъ и черные локоны осѣняли ея блѣдное лицо, черное шелковое платье шикарнѣйшимъ образомъ сидѣло на ней, такъ что Анна Юрьевна, увидавъ ее, не могла удержаться и невольно воскликнула:

— Какъ вы прелестны сегодня!... — И сама при этомъ крѣпко, крѣпко пожалала ей руку.

Баронъ тоже благосклоннымъ образомъ наклонилъ передъ Еленой голову, а она, въ свою очередь, граціозно и нѣсколько на польскій манеръ, весьма

низко поклонилась всѣмъ и усѣлась потомъ, по приглашенію князя, за столъ.

— Et madame la princesse? — спросила она, какъ бы ничего не зная.

— Она больна, — отвѣчалъ князь.

— И довольно серьезно, кажется, — замѣтила Анна Юрьевна, на минуту заходившая къ княгинѣ.

— Серьезно? — переспросила ее Елена.

— Повидимому, — отвѣчала Анна Юрьевна.

— Ну, нѣтъ! Съ ней часто это бываетъ, — возразилъ князь, и желая показать передъ барономъ, а отчасти и передъ Анной Юрьевной, Елену во всемъ блескѣ ея ума и образованія, поспѣшилъ перевести разговоръ на одну изъ любимыхъ ея темъ.

— Mademoiselle Hélène! — отнесся онъ къ ней: — вы знаете ли, что мой другъ, баронъ Мингеръ, отвергаетъ теорію невмѣняемости преступленій!

— Я? — переспросилъ баронъ, совершенно не помнившій, чтобы онъ говорилъ или отвергалъ что-нибудь подобное.

— Да, вы!... Во вчерашнемъ нашемъ разговорѣ вы весьма обыкновенные поступки называли даже виной, — пояснилъ ему князь.

— А! — произнесъ многозначительно, но съ улыбкою баронъ.

— А вы не согласны съ этою теоріей? — спросила его Елена.

— Да, не согласенъ, — отвѣчалъ баронъ, хотя, въ сущности, онъ рѣшительно не зналъ, съ чѣмъ онъ тутъ не согласенъ.

— Но почему-же? — спросила его Елена.

— Потому, что преступленіе... самое названіе

показываетъ, что человекъ преступилъ тутъ извѣстные законы и долженъ быть наказанъ за то.

— А что такое самые законы, — позвольте васъ спросить? — допрашивала его Елена.

— Законы суть поставленные грани, основы, на которыхъ зиждется и покоится каждое государство, — отвѣчалъ баронъ, немного сконфузясь: онъ чувствовалъ, что говорить свое, имъ самимъ сочиненное опредѣленіе законовъ, но что есть какое-то другое, которое онъ забылъ.

— Законы суть условія, которыя люди, составившіе извѣстное общество, заключили между собой, чтобы жить вмѣстѣ, — такъ?... — пояснила Елена барону и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы спросила его.

— Такъ! — согласился онъ съ ней.

Князь при этомъ усмѣхнулся.

— Вотъ тебѣ на! — сказалъ онъ: — ты, значитъ, отказываешься отъ нашего казеннаго, юридическаго опредѣленія, что законы суть продуктъ верховной воли, изъ которой одной они происходятъ.

— Нисколько я не отказываюсь отъ этого опредѣленія, и по моему оно вовсе не противорѣчитъ опредѣленію mademoiselle Hélène, такъ какъ касается только формы утвержденія законовъ: законы всюду и вездѣ основываются на потребностяхъ народа и для блага народа издаются, — проговорилъ баронъ, начинавшій видѣть, что ему и тутъ придется биться, и потому онъ рѣшился, по крайней мѣрѣ, взять смѣлостью и изворотливостью ума.

— Нѣтъ, оно болѣе, чѣмъ одной, только формы утвержденія законовъ касается, — возразила ему Елена: — а потому я все-таки буду держаться мо-

его опредѣленія, что законы суть договоры; и вообразите, я родилась въ извѣстномъ государствѣ, когда договоры эти уже были написаны и утверждены, но почему же я, вовсе не подписавшаяся къ нимъ, должна исполнять ихъ? Договоры обязательны только для тѣхъ, кто лично ихъ призналъ.

— Если вы не признаете законовъ, то можете уйти изъ этого общества.

— Нѣтъ, не могу, потому что по русскимъ, на примѣръ, законамъ, меня накажутъ за это.

— Да, по *русскимъ!* — произнесъ баронъ, съ отъѣнкомъ нѣкоторой уже усмѣшки.

— Кромѣ того-съ, — продолжала Елена, вся краснѣвшая даже въ лицѣ: — всѣхъ законовъ знать нельзя; это требованіе невыполнимое, чтобы невѣдѣніемъ законовъ никто не отзывался: иначе людямъ некогда было бы ни землю пахать, ни траву косить, ни дорогъ себѣ строить. Они все время должны были бы изучать законы; люди, хорошо знающіе законы, какъ, на примѣръ, адвокаты, судьи, огромныя деньги за это получаютъ.

— Я согласенъ, что нельзя знать всѣхъ законовъ въ подробностяхъ, — сказалъ баронъ: — но главные, я думаю, всѣ вообще знаютъ: кто же не знаетъ, что воровство, убійство есть преступленіе?

— Положимъ даже, что это преступленіе; но наказывать-то за него не слѣдуетъ! — возразила Елена.

— Какъ не слѣдуетъ? — спросилъ баронъ, откинувшись даже, въ недоумѣніи, на задокъ стула.

Анна Юрьевна тоже взглянула на Елену не безъ удивленія.

— Не слѣдуетъ-съ! — повторила та рѣшительно. — Скажите вы мнѣ, — обратилась она къ барону: — одинъ человѣкъ можетъ быть безнравственъ?

— Конечно, можетъ, — отвѣчалъ баронъ, немного подумавъ: онъ уже сталъ немножко и опасаться, не ловить-ли она его тутъ на чемъ-нибудь.

— А цѣлое общество можетъ быть безнравственно? — продолжала Елена допрашивать его.

— Не можетъ, полагаю, — отвѣчалъ баронъ, опять какъ-то не совсѣмъ рѣшительно.

— И теперь, смотрите, что же выходитъ, — продолжала Елена.

Баронъ даже покраснѣлъ при этомъ, опять полагая, что она его совсѣмъ изловила.

— Человѣкъ дѣлаетъ скверный, безнравственный поступокъ противъ другаго, убиваетъ его, — говорила Елена: — и вдругъ потомъ цѣлое общество, замѣтите, цѣлое общество — дѣлаетъ точно такой же безнравственный поступокъ противъ убійцы, то есть и оно убиваетъ его!

Баронъ вздохнулъ посвободнѣе; онъ сознавалъ съ удовольствіемъ, что не совсѣмъ еще былъ сбитъ своею опоненткою.

— Это дѣлается съ цѣлью устрашить другихъ, — произнесъ онъ, припоминая еще на школьныхъ скамейкахъ заученную имъ теорію устрашенія.

— Эге, какую старину ты вынесъ! — замѣтилъ ему князь.

— Но мало что старину! — подхватила Елена: — а старину совершенно отвергнутую. Статистива-съ очень ясно намъ показала, — продолжала она, обращаясь къ барону: — что страхъ наказанія никого

еще не остановилъ отъ преступленія; напротивъ, чѣмъ сильнѣе были мѣры наказанья, тѣмъ больше было преступленій.

— Но какъ же однако, моя милая, дѣлать съ разными негодьями и преступниками? — виѣшалась въ разговоръ Анна Юрьевна, далеко не все понимавшая въ словахъ Елены и въ то же время весьма заинтересованная всѣмъ этимъ разговоромъ.

— Да никакъ, потому что, въ сущности, преступниковъ нѣтъ! Они суть только видимое проявленіе дурно-устроеннаго общественнаго порядка, а измените вы этотъ порядокъ, и ихъ не будетъ!... Но положимъ даже, что порядокъ этотъ очень хорошъ, и что все-таки находятся люди, которые не хотятъ подчиняться этому порядку и стремятся выскочить изъ него; но и въ такомъ случаѣ они не виноваты, потому что, значитъ, у нихъ не нашлось въ головѣ рефлексовъ, которые могли бы остановить ихъ въ томъ.

— Но это же самое можно, вѣдь, сказать и про общество! — возразилъ ужъ князь Еленѣ: — и оно тоже не виновато, что у него нѣтъ въ мозгу рефлексовъ, способныхъ удержать его отъ желанія вздернуть всѣхъ этихъ господъ на висѣлицу.

— Нѣтъ, у цѣлаго общества никакъ не можетъ быть этого, — возразила ему въ свою очередь Елена, — всегда найдется на девять человѣкъ десятый, у котораго будетъ этотъ рефлексъ.

— Но отчего же остальные девять свою волю должны будутъ подчинять этому десятому: это тоже своего рода насиліе, — продолжалъ князь.

— Какъ подчиняются слѣпые зрячему — не почему болѣе, и пусть онъ даже насиловать ихъ будетъ: это зло временное, за которымъ послѣдуетъ благо жизни, — отвѣчала Елена.

Послѣдняго спора Елены съ княземъ и баронъ, и Анна Юрьевна не поняли нисколько, и баронъ видимо рѣшившійся наблюдать глубочайшее молчаніе, только придавъ своему лицу весьма мыслищее выраженіе, но Анна Юрьевна не унималась.

— Если ужъ говорить о несправедливостяхъ, — воскликнула она, тоже, видно, желая похвастать своими гуманными соображеніями:— такъ войны вреднѣй всего: Des milliers d'hommes combattent les uns contre les autres!... изобрѣтаютъ самыя смертоносныя орудія!... даютъ кресты и награды тѣмъ, кто больше звѣрства показалъ!

Теорію эту передъ Анной Юрьевной, когда-то заграницей, развивалъ одинъ французъ и говорилъ при этомъ превосходнѣйшимъ французскимъ языкомъ, жаль только, что она не все помнила изъ его прекрасныхъ мыслей.

— Война войнѣ розь, — сказала ей съ улыбкою князь.

— Еще-бы! — подхватила Елена.

— Какая розь! Всякая война есть смерть и ужасъ! — воскликнула Анна Юрьевна.

— Ужасъ, но необходимый, — опять прибавилъ князь и самъ сначала хотѣлъ было говорить; но, замѣтивъ, что и Елена тоже хочетъ, предоставилъ ей вести рѣчь.

— Войны бываютъ разныя, — начала та: — первая, самая грубая форма войны есть набѣгъ, то есть,

когда нѣсколько хищныхъ лѣнтяевъ кидаются на болѣе трудолюбивыхъ поселянъ, грабятъ ихъ, убиваютъ; вторыя войны государственныя, съ цѣлью скрѣпить и образовать государство, то есть когда сильнѣйшее племя завоевываетъ и присоединяетъ къ себѣ слабѣйшее племя и навязываетъ формы жизни, совершенно несвойственныя тому племени; наконецъ, войны династическія, мотивъ которыхъ, впрочемъ, кажется, въ позднѣйшее время и не повторился уже больше въ исторіи: за неаполитанскихъ Бурбоновъ никто и не думалъ воевать!... Но есть войны протестующія, когда общество отбиваетъ себѣ права жизни отъ какой-нибудь домашней тираніи или отъ внѣшняго насилія: тѣ войны почетны, и вожди ихъ стоятъ благословенія людей.

— О, да вы революціонерка ужасная! — опять воскликнула Анна Юрьевна, вполне уже понявшая на этотъ разъ все, что говорила Елена. Вообще, въ области войнъ, Анна Юрьевна была развитѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ знаній человѣческихъ, вѣроятно отъ того, что очень много въ жизни сталкивалась съ военными и толковала съ ними.

— Мнѣ, можетъ быть, ничего бы этого передъ вами, какъ передъ начальницей моею, не слѣдовало говорить! — произнесла Елена, съ веселою покорностью склоняя передъ Анной Юрьевной голову.

— О, какъ вамъ не стыдно, та сѣге, — произнесла та: — но я надѣюсь, что вы подобныхъ вещей дѣтямъ не говорите!

— Я думаю! — произнесла Елена голосомъ, какъ бы не подлежащимъ сомнѣнію.

— Революціонерныя идеи, какъ бы кто ни былъ

съ ними мало согласенъ, въ васъ имѣютъ такую прекрасную проповѣдницу, что невольно имъ подчиняешься! — сказала Еленѣ баронъ.

— Merci, monsieur! — произнесла та, склоняя тоже нѣсколько и передъ нимъ голову.

Въ это время вдругъ вошла горничная княгини въ садъ.

— Княгиня приказала васъ просить не разговаривать такъ громко; онѣ хотятъ почивать лечь, — обратилась она къ князю.

Тотъ поблѣднѣлъ даже отъ досады, услыхавъ это.

— Здѣсь и то не громко разговариваютъ! — сказалъ онъ.

— Ахъ, это я виновата, я говорила громко, — произнесла Елена, явно насмѣшливымъ голосомъ.

— Барыня еще просила васъ непременно поутру зайти къ нимъ, — продолжала снова горничная, обращаясь къ князю.

Бѣдная княгиня, услыхавъ, что Елена у нихъ въ гостяхъ, не выдержала и вознамѣрилась завтра же непременно и рѣшительно объясниться съ мужемъ.

— Ну, хорошо, ступай! — отвѣчалъ князь, все съ той же досадой.

Горничная хотѣла было уйти, но къ ней обратилась Анна Юрьевна:

— Скажи княгинѣ, что я сейчасъ зайду къ ней проститься.

— Слушаю-съ! — отвѣчала горничная и ушла.

Анна Юрьевна начала прощаться съ хозяиномъ и съ гостями его.

— Заходите, пожалуйста, ко мнѣ, — сказала она Еленѣ, гораздо уже болѣе искреннимъ голосомъ, чѣмъ говорила ей о томъ прежде. Елена въ этотъ разъ показалась ей окончательно умной дѣвушкой. — Надѣюсь, что и вы меня посѣтите! — присовокупила Анна Юрьевна барону.

— Сочту для себя за величайшую честь, — отвѣчалъ тотъ, съ почтеніемъ поклонившись ей.

Анна Юрьевна ушла сначала къ княгинѣ, а черезъ нѣсколько времени и совсѣмъ уѣхала въ своемъ кабриолетѣ изъ Останкина. Князь же и баронъ пошли черезъ большой садъ проводить Елену домой. Ночь была лунная и теплая. Князь велъ подъ руку Елену, а баронъ нарочно сталъ поотставать отъ нихъ. По поводу сегодняшняго вечера, баронъ былъ не совсѣмъ доволенъ собой и смутно сознавалъ, что въ этой проклятой службѣ, отнимавшей у него все его время, онъ сильно поотсталъ отъ вѣка. Князь и Елена, между тѣмъ, почти шепотомъ разговаривали другъ съ другомъ.

— Ты восхитительна сегодня была!.. Обворожительна!.. — говорилъ онъ, крѣпко прижимая своей рукой руку Елены къ себѣ.

— Вотъ какъ: восхитительна, — говорила та, отвѣчая ему такимъ же пожатіемъ.

— Что удивительнѣе всего, — продолжалъ князь: — всѣ эти умныя женщины, такъ называемыя *bas bleux*, обыкновенно бываютъ некрасивы, а въ тебѣ четыре прелести: умъ, образованіе, красота и грація.

— Ну да, совершенство природы, — отвѣчала съ усмѣшкою Елена: — погоди, узнаешь много и порокоеъ во мнѣ! — прибавила она серьезнѣе.

— Я пока одинъ только и знаю. — подхватилъ князь.

— А именно?

— Ревность.

— Ну, это не порокъ, а скорѣе глупость, — отвѣчала Елена.

— Je vous salue, messieurs, et bonne nuit! — заключила она, оставляя руку князя и кланяясь обоимъ кавалерамъ.

Въ это время они были уже около самой дачи Жиглинскихъ.

— Adieu! — сказалъ ей съ чувствомъ князь.

— Adieu! — повторилъ за нимъ съ чувствомъ и баронъ.

Елена скрылась потомъ въ калиточку своего сада; друзья же наши пошли обратно домой.

— Какъ вы находите сію дѣвицу? — спросилъ князь послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я умнѣй и образованнѣй женщины еще не встрѣчалъ! — отвѣчалъ баронъ, повидимому, совершенно искренно.

— Я думаю! — произнесъ самодовольно князь.

— Увѣряю тебя! — подтвердилъ еще разъ баронъ и, присвиснувъ, сбиль своей палочкой листокъ съ дерева.

X.

На другой день, часовъ въ двѣнадцать утра, князь ходилъ по комнатѣ жены. Княгиня, попрже-
нему, сидѣла не одѣтая въ постели, и выраженіе

ея добраго лица было на этотъ разъ печальное и сердитое. Объясненіе между ними только-что еще началось.

— Какъ это было глупо вчера съ вашей стороны, — началъ князь: — прислать вдругъ горничную сказать намъ, какъ школьникамъ, чтобы не шумѣли и тише разговаривали!..

— Но я больна, — ты это забываешь!.. — возразила ему княгиня.

— Ничего вы не больны! — сказалъ съ сердцемъ князь.

— Какъ не больна? — воскликнула княгиня съ удивленіемъ: — Ты послѣ этого какой-то ужъ жестокой человекъ!.. Вспомни твои поступки и пойми, что не могу же я быть здорова и покойна! Наконецъ, я требую, чтобы ты прямо мнѣ сказалъ, что ты намѣренъ дѣлать со мной.

— Какъ что такое дѣлать? — спросилъ князь.

— Такъ!.. Тебѣ надобно же куда-нибудь дѣвать меня! Нельзя же въ одномъ домѣ держать любовницу и жену!

Князь при этомъ слегка только поблѣднѣлъ.

— Я любовницы моей не держу съ вами въ одномъ домѣ! — проговорилъ онъ.

Этотъ отвѣтъ, въ свою очередь, сильно поразилъ княгиню: она никакъ не ожидала отъ мужа такой откровенности.

— Но все равно: она въ двухъ шагахъ отсюда живетъ, — проговорила она.

— Нѣтъ, дальше, въ цѣлой верствѣ!.. — отвѣчалъ насмѣшливо и какъ бы совершенно спокойно князь.

— Но научите же, по крайней-мѣрѣ, меня, — продолжала княгиня, и въ голосѣ ея послышались рыданія: — какъ я должна себя вести: встрѣчаться и видѣться съ ней я не могу: это выше силъ моихъ!

— Не выдайтесь, если этого вамъ не угодно, — сказала князь все тѣмъ же тономъ.

— Но она бываетъ у насъ! — возразила княгиня: — слѣдовательно, я должна убѣгать и оставлять мой домъ.

— Не бывать она у насъ не можетъ, потому что это повлечетъ огласку и прямо дастъ поводъ объяснить причину, по которой она у насъ не бываетъ! — проговорилъ князь.

— Вы боитесь огласки, которая, вѣроятно, и безъ того есть, — сказала княгиня: — а вамъ не жаль видѣть, Богъ знаетъ, какія мои страданія!

— Ваши страданія, повѣрьте вы мнѣ, слишкомъ для меня тяжелы! — началъ князь, и отъ душевнаго волненія у него даже пересохло во рту и голосъ прервался, такъ что онъ принужденъ былъ подойти къ стоявшему на столѣ графину съ водой, налилъ изъ него цѣлый стаканъ и залпомъ выпилъ его.

— Мнѣ очень васъ жаль! — продолжалъ онъ: — и чтобы хоть сколько-нибудь улучшить вашу участь, я могу предложить вамъ одно средство: разойдетесь, разойдетесь, если хотите, форменнымъ порядкомъ; я вамъ отдѣлю треть моего состоянія и приму даже на себя, если это нужно будетъ, наказанье по законамъ....

Такое предложеніе мужа княгиню въ ужасъ привело: какъ! быть разводкой?.. потерять положеніе въ обществѣ?.. не видѣть, наконецъ, князя всю

жизнь?... Но за что же все это?... Что она сдѣлала противъ него?...

— Нѣтъ, князь, я не желаю съ вами расходиться, — проговорила она, и рыданія заглушили ея слова.

— Отчего же? — спросилъ князь какимъ-то труднымъ голосомъ.

— Оттого... оттого... — рыданія княгини все усиливались и усиливались: — оттого, что я, несчастная, люблю еще васъ! — почти прокричала она.

Князь при этомъ потемнѣлъ даже весь въ лицѣ: если бы княгиня продолжала сердиться и укорять его, то онъ, вѣроятно, выдержалъ бы это стойко, но она рыдала и говорила, что еще любитъ его, — это было уже превыше силъ его.

— Пощадите и вы меня тоже! — едва выговорилъ онъ и, растирая грудь, подошелъ къ открытому окну, какъ бы затѣмъ, чтобы вздохнуть въ себя свѣжаго воздуха.

Такое проявленіе чувства въ мужѣ княгиня сейчасъ же подмѣтила, и это ее порадовало: рыданія ея стали мало-по-малу утихать.

— Но, можетъ быть, ты когда-нибудь разлюбишь ее и полюбишь меня снова, — проговорила она уже вкрадчивымъ голосомъ.

— Нѣтъ, я ее не разлюблю! — отвѣчалъ князь, продолжая смотрѣть въ окно.

Слова эти опять оскорбили и огорчили княгиню.

— Какъ она очаровала тебя, но чѣмъ, я желала бы знать? — проговорила она.

Князь молчалъ.

— А что, если я сама кого люблю, какъ тебѣ

это покажется? — присовокупила княгиня уже внушительнымъ тономъ: она, кажется, думала сильно напугать этимъ мужа.

— О, ты тогда такое ярмо снимешь съ души моей! — произнесъ онъ.

— Такъ, стало быть, ты въ самомъ дѣлѣ желаешь этого? — спросила княгиня стремительно.

— Очень желаю! — отвѣчалъ князь глухо.

— Благодарю за позволеніе, и теперь дѣйстви-тельно какого мнѣ ждать возвращенія отъ васъ, когда вы такимъ образомъ третируете меня.

— Но чѣмъ же я васъ дурно третирую? — спросилъ князь, повертываясь лицомъ къ женѣ.

— Тѣмъ, что мы горничной, я думаю, не желаемъ въ домѣ имѣть съ такими милыми качествами, а вы хотите, чтобы у васъ жена была такая.

— Ну, въ этомъ случаѣ мы никогда съ тобой не столкнемся! — сказалъ князь и не хотѣлъ болѣе продолжать разговора объ этомъ.

Княгиня, разумѣется, и въ голову не приходило того, что князь разрѣшаетъ ея любовь къ другому чисто изъ чувства справедливости, такъ какъ онъ самъ теперь любитъ другую женщину. Она просто думала, что онъ хочетъ этимъ окончательно отдѣлаться отъ нея.

— Объясненіе наше, полагаю, кончилось? — проговорилъ онъ, протягивая княгинѣ руку.

— Если хотите, кончилось! — отвѣчала она съ грустной усмѣшкой и пожимая плечами.

— И надѣюсь, что вы скоро выздоровѣете? — присовокупилъ князь.

— Не знаю! — отвѣчала княгиня.

Князь ушелъ.

Княгиня послѣ его ухода сейчасъ же встала съ постели и начала ходить по комнатѣ. Она какъ бы мгновенно выросла душой: въ томъ, что мужъ ея не любилъ, княгиня больше не сомнѣвалась, и, въ отпущеніе ему, ей ужасно захотѣлось самой полюбить кого-нибудь. Но кого же? Развѣ барона? Тѣмъ болѣе, что онъ въ нее былъ прежде влюбленъ такъ, что она даже не желала его пріѣзда къ нимъ въ Москву именно изъ опасенія, что онъ будетъ ухаживать за ней; а теперь, пусть ухаживаетъ! Она сама даже отвѣтитъ на его чувства и посмотритъ, какъ этимъ сниметъ тяжелое ярмо съ души князя: тонкое чувство женщины, напротивъ, говорило въ княгинѣ, что это очень и очень не понравится князю. Чтобы начать приводить свой планъ въ исполненіе, княгиня тутъ же позвала горничную, одѣлась; мало того, постаралась одѣться щеголевато, велѣла себѣ вынести кресло на террасу и вышла туда, чтобы сейчасъ же послать за барономъ: но, сверхъ всякаго ожиданія, увидѣла его уже гуляющимъ въ ихъ небольшомъ палисадничкѣ. По странному стеченію обстоятельствъ баронъ въ эти минуты думалъ почти то же самое, что и княгиня: въ началѣ своего прибытія въ Москву, баронъ, кажется, вовсе не шутя рассчитывалъ составить себѣ партію съ какой-нибудь купеческой дочкой, потому что, кромѣ какъ бы мимолетнаго вопроса князю о московскомъ купечествѣ, онъ на другой день своего пріѣзда, ни съ того, ни сего, обратился съ разговоромъ къ работавшему въ большомъ саду садовнику.

— А что, любезный, бушцы здѣсь живутъ? — спросилъ онъ его.

— Нѣтъ-съ, купечество здѣсь мало живетъ; они больше въ Паркахъ и Сокольникахъ живутъ; тамъ ихъ настоящее мѣсто, — отвѣчалъ тотъ.

— Такъ здѣсь они и не бываютъ совсѣмъ?

— Наѣзжаютъ повременамъ, въ праздники; вонъ лошади-то и экипажи, которые лучшіе у сада стоятъ, все это купеческіе.

— А здѣсь такъ-таки совсѣмъ и не живутъ?

— Живутъ и здѣсь два-три купца.

— Которое же это мѣсто?

— Да вонъ тутъ, какъ влѣво изъ саду пойдете.

— Богатые тоже?

— Сильно богатые! Я работаю у нихъ.

— А семейные или одинокіе?

— Какое одинокіе, семьища у обоихъ.

— Сыновья или дочери?

— Есть и дочери, барышни славныя! — отвѣчалъ садовникъ, неизвѣстно почему догадавшійся, что баронъ собственно о барышняхъ купеческихъ и интересовался.

— И много за ними приданого дадутъ? — спросилъ баронъ.

— Отвалиять порядочно! — протянулъ садовникъ.

Баронъ отошелъ отъ него и прямо направился къ указаннымъ ему купеческимъ дачамъ; прошелъ мимо нихъ разъ десять, все ожидая увидѣть въ садикахъ или на балконахъ какую-нибудь юную фигуру; но не видалъ ни одной. Вечеромъ онъ тоже, пойдя въ большой садъ, заглядывалъ со вниманіемъ во всѣ хоть сколько-нибудь сносныя молодыя лица, слѣдилъ за ними, когда они выходили изъ сада, и наблюдалъ въ этомъ случаѣ, главнымъ образомъ,

надъ тѣмъ, что на извозчиковъ ли они сѣдѣли, или въ свои экипажи, и какого сорта экипажи, хорошіе или посредственные. Всѣ эти розыски, впрочемъ, не привели ни къ какимъ желаннымъ результатамъ, и баронъ началъ уже вспоминать о хорошенькой привязанности Михайла Борисовича, съ которой Мингеръ послѣдніе годы весьма пріятно проводилъ время, потому что Михайло Борисовичъ платилъ только деньги этой привязанности, но любила она, собственно, барона. Баронъ даже подумывалъ написать ей, что не пріѣдетъ ли она на недѣлку въ Москву, взглянуть на этотъ первопрестольный и никогда не виданный ею городъ, но въ настоящее утро ему пришла совершенно новая мысль: «А что если за княгиней примахнуть?»—подумалъ онъ, тѣмъ болѣе, что она не только что не подурнѣла, но еще прелестнѣе стала, и встрѣтилась съ нимъ весьма благосклонно; мужъ же прямо ему сказалъ, что будетъ даже доволенъ, если кто заслужитъ любовь его супруга; слѣдовательно, опасаться какой-нибудь непріятности съ этой стороны нечего! Скучно тутъ только, соображалъ баронъ далѣе: возиться съ барынями; онѣ обыкновенно требуютъ, чтобы съ ними сѣдѣли и проводили цѣлые дни; но чтожь теперь другое и дѣлать барону было? Службы у него не было, да и когда она еще будетъ — неизвѣстно! Значитъ, приволокнуться за ея сіятельствомъ слѣдуетъ. На этомъ его рѣшеніи вдругъ раздался голосъ съ террасы.

— Эдуардъ Федорычъ, подите сюда ко мнѣ.

Баронъ даже вздрогнулъ. Это звала его княгиня.

— Боже мой, это вы появились наконецъ!—воскликнулъ онъ, въ свою очередь, какимъ-то даже вос-

торженнымъ тономъ и, взоидя, на террасу, не преминулъ поцѣловать у княгини ручку; она тоже поцѣловала его съ удовольствіемъ въ щеку.

— Садитесь тутъ, около меня!—сказала княгиня. Баронъ сѣлъ.

— Вы однако довольно серьезно были больны?—спросилъ онъ ее съ участіемъ.

— Да!.. Все, впрочемъ, болѣе отъ скуки,—отвѣчала княгиня.

— Но отъ чего же, однако, вы все скучаете?—спросилъ баронъ, стремительно поворачивая въ ней свою голову.

— Отъ того что, что за жизнь моя теперь? дѣтей у меня нѣтъ!.. Близкихъ людей, хоть сколько-нибудь искренно расположенныхъ ко мнѣ, тоже нѣтъ около меня!

— Позвольте мнѣ включить себя въ число послѣднихъ и пояснить вамъ, что я около васъ!—сказалъ баронъ.

— Вы на время, вы петербургскій гость; опять увидите туда и забудете здѣшнихъ друзей.

— Нѣтъ, я не изъ такихъ скоро забывающихъ людей!—произнесъ съ чувствомъ баронъ:—я вотъ, напримѣръ, до сихъ поръ,—продолжалъ онъ съ небольшимъ перерывомъ,—не могу забыть, какъ мы нѣкогда гуляли съ вами вдвоемъ въ Парголовѣ въ Шуваловскомъ саду и нашъ разговоръ тамъ!

Княгиня немного покраснѣла: баронъ напоминалъ ей прямо свое прежнее объясненіе въ любви.

— А вы помните этотъ разговоръ?—спросилъ онъ ее уже съ нѣжностью.

— Еще бы!..—протянула княгиня, потушая немного глаза свои.

— Но отъ чего же вы тогда ничего мнѣ не отвѣчали?—присовокупилъ баронъ, весьма ободренный послѣднимъ отвѣтомъ ея.

— Мнѣ странно было бы отвѣчать вамъ что-нибудь!—сказала княгиня, не поднимая глазъ:—вы были тогда такой еще мальчикъ!

— Но, однако, другому мальчику вы оказали въ этомъ случаѣ предпочтеніе!—произнесъ баронъ съ грустію.

— Сила обстоятельствъ!...—проговорила княгиня.

— Будто только? — спросилъ баронъ, устремляя на княгиню испытующій взглядъ:—будто вы не были влюблены въ вашего жениха?

— Конечно была влюблена!—поспѣшно отвѣчала княгиня, какъ бы боясь, чтобы ее въ самомъ дѣлѣ не заподозрили въ чемъ-нибудь противномъ.

Баронъ рѣшительно не зналъ, какъ и понять ее.

— Да, припоминаю эту минуту, — началъ онъ опять съ грустнымъ видомъ:—когда васъ повезли ввѣчать, не дай Богъ перенести никому того, что я перенесъ въ тотъ день!

— Однако вы были моимъ шаферомъ! — смѣясь возразила ему княгиня.

— А хорошъ я былъ, припомните?

— Немножко блѣденъ, это правда.

— Хорошо, немного блѣденъ, — произнесъ баронъ и замолчалъ, какъ бы погрузясь въ печальныя воспомнанья. Княгиня тоже молчала. Перебирая въ душѣ своей всѣ ощущенія, она спрашивала себя мысленно, нравится ли ей хоть сколько-нибудь баронъ, и должна

была сознаться, что очень мало; но, какъ бы то ни было, она все-таки рѣшилась продолжать съ нимъ вкокетничать.

— Мнѣ бы очень желалось спросить васъ, — заговорилъ баронъ:—что тогдашнее ваше чувство къ жениху въ настоящее время уменьшилось или возросло?

Княгиня усмѣхнулась.

— А вамъ зачѣмъ это знать?—спросила она.

— Затѣмъ, что я очень желаю это знать!—воскликнулъ баронъ.

— Много будете знать, скоро состарѣетесь!—проговорила княгиня.

— Чтожъ изъ того! лучше состарѣться, чѣмъ жить въ неизвѣстности!.. Нѣтъ, шулки въ сторону!.. Скажите, что я долженъ сдѣлать, чтобъ вы были со мной вполне откровенны?

— Прежде всего вы должны доказать мнѣ преданностью, вниманіемъ ко мнѣ, участіемъ, что заслуживаете моего довѣрія!

— Все это очень легко сдѣлать, а далѣе, потомъ?

— А далѣе...—начала княгиня, но и пріостановилась, потому что въ залѣ въ это время раздалось к-ха!

— Ахъ, это мой докторъ!.. Ну, вы теперь потрудитесь уйти,—сказала она встревоженнымъ голосомъ барону.

Тотъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Да идите же скорѣй!—повторила ему настойчиво княгиня.

Баронъ, дѣлать нечего, сошелъ съ балкона и сѣлъ было на ближайшую скамеечку.

— Нѣтъ, вы дальше!... дальше, туда уйдите!—кричала ему княгиня.

Баронъ пошелъ дальше.

— Говорятъ, больная на террасѣ въ саду, значитъ, здорова, к-ха!—произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ, появляясь изъ-за стеклянныхъ дверей.

— Получше сегодня!—отвѣчала ему княгиня.

— Гораздо получше,— по лицу это видно! — сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ и сѣлъ напротивъ княгини. Физиономія его имѣла такое выраженіе, которымъ онъ ясно говорилъ, что многое и многое можетъ передать княгинѣ.

— Ну, что же вы узнали о томъ, о чемъ я васъ просила?—начала та прямо.

— Узналъ-съ. К-ха!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Что же?

— А то, что, к-б-ха!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ (во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, онъ какъ-то болѣе обыкновеннаго кашлялъ):—к-ха! положеніе, въ которомъ мы подозрѣвали барышню сію, дѣйствительно и достовѣрно оправдывается, к-б-ха!

— Прекрасно, неподобно, отлично себя устроила, — воскликнула княгиня, поблѣднѣвъ даже въ лицѣ.

— Да-съ, такъ ужь устроила!.. Мать крайне огорчена, крайне!.. жаловаться было первоначально хотѣла на князя, но я ужь отговорилъ. «Помилуйте, говорю, какая же польза вамъ будетъ?»

— За что же она хотѣла жаловаться на него?—перебила его княгиня.

— За то, что дочь погубилъ, говоритъ.

— А меня онъ, какъ думаютъ, погубили или живътъ? — спросила княгиня.

Елпидифоръ Мартынычъ молчалъ.

— Что онъ меня куклой, что ли, считаютъ, которая ничего не должна ни чувствовать, ни понимать, — продолжала княгиня и даже раскраснѣлась отъ гнѣва: — онъ думаютъ, что я такъ имъ и позволю совершенно овладѣть мужемъ? Что онъ имѣетъ съ этой mademoiselle Еленой какую-то связь, для меня это рѣшительно все равно; но онъ все-таки меня любить и ужь, конечно, каждымъ моимъ словомъ гораздо больше подорожить, чѣмъ словами mademoiselle Елень; но если онъ будутъ что-нибудь тутъ хитрить и возстановлять его противъ меня, такъ я переносить этого не стану! онъ жаловаться теперь за что-то хотятъ на князя, но я прежде князя пожалуюсь на нихъ: отецъ мой заслуженный генералъ!... Государь его лично знаетъ: онъ ему доложитъ, и ей, дрянной дѣвчонкѣ, не позволятъ разстраивать чужое семейное счастье!

— Чего Государю? к-ха!.. Генералъ-губернатору пожаловаться вамъ, такъ ее сейчасъ же вытурятъ изъ Москвы, — не велики особы! — подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Именно вытурятъ изъ Москвы!.. — согласилась съ удовольствіемъ княгиня, — и потомъ объясните вы этой дѣвчонкѣ, — продолжала она: — что это верхъ наглости съ ея стороны — посѣщать мой домъ; пусть бы она видалась съ княземъ, гдѣ ей угодно, но не при моихъ, по крайней мѣрѣ, глазахъ!.. Она должна же хоть сколько-нибудь понять, что пріятно ли и легко ли это мнѣ, и наконецъ, я не ручаюсь за себя: я,

можетъ быть, скажу ей когда-нибудь такую дерзость, послѣ которой ей совѣстно будетъ на свѣтъ Божій смотрѣть.

— И стоила бы того, ей-богу, стоила бы!—почти воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Потише говорите!—остановила его княгиня,—и вообразите: вчера я лежу больная, а у нихъ вонъ въ саду хохотъ, разговоры!

— Безчувственные люди, больше ничего!—проговорилъ, но не такъ уже громко Елпидифоръ Мартынычъ.

— Мало что безчувственные люди, это какіе-то злодѣи мои, отъ которыхъ я не знаю какъ и спастись!—произнесла княгиня, и на глазахъ ея показались слезы.

Замѣтивъ это, Елпидифоръ Мартынычъ сейчасъ же принялся утѣшать ее и привелъ даже ей примѣръ изъ ветхозавѣтной исторіи.

— Авраамъ-то и Сарра въ какихъ то же ужъ лѣтахъ были, и вдругъ наложница у него оказалась; однако Сарра настояла же на своемъ,—прогналъ онъ эту Агарь свою въ пустыню, и всегда этакихъ госпожъ-Агарей прогоняютъ и кидаютъ потомъ... всегда!

Но княгиню мало это успокоило, и она даже не слушала Елпидифора Мартыныча, такъ что онъ счелъ за лучшее убраться во-свояси.

— Прикажете послѣ-завтра пріѣзжать къ вамъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мнѣ теперь лучше,—отвѣчала княгиня.

— Хорошо-съ!—сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ и въ экипажъ своему пошелъ не черезъ залу, а са-

домъ, гдѣ, увидавъ сидящаго на лавочкѣ барона, замѣтно удивился: «это что еще за господинъ и за чѣмъ онъ тутъ сидитъ?»—подумалъ онъ про себя.

Баронъ же, увидавъ, что докторъ уѣхалъ, не медля ни минуты, вошелъ на террасу и сѣлъ на этотъ разъ не на стулъ, а на верхнюю ступеньку лѣстницы, такъ что очутился почти у самыхъ ногъ княгини.

— Удивительное дѣло! — началъ онъ развязно и запуская руки въ маленькіе кармашки своихъ щегольскихъ, пестрыхъ брюкъ:—до какой степени наши женщины исполнены предразсудковъ!

— Женщины? предразсудковъ?—переспросила княгиня, все еще находившаяся подъ вліяніемъ дурнаго впечатлѣнія, которое произвелъ на нее разговоръ съ Иллионскимъ.

— Да!.. Такъ называемой брачной вѣрности онъ, Богъ знаетъ, какое значеніе придаютъ; я совершенно согласенъ, что бракъ есть весьма почтенный актъ, потому что въ немъ нарождается будущее челоувѣчество, но что въ немъ священнаго-то и таинственнаго?

Баронъ, не много, не мало, вздумалъ развращать княгиню тѣми самыми мыслями, которыя онъ слышалъ отъ князя и противъ которыхъ самъ же спорилъ.

— Ахъ, нѣтъ, бракъ очень важная вещь! — произнесла княгиня съ прежнимъ задумчивымъ видомъ.

— Но чѣмъ?

— Какъ чѣмъ?—почти воскликнула княгиня:—тутъ женщина впервые отдаетъ себя вполнѣ мужчинѣ.

— Но что же изъ того?—приступалъ баронъ.

— Какъ что?—возразила ему княгиня, краснѣя немного въ лицѣ.

— Но женщина можетъ отдать себя вполнѣ мужчине и не въ бракѣ, и тогда будетъ то же самое; бракъ, значить, тутъ ни причемъ.

— Но какая же женщина, въ нашемъ, по крайней мѣрѣ, сословіи, отдастъ себя не въ бракѣ? — Это какая-нибудь очень дрянная, — проговорила княгиня.

— Напротивъ, женщины и дѣвушки очень хорошия и честныя отдаютъ себя такимъ образомъ. Что дѣлать? Сила обстоятельствъ, какъ сами же вы выразились.

Княгиня сомнительно покачала головой.

— А знаете ли вы, — продолжалъ баронъ: — что наши, такъ называемыя нравственныя женщины, разлюбя мужа, продолжаютъ еще любить ихъ по-брачному: это явленіе, какъ хотите, безнравственное и представляетъ безобразнѣйшую картину; этого никакія дикія племена, никакія животныя не позволяютъ себѣ! Тѣ обыкновенно любятъ тогда только, когда чувствуютъ влеченіе къ тому.

Баронъ почти слово въ слово развращалъ княгиню мыслями князя!

— Никогда женщина не можетъ до такой степени разлюбить мужа! — возразила ему та.

— Совершенно разлюбливаютъ, только не хотятъ самимъ себѣ даже признаться въ томъ! — говорилъ баронъ. Онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что княгиня не любитъ мужа, но не подумала еще объ этомъ хорошенько; а потому онъ и старался навести ее на эту мысль.

— Въ любви все дѣло минуты, — продолжалъ онъ, какимъ-то даже страстнымъ голосомъ: — напримѣръ,

я десять бы лѣтъ жизни отдалъ, если бы вы позволили мнѣ подѣловать божественную вашу ножку... — И баронъ при этомъ указалъ глазами на маленькую и красивую ножку княгини, выставившуюся изъ-подъ ея платья.

— Глупости какія! — воскликнула при этомъ княгиня, сейчасъ же прятая ножку свою.

— Блянусь честью, отдалъ бы десять лѣтъ жизни! — шепталъ баронъ, устремляя пламенный взглядъ на княгиню.

— Не нужно мнѣ вашихъ десяти лѣтъ! — произнесла та, съ явнымъ неудовольствіемъ. — Мужъ идетъ! — прибавила она вслѣдъ затѣмъ торопливо.

Вдали, въ самомъ дѣлѣ, показался князь, шедшій съ наклоненной головой и съ самымъ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Послѣ объясненія съ женой онъ все время не переставалъ думать объ ней, и Еленѣ, спрашивавшей его, чѣмъ онъ такъ разстроены, ссылался на болѣзнь. Положеніе его казалось ему очень похожимъ на глупое положеніе журавля въ топкомъ болотѣ: хвостъ вытащилъ — носъ завязнулъ, носъ вытащилъ — хвостъ завязъ. Съ женой было ничего, — съ Еленой дурно шло; съ Еленой окончательно помирился, — жена взбунтовалась. Впрочемъ онъ княгиню считалъ совершенно правою и полагалъ, что если она полюбитъ кого-нибудь, такъ онъ не только что не долженъ будетъ протестовать противъ того, но даже обязанъ способствовать тому и прикрыть все своимъ именемъ!

Съ такими мыслями онъ шелъ домой и, подойдя къ террасѣ, увидѣлъ, что княгиня, разодѣтая и прехорошенькая, въ какой-то полудежачей и нѣжной

нозъ, сидѣла на креслахъ, а у ногъ ея помѣщался баронъ, съ красивымъ, пылающимъ лицомъ, съ разгорѣвшимися, масляными глазами. Княгиня тоже была съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ. Точно кинжаломъ кто ударилъ, при видѣ всего этого, въ сердце князя. «Неужели она, въ самомъ дѣлѣ, хочетъ привести въ исполненіе свою угрозу!.. Что-жь, это и отлично будетъ!» старался было онъ съ удовольствіемъ подумать; но гнѣвъ и досада противъ воли обуяли всѣмъ существомъ его, такъ что онъ, не здоровавшись даже съ другомъ своимъ, сѣлъ на стулъ и потупилъ голову. Княгиня все это подмѣтила и крайне была довольна этимъ, а барона, напротивъ, такой видъ князя сконфузилъ.

— Что такое съ вами, какой вы сегодня пасмурный? — спросилъ онъ его заискивающимъ голосомъ.

— Я всегда такой!...—отвѣчалъ князь: его, по преимуществу, бѣсило то, что онъ не могъ *чувствовать такъ, какъ бы онъ желалъ и какъ бы долженъ былъ чувствовать!*

XI.

Восьмого іюля, въ день католической Елизаветы, княгинѣ предстояло быть именинницей. Она непременно хотѣла этотъ день отпраздновать вечеромъ, который долженъ былъ состоять изъ музыки, танцевъ, освѣщенія ихъ маленькаго дачнаго сада и наконецъ фейерверка. Какъ бы наперекоръ всему, княгиня послѣднее время ужасно старалась веселиться: она по вечерамъ гуляла въ Останкинскомъ

саду, каждый почти праздникъ ѣздила на какую-нибудь изъ сосѣднихъ дачъ и всегда безъ исключенія въ сопровожденіи барона, такъ что, по поводу послѣдняго обстоятельства, по Останкину, особенно между дамскимъ населеніемъ, шелъ уже легонькій говоръ; что касается до князя, то онъ все время проводилъ у Елены и, врядъ ли не съ умысломъ, совершенно не бывалъ дома, чтобы не видѣть того, что, какъ онъ ни старался скрыть, весьма казалось ему неприятнымъ. Съ барономъ князь былъ болѣе чѣмъ сухъ и очень насмѣшливъ. Желанію жены отпраздновать свои именины онъ конечно не противорѣчилъ и, предоставивъ ей распоряжаться какъ она желаетъ, только спросилъ ее:

— Кто-жь у тебя будутъ танцовать... дамы твои и кавалеры?

— Во-первыхъ, я сама! — отвѣчала княгиня.

— Во-вторыхъ, конечно, баронъ! — подхватила съ явнымъ оттѣнкомъ насмѣшки князь.

— Конечно, баронъ, во-вторыхъ, — повторила за мужемъ княгиня... — Потомъ Анна Юрьевна, — прибавила она.

— Кто же для нея кавалеромъ будетъ? Господинъ Илліонскій развѣ? — спросилъ князь.

— И господинъ Илліонскій будетъ у меня!.. потому ты будешь танцовать!

— Съ кѣмъ же я буду танцовать? — спросилъ князь.

— Съ mademoiselle Еленой, если только она удостоитъ чести посѣтить меня! — проговорила княгиня.

— То есть, если вы удостоите ее чести пригласить! — подхватила князь.

— Нѣтъ ужъ, это я васъ буду просить пригласить ее, — сказала княгиня.

— Что-жь вы мнѣ поручаете это? — сказалъ князь съ явнымъ оттѣнкомъ удовольствія.

— Если вы желаете, такъ можете пригласить ее! — отвѣчала княгиня. Она, кажется, хотѣла этимъ показать мужу, что теперь для нея ничего даже не значить присутствіе Елены въ ихъ домѣ.

— Пригласимъ-съ, пригласимъ mademoiselle Елену! — повторилъ двукратно князь.

Княгиня на это молчала.

— Потомъ приглашу и милѣйшаго моего Миклакова! — присовокупилъ князь.

— Пригласи!..—какъ-то протянула княгиня.

Милѣйшій Миклаковъ, о которомъ упомянулъ князь, будетъ играть въ моемъ разказѣ довольно значительную роль; а потому я долженъ нѣсколько предувѣдомить объ немъ читателя. Миклаковъ въ молодости отлично кончилъ курсъ въ университетѣ, любилъ очень читать, и потому много зналъ; но въ жизни какъ-то ему не повезло: въ службѣ онъ дотянулъ только до бухгалтера, да и тутъ его терпѣли по тому, что обязанности свои онъ зналъ въ совершенствѣ и начальники его обыкновенно говорили про него: «Миклаковъ, какъ бухгалтеръ, превосходный; но какъ человекъ—пренепріятный!» Дѣло въ томъ, что, при служебныхъ объясненіяхъ съ своими начальствующими лицами, онъ, нѣтъ-нѣтъ, да и ввернетъ почти каждому изъ нихъ какую-нибудь колкость. Потомъ, Миклаковъ былъ влюбленъ въ девушку очень хорошей фамиліи, съ прекраснымъ состояніемъ. Та сначала отвѣчала ему; но потомъ

вдругъ разочаровалась въ немъ; Миклаковъ послѣ этого сходилъ съ ума и врядъ ли не содержался въ сумасшедшемъ домѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ, наконецъ, сдѣлался извѣстенъ въ литературныхъ кружкахъ и прослылъ тамъ человѣкомъ либеральнѣйшимъ, такъ что, при первомъ же болѣе свободномъ дыханіи литературы, его пригласили къ сотрудничеству въ лучшіе журналы, и онъ началъ тутъ, то тамъ печатать свои критическія и памфлетическія статьи. Творенія его, кромѣ ума и нѣкотораго знанія, имѣли еще свойство невообразимой бранчивости, такъ что Миклаковъ самъ даже про себя говорилъ, что ему единственный свѣше ниспосланъ даръ: это *продернуть себя подобнаго!* Вслѣдствіе таковыхъ качествъ, успѣхъ его въ литературѣ былъ несомнѣнный: публика начала его знать и любить; но за то журналисты скоро его разлюбили: дѣло въ томъ, что, вступая почти въ каждую редакцію, Миклаковъ, изъ довольно справедливаго, можетъ быть, сознанія собственнаго достоинства и для пользы самаго же дѣла, думалъ тамъ овладѣть сейчасъ же умами и господствовать, но это ему не совсѣмъ удавалось; и онъ, обозлившись, обыкновенно начиналъ довольно колко отзываться и объ редакторахъ, и объ ихъ сотрудникахъ: «что же это такое?—говорилъ онъ, на примѣръ, про одну литературную партію:—болѣть объ нищей братіи, а въ то же время на каждомъ шагу дѣлать подлости, мерзости: лучше первоначально отъ этого отказаться, а потомъ ужъ переходить къ высшимъ подвигамъ гуманности!» Потомъ про другой, очень почтенный, журналъ онъ выражался такъ: «О, хо, хо, хо, батюшки!.. какіе

тамъ слоны сидятъ! и не разберешь сразу: демагоги ли это, или мурзы татарскіе? кажется, послѣднее». И вообще про все полчище русскихъ литераторовъ Миклаковъ говорилъ, что въ немъ обрѣтается никакъ не больше десятковъ двухъ или трехъ истинно даровитыхъ и образованныхъ людей, а остальные набрались изъ такихъ господъ, которые ни на какое другое путное дѣло не способны. Нынче отъ писцовъ требуютъ, чтобы они были хоть сколько-нибудь грамотны, но русскій литераторъ можетъ быть даже безграмотенъ; корректоръ ему все поправить; а писать онъ тоже можетъ всякую чепуху, какая только придетъ ему въ голову, ибо эти тысяче-устныя дуры газеты (такъ обыкновенно Миклаковъ называлъ газеты) способны принять въ себя всякую дрянь и изрыгнуть ее передъ русскою публикою.

Всѣ эти насмѣшливые отзывы Миклакова, разумется, передавались кому слѣдуетъ; а эти, кто слѣдуетъ, заставляли разныхъ своихъ критиковъ уже печатно продергивать Миклакова, и такимъ образомъ не стало почти ни одного журнала, ни одной газеты, гдѣ бы не называли его то человѣкомъ отсталымъ, то черезчуръ новымъ, либеральнымъ, дерзкимъ, бездарнымъ и наконецъ даже подкупленнымъ. Прочитывая все это, Миклаковъ только поживался и посмѣивался и говорилъ, что ему все это какъ съ гуся вода, и при этомъ обыкновенно почти всѣмъ смѣшилъ пояенить, что онъ спокойнѣйшій и счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, такъ какъ съ голоду умереть не можетъ, ибо выслужилъ уже пенсію, женской измѣны не боится, потому что никогда и не

вѣрилъ женской вѣрности, и, наконецъ, крайне доволенъ своимъ служебнымъ занятіемъ, въ силу того, что оно все состоитъ изъ цифръ, а цифры, по его словамъ, суть самыя честныя вещи въ мірѣ и никогда не лгутъ! Говоря такимъ образомъ, Миклаковъ въдушъ врадъ ли то же самое чувствовалъ, потому что день ото дня становился какъ-то все больше худъ и желтъ и почти каждый вечеръ напивался до одурѣнія; видимо, что онъ сгаралъ на какомъ-то внутреннемъ и безпрестанно мучившемъ его огнѣ!

Князь познакомился съ Миклаковымъ у Елены, съ которою тотъ былъ давно знакомъ и даже дружень. Съ перваго же свиданья, онъ понравился князю своими насмѣшливыми сужденіями; и потомъ это вниманіе князя къ Миклакову усилилось еще отъ того, что Елена разъ призналась ему, что она ничего не скрываетъ отъ Миклакова.

— И даже любви нашей? — замѣтилъ ей князь.

— И любви нашей не скрываю! — отвѣчала Елена.

— Что-жь онъ говорить по этому поводу? — спросилъ князь немного потупляясь, но съ замѣтнымъ любопытствомъ.

— Онъ говорить весьма неутѣшительныя вещи для меня.

— А именно?

— Ну, нѣтъ, я никогда тебѣ этого не скажу! — воскликнула Елена.

Миклаковъ, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ ей весьма неутѣшительныя вещи.

— Какъ хотите, рассуждалъ онъ съ удареніемъ, — а князь все-таки <http://www.vostok.ru> человекъ женатый!

— Что-жь мнѣ изъ-за этого и душить въ себѣ чувство было? — спрашивала его Елена.

— Ахъ, Боже мой, душить чувство! — воскликнулъ Миклаковъ.— Никогда чувство вдругъ не приходитъ, а всегда оно есть результатъ накопленныхъ, одного и того же рода, впечатлѣній; стоитъ только не позволять на первыхъ порахъ повторяться этимъ впечатлѣніямъ—и чувства не будетъ!

— Но зачѣмъ же бы я стала это дѣлать,—позвольте васъ спросить? — говорила Елена.

— Да хоть-бы затѣмъ, что теперешнее, напрямѣръ, ваше положеніе очень скверное!—возражалъ ей Миклаковъ.

— Но чѣмъ же?—спрашивала Елена, сама при этомъ немного краснѣя.

— А тѣмъ, что вы сами очень хорошо знаете чѣмъ, но только изъ принциповъ вашихъ хотите показать, что вамъ ничего это не значитъ.

— Мои принципы—это вся я! — говорила Елена.

— Нѣтъ, не всѣ, далеко не всѣ! — возражалъ ей съ усмѣшкой Миклаковъ.

Елена начинала на него немножко сердиться.

— Вы странный человѣкъ, вы какъ-будто съ какимъ-то наслажденіемъ мнѣ злопророчествуете!

— Да и добропророчествовать тутъ нечего!

— Что-жь, вы такъ-таки князя за совершенно дряннаго человѣка и считаете?

— Нисколько! Но я вижу только, что онъ одной ужь женщиной измѣнилъ.

— Кому это?

— Женѣ своей.

Елена захохотала.

— Я надѣюсь, что въ его чувствахъ ко мнѣ и къ женѣ есть маленькая разница!

— Не знаю-съ!.. Мы его чувства къ женѣ оба съ вами не видали.

— Но какое же его чувство ко мнѣ, какъ вы находите, серьезное или пустое? — спрашивала Елена настойчиво, но съ замѣтнымъ трепетомъ въ голосѣ.

— Серьезныхъ и пустыхъ чувствъ я не знаю, — отвѣчалъ ей Миклаковъ:— а знаю страстныхъ и не страстныхъ, и его чувство къ вамъ пока еще очень страстное!

— Подите вы! Вы говорите только съ одной какой-то животной стороны.

— Да, вѣдь, по нашему съ вами человекъ только животное и есть, — говорилъ Миклаковъ, устремляя на Елену смѣющіеся глаза.

— Что-жь изъ этого?.. Но онъ все-таки можетъ любить въ другомъ: умъ, образованіе, характеръ, — перечисляла Елена.

— Все можетъ, жаль только, что все это не по религіи нашей съ вами! — подсмѣивался Миклаковъ.

— Никакой у васъ нѣтъ религіи и никогда не бывало ея, потому что никогда не было никакихъ убѣжденій! — прикрикнула на него Елена.

— Совершенно вѣрно-съ. Кромѣ того твердаго убѣжденія, что весь міръ и всѣ его убѣжденія суть не что иное, какъ громаднѣйшая пошлость, никогда никакого другаго не имѣлъ! — подхватилъ Миклаковъ.

— Ну, подите вы! — повторила еще разъ Елена, видя, что Миклаковъ уже шутилъ. А онъ, въ свою

очередь, при этомъ вставлялъ, цѣловалъ ея руку и уходилъ домой, очень довольный, что разсердилъ барышню.

— Кто же однако еще у тебя будетъ?—продолжалъ князь разговаривать съ женой о предстоящемъ вечерѣ.

— Будетъ еще madame Петицкая, которая представитъ намъ молодого танцора, monsieur Архангелова! — отвѣчала княгиня.

— Madame Петицкая представитъ monsieur Архангелова—не дурно!—произнесъ князь насмѣшливымъ голосомъ.

Madame Петицкой также предстоитъ нѣкоторая роль въ моемъ разсказѣ, а потому я и объ ней долженъ буду сказать нѣсколько словъ. Дама эта, подобно Миклакову, тоже не мало изливала желчи и злобы на Божій міръ, только въ болѣе мягкой формѣ и съ нѣсколько иными цѣлями и побужденіями. Она познакомилась съ княгиней всего только съ мѣсяць назадъ и, какъ кажется, была мастерица устраивать себѣ знакомства съ лицами знатными и богатыми. Высмотрѣвъ на гуляньѣ въ саду княгиню и узнавъ съ достовѣрностью, кто она такая, госпожа Петицкая разъ, когда княгиня сидѣла одна на террасѣ, подошла къ рѣшеткѣ ихъ садика. Одѣта госпожа Петицкая была въ черное, траурное платье, траурную шляпку, и, придавъ самый скромный и даже нѣсколько горестный видъ своему молодежавому лицу (госпожѣ Петицкой было, можетъ быть, лѣтъ тридцать пять),

она произнесла тихимъ и ровнымъ голосомъ и совсѣмъ, совсѣмъ потупляя глаза.

— Madame la princesse, pardon, что я васъ беспокою, но не угодно ли вамъ будетъ купить рояль, который остался у меня послѣ покойнаго мужа моего?

Княгиню немножко удивило подобное предложеніе.

— Но сами вы развѣ не играете?—спросила она.

— Я играю, и не дурно играю, — отвѣчала госпожа Петицкая еще скромнѣе:—но у меня нѣтъ средствъ, чтобы имѣть такой дорогой рояль; мой мужъ былъ великій музыкантъ!

— Ваша фамилія? — спросила ее княгиня.

— Петицкая! — произнесла госпожа Петицкая съ замѣтною гордостью.

— Ахъ, я слыхала игру вашего мужа; онъ дѣйствительно былъ превосходный музыкантъ!

— Превосходный! — повторила и госпожа Петицкая, приближая носовой платокъ къ глазамъ.

— Я непременно найду къ вамъ посмотрѣть вашъ рояль и купить его, хоть затѣмъ, чтобы имѣть его въ память вашего супруга.

— О, merci! не даромъ мое сердце влекло меня къ вамъ, — воскликнула негромко госпожа Петицкая.

Раскланявшись съ княгиней, она удалилась. Та на другой же день зашла къ ней на дачу посмотрѣть рояль, который ей очень понравился, и она его сейчасъ купила.

Когда нанятые для переноски рояля мужики подняли его и понесли, госпожа Петицкая удалилась нѣсколько въ сторону и заплакала. Княгиня сдѣлалось безконечно жалко ее.

— А у васъ никакого рояля и не останется? — спросила она ее.

— Нѣтъ! — отвѣчала госпожа Петицкая почти трагическимъ голосомъ.

— Ну, я вакъ-нибудь это поправлю! — проговорила княгиня и, возвратившись домой, пересказала мужу, что она купила отличный рояль у одной дамы: — и вообрази, у этой бѣдной женщины не осталось теперь никакого инструмента, тогда какъ она сама очень хорошая музыкантша! — присовокупила она къ этому.

Госпожа Петицкая, кажется, не безъ умыслу, взяла въ присутствіи княгини нѣсколько довольно бойкихъ аккордовъ.

— Да, жаль! — произнесъ довольно равнодушно князь.

— И я, знаешь, что хочу сдѣлать, — продолжала княгиня: — подарить ей мой рояль... не продавать же намъ его?

— Конечно, подари! — согласился князь.

Княгиня очень была довольна такимъ позволеніемъ и даже поцѣловала за него мужа.

Когда госпожѣ Петицкой принесли отъ княгини въ подарокъ рояль, то она удивилась и даже немножко обидѣлась; но княгиня прислала ей при этомъ такое любезное и доброе письмо, что она не въ состояніи была отказаться принять подарокъ отъ нея, и съ тѣхъ поръ почти дружба связала обѣихъ этихъ дамъ. Главное, госпожа Петицкая, не смотря на свой скромный и печальный видъ, ужасно смѣшила княгиню, рассказывая ей разныя разности про останкинскихъ господъ и госпожъ. О, она казалась княгинѣ очень умною и ужасною насмѣшницей!

Кромѣ этихъ забавныхъ разсказовъ, госпожа Петицкая не чужда была, повидимому, заглянуть и подалее, поглубже въ сердце княгини.

— Этотъ баронъ какой должно быть хорошій и честный человекъ! — говорила она.

— Да, онъ хорошій человекъ! — отвѣчала княгиня, но, какъ показалось госпожѣ Петицкой, совершенно равнодушно.

— И красивый какой собой! — продолжала она.

— Ну, нѣтъ, какой же красивый? — возразила княгиня очень искреннимъ голосомъ, такъ что госпожу Петицкую удивила даже этимъ.

— Но, однако, извините вы меня: онъ лучше вашего мужа, хоть и тотъ тоже красивъ!

— Нѣтъ, мужъ лучше! — произнесла княгиня, опять совершенно искренно.

Госпожа Петицкая понять не могла, что такое значили подобные отвѣты. По слухамъ останкинскимъ, она твердо была увѣрена, что говоритъ княгинѣ самыя пріятныя вещи, а тутъ вдругъ встрѣчаетъ такое равнодушіе въ ней; а потому спустя нѣкоторое время, она рѣшилась попробовать княгиню съ другой стороны, хоть болѣе, можетъ быть, непріятной для нея, но все-таки конечно интересующей ее.

— Я какъ-то разъ гуляла, — начала она, по обыкновенію, своимъ ровнымъ и кроткимъ голосомъ: — и вдругъ на дачѣ у Жиглинскихъ вижу вашего мужа! Никакъ не ожидала, что онъ съ ними знакомъ!

Княгиня при этомъ невольно покраснѣла.

— А вы развѣ знакомы съ Жиглинскими? — спросила она стремительно.

— Да, то есть мужъ мой собственно зналъ ихъ хорошо, даже очень хорошо! — повторила госпожа Петецкая съ какой-то странной усмѣшкою. — Онъ рассказывалъ мнѣ, какъ въ молодости проигралъ у нихъ въ домѣ три тысячи рублей и не то что, знаете, проигралъ, а просто былъ очень пьянъ, и у него ихъ вытащили изъ кармана и сказали потомъ, что онъ ихъ проигралъ!

Княгиня на это молчала. Она отовсюду, наконецъ, слышала, что Жиглинскіе были ужасно дрянные люди, и она понять одного только не могла, какимъ образомъ князь могъ сблизиться съ ними?

Госпожа Петецкая, въ свою очередь, тоже еще не уяснила себѣ хорошенько, какое впечатлѣніе она произвела на княгиню всѣми этими рассказами, и потому рѣшилась продолжать ихъ.

— Эта дочь госпожи Жиглинской, — начала она съ нѣкоторымъ одушевленіемъ и не столько ровнымъ и монотоннымъ голосомъ: — говорятъ, чистѣйшая нигилистка!

Княгиня при этомъ сдѣлала маленькую гримасу.

— Про нее между прочимъ рассказываютъ, — продолжала госпожа Петецкая: — и это не то что выдумка, а настоящее происшествіе было: разъ она идетъ и встрѣчаетъ знакомаго ей студента съ узелкомъ, и этакая-то хорошенькая, прелестная собой, спрашиваетъ его: «Куда вы идете?» — «Въ баню!» — говорить. — «Ну такъ, говорить, и я съ вами!» Пошла съ нимъ въ номеръ и вымылась, и не то что между ними что-нибудь дурное произошло — ничего!.. такъ только, чтобы показать, что стыдиться мужчинъ не слѣдуетъ.

— Не можетъ быть!—воскликнула внягиня.

— Говорять, что было! — подтвердила госпожа Петяцкая самымъ невиннымъ голосомъ, хотя очень хорошо знала, что нивто ей ничего подобнаго не говорилъ, и что все это она сама выдумала, и выдумала даже въ настоящую только минуту.

Въ самый день именинъ, внягиня, одѣтая въ нарядное бѣлое платье, отправилась въ коляскѣ въ католическую церковь для выслушанія обѣдни и проповѣди. Баронъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, тоже поѣхалъ вмѣстѣ съ ней. Князь видѣлъ это изъ окна своего кабинета и только грустно усмѣхнулся. По случаю приглашенія, которое онъ наканунѣ сдѣлалъ Еленѣ, чтобы она пришла къ нимъ на вечеръ, у него опять съ ней вышелъ маленькій споръ.

— Нѣтъ! не приду! — сказала было на первыхъ порахъ Елена.

— Отчего же?—спросилъ князь, видимо очень огорченный этимъ отказомъ.

— Ахъ, какой ты странный человѣкъ, у меня платья не сходятся; я корсета не могу стянуть потуже, — возразила ему та.

— Да ты и не стигивай, надѣнь сверху какую-нибудь мантилью.

Елена все еще отрицательно качала головой.

— Пожалуйста, приходи! — повторилъ еще разъ князь, и голосъ его былъ до того упрасивающій, что Елена почти сдѣлалось жаль его.

— Ну, хорошо, приду! — сказала она ему.

Князь, упрасивая такъ настойчиво Елену придти

къ нимъ, кромѣ желанія видѣть ее, имѣлъ еще дѣтскую надежду, что такимъ образомъ Елена попривыкнетъ у нихъ бывать и княгиня тоже попривыкнетъ видѣть ее у себя, и это, какъ онъ ожидалъ, не сгладить нѣсколько существующей между ними антагонизмъ.

Часа въ два княгиня возвратилась съ барономъ изъ церкви. Madame Петицкая уже дождалась ее на террасѣ и поднесла именинницѣ въ подарокъ огромный букетъ цвѣтовъ, за который княгиня расцѣловала ее съ чувствомъ. Вскорѣ затѣмъ пришелъ и князь; онъ тоже подарилъ женѣ какую-то брошку, которую она приняла отъ него потупившись, и тихо проговорила: «merci!»

Слѣдовавшій потомъ обѣдъ прошелъ какъ-то странно. Баронъ, Петицкая и княгиня, хоть не совсѣмъ, можетъ быть, искренно, но старались между собой разговаривать весело; князь же ни слова почти не произнесъ, и послѣ обѣда, когда баронъ принялся шаловливо развѣшивать по деревьямъ цвѣтные фонари, чтобы освѣтить ими ночью садъ, а княгиня вмѣстѣ съ госпожей Петицкой принялась тоже шаловливо помогать ему, онъ ушелъ въ свой флигель, сѣлъ тамъ въ кресло и въ глубокой задумчивости просидѣлъ на немъ до тѣхъ поръ, пока не вошелъ къ нему прибывшій на вечеръ Мивлаковъ.

— Пѣшкомъ, вѣроятно? — спросилъ князь пріятеля, видя, что тотъ утираетъ катящійся со лба крупными каплями потъ.

— Отъ инфантеріи-съ, отъ инфантеріи! — отвѣчалъ ему тотъ.

Мивлаковъ обыкновенно всюду ходилъ пѣшкомъ и

говорилъ, что у него ноги, послѣ мозгу, самая выгодная часть тѣла, потому что онѣ вполнѣ замѣняютъ ему лошадь.

— А Елена Николаевна будетъ у васъ? — спросилъ Миклаковъ.

— Будетъ! — отвѣчалъ князь.

— То-то, а если нѣтъ, такъ я до бала вашего хотѣлъ сходить къ ней.

— Нѣтъ, она къ намъ придетъ!

— И что же княгиня, не пофыркиваетъ на нее?

— Нисколько!

— Чортъ знаетъ, что такое! — произнесъ Миклаковъ и пожалъ только плечами.

Князь молчалъ.

Черезъ полчаса изъ большаго флигеля пришелъ лакей и доложилъ князю, что гости начали съѣзжаться. Миклаковъ и князь пошли туда; въ залѣ они увидѣли Елпидифора Мартыныча рассказывающимъ въ черномъ фракѣ, бѣломъ жилетѣ и съ совершенно новенькимъ владимирскимъ крестомъ на шеѣ. Князю Елпидифоръ Мартынычъ повлонился почтительно, но молча: онъ все еще до сихъ поръ считалъ себя сильно имъ обиженнымъ; а князь, въ свою очередь, почти не обратилъ на него вниманія и повелъ къ женѣ въ гостиную Миклакова, котораго княгиня приняла очень радушно, хотъ и считала его нѣсколько за юродиваго и помѣшаннаго. Тамъ же сидѣла и Анна Юрьевна. Князь помѣстился-было около нея съ цѣлью поболтать и пошутить съ кузиной; но на этотъ разъ какъ-то ему не удавалось это, да и Анна Юрьевна была какая-то разстроенная. Она на дняхъ только узнала, что юный музы-

кальный талантъ ея измѣняетъ ей на каждомъ шагу, а потому вознамѣрилась прогнать его. Вскорѣ затѣмъ прибыла madame Петцкая съ г. Архангеловымъ, который оказался очень еще молодымъ чело-вѣкомъ, и странно! своимъ цвѣтущимъ лицомъ и завитыми, длинными, русыми волосами напоминалъ собой нѣсколько тѣхъ архангеловъ, которыхъ обык-новенно плохіе живописцы рисуютъ на боковыхъ иконостасныхъ дверяхъ. Тѣло свое молодой чело-вѣкъ держалъ черезчуръ ужь прямо, стараясь при этомъ неповѣрнѣйшимъ образомъ выпячивать грудь свою впередъ и, кажется, больше всего на свѣтѣ боялся замарать свои бѣлыя перчатки. Госпожа Пе-тицкая смотрѣла и слѣдила за нимъ боязливо и нѣжно, какъ-бы питая къ нему въ одно и то же время чувство матери и чувство болѣе нѣжное и болѣе страстное. Она не преминула сейчасъ же пред-ставить его князю, но тотъ и monsieur Архангелову, также какъ и Елпидиѳору Мартынычу, не сказалъ ни слова и только молча поклонился ему. Наконецъ явилась и Елена, по обыкновенію, съ шпкомъ одѣ-тая, но увы! полнота ея таліи была явно замѣтна, и это, какъ кажется, очень сильно поразило княгиню, такъ что она, при видѣ Елены, совладѣть съ собой не могла и вся вспыхнула, а потомъ торопливо на-чала хлопотать, чтобы устроить поскорѣ танцы, въ которыхъ и раздѣлились такимъ образомъ: кня-гиня стала въ парѣ съ барономъ, князь съ Еленой, госпожа Петцкая съ своимъ Архангеловымъ, а Анна Юрьевна съ Миклаковымъ. Княгиня, въ про-долженіе всей кадрили, не отнеслась къ Еленѣ ни съ однимъ словомъ, ни съ однимъ звукомъ, и почти

отворачивалась, проходя мимо нея въ шенѣ. Елена дѣлала видъ, что рѣшительно не замѣчала этого, и держала себя съ большимъ достоинствомъ. Княгиня въ то же время почти неприличнымъ образомъ любовничала съ барономъ. Она уставляла на него по нѣскольку времени свои голубые глаза, не отнимала своей руки изъ его руки, хотя уже и не танцевала болѣе. Князь, въ свою очередь, все это видѣлъ и кусалъ себѣ губы, а когда кончились танцы, онъ тотчасъ ушелъ въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ, отворилъ тамъ окно и сѣлъ около него. Прочіе гости тоже все ушли въ садъ гулять, и въ залѣ остался только Елпидиоръ Мартынычъ, который, впрочемъ, нашелъ чѣмъ себя занять: онъ подошелъ къ официанту, стоявшему за буфетомъ, и сталъ съ нимъ о томъ, о семъ толковать, а самъ въ это время таскалъ съ вазъ фрукты и конфеты и клалъ ихъ въ шляпу свою. Онъ со всякаго обѣда или бала, куда только пускали его, привозилъ обыкновенно такимъ образомъ прибрѣтенные гостинцы домой и въ настоящее время отдавалъ ихъ маленькой дѣвочкѣ кухарки, своей собственной побочной дочери.

Въ саду, между тѣмъ, по распоряженію барона, засвѣтили цвѣтные фонари, и все кустики и деревца приняла какой-то фантастическій видъ; посреди ихъ гуляли какъ-бы тоже фантастическія фигуры людей. На скамейку, расположенную у того окна, у котораго сидѣлъ князь, пришли и сѣли Мп-влавовъ и Елена. Князя они совершенно не могли видѣть.

— Вы говорите, что замѣтно?—спросила Елена.

— Совершенно замѣтно! — отвѣчалъ, невесело усмѣхаясь, Миклаковъ.

— Ну, что жь, ничего!..—Пусть себѣ!—сказала Елена.

— Вовсе не ничего! Ну къ чему такая неискренность!..—возразилъ ей Миклаковъ уже серьезно:—ваше положеніе скверное и непріятное, а будетъ еще сквернѣе и непріятнѣе.

— Но что же дѣлать, какъ помочь тому?—спрашивала Елена.

— Что дѣлать? — повторилъ Миклаковъ въ раздумьѣ:—повѣзжайте лучше за границу и назовитесь тамъ дамой, что-ли!

— Но нельзя же каждый разъ ѣздить для этого за границу!

— А вы думаете повторять такое ваше положеніе? спросилъ насмѣшливо Миклаковъ.

— Очень можетъ случиться, —отвѣчала Елена спокойно:—а потому, теперь-ли, тогда-ли вытерпѣть подобное положеніе—все равно!

— И то правда! — подхватилъ Миклаковъ и вздохнулъ.

У князя кровью сердце обливалось, слушая этотъ разговоръ: внутреннее сознаніе говорило въ немъ, что Миклаковъ былъ правъ, и вздохъ того былъ глубоко имъ понятъ!

Миклаковъ и Елена, впрочемъ, вскорѣ ушли съ этой лавочки, и за то вмѣсто нихъ заняла ее другая пара: госпожа Петипкая съ ея Архангеловымъ.

— Какъ вамъ нравятся разныя романическія сцены, которыя тутъ разыгрываются? — говорила

она кавалеру своему вроткимъ и незлобливымъ голосомъ.

— Какія-съ?—произнесъ тотъ какъ-то торопливо и почти въ лакейскомъ тонѣ.

— Тутъ ужасныя драмы происходятъ, — повторила госпожа Петцкая: — эта брюнетка — дѣвица: она любовница князя!

— Что же, она давно его любовница?—спросилъ ее, чортъ знаетъ къ чему, молодой человѣкъ.

— Не знаю,—отвѣчала съ небольшою досадою госпожа Петцкая:—я знаю только одно, — продолжала она какимъ-то шипящимъ голосомъ:—что она развратнѣйшее существо въ мірѣ!

На это молодой человѣкъ ничего не сказалъ, боясь, можетъ быть, опять какъ-нибудь провратъся.

— А вотъ этотъ высокій мужчина—баронъ: вы видѣли его?

— Видѣлъ-съ!—отрѣзалъ молодой человѣкъ.

— Онъ ухаживаетъ за княгиней и, кажется, ужъ счастливый ея поклонникъ!—продолжала госпожа Петцкая.

— Ахъ, да, да! такъ, такъ! Это я видѣлъ и замѣтилъ! — подхватилъ какъ-то необыкновенно радостно молодой человѣкъ.

То, что баронъ куртизанилъ съ княгиней, и она съ нимъ—это даже г. Архангеловъ замѣтилъ,—до такой степени это было ярко и видно!

Далѣе князь не въ состояніи былъ выслушивать ихъ разговора; онъ порывисто всталъ и снова вернулся въ залу, подошелъ къ буфету, налилъ себѣ стаканъ сельтерской воды и залпомъ его выпилъ. Елпидифоръ Мартынычъ, все еще продолжавшій

стоять около вазъ съ конфетками, только ивеса посмотрѣлъ на него. Вскорѣ послѣ того въ залу возвратилась княгиня въ сопровожденіи всѣхъ своихъ гостей.

— Мы сейчасъ идемъ фейерверкъ смотрѣть!— отнеслась она къ мужу.

— Идите!—отвѣчалъ ей почти грубо князь и затѣмъ, обратившись къ Еленѣ, подаль ей руку.

— Пойдемте, Елена Николаевна; вы, я знаю, въ темнотѣ не умѣете ходить однѣ! — сказалъ онъ ей ласковымъ голосомъ.

Всѣ отправились къ пруду, на которомъ былъ устроенъ фейерверкъ, и усѣлись на приготовленные тамъ заранее стулья. Князь непременно полагалъ, что баронъ находится въ группѣ людей, стоящихъ около фейерверка, такъ-какъ фейерверкъ этотъ баронъ самъ затѣялъ и самъ его устраивалъ; но, къ великому своему удивленію, когда одно изъ самыхъ свѣтлыхъ колесъ фейерверка было зажжено, князь усмотрѣлъ барона вовсе не на пруду, а сидящимъ вдвоемъ съ княгиней вдали отъ всѣхъ и находящимся съ ней въ замѣтно-пріятныхъ и задушевныхъ разговорахъ. Князю показалось это наконецъ гадко!

— Не хотите-ли вы отсюда прямо идти домой?— спросилъ онъ Елену.

— Ахъ, очень-бы желала, —отвѣчала ему та: ей въ самомъ дѣлѣ тяжело было оставаться на людяхъ.

— Ну такъ что же, пойдете! Я васъ провожу и даже останусь у васъ!—сказалъ князь.

— А развѣ вы не будете ужинать съ вашими гостями?

— Чортъ съ ними; надоѣли они мнѣ всѣ!—отвѣчалъ князь съ презрѣніемъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдете! — проговорила, Елена довольнымъ голосомъ: она нисколько даже не подозрѣвала о волновавшихъ князя чувствованіяхъ такъ какъ онъ послѣднее время очень спокойно и съ нѣкоторымъ какъ бы удовольствіемъ разсказывалъ ей, что баронъ ухаживаетъ за княгиней и что между ними сильная дружба затѣвается!

XII.

Миклаковъ издавна обиталъ на Тверской, въ весьма небогатыхъ номерахъ. Онъ до сихъ поръ еще жилъ, какъ жилъ нѣкогда студентомъ, и только нанималъ комнату нѣсколько побольше, чѣмъ прежде, и то не ради какихъ-нибудь личныхъ удобствъ, а потому что, съ теченіемъ времени, у него очень много накопилось книгъ, которыя и надобно было гдѣ-нибудь разставить; прочая же обстановка его была совершенно прежняя: та же студенческая желѣзная кровать, тотъ же письменный столъ, весь перепачканный чернильными пятнами и изрѣзанный перочиннымъ ножомъ; то же волтеровское кресло для сидѣнія самого хозяина и нѣсколько полусломанныхъ стульевъ для гостей. Миклаковъ самъ говорилъ, что всякъ, кто у него побываетъ, не вспыхиваетъ потомъ желаніемъ бывать у него часто; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, кажется, любилъ, когда кто заходилъ къ нему, и врядъ ли даже поощреніе свое держалъ въ такомъ грязномъ видѣ не съ умысломъ, что вотъ-де скверно

у меня, а все-таки хорошіе люди дѣлаютъ мнѣ посвященія. Курилъ Миклаковъ трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, и курилъ Жукова табакъ, Богъ ужь знаетъ гдѣ и доставая его. Комплектъ платья у него былъ такъ же неполонъ, какъ и во дни-оны: халатъ его былъ, напимъръ, такого свойства, что Миклаковъ старался лучше не надѣвать его, когда это было возможно, а такъ какъ лѣтомъ эта возможность, по случаю теплой погоды, была почти постоянная, то Миклаковъ обыкновенно все лѣто и ходилъ въ одномъ бѣльѣ. Разъ, въ очень жаркое утро, онъ именно въ такомъ костюмѣ лежалъ на своей кровати и читалъ. Вдругъ по корридору раздались довольно тяжелые шаги: Миклаковъ наострилъ немного уши; дверь въ его номеръ отворилась и вошелъ князь Григоровъ.

— А, ваше сіятельство! — воскликнулъ Миклаковъ, впрочемъ не поднимаясь съ постели и только откладывая въ сторону читаемую имъ книгу: — какими судьбами вы занесены изъ вашихъ прохладъ въ нашу знойную Палестину?

— Да вотъ, видите, къ вамъ пріѣхалъ!... — отвѣчалъ князь. Выраженіе лица его было мрачное и пасмурное. Положивъ шляпу, онъ послѣшилъ усѣсться на одинъ изъ стоявшихъ передъ письменнымъ столомъ стульевъ.

— Вижу, вижу-съ, и благодарю! — сказалъ Миклаковъ, поворачиваясь къ князю лицомъ, но все-таки не вставая съ постели.

— Да вставайте же, полно вамъ валяться!... сядьте тутъ къ столу! — воскликнулъ тотъ наконецъ.

— Немножко совѣстно! — произнесъ Миклаковъ:

— Впрочемъ ничего! — прибавилъ онъ, и затѣмъ съ полнѣйшею безцеремонностью всталъ въ своемъ грязномъ бѣльѣ и сѣлъ противъ князя. Тотъ, съ своей стороны, ничего этого и не замѣтилъ, потому что весь былъ занятъ своими собственными мыслями.

— Ну-съ, что же вы скажете мнѣ хорошенькаго? — началъ Миклаковъ.

— Что хорошенькаго? — Все какъ-то скверно у меня идетъ, — отвѣчалъ князь съ разстановкой.

Миклаковъ сжалъ на это губы.

— Скверно для васъ идетъ, — повторилъ онъ: — человекъ, у котораго больше восьмидесяти тысячъ годового дохода, говоритъ, что скверно у него идетъ — странно это нѣсколько!

— Не въ однѣхъ деньгахъ счастье, — возразилъ князь.

— А по моему, въ однѣхъ деньгахъ и есть, да пожалуй, еще въ физическомъ здоровьѣ, — подхватилъ Миклаковъ.

— Нѣтъ-съ, для человека нужно еще нѣчто третье!

— А именно?

— А именно правильность и опредѣленность его отношеній къ другимъ людямъ.

Миклаковъ опять сжалъ губы.

— Я что-то мало васъ понимаю, — произнесъ онъ.

— Очень просто это, — отвѣчалъ князь: — отношенія мои къ женѣ теперь до того извратились, исказились, осложнились...

Князь еще и прежде говорилъ съ Миклаковымъ совершенно откровенно о своей любви къ Еленѣ и о нѣкоторыхъ по этому поводу семейныхъ неприя-

ностяхъ, и тотъ при этомъ обыкновенно ни однимъ звукомъ не выражалъ никакого своего мнѣнія; но въ настоящій разъ не удержался.

— Мнѣ кажется, что вамъ должно быть очень совѣстно противъ вашей жены, — проговорилъ онъ.

— Болѣе, чѣмъ совѣстно!.. я мучусь и страдаю отъ этого каждоминутно! — сказалъ князь.

— Такъ и должно быть-съ! — Такъ и слѣдуетъ! — подхватилъ Миклаковъ.

— Но какъ же, однако, помочь тому? — спросилъ князь.

Миклаковъ пожалъ на это плечами.

— Разойтись намъ, я полагаю, необходимо и для спокойствія княгини и для спокойствія моего! — при-
совокупилъ князь.

— Для вашего-то — можетъ быть что такъ, но никакъ уже не для спокойствія княгини! — возразилъ Миклаковъ... — У насъ до сихъ поръ еще, чортъ знаетъ, какъ смотрятъ на разводокъ, будь она тамъ права или нѣтъ; и потомъ, сколько мнѣ кажется, княгиня васъ любитъ до сихъ поръ!

— Ну! — сказалъ на это съ удареніемъ князь.

— Что — ну?

— То, что этого нѣтъ теперь.

— А почему вы такъ думаете?

— Потому, что она полюбила ужъ другаго, — отвѣчалъ князь, покраснѣвъ немного въ лицѣ.

— Это барона Мингера, что ли? — спросилъ Миклаковъ.

— Да! — отвѣчалъ князь, окончательно краснѣя.

— Нѣтъ, это вздоръ! — она не любитъ барона! — сказалъ Миклаковъ, отрицательно покачавъ головой.

— Какъ вздоръ!—на какомъ же основаніи вы такъ утвердительно говорите? — возразилъ ему князь.

— А на томъ, что когда женщина любитъ, такъ не станетъ до такой степени открыто кокетничать съ мужчиной.

— Нѣтъ, она любитъ его!—повторилъ князь еще разъ настойчиво. Подслушавъ разговоръ Петицвой съ Архангеловымъ, онъ нисколько не сомнѣвался, что княгиня находится въ самыхъ близкихъ даже отношеніяхъ къ барону.

— Ваше это дѣло!.. Вамъ лучше это знать! — сказалъ Миклаковъ.

— Непріятнѣ всего тутъ то,—продолжалъ князь:— что баронъ хоть и другъ мнѣ, но онъ дрянъ человѣчешко; не стоитъ любви не только что княгини, но и никакой порядочной женщины, и это ставитъ меня рѣшительно втупикъ... Долженъ ли я сказать о томъ княгинѣ, или нѣтъ? — заключилъ онъ, разводя руками и какъ бы спрашивая.

— Всѣ мужья на свѣтѣ, я думаю, точно также отзываются о своихъ соперникахъ! — проговорилъ какъ бы больше самъ съ собою Миклаковъ.—А что, скажите, княгиня когда-нибудь говорила вамъ что-нибудь подобное объ Еленѣ?—спросилъ онъ князя.

— Почти нѣтъ!

— Такъ почему же вы считаете себя вправѣ говорить ей такимъ образомъ о баронѣ?

— Потому, что я опытнѣй ея въ жизни и лучше знаю людей.

— Не думаю!—Женщины обыкновенно лучше и тоньше понимаютъ людей, чѣмъ мужчины: княгиня

предоставила вамъ свободу выбора, предоставьте и вы ей таковую же!

— А я не могу этого сдѣлать! — почти воскликнулъ князь. — Полюби она кого-нибудь другаго, я увѣренъ, что спокойнѣй бы это перенесъ: но тутъ, при одной мысли, что она любитъ этого негодая, у меня вся кровь бросается въ голову; при каждомъ ея взглядѣ на этого господина, при каждой ихъ прогулкѣ вдвоемъ, мнѣ представляется, что цѣлый міръ плюетъ мнѣ за то въ лицо!.. Какого рода это чувство—я не знаю; можетъ быть, это ревность, и согласенъ, что ревность чувство весьма грубое, азіатское,—средневѣковое; но, какъ бы то ни было, оно охватываетъ иногда всѣмъ существомъ моимъ.

— Ревность дѣйствительно чувство весьма грубое,—началь на это разсуждать Миклаковъ:—но оно еще понятно и почти законно, когда вытекаетъ изъ возбужденной страсти; но вы-то ревнуете не потому, что сами любите княгиню, а потому только, что она имѣетъ великую честь и счастье быть вашей супругой и въ силу этого никогда не должна смѣть опорочить честь вашей фамилии и замарать чистоту вашего герба,—вотъ это-то чувство, по моему, совершенно фиктивное и придуманное.

— Вовсе не фиктивное!—возразилъ князь:—потому что тутъ оскорбляется мое самолюбіе, а самолюбіе такое же естественное чувство, какъ голодъ, жажда!

— Положимъ, что самолюбіе чувство естественное,—продолжалъ разсуждать Миклаковъ:—но тутъ любопытно прослѣдить, чѣмъ собственно оно оскорбляется? Что вотъ-де женщина, любившая насъ,

осмѣлилась полюбить другаго, то есть нашла въ мірѣ человѣка, равнаго намъ по достоинству.

— Нѣтъ, баронъ хуже меня, — это я могу смѣло сказать! — возразилъ князь.

— Нѣтъ, онъ лучше теперь васъ въ глазахъ княгини уже тѣмъ, что любитъ ее, а вы нѣтъ!... — Наконецъ, что это за право считать себя лучше кого бы то ни было? — докажите это первоначально.

— Какъ же это доказать!

— А такъ, — прославьтесь на какомъ-нибудь поприщѣ: ученомъ, что ли, служебномъ, литературномъ, что и я, грѣшный, хотѣлъ сдѣлать послѣ своей несчастной любви, но чего, конечно, не сдѣлалъ: пусть княгиня, слыша о вашей славѣ, мучится, страдаетъ, что такого человѣка она разлюбила и не сумѣла сбереечь его для себя: это мечь еще человѣческая; но, вѣдь, ваша братья, мужья обыкновенно въ этихъ случаяхъ вызываютъ своихъ соперниковъ на дуэль, чтобы убить ихъ, то есть какъ-то физически стараются ихъ уничтожить!

— Никого я не хочу ни уничтожать, ни убивать, и заявляю вамъ только тотъ фактъ, что положенія рогатаго мужа я не могу переносить спокойно, а какъ и чѣмъ мнѣ бороться съ этимъ — не знаю!

— Да ничѣмъ, я думаю, кромѣ нѣкоторой разсудительности!

— А если бываютъ минуты, когда во мнѣ нѣтъ никакой разсудительности и я, кромѣ бѣшенства, ничего другаго не сознаю?

— Что-жь <http://az.lib.ru> Велите въ такомъ случаѣ сажать себя на цѣпь! — сказалъ Миклаковъ.

— Хорошо вамъ шутить такъ!—возразилъ князь.

— Нѣтъ, не шучу, увѣряю васъ, — продолжалъ Миклаковъ:—что же другое дѣлать съ вами, когда вы сами говорите, что теряете всякую разсудительность?.. Ну, въ такомъ случаѣ, уходите, по крайней мѣрѣ, куда-нибудь поскорѣй изъ дому, выпивайте два, три стакана холодной воды, сдѣлайте большую прогулку!

— Все это такъ-съ!... но суть-то тутъ не въ томъ! — воскликнулъ князь какимъ-то грустно-размышляющимъ голосомъ:—а въ томъ, что мы двойственны: намъ и старой дороги жаль, и по новой смертельно идти хочется, и это явленіе чисто продуктъ нашего времени и воспитанія.

Миклаковъ на это отрицательно покачалъ головой.

— Всегда, во все времена и при всякомъ воспитаніи это было!—заговорилъ онъ.—Еще въ священномъ писаніи сказано, что въ каждомъ человѣкѣ два Адама: ветхій и новый; только, на примѣръ, въ мужикѣ новый Адамъ тянетъ его въ пустыню на молитву, на акриды, а ветхій зоветъ въ кабакъ, въ насъ же новый Адамъ говоритъ, что надобно голову свою положить за то, чтобы на мѣсто торговаша сталъ работникъ, долой къ чорту всякій капиталъ и всякій внѣшній авторитетъ, а ветхому Адаму все-таки хочется душисть своего брата, ѣздить въ каретѣ и поклоняться сильнымъ міра сего.

— Но все-таки нашъ-то Адамъ поплототворнѣй и повозможнѣе, чѣмъ мужицкій, — замѣтилъ князь.

— Я не знаю-съ! они хлопчутъ устроить себѣ царство блаженства на небесахъ, а мы съ вами на

земль, и что возможно въ этомъ случаѣ, я не берусь еще на себя рѣшить

— Ну, вы все ужь отвергаете, во всемъ сомнѣваетесь! — возразилъ князь, вставая и собираясь уйти.

— Многое отвергаю и во многомъ сомнѣваюсь! — подтвердилъ Миклаковъ, тоже вставая.

— До свиданья! — проговорилъ князь, протягивая ему руку.

— До свиданья! — сказалъ и Миклаковъ, и хоть по выраженію лица его можно было заключить о его желаніи побесѣдовать еще съ княземъ, однако онъ ни однимъ звукомъ не выразилъ того, имѣя своимъ правиломъ никогда никакого гостя своего не упрашивать сидѣть у себя долѣе, чѣмъ самъ тотъ желалъ: весело тебѣ, такъ сиди, а скучно — убирайся къ чорту!... По самолюбію своему Миклаковъ былъ демонъ!

— Куда же вы путь вашъ теперь направляете? — спросилъ онъ князя.

— Да домой, и прежде всего, по совѣту вашему, пройдусь побольше пѣшкомъ, чтобы успокоить свои нервы, — отвѣчалъ тотъ ему полушутя.

— И непременно успокоите ихъ! — одобрилъ его Миклаковъ.

— Хорошо бы такимъ легкимъ способомъ усмирять себя! — проговорилъ князь и, еще въ комнатѣ надѣвъ шляпу, вышелъ. Пѣшкомъ онъ дѣйствительно дошелъ до самой почти Крестовской заставы и тутъ только уже сѣлъ въ свою коляску и то потому, что у него ноги болѣе не двигались. Въ это самое время мимо князя проѣхалъ на своихъ вяточ-

какъ Елпидифоръ Мартынычъ п сдѣлалъ видъ, что какъ-будто бы совершенно не узналъ его. Старикъ просто не считалъ себя вправѣ беспокоить его сіятельство своимъ поклономъ, такъ какъ сей послѣдній на вечерѣ у себя не удостоилъ слова сказать съ нимъ, а между тѣмъ Елпидифоръ Мартынычъ даже въ настоящую минуту ѣхалъ собственно по дѣлу князя. Послѣ недавняго своего объясненія съ Елизаветой Петровной, возымѣвъ нѣкоторую надежду въ самомъ дѣлѣ получить съ нея тысячу рублей, если только князь ей дастъ на внука или внучку тридцать тысячъ рублей серебромъ, Елпидифоръ Мартынычъ рѣшился не покидать этой возможности, и теперь именно снова ѣхалъ къ Аннѣ Юрьевнѣ, чтобы науськать ту въ этомъ отношеніи. Онъ засталъ ее на этотъ разъ въ комнатахъ и съ очень печальнымъ и недовольнымъ лицомъ: Анна Юрьевна все грустила о своемъ негодяѣ, юномъ музыкальномъ талантѣ. При видѣ ея печали, Елпидифоръ Мартынычъ немного было растерялся, но впрочемъ сейчасъ же и собрался съ духомъ.

— А я къ вамъ опять насчетъ князя,—началъ онъ съ полуулыбкой.

— Насчетъ князя?—спросила Анна Юрьевна.

— Да-съ, насчетъ его и госпожи Жиглинской!

— Но онъ даетъ имъ тамъ что-то такое?

— Даетъ-то, даетъ-съ! Но старуха Жиглинская не хочетъ этимъ удовольствоваться и желаетъ, чтобы князь еще одновременно далъ имъ тысячу тридцать, такъ какъ дочь ея теперь постигнута известнымъ положеніемъ.

— Est-il possible? — воскликнула Анна Юрьевна почти испуганнымъ голосомъ.

— Постигнута! — повторилъ еще разъ Елпиди-форъ Мартынычъ, поднимая свои брови.

— Какъ это жаль!... какъ это жаль! — продолжала Анна Юрьевна тѣмъ же тономъ. Она сама, бывши на именинномъ вечерѣ у княгини, замѣтила что-то странное въ наружности Елены, и ей тогда еще пришло въ голову, что не въ извѣстномъ ли положеніи бѣдная дѣвушка? Теперь эти подозрѣнія ея, значить, оправдались. Главное, Анну Юрьевну беспокоило то, что какъ ей поступить съ Еленой?! Она дѣвушка, а между тѣмъ дѣлается матерью, — это, вѣроятно, распространится по всей Москвѣ, и ей очень трудно будетъ оставить Елену начальницей женскаго учебнаго заведенія; но въ то же время она низачто не хотѣла отпустить отъ себя Елену, такъ какъ та ей очень нравилась и казалась необыкновенной умницей. «Ничего, какъ-нибудь уговорю, успокою этихъ старикашекъ; они сами всѣ очень развратны!» — подумала про себя Анна Юрьевна. Подъ именемъ старикашекъ она разумѣла высшихъ лицъ, поставленныхъ наблюдать за благочиніемъ и нравственностью. На Елпидифора Мартыныча Анна Юрьевна на этотъ разъ не разсердилась: она начинала уже вѣрить, что онъ въ самомъ дѣлѣ передаетъ ей все это изъ расположенія къ князю и къ Еленѣ.

— Ну такъ вотъ что! — начала она послѣ короткаго молчанія: — вы скажите этой старушенкѣ Жиглинской — она ужасно, должно быть, дрянная

Баба: — что когда у дочери ея будетъ ребенокъ, то князь, конечно, его совершенно обезпечитъ.

— Слушаю-сь! — отвѣчалъ покорно Елпидифоръ Мартынычъ.

— И потомъ посовѣтуйте, вы ей, — продолжала Анна Юрьевна: — чтобы не болтала она объ этомъ по всѣмъ угламъ, и что это никоимъ образомъ не можетъ сдѣлать чести ни для ней, ни для ея дочери!

— Слушаю-сь! — повторилъ еще разъ смиреннымъ голосомъ Елпидифоръ Мартынычъ и сталъ раскланиваться съ Анной Юрьевной.

— А вы отсюда черезъ Останкино поѣдете? — спросила она его,

— Черезъ Останкино, если вы прикажете, — доложилъ ей Елпидифоръ Мартынычъ.

— Ну такъ вотъ: заѣзжайте, пожалуйста, къ Григоровымъ!... — Скажите имъ, что въ воскресенье въ Петровскомъ паркѣ гулянье и праздникъ въ Нѣмецкомъ клубѣ; я заѣду къ нимъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ туда сидѣть вечеръ и ужинать.

— Слушаю-сь! — сказалъ и на это съ покорностью Елпидифоръ Мартынычъ. — А вы ничего не изволите сказать князю при свиданіи объ этихъ тридцати тысячахъ на младенца, о которыхъ я вамъ докладывалъ?... — прибавилъ онъ самымъ простодушнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, ничего не изволю сказать и нахожу, что это глупо, гадко и жадно со стороны этой старушенки! — отвѣчала съ досадливой насмѣшкой Анна Юрьевна.

— Конечно, что-сь!.. — согласился опять съ по-

корностью Елпидифоръ Мартынычъ и отправился въ Останкино. Здѣсь онъ, подѣхавъ къ дачѣ Григоровыхъ, прямо наткнулся на самого князя, который выходилъ изъ своего флигеля. Елпидифоръ Мартынычъ счелъ на этотъ разъ нужнымъ хоть нѣсколько оффиціально и сухо, но поклониться князю. Тотъ тоже отвѣтилъ ему поклономъ.

— Анна Юрьевна поручила мнѣ передать княгинѣ, что въ воскресенье она заѣдетъ за вами ѣхать вмѣстѣ въ Нѣмецкій клубъ, — проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Хорошо, я передамъ женѣ, — сказала князь.

— Мнѣ поэтому можно и не заѣзжать? — спросилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Совершенно можете! — разрѣшилъ ему князь.

Елпидифоръ Мартынычъ на это опять только какъ бы оффиціально поклонился и направился въ Москву; такой отвѣтъ князя снова его сильно оскорбилъ: «я не лакей же какой-нибудь; передалъ порученіе и ступай назадъ!» рассуждалъ онъ самъ съ собою всю дорогу.

Князь, между тѣмъ, прошелъ въ большой флигель. Княгиню онъ засталъ играющею на роялѣ, а барона слушающимъ ее. Онъ передалъ имъ приглашеніе Анны Юрьевны ѣхать въ Нѣмецкій клубъ ужинать.

— Хорошо! — отвѣчала ему на это довольно сухо княгиня.

— Мы поѣдемъ такимъ образомъ, — продолжалъ князь, — ты съ барономъ въ кабриолетѣ, а я съ Еленой въ фазтонѣ!

— Хорошо?—сказала и на это совершенно равнодушно княгиня.

Князь послѣ того пошелъ къ Жиглинскимъ. Насколько дома ему было нехорошо, неловко, непривѣтливо, настолько у Елены отраднo и успокоительно. Бѣдная дѣвушка въ настоящее время была вся любовь: она только тѣмъ и начинала, что ждала князя. Онъ приходилъ... она сажала его около себя... клала ему голову на плечо... по цѣлымъ часамъ смотрѣла ему въ лицо и держала въ своихъ рукахъ его руку.

Въ воскресенье Анна Юрьевна прѣѣхала къ Григоровымъ, по обыкновенію, въ кабриолетъ и съ грумомъ. Для княгини и барона тоже былъ готовъ кабриолетъ, а для князя фаятонъ, въ которомъ онъ и заѣхалъ за Еленой, чтобы взять ее съ собой. Когда наконецъ всѣ уже были въ своихъ экипажахъ, то Анна Юрьевна впереди всѣхъ улетѣла на своемъ рысакѣ. За ней поѣхали въ кабриолетъ княгиня и баронъ, и такъ какъ княгиня сама пожелала править, то они поѣхали довольно тихо. Сзади ихъ тронулся князь съ Еленой, который, какъ ни старался, въ продолженіе всей дороги, не смотрѣлъ даже впередъ, но ему, противъ воли его, постоянно бросалось въ глаза то, что княгиня, при каждомъ посылкѣ толчка кабриолета, крѣпко прижималась своимъ плечомъ къ плечу барона. Такого рода наблюденія нельзя сказать чтобы успокоительно подействовали на князя, и въ паркѣ онъ прѣѣхалъ недовольный и раздраженный.

Въ Нѣмецкомъ клубѣ наше маленькое общество собралось въ одну группу, и сначала, какъ водится, пили чай, потомъ слушали хоръ полковыхъ музыкантовъ, слушали охрипкое пѣнье тирольцевъ, гиканье и бѣснованье цыганъ, и все это никому не доставило большаго удовольствія. Анна Юрьевна собственно затѣяла ѣхать въ Нѣмецкій клубъ съ единственной цѣлью встрѣтиться тамъ съ своимъ юнымъ музыкальнымъ талантомъ, котораго врядъ ли не предполагала простить даже и котораго она въ самомъ дѣлѣ встрѣтила, но въ такомъ сотовариществѣ, что никакое снисхожденіе ея не могло перенести того. Она увидѣла его входящимъ въ садъ подъ руку съ весьма молоденькой дѣвицей, но уже пьяной и съ такимъ нахальнымъ видомъ, что о родѣ занятій ея сомнѣваться было нечего. Юный же талантъ, увидавъ Анну Юрьевну, поспѣшилъ вмѣстѣ съ своей спутницей ступешаться, а затѣмъ и со всѣмъ исчезъ изъ клуба. Вслѣдствіе всего этого, Анна Юрьевна весь остальной вечеръ была злая, презлая!

— Пойдемте ужинать, гадко все тутъ! — сказала она, и всѣ съ удовольствіемъ приняли ея предложеніе. Анна Юрьевна, за свою сердечную утрату, кажется, желала по крайней мѣрѣ ужиномъ себя вознаградить и велѣла было позвать къ себѣ повара, но оказалось, что онъ такой невѣжда былъ, что даже названій, которыя говорила ему Анна Юрьевна, не понималъ.

— Поди, мой милый, ты видно кромѣ черносливу разварнаго да сосисокъ ничего и приготовить не умѣешь, — проговорила она

— Рыба у насъ, ваше превосходительство, есть добрая, хорошая!—отвѣчалъ ей на это нѣмецъ-поваръ.

— Осетрина, что ли, эта ваша противная?

— Осетрина, ваше превосходительство! Есть цыплята молодые съ салатомъ.

— Скажите, какая рѣдкость! — произнесла Анна Юрьевна съ презрѣніемъ:—ну, давайте ужь вашей осетрины и цыплятъ!

Поваръ поклонился ей и, неуклюже ступая своими аляповатыми сапогами по паркету, вышелъ изъ залы.

— А вы дайте мнѣ того розоваго вина, которое вы мнѣ подавали, когда я заѣзжала къ вамъ какъ-то тутъ...—отнеслась потомъ Анна Юрьевна къ официанту.

— Это 48 номеръ!—отвѣчалъ тотъ не безъ гордости и пошелъ за виномъ.

Анна Юрьевна пила это вино, когда была въ клубѣ еще въ началѣ дѣта съ юнымъ своимъ музыкальнымъ талантомъ. При этой мысли она невольно вздохнула, постаравшись скрыть отъ всѣхъ этотъ вздохъ.

Баронъ въ настоящій вечеръ былъ особенно нѣженъ съ княгиней: его бѣлобрысое лицо, съ какимъ-то медовымъ выраженіемъ, такъ и дѣло каждымъ минутно князю въ глаза. Впрочемъ, начавшійся вскорѣ ужинъ и поданное розоватое вино, оказавшееся очень хорошимъ виномъ, отвлекло всѣхъ на нѣкоторое время отъ ихъ собственныхъ мыслей: всѣ стали ѣсть и пить и ни слова почти не говорили между собой; только вдругъ, посреди этой тишины, въ залу вошли двое молодыхъ людей, громко хохоча

и разговаривая. Оказалось, что одинъ изъ нихъ былъ ниято иной, какъ Архангеловъ. Увидавъ знакомыхъ ему лицъ, и лицъ такого хорошаго круга, Архангеловъ сейчасъ же подлетѣлъ къ нимъ самымъ развязнымъ манеромъ, сказалъ двѣ, три любезности княгинѣ, протянулъ какъ-то совершенно фамиллярно руку барону, кивнулъ головой привѣтливо князю. Все это Архангеловъ дѣлалъ, чтобы пустить пыль въ глаза своему товарищу: оба молодые люди были писцы изъ новыхъ присутственныхъ мѣстъ, и потому, можетъ быть, нѣсколько больше о себѣ думали, чѣмъ обыкновенные писцы! Получивъ на всѣ свои развязныя слова и привѣтствія почти полное молчаніе, Архангеловъ счелъ за лучшее удалиться; но не ушелъ совсѣмъ изъ комнаты, а сталъ тутъ же ходить съ своимъ пріятелемъ взадъ и впередъ по той именно сторонѣ стола, на которой сидѣли Елена и князь.

— Мнѣ, знаешь, наскучило ужъ бывать въ свѣтѣ!—говорилъ Архангеловъ своему товарищу.

— Мнѣ самому тоже наскучило! — вралъ ему и тотъ.

— Знаешь, такъ эти скандальныя исторіицы пріятно еще слушать!—болталъ Архангеловъ.

— Я тоже пропасть ихъ слыхалъ!—не уступалъ ему его пріятель.

— Вотъ эта княгиня...—продолжалъ Архангеловъ болѣе уже тихимъ голосомъ и показывая глазами на княгиню и барона: — съ этимъ барономъ возжается!

— Будто?—спросилъ съ любопытствомъ его товарищъ.

— Вѣрно, такъ съ!..—Будьте благонадежны!..—

Это мнѣ моя связывала!.. — отвѣчалъ самодовольно Архангеловъ.

— Ха, ха, ха! — почему-то засмѣялся на это его молодой товарищъ.

— Ха, ха, ха! — засмѣялся также и самъ Архангеловъ.

У Елены былъ прекрасный слухъ, а у князя зрѣніе: она разслышала всѣ слова Архангелова, а тотъ видѣлъ, какъ Архангеловъ показалъ глазами на княгиню и барона.

Когда молодые люди разразились хохотомъ, князь вдругъ, весь поблѣднѣвъ, всталъ на ноги и, держась за стулъ, обратился къ нимъ.

— Чему вы смѣетесь надъ нашимъ обществомъ? — проговорилъ онъ почти съ пѣной у рта.

— Мы ничему не смѣемся! — пробормоталъ по-краснѣвъ Архангеловъ.

— Смѣетесь, чортъ возьми, когда вамъ говорятъ то! — воскликнулъ князь и стукнулъ стуломъ объ полъ.

— Мы, ей-богу, не надъ вами-съ! — говорилъ Архангеловъ почти со слезами на глазахъ.

— Надъ чѣмъ же вы смѣетесь?... надъ чѣмъ? — приступалъ князь и хотѣлъ, вѣжется, схватить молодого человека за воротникъ.

— Князь, *assez, finissez donc!* — кривнула ему Анна Юрьевна, удивленная до крайности всей этой выходкой князя.

Княгиня тоже сильно смутилась, а баронъ явно струсилъ.

— Я голову вамъ размозжу, если вы осмѣлитесь хоть улыбнуться при мнѣ! — продолжалъ кричать на

молодыхъ людей князь, при чемъ Архангеловъ желалъ только извиниться какъ-нибудь передъ нимъ, а товарищъ его, напротивъ, дѣлалъ сердитый видъ, но возражать однако ничего не рѣшился.

Елена, съ самаго начала этой сцены, больше и больше измѣнявшаяся въ лицѣ, наконецъ тоже встала и прямо взяла князя за руку.

— Пойдемте, мнѣ нужно съ вами переговорить! — сказала она.

— Сейчасъ! — отвѣчалъ тотъ и, повидимому, еще что-то такое хотѣлъ крикнуть на Архангелова.

— Пойдемте, мнѣ очень нужно! — повторила окончательно настойчивымъ голосомъ Елена и, не выпуская руки князя, увела его въ сосѣдную комнату.

Архангеловъ послѣ того не преминулъ обратиться къ оставшемуся обществу.

— Ей-богу, я ничего, рѣшительно ничего не сказалъ! — проговорилъ онъ, разводя руками.

— Ну, не оправдывайтесь!... уходите лучше! — сказала ему Анна Юрьевна.

— Сію секунду-съ! — отвѣчалъ тотъ и, мигнувъ своему товарищу, вышелъ съ нимъ изъ залы.

Въ это время Елена разговаривала въ сосѣдней комнатѣ съ княземъ.

— Я теперь все понимаю, все! — произнесла она съ удареніемъ.

— Что вы понимаете? — возразилъ ей князь, далеко еще не пришедшій въ себя отъ гнѣва.

— Все! — отвѣчала Елена задыхающимся голосомъ... — Какъ же? Какъ онъ смѣлъ оскорбить кня-

гиню!... Я бы убить его совѣтовала вамъ! — прибавила она съ насмѣшкой.

— Я совсѣмъ не потому... — проговорилъ князь.

— Перестаньте лгать!... Я говорить послѣ этого съ вами не хочу!... — произнесла Елена и проворно вошла опять въ залу.

— Анна Юрьевна, — возьмите меня въ свой кабриолетъ: — мнѣ ужасно хочется проѣхать на вашемъ конѣ! — обратилась она къ той.

— Хорошо! — отвѣчала какъ-то протяжно Анна Юрьевна, — но гдѣ же князь и что съ нимъ происходитъ? — прибавила она съ безпокойствомъ.

— Отдыхаетъ тамъ отъ своего гнѣва, я съ нимъ пѣхать боюсь — рѣшительно! — отвѣчала, какъ бы смѣясь, Елена.

— Но за что же онъ тутъ разсердился? — спрашивала Анна Юрьевна.

— За то, что эти господа болтали что-то такое про всѣхъ насъ.

— О, какъ это смѣшно съ его стороны! — воскликнула Анна Юрьевна.

— И я ему говорила, что странно это!... — подхватила Елена.

Княгиня, при всемъ этомъ разговорѣ ихъ, ничего не сказала, а баронъ такъ даже отошелъ отъ нея и стоялъ уже вдали.

— Только мы теперь же и поѣдемте! — обратилась Елена почти съ умоляющимъ видомъ къ Аннѣ Юрьевнѣ: — у меня мама больна: мнѣ надобно поскорѣе домой!...

— Пожалуй, поѣдемте! — произнесла опять съ разстановкой Анна Юрьевна; ей самой было противно

оставаться въ клубѣ. — Скажите князю, чтобы онъ довезъ моего грума, — присовокупила она княгинѣ уходя; и когда Елена стала садиться въ кабриолетъ, Анна Юрьевна ей сказала съ участіемъ:

— Поосторожнѣй, ma chère, смотрите, берегите себя!

— Нѣтъ, ничего! Что мнѣ сдѣлается! — произнесла Елена почти съ какимъ-то презрѣніемъ къ самой себѣ.

— Какъ что!... Очень можетъ сдѣлаться! — возразила Анна Юрьевна, и лошадь свою не погнала, по обыкновенію, а поѣхала, явно желая побережь Елену, самой легкой рысцой: Анна Юрьевна въ душѣ была очень добрая женщина.

Тотчасъ послѣ ихъ отъѣзда воротился и князь въ залу.

— Гдѣ-жь Елена Николаевна? — было первое слово его.

— Она уѣхала съ Анною Юрьевной, — отвѣчала княгиня, не смѣя, кажется, взглянуть мужу въ лицо.

— Уѣхала?.. съ Анной Юрьевной? — повторилъ князь: — въ такомъ случаѣ вы поѣдете со мною въ фаэтонъ! — прибавилъ онъ княгинѣ.

— Хорошо, — отвѣчала она ему поворно.

— А я, значить, одинъ въ кабриолетѣ поѣду? — спросилъ баронъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

— Вы возьмите съ собою грума Анны Юрьевны! — сказала ему княгиня.

— Ахъ, да, такъ! — подхватилъ баронъ.

Во всю дорогу князь слова не промолвилъ съ женой и только, когда они пріѣхали домой, онъ, вы-

ходя изъ экипажа, произнесъ полунасмѣшливо и полусердито:

— Извините, что я васъ разлучилъ!

— Нисколько!... нисколько!... Вы должны извиниться передо мною совершенно въ другомъ!... — воскликнула княгиня, и голосъ ея въ этомъ случаѣ до того былъ искрененъ и правдивъ, что князь невольно подумалъ: «неужели же она невинна?» и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представить себѣ безъ ужаса не могъ, что теперь дѣлается съ Еленой.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ВЪ ВОДОВОРОТЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

OF SOMOROTB

ВЪ ВОДОВОРОТЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Часовъ въ двѣнадцать дня Елена ходила по небольшому залу на своей дачѣ. Она была въ совершенно распущенной блузѣ; прекрасные волосы ея всѣ были сбиты, глаза горѣли какимъ-то лихорадочнымъ огнемъ, хорошенькія ноздри ея раздувались, губы были пересохшія. Передъ ней сидѣла Елизавета Петровна, съ сконфуженнымъ и оторопѣвшимъ лицомъ; дочь вчера изъ Парка пріѣхала какъ сумасшедшая, не спала цѣлую ночь; потомъ все утро плакала, рыдала, такъ что Елизавета Петровна нашла нужнымъ войти къ ней въ комнату.

— Леночка, ангель мой, что такое съ тобой? — спросила она ее какъ-то робко.

Съ тѣхъ поръ, какъ князь сталъ присылать къ нимъ деньги, Елизавета Петровна сдѣлалась очень нѣжна съ дочерью и начала постоянно беспокоиться объ ея здоровьѣ.

Елена молчала и ничего не отвѣчала, и только выступившія на глазахъ ея слезы и вздрагивающія щечки говорили объ ея страшномъ душевномъ настроеніи.

— Вѣрно съ княземъ что-нибудь вышло?... непременно ужъ такъ, непременно! — произнесла Елизавета Петровна какимъ-то успокоивающимъ голосомъ.

— Онъ такой низкій человѣкъ, такой лгунъ! — проговорила, наконецъ, Елена.

— Ахъ, Господи, ничего этого нѣтъ!... Намъ всегда такъ кажется, когда мы кого любимъ, — продолжала Елизавета Петровна тѣмъ же кроткимъ и успокоивающимъ голосомъ. Она въ первый еще разъ такъ прямо заговорила съ дочерью объ ея любви къ князю.

— Нѣтъ, мнѣ это не показалось!... Я никогда бы не стала говорить, если бы мнѣ только это показалось! — говорила Елена. — Впрочемъ, я сейчасъ сама ему тѣмъ же заплачу, — освобожу его отъ себя!.. Дайте мнѣ бумаги и чернильницу!.. — прибавила она почти повелительно матери.

Та послушно встала, сходила и принесла ей то и другое.

Елена принялась писать къ князю письмо:

«Вы понимаете конечно черноту вашихъ поступковъ. Я просила васъ всегда объ одномъ: быть со мной совершенно откровеннымъ и не считать меня дурой; любить женщину нельзя себя заставить, но не обманывать женщину — это долгъ всякаго, хоть сколько-нибудь честнаго человѣка; между нами все теперь кончено; я наложницей вашей состоять при вашемъ семействѣ не желаю. Пожалуйста, не тру-

дитесь ни отвѣчать мнѣ письмомъ, ни сами приходить—все это будетъ совершенно бесполезно».

Елизавета Петровна, усѣвшаяся невдалекъ отъ Елены, употребляла было все усилія, чтобы прочесть то, что пишетъ Елена; но, по малограмотству своему, никакъ не могла этого сдѣлать.

— Потрудитесь приказать Марѳушкѣ сходить къ князю и отдать ему это письмо! — говорила Елена, запечатавъ облаткой письмо.

Елизавета Петровна нервнѣтельно приняла его изъ рукъ дочери.

— Что ты такое, по крайней мѣрѣ, пишешь къ кому? — спросила она, вовсе не ожидая, что Елена отвѣтитъ ей что-нибудь; но та однако отвѣчала:

— Пишу ему, что онъ нечестный человѣкъ и что между нами все кончено!

Елизавета Петровна даже поблѣднѣла при этомъ.

— Ахъ, не совѣтовала бы я тебѣ этого дѣлать, не совѣтовала бы! — проговорила она, не уходя изъ комнаты.

— Позвольте мнѣ, въ этомъ случаѣ, ничьихъ совѣтовъ не спрашивать, — возразила ей Елена.

— Но ты только выслушай меня... выслушай нѣсколько моихъ словъ!... — произнесла Елизавета Петровна вкрадчивымъ голосомъ. — Я, какъ мать, буду говорить съ тобою совершенно откровенно: ты любишь князя, — прекрасно!... Онъ что-то такое дурно поступилъ противъ тебя, разсердилъ тебя, — прекрасно! Но дай пройти этому хоть одинъ день, обсуди все это хорошенько, и ты увидишь, что тебѣ многое въ иномъ свѣтѣ представится! Я сама

любила и знаю по опыту, что все потомъ иначе представляется.

— Вы никогда не любили!... Вы только, Богъ васъ знаетъ зачѣмъ, продавали себя! — сказала Елена.

Елизавета Петровна сильно покраснѣла.

— Нѣтъ, я любила,—повторила она и не стала больше говорить: она очень хорошо видѣла, что Елену нельзя вразумить и только развѣ придется услышать отъ нея еще нѣсколько крупныхъ дерзостей.

— Марѣушка!—крикнула между тѣмъ та.

— Я пойду и отдамъ ей письмо!...—остановила ее съ досадой Елизавета Петровна.

— Да вы непременно же отдайте! — сказала ей Елена.

— Отдамъ... Что мнѣ!... Дѣлай глупости...—отвѣчала Елизавета Петровна, уходя: но куда шла изъ комнату въ кухню, гдѣ была Марѣуша, она попридумала.

— Поди, отдай это письмо князю!... — начала она приказывать той:—непременно отдай ему въ руки сама и скажешь ему, что это письмо отъ Елены Николаевны; а что Елизавета Петровна приказала-де вамъ на словахъ сказать, чтобы вы очень не безпокоились и пожаловали бы къ намъ сегодня,—поняла ты меня?

— Поняла, барыня! — отвѣчала краснощекая и еще болѣе растолстѣвшая Марѣушка. Не смотря на простоту деревенскую въ словахъ, она была препонятливая.

— А что же, барыня, мнѣ дѣлать, какъ я князя

не застану дома? — спросила она, принимая письмо отъ Елизаветы Петровны и повязывая голову платочкомъ.

— Подожди его.

— А если онъ долго не придетъ?

— Подожди подольше, — разрѣшила ей Елизавета Петровна.

Мареушка послѣ того проворно пошла черезъ большой садъ къ Григоровымъ на дачу. Не возвращалась она, по крайней мѣрѣ, часа два, три; такъ что Елена всякое терпѣніе потеряла.

— Да что Мареуша пропала, что ли, совсѣмъ? — спросила она.

— Вѣроятно забѣжала куда-нибудь къ пріятельницамъ! — отвѣчала Елизавета Петровна; о томъ, что она велѣла Мареушѣ лично передать князю письмо и подождать его, если его дома не будетъ, Елизавета Петровна сочла болѣе удобнымъ не говорить дочери. Часу въ четвертомъ, наконецъ, Елизавету Петровну вызвала кухарка, — это возвратилась Мареуша.

— Барыня, я не застала князя, — доложила ей та какъ-то таинственно, — ждала, ждала, все тамотко сидѣла.

— А письмо куда же ты дѣвала?

— Письмо оставила тамъ. Камердинеръ говоритъ: «дай, говоритъ, я положу его на столъ».

— Но гдѣ же можетъ быть князь? — спросила Елизавета Петровна, все болѣе и болѣе приходя въ досаду на то, что Мареуша не застала князя дома: теперь онъ письмо получитъ, а приглашеніе, которое поручила ему Елизавета Петровна передать отъ

себя, не услышитъ, и потому, Богъ знаетъ, чѣмъ все можетъ кончиться.

— И тамъ-то, дома-то не знаютъ, гдѣ онъ, — толковала ей Марѳуша: — въ шесть часовъ утра еще ушелъ и до сей поры нѣтъ.

Елизавета Петровна понять не могла, что это значитъ. Она возвратилась къ дочери.

— Марѳуша пришла, князя дома нѣтъ; онъ въ шесть часовъ еще утра уѣхалъ изъ дому, — проговорила она неторопливо.

— Какъ въ шесть часовъ утра?... Куда же это онъ могъ уѣхать? — спросила Елена.

— Тамъ дома никто не знаетъ.

— Что за вздоръ такой! Пошлите ко мнѣ Марѳушу.

Елизавета Петровна сходила и позвала Марѳушу.

— Куда князь уѣхалъ? — спросила ее Елена.

— Никто, барышня, не знаетъ, — отвѣчала ей Марѳуша: — княгиня ужъ людей по лѣсу искать его послала; въ Москву если бы поѣхалъ, такъ лошадей бы тоже велѣлъ заложить.

— Но, можетъ быть, онъ на извозчикѣ поѣхалъ, — замѣтила Елизавета Петровна.

— Николи, барыня, онъ на извозчикахъ не ѣздитъ, николи!... люди ихніе мнѣ это говорили, — объясняла Марѳуша.

Елена, слушая ее, все больше и больше блѣднѣла.

— Ну, поди къ себѣ, — сказала она кажимъ-то тихимъ голосомъ Марѳушѣ. — Подите и вы, — прибавила она матери.

Елизавета Петровна, взглянувъ съ безпокойствомъ

на дочь, вышла; но впрочемъ съѣла въ ближайшей комнатѣ и стала прислушиваться. Елена сидѣла нѣсколько времени, не шевелясь на своемъ мѣстѣ; лицо ея постепенно начало принимать какое-то испуганное выраженіе. Ей, послѣ разказа Марѳуши, пришла въ голову страшная мысль: «князь ушелъ въ шесть часовъ утра изъ дому; его вездѣ ищутъ и не находятъ; вчера она такъ строго съ нимъ поступила, такъ много высказала ему презрѣнія,—что, если онъ вздумалъ исполнить свое намѣреніе—убить себя, когда она его разлюбитъ?» Все это до такой степени представилось Еленѣ возможнымъ и яснымъ, что она даже вообразила, что князь убилъ себя и теперь лежитъ, исходя кровью, въ Останкинскомъ лѣсу, и лежитъ именно тамъ, гдѣ кончается Каменка и начинаются сѣнокошные дуга. Затѣмъ Елена не могла болѣе владѣть собой; она вдругъ встала съ своего мѣста.

— Дайте мнѣ поскорѣй одѣться!... дайте!... — почти вскрикнула она.

На этотъ зовъ ея вбѣжала къ ней сама Елизавета Петровна.

— Что такое, ангелъ мой, съ тобой, что тебѣ надобно?—спросила она ее съ безпокойствомъ.

Елизавета Петровна, по преимуществу, боялась, чтобы отъ такихъ душевныхъ волненій Елена не выкинула.

— Одѣньте меня, маман, поскорѣе!... одѣньте!—говорила Елена почти какимъ-то помѣшаннымъ голосомъ.

— Но куда же ты, ангелъ мой, идешь? — спросила ее Елизавета Петровна робко.

— Я пойду, поищу князя; я знаю, гдѣ онъ можетъ гулять, — отвѣчала Елена тѣмъ же какъ бы помѣшаннымъ голосомъ.

Такой отвѣтъ дочери Елизавету Петровну очень порадовалъ: «слава Богу, подумала она про себя, — теперь они встрѣтятся и навѣрно помирятся».

— Что-жь, сходи; тебѣ и самой пройтись не дурно, — произнесла она вслухъ.

Елена проворно вышла, прошла весь большой садъ, всю Каменку; но ни въ началѣ ея, ни въ концѣ не нашла князя. Шедши, она встрѣчала многихъ мужчинъ и, забывъ всякую осторожность, ко всѣмъ имъ обращалась съ вопросомъ:

— Скажите, вы князя Григорова знаете?

Большая часть мужчинъ нѣсколько удивленнымъ голосомъ отвѣчали: «Нѣтъ-съ, не знаемъ!» но двое или трое изъ нихъ сказали ей: «Знаемъ-съ!»

— Бога ради, скажите, не видали вы его гуляющимъ здѣсь? — начала она приступать къ нимъ.

— Рѣшительно не видали, — отвѣчали тѣ.

Въ концѣ Каменки Еленѣ почему-то вообразилось, что князь, можетъ быть, прошелъ въ Свиблово, къ Аннѣ Юрьевнѣ и, прельщенный какимъ-нибудь ея пуддингомъ, остался у нея обѣдать. Съ этою мыслию она пошла въ Свиблово: шла, шла, наконецъ силы ея начали оставлять. Елена увидала на дорогѣ ѣдущаго мужика въ телегѣ.

— Послушай, довези меня до Свиблова, сказала она ему, — вотъ тебѣ двугривенный.

Мужикъ посадилъ ее. Елену начало сильно трясти такъ, что угрожала опасность ея положенію; она однако ничего этого не чувствовала и не понимала.

Доѣхавъ до Свиблова, Елена послала мужика справиться, что не тутъ ли князь Григоровъ. Мужикъ очень долго ходилъ, наконецъ пришелъ и сказалъ, что тамъ нѣтъ никакого князя Григорова. Елена была въ отчаяніи. Обратиться съ просьбою въ полицію, чтобы та разыскала князя по Останкинскому лѣсу, — ей казалось единственнымъ средствомъ. Для этого она рѣшилась ѣхать въ Москву и въ Останкино должна была возвращаться пѣшкомъ, потому что мужикъ поѣхалъ далѣе за Свиблово. Елена пошла; но, дойдя до конца Каменки, она снова до такой степени утомилась, что почти упала на траву; а день между тѣмъ былъ теплый, ясный; передъ глазами у ней весело зеленѣли деревья, красиво и покойно располагались по небу золотистыя облачка, —этотъ контрастъ съ душевнымъ настроеніемъ Елены еще болѣе терзалъ ее. Она принялась плакать и долго ли, коротко ли плакала, сама даже не помнитъ: только вдругъ она услышала надъ собою тихій и вкрадчивый голосъ:

— Mademoiselle Жиглинская, что вы тутъ дѣлаете?

Елена приподнялась: передъ ней стояла госпожа Петицкая.

— Я гуляла и такъ далеко зашла и устала, что расплакалась даже, и легла вотъ тутъ отдохнуть, — отвѣчала она, стараясь улыбнуться и поспѣшно утирая свои глаза, но госпожа Петицкая замѣтила, конечно, разстроенный видъ Елены.

— А я такъ, признаться, очень обрадовалась, увидавъ васъ, подхватила она: — и думала, что съ вами непременно гуляетъ нашъ пропавшій князь Григоровъ.

— А его еще не нашли?—проговорила Елена.

— Нѣтъ, удивительное дѣло: княгиня понять не можетъ, гдѣ онъ, такъ что я по рощѣ пошла искать его. А вы тоже его не видали?—прибавила госпожа Петицкая, устремляя на Елену испытующій взглядъ.

— Нѣтъ, не видала!..—отвѣчала та почти задыхающимся голосомъ: встрѣтиться и бесѣдовать въ такую минуту съ госпожею Петицкой было почти невыносимо для Елены, тѣмъ болѣе, что какъ ни мало она знала ее, но уже чувствовала къ ней полное отвращеніе.

Госпожа Петицкая, впрочемъ, вскорѣ сама раскланялась съ ней.

— Ну, adieu, авось отыщется гдѣ-нибудь нашъ бѣглець!—проговорила она и пошла, твердо увѣренная, что князь гулялъ въ лѣсу съ Еленой: разсорились они, вѣроятно, въ чепъ-нибудь, и Елена теперь плачетъ въ лѣсу, а онъ, грустный, возвращается домой.—И госпожа Петицкая, дѣйствительно, придя къ княгинѣ, услышала, что князь вернулся, но что обѣдать не придетъ, потому что очень усталъ и желаетъ лечь спать.

— Я думаю, онъ не столько отъ усталости не желаетъ кушать...—произнесла она нѣсколько двусмысленнымъ тономъ.

— А отчего же еще?—спросила ее княгиня, но какъ-то нерѣшительно.

— Такъ, я имѣю тутъ маленькія подозрѣнія.

Но какія именно подозрѣнія госпожа Петицкая имѣетъ,—княгиня не спросила ее.

— Я сейчасъ встрѣтила Елену,—продолжала Петицкая, какъ бы самымъ обыкновеннымъ голосомъ.—

Вообразите, она лежитъ на травѣ вся расплаканная, такъ что мнѣ даже жаль стало ее—бѣдненькую.

— О чемъ же она плачетъ?—не утерпѣла уже и спросила княгиня.

— Говоритъ, что ходила очень много, устала, оттого и расплакалась...

И госпожа Петицкая вслѣдъ затѣмъ не громко разсмѣялась.

Княгиня на это ничего ей не сказала.

Госпожа Петицкая до сихъ поръ никакъ не могла вызвать ее на полную откровенность по этому предмету, такъ что начинала даже немножко обижаться за то на княгиню.

— Но гдѣ же баронъ?—воскликнула она, когда сѣли за столъ, и баронъ не являлся по обыкновенію.

— Ахъ, онъ сегодня, къ великому моему удовольствію, отправился на цѣлый день къ Аннѣ Юрьевнѣ!—отвѣчала княгиня.

— Къ великому удовольствію вашему... Но за что же такая ваша немилость къ нему? — спросила госпожа Петицкая.

— За то, что онъ мнѣ ужасно надоѣлъ,—сказала княгиня, повидимому, совершенно искреннимъ голосомъ; но госпожа Петицкая на это только усмѣхнулась: она не совсѣмъ повѣрила княгинѣ.

Елена въ это время ѣхала въ Москву. Воображеніе она имѣла живое и, благодаря тяжелымъ опытамъ собственной жизни, оно, по преимуществу, у ней направлено было въ черную сторону: въ томъ, что князь убилъ себя, она не имѣла теперь ни малѣйшаго сомнѣнія и хотѣла, по крайней мѣрѣ, чтобы отыскали трупъ его. Что чувствовала Елена при

такихъ мысляхъ, я предоставляю судить моимъ читательницамъ. Прежде всего, она предположила захватъ за Миклаковымъ; но, такъ какъ она и прежде еще того бывала у него нѣсколько разъ въ номерахъ, а потому очень хорошо знала образъ его жизни; вслѣдствіе чего, сколько ни была разстроена, но прямо войти къ нему не рѣшилась и предварительно послала ему сказать, что она пріѣхала. Миклаковъ и на этотъ разъ лежалъ въ одномъ бѣльѣ на кровати и читалъ. Услыхавъ о пріѣздѣ Елены, онъ особенно этому не удивился.

— Сейчасъ приму-сь,—сказалъ онъ лакею, и, въ самомъ дѣлѣ, хоть не въ очень полный, но все-таки приличный туалетъ облекся.

— Поди, проси,—сказалъ онъ лакею.

Тотъ пошелъ и пригласилъ Елену.

Миклаковъ даже отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ при видѣ ея,—до такой степени она испугала его и удивила выраженіемъ своего лица.

— Что такое съ вами?—воскликнулъ онъ.

— Ничего—не обо мнѣ дѣло,—проговорила Елена порывистымъ голосомъ:—но князь Григоровъ нашъ застрѣлилъ себя...

— Господи помилуй!.. — воскликнулъ еще разъ Миклаковъ и еще болѣе испуганнымъ голосомъ.—Но гдѣ же, какимъ образомъ и зачѣмъ? — спрашивалъ онъ торопливо.

— Около Останкина въ лѣсу, должно быть!—говорила Елена: она въ эти минуты твердо была убѣждена, что передаетъ непреложнѣйшіе факты.

— Но кто же видѣлъ, что-ли, кто-нибудь его?—продолжалъ расспрашивать Миклаковъ.

— То-то, никто не видалъ и нигдѣ найти его не могутъ,—отвѣчала Елена.

— Но какъ же вы знаете, что онъ убилъ себя?

— Потому что мы поссорились съ нимъ вчера, а онъ мнѣ прежде всегда говорилъ, что какъ я его оставлю, то онъ убьетъ себя.

— Но отъ этихъ словъ до убійства еще далеко!—сказалъ Миклаковъ, махнувъ рукой.—Ахъ вы—барышня, барышня смѣшная!

— Нѣтъ, я не смѣшная; его нигдѣ не могутъ найти!... Наконецъ я писала ему, что между нами все кончено, а онъ, я знаю, не перенесетъ этого.

Елена все ужъ перепутала въ головѣ; она забыла даже, что князь, не получивъ еще письма ея, ушелъ изъ дому.

— Зачѣмъ же вы писали ему это?

— Зачѣмъ?... Изъ ревности, конечно!... Теперь пойдемте объявить объ его смерти въ полицію: пусть она трупъ его отыщетъ!

— Трупъ отыщетъ!—разсмѣялся Миклаковъ. — Богъ дастъ, и живымъ его обрящемъ!

— Нѣтъ, вы живымъ его не обрящете.... Пойдемте!

— Куда пойдемте?

— Въ полицію какую-нибудь—объявить.

— Подите вы, въ полицію объявлять.... срамиться!... Пойдемте въ Останкино лучше; тамъ, можетъ быть, и отыщемъ его.

— Но, чтобы отыскать его, надобно тысячу людей разослать по лѣсу!.. Какъ вы это сдѣлаете безъ полиціи?—возражала ему Елена.

— Мы тысячу людей и пошлемъ! Въ Останкинѣ

есть своя полиція, — зачѣмъ же намъ городская нужна?

— Есть тамъ полиція?—спросила Елена.

— Есть,—успокоивалъ ее Миклаковъ, и затѣмъ они вышли, сѣли на хорошаго извозчика и поѣхали въ Останкино.

Елена начала безпрестанно торопить извозчика.

— Бога ради, мой милый, поѣзжай скорѣе!... умоляла она его, и голосъ ея вѣроятно до такой степени былъ трогателенъ, что извозчикъ что есть духу началъ гнать лошадь.

— Ну, барыня,—сказалъ онъ, подъѣзжая къ Останкину:—за сто бы рублевъ не сталъ такъ гнать лошадь, какъ для тебя это дѣлалъ.

— Спасибо тебѣ! На вотъ тебѣ за то! Сдачи мнѣ не надо!—проговорила Елена и отдала извозчику пять рублей серебромъ.

— Ну, вотъ, за это благодарю покорно!—проговорилъ тотъ, снимая передъ ней шапку.

Видя все это, Миклаковъ поматывалъ только головой, и чувство зависти невольно шевелилось въ душѣ его: «Вѣдь любятъ же другихъ людей такъ женщины?» думалъ онъ. Того, что князь Григоровъ застрѣлился,—онъ нисколько не опасался. Увѣренность эта, впрочемъ, въ немъ нѣсколько поколебалась, когда они подъѣхали къ флигелю, занимаемому княземъ, и Миклаковъ, войдя въ сѣни, на вопросъ свой къ лакею: «дома ли князь?» услышалъ отвѣтъ, что князь дома: но только никого не велѣлъ принимать и заперся у себя въ кабинетѣ.

— Э, такъ я и силой къ нему войду! — сказалъ Миклаковъ, и не долго думая, вышелъ изъ сѣ-

ней въ небольшой садикъ, подошелъ тамъ къ довольно низкому изъ кабинета окну, отворилъ его, сорвавъ съ крючка, и черезъ него проворно вскочилъ въ комнату.

— Что это вы, ваше сіятельство, дѣлаете тутъ? — воскликнулъ онъ, увидя князя сидящимъ передъ своимъ столомъ.

Князь, въ свою очередь, услыхавъ шумъ и голосъ Миклакова, вздрогнулъ, проворно что-то такое спряталъ въ столовый ящикъ и обернулся.

— Что вы тутъ дѣлаете? — повторилъ ему свой вопросъ Миклаковъ.

— Да такъ!... ничего!... — отвѣчалъ князь, какъ-то насильно улыбаясь, а между тѣмъ самъ былъ блѣдень, волосы у него были взъерошены, глаза съ мрачнымъ выраженіемъ.

— Вы Елену ужасно напугали; она пріѣхала ко мнѣ въ Москву и говоритъ, что вы застрѣлились.

Князь при этихъ словахъ еще болѣе поблѣднѣлъ.

— Почему жъ она знаетъ это? — спросилъ онъ.

— Потому что, говоритъ, вы сами ей обѣщали при первомъ же удобномъ случаѣ совершить надъ собой это пріятное для васъ дѣло.

Князь молчалъ.

Предчувствіе любящаго сердца Елены врядъ-ли обманывало ее. Князь въ самомъ-дѣлѣ замышлялъ что-то странное: поутру онъ дѣйствительно еще часовъ въ шесть вышелъ изъ дому на прогулку, купался сначала въ прудѣ, пошелъ потомъ по дорогѣ къ Марьиной рошѣ, къ Бутыркамъ и наконецъ дошелъ до Парка; здѣсь онъ, замѣтно утомившись, сѣлъ на лавочку подъ деревья, закрывъ

даже глаза, и просидѣлъ въ такомъ положеніи, по крайней мѣрѣ, часа два. Послѣ того онъ всталъ, пришелъ къ Яру, спросилъ себѣ ѣсть, но ѣсть однако ничего не могъ; за то много выпилъ и вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы подъ вліяніемъ величайшаго нетерпѣнія, нанялъ извозчика и велѣлъ ему себя проворнѣе везти обратно въ Останкино, гдѣ подали ему письмо отъ Елены. Прочитавъ это письмо, князь сдѣлался еще болѣе мраченъ; велѣлъ сказать лакею, что обѣдать онъ не пойдетъ и, по уходѣ его, запершись въ кабинетъ, сѣлъ къ своему столу, изъ котораго, по прошествіи нѣкотораго времени, вынулъ знакомый намъ ящикъ съ револьверомъ и сталъ глядѣть на его врышку, какъ бы прочитывая сдѣланную на ней надпись рукою Елены. Въ это время къ нему въ кабинетъ вскочилъ черезъ окно Миклаковъ. Князь, какъ мы видѣли, очень сконфузился при его появленіи.

— Пойдемте на улицу, Елена тамъ васъ у воротъ дожидается! — говорилъ между тѣмъ тотъ.

Весь наружный видъ князя и вся кругомъ его обстановка показались Миклакову подозрительными, и онъ не хотѣлъ его оставлять одного.

— На улицѣ... у воротъ дожидается? — говорилъ князь, все еще какимъ-то опѣшеннымъ, оторопѣлымъ голосомъ и потомъ пошелъ за Миклаковымъ.

Елена продолжала сидѣть на пролеткахъ; отъ волненія и усталости ее била лихорадка.

— Вотъ вамъ живъ и невредимъ — ваше сокровище! — сказалъ Миклаковъ, подводя къ ней князя.

— Ахъ! — вскрикнула при видѣ его Елена. — По-

дите сюда, дайте мнѣ ваши руки: вы живы?.. здоровы, да? да?.. — говорила она.

— Здоровъ! — отвѣчалъ князь, беря и съ жаромъ цѣлуя ея руку.

— Ну, поѣдемте къ намъ поскорѣе, — говорила Елена, почти таща князя на пролетку.

Тотъ сѣлъ. Извозчикъ не шибко поѣхалъ. Миклаковъ пошелъ около нихъ.

— Я ужасъ, ужасъ что не надумала! — говорила Елена.

Князь молчалъ.

По приѣздѣ Елены домой, силы опять совершенно оставили ее: она прилегла на диванъ и принялась потихоньку рыдать.

Князь помѣстился около нея и низко, низко склонилъ свою голову. Елизавета Петровна, очень обрадованная возвращенію дочери и не менѣе того приѣзду князя, не преминула, однако, отнестись къ тому съ маленькой укоризной.

— Ну, надѣлали же вы намъ хлопотъ, начудили, — говорила она ему.

Князь ничего ей не отвѣтилъ и даже отворотился отъ нея. Онъ въ послѣднее время нисколько даже и не скрывалъ передъ ней чувства своего отвращенія; но Елизавета Петровна, получая отъ него такія хорошія деньги, совершенно ему все это прощала.

Миклаковъ, между тѣмъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Выраженіе лица у него было тоже какое-то недовольное; видно, что и у него на душѣ было скверно, и, когда Елена поуспокоилась нѣсколько, онъ спросилъ ее:

— Скажите мнѣ на милость, что такое собственно произошло между вами?

Елена рассказала, какъ разсердился князь на Архангелова за слова его о княгинѣ, какъ и чѣмъ ей показалось это.

Миклаковъ усмѣхнулся при этомъ.

— Искренности и откровенности между вами нѣтъ, какъ между большею частію людей! — проговорилъ онъ.

— Вотъ ужъ нѣтъ!.. нисколько! — воскликнула Елена. — Я съ нимъ откровенна никакъ не меньше, чѣмъ сама съ собой.

— Вы-то еще, можетъ быть, откровеннѣе его; но онъ-то ужъ съ вами очень мало откровененъ.

Князь слушалъ пріятеля съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Въ чемъ же я не откровененъ съ ней? — сказалъ онъ наконецъ, не поднимая головы.

— Очень во многомъ, какъ и сами вы согласитесь, — отвѣчалъ ему Миклаковъ.

— Нельзя же всякій вздоръ, который приходитъ въ голову, рассказывать... — пробурчалъ князь, какъ бы больше самъ съ собой.

— А вы считаете это вздоромъ? — спросилъ Миклаковъ, намекая князю на кое-что.

— Что такое онъ отъ меня скрываетъ и въ чемъ онъ со мной не откровененъ? — начала приставать къ Миклакову Елена.

— Какъ я вамъ могу открыть это!.. Это не моя тайна! — отвѣчалъ тотъ.

— Извольте сейчасъ сказать Миклакову, чтобы

онъ все разсказалъ мнѣ про васъ! — обратилась она къ князю.

— Зачѣмъ? Тебя опять можетъ встревожить это; послѣ я какъ-нибудь самъ тебѣ разскажу, — отвѣчалъ князь.

— Но я теперь хочу, сію же минуту! — настаивала Елена.

Князь пожалъ плечами.

— Говорите, если ужъ начали, — обратился онъ къ Миклакову, съ явнымъ оттѣнкомъ досады на него.

— Говорите, пожалуйста! — повторила тому и Елена.

— Извольте-съ, — началъ Миклаковъ: — во-первыхъ, я долженъ сказать, что князь васъ любитъ. Согласны съ этимъ?

— Согласна! — отвѣчала Елена.

— Но все-таки вы ревнуете его къ княгинѣ, — такъ?

— Такъ, ревную и имѣю на это, кажется, полное право.

— И вы ревнуете его потому, что вамъ представляется, будто бы онъ, до сихъ поръ, продолжаетъ еще любить княгиню?

— Конечно любить! — подхватила Елена: — и прямое доказательство тому есть: она, Богъ знаетъ, какое имѣетъ для него значеніе, а я никакого.

— Ну, то и другое несправедливо; князь не любитъ собственно княгини, и вы для него имѣете значеніе; тутъ-съ, напротивъ, скрываются совершенно другіе мотивы: княгиня вызываетъ вниманіе или ревность, какъ хотите назовите, со стороны князя

вслѣдствіе того только, что имѣеть счастье быть его супругой.

Князь при этомъ покачалъ головой.

— И послѣднее время, — не унимался однако Миклаковъ: — княгиня, какъ извѣстно вамъ, сдѣлалась очень любезна съ барономъ Мингеромъ, и это, изволите видѣть, оскорбляетъ самолюбіе князя, и онъ даже полагаетъ, что за подобные поступки княгини ему будто бы цѣлый міръ плюетъ въ лицо.

Елена насмѣшливо улыбнулась.

— А, вотъ что!... признаюсь, я не ожидала этого!.. — произнесла она.

— Наконецъ, князь объясняетъ, что онъ органически, составомъ всѣхъ своихъ нервовъ не можетъ спокойно переносить положеніе *рогатаго мужа!* Вотъ вамъ весь сей человекъ! — заключилъ Миклаковъ, показывая Еленѣ на князя: — худъ ли, хорошъ ли онъ, но принимайте его такимъ, какъ онъ есть, а вы, ваше сіятельство, — присовокупилъ онъ князю: — извините, что сплетничалъ на васъ; не изъ злобы это дѣлалъ, а ради пользы вашей.

— Сплетничайте, если вамъ такъ этого хочется!.. — отвѣчалъ князь: овладѣвшая имъ досада все еще не оставляла его.

— И какой же мы теперь, — продолжалъ Миклаковъ: — изъ всего этого извлечемъ урокъ и какое предпримемъ рѣшеніе, дабы овцы были цѣлы и волки сыты? Вамъ голосъ первой, въ этомъ случаѣ, Елена Николаевна.

— Я тутъ такъ близко заинтересована, что никакъ не могу быть судьей и, конечно, рѣшу при страстно! — отвѣчала та.

— И я ужь конечно! — подхватилъ князь.

— Значитъ, вы одни и рѣшайте; вы и будьте только нашимъ судьей, — сказала Елена Миклакову.

— Быть вашимъ судьей!... — повторилъ тотъ хоть и комически, но не безъ нѣкотораго, кажется, чувства самодовольства: — прежде всего-съ я желалъ бы знать, что признаеть-ли, напимѣрь, Елена Николаевна нѣкоторое нравственное право за мотивами, побуждающими князя извѣстнымъ образомъ дѣйствовать и чувствовать?

— Признаю отчасти, хотя нахожу, что мотивы эти весьма не высокаго сорта.

— Но все-таки, какъ бы то ни было, вы не будете, значитъ, огорчаться, если онъ совершитъ когда-нибудь опять подобную выходку?

— Огорчаться буду, но менѣе, конечно! — произнесла Елена, взглянувъ при этомъ съ любовью на князя.

— Теперь-съ къ вамъ обращаю мое слово, — отнесся Миклаковъ къ князю: — будете ли вы въ такой мѣрѣ позволять себѣ выходить изъ себя?

— Я не знаю этого! — возразилъ князь.

— Не знаете того! — повторилъ Миклаковъ: — хорошо и то, по крайней-мѣрѣ, что откровенно сказано! — Теперь, значитъ, остается внушить княгинѣ, что ежели она въ самомъ дѣлѣ любитъ этого господина, въ чемъ я, признаться сказать, сильно сомнѣваюсь...

— И я совершенно въ этомъ сомнѣваюсь! — подтвердила Елена.

— Но положимъ, что любить, то все-таки должна дѣлать это нѣсколько посекретнѣе и не кидать этимъ

безпрестанно въ глаза мужу. Всѣ такого рода уступки будутъ, конечно, нѣсколько тяжелы для всѣхъ васъ и заставятъ васъ иногда не совсѣмъ искренно и откровенно поступать и говорить; но каждый долженъ въ то же время утѣшать себя тѣмъ, что онъ это дѣлаетъ для спокойствія другаго... Dixi! — заключилъ Миклаковъ.

— Но кто же, однако, княгинѣ передастъ предназначенное для нея наставленіе?—спросила Елена.

— Конечно ужъ не я!—отвѣчалъ Миклаковъ,—потому что я двухъ словъ почти съ ней не говаривалъ; всего приличнѣе, я полагаю, внушить ей это князю.

— Ему-то, ему; но осмѣлится ли еще онъ?—замѣтила ядовито Елена.

Князь ничего на это не произнесъ и даже такое ямѣль выраженіе лица, какъ-будто-бы не про него это говорили.

— Все, значитъ, поэтому кончено!—воскликнулъ Миклаковъ и взялся-было за шляпу, чтобы отправиться въ Москву; но въ это время проворно вошла въ комнату Елизавета Петровна.

— Ни, ни, ни! Не пушу безъ ужина!—воскликнула она, растопыривая передъ нимъ руки.

— Да, вѣдь, поздно: я пѣшкомъ пойду! Темъ такая, что, пожалуй, съ кого-нибудь и шанель снимешь!—проговорилъ Миклаковъ.

— Вы же снимете!—воскликнула Елена.

— А вы какъ думаете!—отвѣчалъ Миклаковъ.—Я принадлежу къ такого рода счастливымъ, которые съ другихъ только могутъ стаскивать что-нибудь, а съ меня никто ничего!

— Чтобы предохранить васъ отъ этого преступленія, мы васъ въ экипажѣ проводимъ,—сказалъ князь.—Потрудись, моя милая, сходить и сказать, чтобы коляска моя сюда прѣехала!—обратился онъ къ Марѳушѣ.

Та побѣжала исполнить его приказаніе.

— Въ коляскѣ меня проводите? Это не дурно!—произнесъ Миклаковъ снова комически и снова не безъ оттѣнка самодовольства.

Ужиномъ Елизавета Петровна угостила на славу: она своими руками сдѣлала отличнѣйшій бифтексъ и цыплятъ подъ соусомъ; но до всего этого ни князь, ни Елена почти не дотронулись; за то Миклаковъ страшно много съѣлъ и выпилъ все вино, какое только было подано.

— Ужинъ для меня,—толковалъ онъ своимъ собесѣдникамъ:—самая пріятная вещь, такъ какъ человѣкъ, покончивъ всякаго рода сношенія съ себѣ подобными, дѣлается наконецъ полнымъ распорядителемъ самого себя, своихъ мыслей и своихъ чувствъ.

Языкъ, при этихъ словахъ, у Миклакова началъ ужь немного заплетаться. Когда же онъ сѣлъ въ княжескій фаэтонъ, чтобы ѣхать въ Москву, то какъ-то необыкновенно молодцовато надѣлъ на голову свою кожаную фуражку.

— Хорошо быть умнымъ человѣкомъ: ни за что, ни про что катаютъ тебя князя въ своихъ экипажахъ!..—говорилъ онъ вслухъ и кивая въ это время, въ знакъ прощанія, князю головою: выпивши, Миклаковъ обыкновенно дѣлался откровеннѣе, чѣмъ онъ былъ въ нормальномъ своемъ состояніи!

II.

Княгиня, въ свою очередь, переживала тоже довольно сильныя ощущенія: она очень хорошо догадалась, что мужъ изъ ревности къ ней вышелъ до такой степени изъ себя въ Паркъ и затѣялъ всю эту сцену съ Архангеловымъ; она только не знала хорошенько, что такое говорила съ нимъ Елена въ сосѣдней комнатѣ, хотя въ то же время ясно видѣла, что они тамъ за что-то поссорились между собой. Требованіе же князя, чтобы княгиня ѣхала съ нимъ въ экипажъ, обрадовало ее до души; она ожидала, что онъ тутъ же съ ней помирится и у нихъ начнется прежняя счастливая жизнь. Княгиня, въ противоположность Еленѣ, любила все больше представлять себѣ въ розовомъ, пріятномъ цвѣтѣ; но князь всю дорогу промолчалъ, и когда она, при прощаніи, сказала ему, что онъ долженъ извиниться передъ ней въ *совершенно другомъ*, то онъ не обратилъ на эти ея слова никакого вниманія; а потомъ она дня три и совсѣмъ не видала князя. Надежды ея, значить, въ этомъ отношеніи рушились совершенно, и ей вообразилось, что онъ, можетъ быть, считаетъ ее уже недостойной, чтобы помириться съ нею, по случаю ея кокетства съ барономъ. Княгиня готова была плакать отъ досады, что держала себя подобнымъ образомъ съ этимъ господиномъ, и рѣшилась оправдаться передъ мужемъ. Для этого она написала и послала князю такого рода письмо: «Я, мой дорогой Грегуаръ, безъ вины виновата передъ

вами, но, клянусь Богомъ, эту вину заставили меня сдѣлать любовь же моя къ вамъ, которая нисколько не уменьшилась въ душѣ моей съ того дня, какъ я отдала вамъ свое сердце и руку. Вамъ вѣроятно не нравилось то, что я была слишкомъ любезна съ вашимъ пріятелемъ—барономъ, но завѣряю васъ, что баронъ никогда мнѣ и нисколько не нравился, а напротивъ, теперь даже сталъ противенъ, и я очень рада буду, когда онъ уйдетъ. Кокетничая съ нимъ, я думала этимъ возвратить вашу любовь ко мнѣ, которая была, есть и будетъ всегда для меня дороже всего, и если вы дадите мнѣ ее снова, я сочту себя счастливѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Прошу васъ убѣдительно отвѣтить мнѣ и не мучить меня неизвѣстностью; всегда вѣрная и любящая васъ жена

«Е. Григорова.»

Письмомъ этимъ княгиня думала успокоить князя; и если заглянуть ему поглубже въ душу, то оно въ самомъ дѣлѣ успокоило его: князь былъ радъ, что подозрѣнія его касательно барона почти совершенно разсѣялись; но то, что княгиня любила еще до сихъ поръ самого князя,—это его уже смутило.

Недоумѣвая какъ и что предпринять, онъ рѣшился подождать Миклакова, который вечеромъ хотѣлъ придти къ нему на дачу, и дѣйствительно пришелъ.

— Вотъ вы съ Еленой говорили мнѣ,—началъ князь послѣ первыхъ же словъ: — чтобы я разныя разности внушилъ княгинѣ; я остерегся это сдѣлать

и теперь получилъ отъ нея письмо, каковое неугодно-ли вамъ прочесть!

Князь подалъ Миклакову письмо княгини, которое тотъ внимательно прочелъ и вслѣдъ за тѣмъ все лицо его приняло какое-то умиленное выраженіе.

— Какая, однако, отличнѣйшая женщина княгиня!—воскликнулъ онъ.

— Чѣмъ же?—спросилъ князь, хотя и догадался почти, что хочетъ сказать Миклаковъ.

— Добрѣйшая и чистѣйшая женщина, какихъ когда-либо я встрѣчалъ,—продолжалъ Миклаковъ.— Вы сколько лѣтъ женаты? прибавилъ онъ князю.

— Десять лѣтъ!—отвѣчалъ тотъ.

— Шутка!... И послѣ того, что вы изволили творить противъ нея, она сохранила такую преданность къ вамъ!... Не умѣете вы, сударь, цѣнить подобное сокровище, рѣшительно не умѣете!...

— Но Елена, я надѣюсь, какъ женщина, никакъ не хуже княгини,—проговорилъ князь.

— Елена имѣетъ совсѣмъ другія достоинства,—сказалъ Миклаковъ.

Друзья послѣ этого замолчали на нѣкоторое время.

— Какъ я предсказывалъ, такъ и вышло!—началъ Миклаковъ разсмѣясь: — вся эта исторія съ барономъ, отъ которой вы такъ волновались и бѣснлись, оказалась сущимъ вздоромъ.

— Если она даже вздоръ,—подхватилъ князь:—то все таки это ставить меня въ еще болѣе щекотливое положеніе... Что я буду теперь отвѣчать на это письмо княгини?... Обманывать ее какимъ-ни-

будь образомъ я не хочу; написать же ей все откровенно—жестоко!

— Зачѣмъ писать?... На словахъ ей надобно объяснить,—возразилъ Миклаковъ.

— А на словахъ я не могу, потому что, какъ и испыталъ это разъ, или наговорю ей какихъ-нибудь рѣзкостей, чего вовсе не желаю, или самъ расчувствуюсь очень.

— Такъ какъ же тутъ быть?—воскликнулъ Миклаковъ.

— Всего бы было удобнѣе...—продолжалъ князь, пожимая плечами:—если-бы вы, по добротѣ вашей ко мнѣ, взяли на себя это порученіе.

— Какое порученіе?—спросилъ Миклаковъ.

— Порученіе объясниться съ княгиней.

— Это съ какой мнѣ стати?—воскликнулъ Миклаковъ.

— Съ такой, что я вашъ другъ и просилъ васъ о томъ...

— Но что же именно объяснять я ей буду?—говорилъ Миклаковъ, уже смѣясь.

— Объяснять... — началъ князь съ нѣкоторой разстановкой и обдумывая...—чтобы она разлюбила меня, потому что я не стою того, такъ-какъ... измѣнилъ ей... и полюбилъ другую женщину!

— Э, нѣтъ!... Этимъ ни одну женщину не заставишь разлюбить, а только заставишь больше ревновать, то есть больше еще измучишь ее. Чтобы женщина разлюбила мужчину, лучше всего ей доказать, что онъ дуракъ!

— Ну, докажите княгинѣ, что я дуракъ; можно, полагаю, это?

— Можно! — отвѣчалъ совершенно серьезнымъ тономъ Миклаковъ:—хорошо также ее увѣрить, что вы и подлець!

— Увѣрьте ее, что я и подлець! — подхватилъ князь.

Миклаковъ послѣ этого помолчалъ немного, а потомъ присовокупилъ:

— Не честно-то, въ самомъ дѣлѣ не честно съ ней поступили!

— Можетъ-быть, я не спорю противъ того; но какъ же однако: вы беретесь, значить, и скажете ей?

— Да, пожалуй!—отвѣчалъ Миклаковъ.

— А когда именно?

— Когда хотите, мнѣ все равно.

— Сегодня, напимѣрь!... Она теперь дома и сидитъ одна!...

— Нѣтъ, сегодня нельзя!—сказалъ наотрѣвъ Миклаковъ, взглянувъ при этомъ мелькомъ на свои худыя брюки и сапоги въ заплаткахъ.

— Отчего?—спросилъ князь, вовсе не подозревая, чтобы подобная причина могла останавливать Миклакова.

— Да отъ того,—отвѣчалъ тотъ,—что я долженъ сообразить нѣсколько и обдумать мое посольство!... Завтра развѣ?

— Ну, завтра!... Въ такомъ случаѣ я пришлю за вами въ Москву экипажъ,—сказалъ князь.

— Присылайте!—согласился Миклаковъ.

И придя домой, сей озлобленный человѣкъ началъ совершать странныя надъ собой вещи: во-первыхъ, еще вечеромъ онъ сходилъ въ баню, взялъ тамъ ванну, выбрился, выстригся, потомъ, на дру-

гой день, едва только проснулся, какъ сейчасъ же принялся выбирать изъ своего небогатаго запаса бѣлья лучшую голландскую рубашку, затѣмъ вытащилъ давнымъ-давно не надѣваемые имъ лаковые сапоги. Касательно верхняго платья Миклаковъ затруднялся, что ему надѣть: лѣтняя визитка у него была новѣе чернаго сюртука, но зато изъ такого дешеваго трико была сшита, что, конечно, каждый лавочникъ и каждый лакей имѣлъ такую; сюртукъ же хоть и сдѣланъ былъ изъ очень хорошаго сукна, но за то сильно былъ ветхъ денми. Миклаковъ все-таки рѣшился лучше надѣть сюртукъ, предварительно вычистивъ его самымъ старательнымъ образомъ: когда наконецъ за нимъ прѣехалъ экипажъ князя, то онъ, сѣвъ въ него, нѣсколько развалился и положилъ даже ногу на ногу: красивая открытая коляска, какъ извѣстно, самаго отъявленнаго философа можетъ заставить позировать!... Бойкіе кони понесли Миклакова въ Останкино. Онъ всю дорогу думалъ о княгинѣ и о предстоящемъ свиданіи съ нею. Она еще и прежде того немного нравилась ему и казалась такой милой и такой чистенькой. Въ настоящія же минуты какое-то тайное предчувствіе говорило ему, что онъ произведетъ довольно выгодное для себя впечатлѣніе на княгиню. Прѣхавъ въ Останкино и войдя въ переднюю флигеля, занимаемаго княгинею, Миклаковъ велѣлъ доложить о себѣ и, когда лакей ушелъ исполнить его приказаніе, онъ замѣтно оставался въ нѣкоторомъ волненіи. Княгиню тоже удивило это посѣщеніе.

— Приси! — сказала она какъ-то спокойно лакею.

Миклаковъ вошелъ.

Княгиня подала ему свою бѣленькую ручку.

— Вы вѣроятно у мужа были?—спросила она его.

— Нѣтъ, я не былъ у него сегодня,—отвѣчалъ Миклаковъ уже нѣсколько и мрачно.

— А я полагала, что вы не застали его дома,—продолжала княгиня, все еще думавшая, что Миклаковъ пріѣхалъ къ князю.

— Я даже не заходилъ къ нему,—отвѣчалъ тотъ.

Княгиня дальше не знала, что и говорить съ Миклаковымъ и только попросила его садиться и сама сѣла.

Миклаковъ нѣкоторое время вертѣлъ шляпою.

— Я собственно явился къ вамъ...—началъ онъ, немного запинаясь: — не отъ себя, а по порученію князя.

— Отъ мужа?—спросила княгиня съ испугомъ и вся краснѣя въ лицѣ.

— Отъ него-съ!—отвѣчалъ Миклаковъ.—Мы съ княземъ весьма еще не долгое время знакомы; но нѣкоторое сходство въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ сблизило насъ, и такъ какъ мы оба твердо увѣрены, что большая часть пакостей и гадостей въ жизни человѣческой происходитъ отъ того, что люди любятъ многое дѣлать потихоньку и о многомъ хранить глубочайшую тайну; въ силу этого, мы послѣ нѣсколькихъ же свиданій и не стали имѣть никакихъ другъ отъ друга тайнъ.

Княгиня начала почти догадываться, что хочетъ этимъ сказать Миклаковъ, и это еще больше сконфузило ее. «Неужели же князь этому полублагодарному

человѣку разсказаль что-нибудь», подумала она не безъ удивленія.

— А въ силу сего послѣдняго обстоятельства, — продолжалъ Миклаковъ: — я и сдѣлался невидимымъ участникомъ вашихъ бесѣдъ семейныхъ и пререканій.

Удивленію княгиня предѣловъ не стало.

— Признаюсь, я вовсе не желала бы, чтобы кто-нибудь былъ участникомъ въ нашихъ семейныхъ отношеніяхъ, — проговорила она.

Миклаковъ пожалъ на это плечами.

— Тутъ вамъ нечего ни желать, ни опасаться, потому что изъ всего этого если не выйдетъ для васъ нѣкоторой пользы, то во всякомъ случаѣ не будетъ никакого вреда: мнѣ вчерашній день князь прочелъ ваше письмо къ нему, которымъ вы просите его возвратить вамъ любовь его.

Княгиня окончательно запылала отъ стыда и смущенія.

— И князь поручилъ мнѣ сказать вамъ, — говорилъ Миклаковъ съ какой-то даже жестокостью: — что какъ онъ ни дорожитъ вашимъ спокойствіемъ, счастіемъ, но возвратиться къ прежнему чувству къ вамъ онъ не можетъ, потому что питаетъ пылкую и нѣжную страсть къ другой женщинѣ!

Княгиня при этихъ словахъ изъ пылающей сдѣлалась блѣдною.

— Съ недобрыми-же и нехорошими вѣстями пришли вы ко мнѣ! — проговорила она.

— Что дѣлать! — произнесъ въ свою очередь невеселымъ голосомъ Миклаковъ. — Но мнѣ хотѣлось бы, — прибавилъ онъ съ нѣкоторою улыбкою: — не только что вѣстникомъ вашимъ быть, но и врачомъ

дашимъ душевнымъ: помочь и пособить вамъ сколько-нибудь.

— Нѣтъ, мнѣ никто и ничѣмъ не можетъ пособить!—произнесла княгиня, и слезы полились по ея нѣжнымъ щечкамъ.

— Будто?... Будто печаль ваша ужь такъ велика?—спросилъ съ участіемъ Миклаковъ.

— Очень велика!—отвѣчала ему княгиня.

— Гмъ!—произнесъ Миклаковъ и послѣ того, помолчавъ нѣкоторое время и какъ бы собравшись съ мыслями, началъ:—Вотъ видите-съ, на свѣтѣ очень много бываетъ несчастныхъ любвей для мужчинъ и для женщинъ; но, благодаря Бога, люди отъ этого не умираютъ и много, много развѣ, что съ ума отъ того на время спятятъ.

— А это бываетъ же?—спросила княгиня.

— Бываетъ-съ это!—отвѣчалъ ей Миклаковъ то-ропливо:—и по моему лучшее отъ того лекарство—самолюбіе; всякій долженъ при этомъ вспомнить, что неужели онъ все свое человѣческое достоинство поставитъ въ зависимость отъ капризной воли какого-нибудь господина или госпожи. Насъ разлюбили, ну и прекрасно: и мы разлюбимъ!

— Хорошо, разлюбимъ; а какъ не разлюбляется!—возразила княгиня.

— Чго за вздоръ: не разлюбляется!—воскликнулъ Миклаковъ.—Для этого, мнѣ кажется, стоитъ только повнимательнѣе и построже взглянуть въ тотъ предметъ, который насъ плѣняетъ — и ковлено!... Что вамъ, наиримѣръ, по преимуществу нравится въ князь?

Княгиня нѣкоторое время затруднялась отвѣчать на такой вопросъ.

— Умъ, конечно?—подхватилъ Миклаковъ.

— Разумѣется, умъ; потому что мужчина прежде всего долженъ быть уменъ,—проговорила княгиня.

— Совершенно вѣрно-съ... Жаль только, что женщины иногда совсѣмъ не то принимаютъ за умъ, что слѣдуетъ!... Въ чемъ именно, по вашему, умъ князя проявляется?

— Какъ вамъ сказать, въ чемъ... Каждое слово его показываетъ, что онъ человѣкъ умный.

— Гмъ, слово! — повторилъ Миклаковъ.— Слова бываютъ разныя: свои и чужія; свое слово умное придумать и сказать очень трудно, а чужое повторить—чрезвычайно легко.

— Такъ неужели вы думаете, что князь все говоритъ чужія слова?—спросила княгиня съ нѣкоторымъ отѣикомъ неудовольствія.

— Я тутъ ничего не говорю о князѣ и объясняю только различіе между своими словами и чужими,—отвѣчалъ Миклаковъ, а самъ съ собой въ это время думалъ: «женщинѣ если только намекнуть, что какой-нибудь мужчина не уменъ, такъ она черезъ недѣлю убѣдитъ себя, что онъ дуракъ набитѣйшій».— Ну, а какъ вы думаете насчетъ честности князя?—продолжалъ онъ допрашивать княгиню.

Та даже вспыхнула отъ удивленія и неудовольствія.

— Господи, вы ужь его и безчестнымъ человѣкомъ начинаете считать!... Худаго же князь адвоката за себя выбралъ,—проговорила она.

— Я опять-таки повторяю вамъ,—возразилъ Ми-

Милаковъ, — что я желаю только знать ваше мнѣніе, а своего никакого вамъ не говорю.

— Какое же тутъ другое мнѣніе будетъ; я, безъ сомнѣнія, признаю князя за самаго честнаго человека!

— То-есть почему это такъ? Можетъ быть, потому, что, имѣя семьдесятъ тысячъ годоваго дохода, онъ аккуратно платитъ долги по лавочкамъ и по булочнымъ?

Княгиня опять вспыхнула.

— Нѣтъ, не по тому, — сказала она явно сердитымъ голосомъ: — а вотъ, на примѣръ, другой бы мужъ всю жизнь меня сталъ обманывать, а онъ этого, по своей честности, не въ состояніи былъ сдѣлать: говорить мнѣ прямо и искренно!

— Что-жь прямо и искренно говорить!... — возразилъ Милаковъ: — это, конечно, можно дѣлать изъ честности, а, пожалуй, вѣдь, и изъ полнаго неуваженія къ личности другаго... — И я такъ понимаю-съ, — продолжалъ онъ расходившись: — что князь очень милый, конечно, человекъ; но барченокъ, который свой капризъ ставитъ выше счастья всей жизни другаго: сначала полюбилъ одну женщину — бросилъ; потомъ полюбилъ другую, и ту, можетъ быть, броситъ.

— И всѣ мужчины, я думаю, такіе! — сказала княгиня.

— Нѣтъ, не всѣ мужчины такіе, — произнесъ Милаковъ.

— Кто-же? Васъ, что-ли, прикажете считать приятнымъ исключеніемъ? — спросила его колко княгиня.

— Да, хоть-бы меня, пожалуй! — отвѣчалъ ей нахально Миклаковъ.

Княгиня пожала плечами.

— Скромно сказано! — проговорила она опять съ насмѣшкой. Ее не на шутку начинали сердить эти злые отзывы Миклакова о князѣ. Положимъ, она сама очень хорошо знала и понимала, что князь дурно и, можетъ быть, даже не честно поступаетъ противъ нея; но никакъ не желала, чтобы объ этомъ говорили посторонніе.

Миклаковъ съ своей стороны видѣлъ, что онъ мало подѣйствовалъ на княгиню своими убѣжденіями, и разсчиталъ, что на нее временемъ лучше будетъ повліять.

— А что, скажите, чѣмъ вы занимаетесь?... На что тратите вы вашъ досугъ? — спросилъ онъ ее.

— Да ничѣмъ особенно не занимаюсь, — отвѣчала княгиня.

— Читаете что-нибудь?... Музыкой много занимаетесь? — продолжалъ Миклаковъ спрашивать.

— Прежде много занималась, а теперь и та наскучила.

— Значить, только и дѣлаете, что оплакиваете утраченную любовь вашего недостойнаго супруга?

— И того нѣтъ: для меня рѣшительно все равно, утратила я его любовь или нѣтъ! — произнесла княгиня, сильно досадуя въ душѣ на князя, что онъ подводитъ ее подъ подобныя насмѣшки.

— Но надобно же однако на что-нибудь пріятное и занятное направить вамъ ваше воображеніе, — говорилъ Миклаковъ.

— Я направляю его къ Богу и буду просить у Него смерти,—отвѣчала княгиня.

— Э, пустяки—смерти просить!... А въ карты, скажите, вы любите играть? — спросилъ ее Миклаковъ.

— Люблю! — сказала протяжно княгиня.

— Ну, хотите, я буду ходить къ вамъ въ карты играть, серьезно, по большой?... Буду васъ обыгрывать,—благо у васъ денегъ много.

Княгиня усмѣхнулась. Она это предложеніе Миклакова приняла сначала за шутку.

— Прикажете или нѣтъ? — настаивалъ тотъ.

— Пожалуй, ходите, — отвѣчала, наконецъ, княгиня. Ей самой немножко улыбнулась мысль о подобномъ времяпрепровожденіи.

— Такъ, такъ, значитъ, на томъ и покончимъ! — произнесъ онъ, уже вставая и протягивая княгинѣ на прощанье руку.

Та ему ничего не отвѣчала и только подала ему тоже свою руку.

Миклаковъ ушелъ.

Княгиню страшнымъ образомъ удивило и оскорбило такое посольство отъ князя. «Развѣ самъ онъ не могъ побезпокоиться и написать ей отвѣтъ?... Наконецъ, просто сказать ей на словахъ?... Зачѣмъ же было унижать ее еще въ глазахъ посторонняго человѣка?» — думала княгиня и при этомъ проклинала себя, зачѣмъ она напсала это глупое письмо князю, зная по опыту, какъ онъ и прежде отвѣчалъ на всѣ ея нѣжныя завленія. Съ настоящей минуты она начала серьезно подумывать, что въ самомъ дѣлѣ не лучше ли ей будетъ и не легче ли жить на свѣтѣ,

если она разоидется съ княземъ и уѣдетъ навсегда въ Петербургъ къ своимъ роднымъ.

Самъ же князь въ продолженіе всего времени, пока Миклаковъ сидѣлъ у княгини, стоялъ у окна въ своемъ кабинетѣ и съ жаднымъ вниманіемъ ожидалъ, когда тотъ выйдетъ отъ нея. Наконецъ Миклаковъ показался.

— Идите сюда скорѣя! — не утерпѣлъ и крикнулъ ему князь.

Миклаковъ подошелъ-было къ нему къ окну.

— Идите же въ комнату! — крикнулъ ему еще разъ князь.

Миклаковъ усмѣхнулся, мотнулъ головой и вошелъ въ комнаты.

— Ну, что же, говорили? — спросилъ его стремительно князь.

— Говорилъ! — отвѣчалъ протяжно Миклаковъ.

— Что же вы именно говорили?

— Говорилъ, во-первыхъ, что вы человекъ весьма недалекій, — произнесъ Миклаковъ и пріостановился на нѣкоторое время, какъ бы желая наблюдать, какое это впечатлѣніе произведетъ на князя. Того, при всемъ его желаніи скрыть это, замѣтно передернуло.

— Ну-съ, далѣе! — сказалъ онъ.

— Далѣе, я ей объяснилъ, что вы человекъ пустой и не совсѣмъ даже честный, въ отношеніи ея, по крайней мѣрѣ!

— Благодарю, что не во всѣхъ ужь отношеніяхъ! — сказалъ князь, притворно усмѣхаясь.

— Не во всѣхъ-съ, не во всѣхъ! — подхватилъ Миклаковъ.

— Что же она на все это?

— Она пока еще не соглашается съ такимъ моимъ мнѣніемъ; но, во всякомъ случаѣ, рѣшилась по-немногу начать развлекать себя, и я въ этомъ случаѣ предложилъ ей свое товарищество и партнерство.

— Предложили? Вотъ за это спасибо! — воскликнулъ князь.

— Предложилъ; только напередъ вамъ говорю: прошу меня не ревновать, а то я въ этихъ случаяхъ трусливъ, какъ заяцъ: сейчасъ на утекъ уйду!

— Ни взглядомъ, ни словомъ не обнаружу сего грубаго чувства предъ вами, — отвѣчалъ съ отвѣнкомъ веселости князь. — Но она все-таки не очень огорчилась! — прибавилъ онъ озабоченнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, повидимому, не очень.

Это и отлично! — произнесъ князь съ видимымъ удовольствіемъ.

— Мнѣ, однако, пора домой! — сказалъ Миклаковъ.

— Не смѣю останавливать!... Экипажъ готовъ! — сказалъ князь, съ чувствомъ и съ благодарностью пожимая руку пріятеля. Миклаковъ опять сѣлъ въ тотъ же фаэтонъ и поѣхалъ: онъ и на этотъ разъ думалъ о княгинѣ. Въ его зачерствѣломъ и наболѣвшемъ сердцѣ какъ-будто бы снова занескрилось какое-то чувство и зашевелились надежды и мечты!

III.

Прошло недѣли двѣ. Князь и княгиня каждодневно встрѣчались, ни слова не проговорили между собой

о томъ, что я описалъ въ предыдущей главѣ: князь дѣлалъ видъ, что какъ-будто-бы онъ и не получалъ отъ жены никакого письма, а княгиня, — что къ ней вовсе и не приходилъ Миклаковъ съ своимъ объясненіемъ; но на душѣ, разумѣется, у каждаго изъ нихъ лежало все это тяжелымъ гнетомъ, такъ что имъ неловко было даже на долгое время оставаться другъ съ другомъ, и они каждый разъ спѣшили какъ можно поскорѣй разойтись по своимъ отдѣльнымъ флигелямъ.

Послѣ 15 августа, Григоровы, Анна Юрьевна и Жиглинскіе предположили переѣхать съ дачъ въ городъ, и наканунѣ переѣзда князь, сверхъ обыкновенія, обѣдалъ дома. Баронъ за этимъ обѣдомъ былъ какой-то сконфуженный. Въ половинѣ обѣда, наконецъ, онъ обратился къ княгинѣ и къ князю и проговорилъ нѣсколько умиленнымъ и торжественнымъ голосомъ.

— А я завтрашній день поблагодарю васъ за ваше гостепріимство и попрошу позволенія проститься съ вами!

— Вы ѣдете въ Петербургъ?—спросила его княгиня замѣтно довольнымъ голосомъ.

Князь кинулъ взглядъ на барона.

— Нѣтъ, я остаюсь въ Москвѣ, — отвѣчалъ тотъ, все болѣе и болѣе конфузясь: — но я буду имѣть дѣла, которыя заставляютъ меня жить ближе къ городу, къ присутственнымъ мѣстамъ.

Князь и княгиня, а также и госпожа Петцкая, обѣдавшая у Григоровыхъ, посмотрѣли на барона съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Какія же это у васъ дѣла такія? — спросилъ его князь.

— Да такъ... разныя, — отвѣчалъ уклончиво баронъ.

— Разныя... — повторилъ князь. — Но развѣ отъ насъ вы не могли бы ѣздить въ присутственныя мѣста?

— Далеко, ужасно далеко! — отвѣчалъ баронъ.

— Что же вы въ гостиницѣ, что ли, гдѣ-нибудь будете жить? — продолжалъ князь и при этомъ мелькомъ взглянулъ на княгиню. Она навѣрное полагалъ, что это она потребовала, чтобы баронъ переѣхалъ отъ нихъ: но та сама смотрѣла на барона невиннѣйшими глазами.

— Я нанялъ квартиру у Анны Юрьевны, — отвѣчалъ баронъ протяжно.

— У Анны Юрьевны?.. — воскликнули въ одинъ голосъ Григоровы.

— Но гдѣ же и какая у ней квартира можетъ быть? — подхватила стремительно Петичкая.

Она успѣла уже познакомиться съ Анной Юрьевной и даже побывать, изъ любопытства, въ городскомъ ея домѣ.

— Внизу. Я весь низъ беру себѣ, — отвѣчалъ баронъ: — главное потому, что мнѣ нужно имѣть квартиру съ мебелью, а у Анны Юрьевны она вся меблирована, и меблирована прекрасно.

— Еще бы не прекрасно! — воскликнулъ князь. — Мало ли чего нѣтъ у моей дорогой кузины; вы у ней многое можете найти, — присовокупилъ онъ какъ-то особенно внушительно.

Госпожа Петичкая при этомъ потупилась: она

обыкновенно всегда, при всякомъ вольномъ намекѣ князя, опускала глаза долу.

Баронъ же старался принять видъ, что какъ-будто бы совершенно не понялъ намека князя.

— Я васъ поздравляю: вы непременно влюбитесь въ Анну Юрьевну!—объяснила ему прямо княгиня.

— Влюблюсь?—спросилъ баронъ, поднявъ, какъ бы въ удивленіи, свои брови.

— Непременно, она очень милая, хоть, можетъ быть, и не совсѣмъ молода! — подхватила княгиня.

— Совершенно вѣрю; но, къ сожалѣнію, я самъ мало способенъ къ этому чувству,—проговорилъ баронъ.

— Почему же это?... Я полагаю, напротивъ! — сказала съ нѣкоторою колкостью княгиня.

— И я тоже,—поддержала ее госпожа Петичкая.

— Я такъ много,—продолжалъ баронъ:—перенесъ въ жизни горя, неудачъ, что испепелилъ сердце и сталъ старъ душою.

— А вотъ Анна Юрьевна накатитъ васъ отличнѣйшимъ бургонскимъ, и помолодѣете душой,—подхватилъ князь.

— Что ты за глупости говоришь! — произнесла княгиня, а госпожа Петичкая опять сдѣлала видъ, что ей ужасно было стыдно слушать подобныя вольности, и ради этого она позадержала даже немножко дыханіе въ себѣ, чтобы замѣтнѣе покраснѣть.

— Князь для остраго словца не пожалѣетъ и отца!—подхватилъ съ своей стороны усмѣхаясь баронъ.

Всѣ эти подозрѣнія и намеки, высказанныя маленькимъ обществомъ Григоровыхъ барону, имѣли

нѣкоторое основаніе и въ дѣйствительности: у него въ самомъ дѣлѣ кое-что начиналось съ Анной Юрьевой; послѣ того непріятнаго ужина въ Нѣмецкомъ клубѣ, баронъ далъ себѣ слово не ухаживать больше за княгиней; онъ такъ же хорошо, какъ и она, понималъ, что князь начудилъ все изъ ревности, а потому подвергать себя по этому поводу новымъ непріятностямъ баронъ вовсе не желалъ, тѣмъ болѣе, что чортъ знаетъ изъ-за чего и переносить все это было, такъ какъ онъ далеко не былъ увѣренъ, что когда-нибудь увѣчатся успѣхомъ его исканія передъ княгиней; но, въ то же время, перемѣнить съ ней сразу тактику и начать обращаться холодно и церемонно барону не хотѣлось, потому что это прямо значило показать себя въ глазахъ ея трусомъ, чего онъ тоже не желалъ. Въ видахъ всего этого, баронъ вознамѣрился какъ можно рѣже бывать дома; но куда дѣваться ему, гдѣ найти пріютъ себѣ? «Къ Аннѣ Юрьевнѣ на первый разъ отправлюсь!» рѣшилъ баронъ, и дѣйствительно, на другой день послѣ поѣздки въ Паркъ, онъ, часу во второмъ, ушелъ пѣшкомъ изъ Останкина въ Свиблово. Анна Юрьевна, въ свою очередь, въ это утро тоже скучала. Встрѣтивъ юный музыкальный талантъ подъ руку съ юной дѣвицей, она наотрѣвъ себѣ сказала, что между нею и симъ неблагодарнымъ все и навсегда кончено, а между тѣмъ это ей было грустно, такъ что Анна Юрьевна, проснувшись ранѣе обыкновеннаго, поутру, даже поплакала немного; не смотря на свою развращенность и цинизмъ въ пониманіи любви, Анна Юрьевна наединѣ, сама съ собой все-таки оставалась женщи-

ной. Приходу барона она обрадовалась, ожидая, что это все-таки немножко развлечетъ ее.

— Что вашъ князь и княгиня?—спросила она его съ перваго же слова.

— А я ихъ не видалъ сегодня!—отвѣчалъ баронъ.

Анна Юрьевна до прихода барона сидѣла въ саду въ бесѣдкѣ, гдѣ и приняла его.

— *L'air est frais aujourd'hui!*... Пора въ городъ переѣзжать,—проговорила она, кутаясь въ свой бурнусъ и затрудняясь на первыхъ порахъ, о чемъ бы болѣе интересномъ заговорить съ своимъ гостемъ.

— Нѣтъ, что же за холодно; я еще ни разу не надѣвалъ своего осенняго пальто!—возразилъ баронъ, желая, кажется, представить изъ себя здороваго и крѣпкаго мужчину.

— Да, но, можетъ быть, васъ согрѣваетъ въ Останкинѣ пріятная атмосфера, которая васъ окружаетъ!—произнесла Анна Юрьевна лукавымъ голосомъ.

— Атмосфера пріятная?—переспросилъ баронъ, совершенно какъ бы не понявъ ея словъ. — Какая же эта атмосфера?—прибавилъ онъ.

— Атмосфера въ обществѣ съ хорошенькой и милой женщиной,—отвѣчала Анна Юрьевна.—Она сама отчасти замѣчала, а частью слышала отъ прислуги своей, что баронъ ухаживаетъ за княгиней, и что та сама тоже равнодушна къ нему, а потому она хотѣла поразспросить нѣсколько барона объ этомъ.

— Да, вотъ что! — произнесъ тотъ:—но только атмосфера эта скорѣе охлаждающая меня, чѣмъ согрѣвающая!—заклучилъ онъ.

— Будто? — сказала Анна Юрьевна недовѣрчивымъ голосомъ.

— Увѣряю васъ!

— Что вы влюблены — въ этомъ.... je ne doute guère!... Но чтобы и вамъ не отвѣчали тѣмъ же, — не думаю! — проговорила она.

— Что я не влюбленъ и что мнѣ ничѣмъ не отвѣчаютъ, могу доказательство тому представить.

— Пожалуйста.

— Скажите, когда бываютъ влюблены и имъ отвѣчаютъ взаимно, то пишутъ такія письма? — проговорилъ баронъ, и вынувъ изъ своего бумажника маленькую записочку, подалъ ее Аннѣ Юрьевнѣ. Письмо это было отъ княгини, писанное два дня тому назадъ и слѣдующаго содержанія. «Вы просите у меня «Московскихъ Вѣдомостей»; извините, я изорвала ихъ на папилотки, а потому можете сегодня сидѣть безъ газетъ!»

— Пишутъ въ такомъ тонѣ? — повторилъ баронъ.

— Пишутъ во всякомъ!... — проговорила Анна Юрьевна, и при этомъ ей неволью пришла въ голову мысль: «княгиня въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, такая еще простушка въ жизни, что до сихъ поръ не позволила барону приблизиться къ себѣ, да, пожалуй, и совсѣмъ не позволить», и вмѣстѣ съ тѣмъ Аннѣ Юрьевнѣ кинулось въ глаза одно, повидимому, очень неважное обстоятельство, но которое, тѣмъ не менѣе, она замѣтила. Баронъ сидѣлъ къ ней бокомъ, и Анна Юрьевна очень хорошо видѣла его рыжій затылокъ, который ей весьма напомнилъ затылокъ одного молодого англійскаго лорда, секретаря посольства, человѣка, для котораго нѣкогда Анна Юрьевна въ первый разъ пала.

Часу въ четвертомъ баронъ наконецъ всталъ и хотѣлъ было отправиться въ Останкино.

— Куда же вы?... *Dinez avec moi... le diner sera bon!*—сказала ему Анна Юрьевна.

— О, нисколько въ томъ не сомнѣваюсь!—отвѣчалъ баронъ и, разумѣется, не отказался отъ этого приглашенія.

Когда они сѣли за столъ, баронъ сказалъ:

— Я завтра хочу ѣхать въ Москву на цѣлый день погулять тамъ, посмотрѣть.... Я почти совсѣмъ не видалъ Москвы.

— Да и видѣть особенно нечего, — подхватила Анна Юрьевна. — Я сама тоже завтра ѣду туда на цѣлый день.

— Изволите ѣхать?

— Да, *et pour des raisons désagréables!*... Тамъ у меня какіе-то процессы глупые затѣваются; надобно ѣхать къ нотариусу, написать одному господину довѣренность.

— Какого же рода процессы у васъ?—спросилъ баронъ.

— Да тамъ съ мужиками по размежеванію земель, я ихъ всѣхъ на выкупъ отпустила; у меня очень большое имѣніе, тысячъ двадцать душъ по прежнему было!...

При этихъ словахъ баронъ даже пошевелился какъ-то безпокойно на стулѣ.

— Ну, а мужики всѣ эти, говорятъ, ужасно жадны: требуютъ себѣ еще что-то такое больше, чѣмъ слѣдуетъ; управляющіе мои тоже плутовали, такъ что я ничего тутъ не понимаю и рѣшительно не знаю, какъ мнѣ быть.

Баронъ, слушая все это, повидимому, моталъ себѣ на усъ.

— De quelle manière vous rendez-vous à Moscou, — en voiture de place? — спросила его Анна Юрьевна.

— Oui, — en fiacre! — отвѣчалъ баронъ.

— Хотите, я заведу за вами? — сказала Анна Юрьевна.

— Si vous le voulez, bien! — проговорилъ баронъ, вѣжливо склоняя передъ ней голову.

— Хорошо, похищу васъ, такъ и быть!... Только мнѣ надобно заѣхать въ мой домъ; вы не соскучитесь этимъ?

— Нисколько.

На другой день Анна Юрьевна въ самомъ дѣлѣ заѣхала за барономъ и увезла его съ собой. Домъ ея и убранство въ ономъ совершенно подтвердили въ глазахъ барона ея слова о двадцати тысячахъ душъ. Онъ замѣтно сдѣлался внимательнѣе къ Аннѣ Юрьевнѣ и началъ съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ ее подсаживать и высаживать изъ экипажа, а сидя съ ней въ коляскѣ, не разсаживался на все сидѣнье и занималъ только половину его.

— Господина, которому вы даете довѣренность, вы хорошо знаете? — спросилъ онъ ее, когда они подѣхали къ самой ужь конторѣ нотариуса.

— Нисколько!... онъ адвокатъ здѣшній и очень хорошій, говорятъ, человекъ.

— Ну это... особенно если довѣренность будетъ полная и при такомъ большомъ имѣніи, дѣло не совсемъ безопасное.

— Очень можетъ быть, даже опасное! Mais que

devons nous faire, nous autres femmes, если мы въ этомъ ничего не понимаемъ!

— Въ такомъ случаѣ не повременить ли вамъ немножко, и не поручите ли вы мнѣ предварительно пересмотрѣть ваши дѣла?—проговорилъ баронъ.

— Ахъ, пожалуйста! — воскликнула Анна Юрьевна, и такимъ образомъ вмѣсто нотаріуса они проѣхали къ Сіу, выпили тамъ шоколаду и потомъ заѣхали опять въ домъ къ Аннѣ Юрьевнѣ, гдѣ она и передала всѣ бумаги барону. Она, кажется, начала ужь понимать, что онъ ухаживаетъ за ней немножко. Баронъ два дня и двѣ noci сидѣлъ надъ этими бумагами и изъ нихъ увидѣлъ, что всѣ дѣла у Анны Юрьевны хотъ и были запущены, но все пустыя, тѣмъ не менѣе, однако, придя къ ней, онъ принялъ серьезный видъ и даже нѣсколько мрачнымъ голосомъ объяснилъ ей:

— У васъ дѣлъ очень много, такъ что желательно было бы, чтобы ими занялся человекъ преданный вамъ.

— Но эти адвокаты, говорятъ, очень честны!... Il songent à leur renommée!—сказала на это ему Анна Юрьевна.

— На всегда!—возразилъ ей баронъ:—честность господъ адвокатовъ, сколько я слышалъ, далеко не совпадаетъ съ ихъ извѣстностью!

— Вы думаете? Но къ кому же я въ такомъ случаѣ обратиться должна? — воскликнула Анна Юрьевна.

— Позвольте мнѣ, хотъ, можетъ быть, это и не совсѣмъ принято, предложить вамъ себя,—началъ баронъ, нѣсколько запинаясь и конфузясь:—я службой и

петербургскимъ климатомъ очень разстроилъ мое здоровье, а потому хочу годъ или два отдохнуть и прожить даже въ Москвѣ; но, привыкнувъ къ дѣятельной жизни, очень радъ буду чѣмъ-нибудь занять себя и немножко ажитировать.

— Mille remerciements!—воскликнула Анна Юрьевна, до души обрадованная такимъ предложеніемъ барона, потому что считала его безусловно честнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ, по своему служебному положенію, все-таки принадлежалъ въ ихъ кругу, а между тѣмъ всѣ эти адвокаты, Богъ еще вѣдаетъ, какого сорта господа.—Во всякомъ случаѣ *permettez-moi de vous offrir des émoluments*,—прибавила она.

Баронъ при этомъ покраснѣлъ.

— Я самъ имѣю совершенно обезпеченное состояніе и желаю вашими дѣлами заняться *ad libitum*, — проговорилъ онъ. Состоянія у барона собственно никакого не было, кромѣ двухъ, трехъ тысячъ, которыя онъ скопилъ отъ огромныхъ денежныхъ наградъ, каждагодно ему выхлопатываемыхъ Михайломъ Борисовичемъ.

— Но какъ же это такъ?... — произнесла Анна Юрьевна, конфузясь въ свою очередь.

— Я васъ буду настоятельно просить объ этомъ!—сказалъ баронъ рѣшительно.

Анна Юрьевна на это ничего не отвѣчала и пожала только плечамъ; она, впрочемъ, рѣшила въ головѣ черезъ мѣсяцъ же сдѣлать барону такой подарокъ, который былъ бы побогаче всякаго жалованья.

Сдѣлавшись такимъ образомъ *l'homme d'affaire* Анны Юрьевны, баронъ почти каждый день сталъ

бывать у ней; разъ, когда они катались вдвоемъ въ кабріолетъ, она спросила его:

— Вы, переѣхавъ съ дачи, у князя будете жить?

— Не знаю,—отвѣчалъ протяжно баронъ,—мнѣ бы очень не хотѣлось!... Думаю пріискать себѣ гдѣ-нибудь квартиру.

Анна Юрьевна нѣкоторое время какъ бы недоумѣвала или конфузилась.

— Возьмите у меня низъ дома,—сказала наконецъ она, и при этомъ какъ-то не смотрѣла на барона, а глядѣла въ сторону.

— Но мнѣ съ мебелью нужна квартира! —возразилъ баронъ, какъ бы не зная, что у Анны Юрьевны весь домъ биткомъ набитъ былъ мебелью.

— У меня тамъ мебель есть, —отвѣчала Анна Юрьевна:—но только одно: *je n'accepte point d'argent*, такъ какъ вы не удостоиваете меня чести брать ихъ за мои дѣла.

— Въ этомъ случаѣ, какъ вамъ угодно,—согласился баронъ.

— И потомъ, я буду просить васъ не держать повара; мой столъ будетъ всегда къ вашимъ услугамъ.

— Очень благодаренъ!—согласился и на это баронъ.—Вашъ обѣдъ такъ заманчивъ, что его можно предпочесть всѣмъ на свѣтѣ обѣдамъ,—присовокупилъ онъ.

— Вы находите..?!—спросила Анна Юрьевна и сильно ударила возжами по лошади, которая быстро ихъ понесла.

Когда они потомъ стали возвращаться съ своей прогулки, Анна Юрьевна снова заговорила объ этомъ предметѣ.

— Тутъ конечно,—начала она, дѣлая гримасу и какъ бы все вниманіе свое устремляя на лошадь:— по поводу того, что вы будете жить въ одномъ домѣ со мной, пойдутъ въ Москвѣ разные толки, но я ихъ нисколько не боюсь.

— А я еще и меньше того!—подтвердилъ баронъ, но передать своимъ хозяевамъ о переѣздѣ къ Аннѣ Юрьевнѣ онъ, какъ мы видѣли, едва только рѣшился за послѣднимъ обѣдомъ на дачѣ, а когда перебрались въ городъ, такъ и совсѣмъ перестали бывать у Григоровыхъ. Извѣстія объ немъ княгиня получала отъ одной лишь госпожи Петлицкой, которая посѣщала ее довольно часто и всякій почти разъ съ какимъ-то тихимъ азартомъ рассказывала ей, что она то тутъ, то тамъ встрѣчаетъ барона на лошадяхъ Анны Юрьевны. Чтобъ объяснить все эти послѣдніе поступки барона, я, по необходимости, долженъ буду спуститься въ самый глубокой тайникъ его задушевейшихъ мыслей: баронъ вышелъ изъ школы и поступилъ на службу въ періодъ самаго сильнаго развитія у насъ бюрократизма. Для этого рода дѣятельности баронъ какъ-будто былъ рожденъ: аккуратный до мельчайшихъ подробностей, способный, не уставая, по 15 часовъ въ сутки работать, умѣвшій складно и толково написать бумагу, благообразный изъ себя и, наконецъ, искательный передъ начальствомъ, онъ, по духу того времени, Богъ знаетъ до какихъ высокихъ должностей дослужился бы и ужъ въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и звѣздоносцемъ, какъ вдругъ въ службѣ повѣяло чѣмъ-то, хоть и безтолковымъ, но

новымъ: стали нужны составители проектов!.. Баронъ очень хорошо понималъ, что составлять подобныя проекты такой же вздоръ, какъ и писать краснорѣчивыя канцелярскія бумаги; но только онъ не умѣлъ этого дѣлать, съ юныхъ лѣтъ не привыкъ къ тому, и вслѣдствіе этого для него ясно было, что на болѣе высокія должности проползуть вотъ эти именно составители проектовъ, а онъ при нихъ—самое большое, что останется чернорабочимъ. Все это страшно грызло барона, и онъ еще при жизни Михайла Борисовича хлопоталъ, чтобы какъ-нибудь проскочить въ сенаторы, и тотъ обѣщалъ ему это устроить, но не успѣлъ и умеръ, а преемникъ его и совсѣмъ сталъ тѣснить барона изъ службы. Только нѣмецкій закалъ характера и надежда на свою ловкость дали барону силы не пасть духомъ, и онъ вознамѣрился пока съѣздить въ Москву, отдохнуть тамъ и пріискать себѣ, если это возможно будетъ, какую-нибудь выгодную для женитьбы партію.

Баронъ въ этомъ случаѣ, благодаря своему петербургскому высокому чину, полагалъ, что стоитъ ему только показаться въ Москвѣ въ своихъ модныхъ пиджакахъ, съ дорогой своей тросточкой и если при этомъ узнается, что онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ станиславской звѣзды, то всѣ московскія невѣсты сами побѣгутъ за нимъ; но вышло такъ, что на всѣ эти качества никто не счелъ за нужное хоть бы малѣйшее обратить вниманіе. Принявъ этотъ новый ударъ судьбы съ стоическимъ спокойствіемъ и ухаживая отъ нечего дѣлать за княгиней, баронъ мысленно рѣшился снова возвратиться въ Петербургъ и приняться съ полнѣйшимъ само-

отверженіемъ тереться по пріемнымъ и переднимъ разнымъ вліательныхъ лицъ; но, на этомъ распутіи своемъ, онъ, сверхъ всякаго ожиданія, обрѣтаетъ Анну Юрьевну, которая, въ послѣднія свои свиданія съ нимъ, какъ-то всей своей наружностью, каждымъ движеніемъ своимъ давала ему чувствовать, что она его, или другаго, онъ хорошенько не зналъ этого, но желаетъ полюбить. Всѣ прежніе планы въ головѣ барона мгновенно измѣнились, и онъ прежде всего вознамѣрился снискать расположеніе Анны Юрьевны, а потомъ просить ея руки и сердца; она передъ тѣмъ только получила извѣстіе изъ-за границы, что мужъ ея умеръ тамъ.

— Теперь вамъ надобно замужъ выходить! — сказалъ ей баронъ по этому поводу.

— Низачто на свѣтѣ, низачто! Чтобы связать себя съ кѣмъ-нибудь—никогда!...—воскликнула Анна Юрьевна и такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что баронъ сразу понялъ, что она въ самомъ дѣлѣ искренно не желаетъ ни за кого выйти замужъ, но чтобы она не хотѣла вступить съ нимъ въ какія-либо другія, не столь прочныя отношенія,—это было для него еще подъ сомнѣніемъ.

Ухаживать за женщинами, какъ мы уже видѣли, баронъ былъ не мастеръ: онъ всегда ихъ расположеніе пріобрѣталъ деньгами, а не рѣчамп, и потому привыкъ обращаться съ ними черезчуръ нахально и дерзко. Такой пріемъ, разумѣется, всякую другую женщину могъ бы только оттолкнуть, заставить быть осторожною, что и происходило у него постоянно съ княгиней Григоровой, но съ Анной Юрьевной такая тактика вышла хороша: она сама

въ жизнь свою такъ много слышала всякаго рода отдаленныхъ и сантиментальныхъ разговоровъ, что они ей сильно опротивѣли, и такимъ образомъ, поселясь по переѣздѣ въ городъ въ одномъ домѣ и видаясь каждый день, Анна Юрьевна и баронъ стали какъ-то играть между собой и шалить, словно маленькія дѣти.

Въ одинъ, на примѣръ, изъ сентябрьскихъ дней, которые часто въ Москвѣ бываютъ гораздо лучше юньскихъ, баронъ и Анна Юрьевна гуляли въ ея огромномъ городскомъ саду по довольно уединенной и длинной аллеѣ. Баронъ сломалъ вѣтку и сталъ ею щекотать себѣ около уха и шеи.

— Что вы это дѣлаете? — спросила Анна Юрьевна, устремляя на него смѣющійся взоръ.

— Щекочу себя!... ужасно щекотно, — отвѣчалъ баронъ: — посмотрите! — прибавилъ онъ и пощекоталъ у Анны Юрьевны шею.

Та при этомъ съежилась всѣмъ станомъ.

— Ни, ни, ни! Не смѣйте больше! — проговорила она; но баронъ еще разъ ее пощекоталъ.

— Voilà pour vous!... — вскрикнула Анна Юрьевна и, сломивъ вѣтку, хотѣла ударить ею барона; но тотъ побѣжалъ отъ нея, Анна Юрьевна тоже побѣжала за нимъ и, едва догнавъ, ударила его по спинѣ, а затѣмъ сама опустилась отъ усталости на дерновую скамейку: отъ бѣгання она раскраснѣлась и была далеко не привлекательна собой. Баронъ, взглянувъ на нее, замѣтилъ это; но счелъ болѣе благоразумнымъ не давать развиваться въ себѣ этому чувству.

— Велите мнѣ дать воды, мнѣ ужасно жарко!— сказала Анна Юрьевна.

Баронъ пошелъ и самъ ей принесъ полный стаканъ съ водою, изъ котораго Анна Юрьевна, отпивъ до половины, не проглотила воду, а брызнула ею на барона.

— А, такъ и я на васъ брызну! — воскликнулъ онъ и, схвативъ стаканъ, тоже набралъ изъ него воды. Тогда Анна Юрьевна ужъ побѣжала отъ него, но онъ, однако, въ кабинетъ догналъ ее.

— Ну, Богъ съ вами, брызгайте, пожалуй! — вскричала она, снова утомившись и падая на длинное кресло.

Баронъ хотѣлъ на нее брызнуть, но не могъ и захохоталъ при этомъ во все горло.

— Нѣтъ, не могу; я проглотилъ воду!— сказалъ онъ, продолжая хохотать.

— Стиксовали, значитъ! — проговорила Анна Юрьевна.

— Да, стиксоваль. А вы знаете это выраженіе?— спросилъ ее баронъ.

— Еще бы!—отвѣчала Анна Юрьевна.

Другой разъ, это было послѣ обѣда, за которымъ баронъ выпилъ весьма значительное количество портеру, они сидѣли, по обыкновенію, въ будуарѣ.

— Хороша ли у меня ботинка?—спросила Анна Юрьевна, протягивая къ нему свою ногу, обутую, въ самомъ дѣлѣ, въ весьма красивую ботинку.

— А хорошъ ли у меня сапогъ? — отвѣчалъ ей на это баронъ, подставляя свою ногу подъ ногу Анны Юрьевны и приподнимая ту немного отъ пола.

— Не смѣйте такъ дѣлать! — прикрикнула ужь на него Анна Юрьевна.

Это занятіе ихъ, впрочемъ, было прервано приходомъ лакея, который сталъ зажигать лампы и такимъ образомъ сдѣлалъ будуаръ не столь удобнымъ для подобнаго рода сценъ.

Наконецъ однажды вечеромъ баронъ и Анна Юрьевна разговорились о силѣ:

— Я очень сильна,—сказала Анна Юрьевна.

— И я очень силенъ!—подхватилъ, не желая ей уступить, баронъ.

— Въ рукахъ я не меньше вашего сильна! — подхватила Анна Юрьевна.

— Не думаю—помѣряйтесь.

— *En bien essayons!*...—согласилась Анна Юрьевна, и они, вставъ и взявъ другъ друга за руки, стали ихъ ломать, причемъ Анна Юрьевна старалась заставить барона преклониться передъ собой, а онъ ее, и, разумѣется, заставилъ, такъ что она почти упала передъ нимъ на колѣни.

На другой день послѣ этого вечера баронъ, сидя въ своемъ нарядномъ кабинетѣ, писалъ въ Петербургъ письмо къ одному изъ бывшихъ своихъ подчиненныхъ:

«Почтеннѣйшій Клавдій Семенычъ!»

«Потрудитесь передать прилагаемое при семъ прошеніе мое объ отставкѣ по принадлежности и попросите объ одномъ, чтобы уволили меня поскорѣй изъ-подъ своего начальствованія. Въ настоящее время я остаюсь пока въ Москвѣ. Этотъ городъ,

исполненный русской старины, рѣшительно привлекаетъ мое вниманіе. Вы знаете всегдашнюю мою слабость къ историческимъ занятіямъ (баронъ дѣйствительно, еще служа въ Петербургѣ, весьма часто говорилъ подчиненнымъ своимъ, что онъ очень любитъ исторію, и что, будто бы даже пишетъ что-то такое о ливонскихъ рыцаряхъ), но гдѣ же, какъ не въ праматери русской исторіи, это дѣлать? Карамзинъ писалъ свою великую исторію въ Свибловѣ, гдѣ я почти каждый день бывалъ нынѣшнимъ лѣтомъ!»

Перечитавъ все это, баронъ даже улыбнулся, зачѣмъ это онъ написалъ объ исторіи; но переписывать письма ему не захотѣлось, и онъ только продолжалъ его нѣсколько поискреннѣе:

«Будущее лѣто я поѣду за границу, а потомъ вѣроятно и въ Петербургъ, но только не работать, а пожуировать». Баронъ непременно предполагалъ на слѣдующую зиму перетащить Анну Юрьевну въ Петербургъ, такъ какъ боялся, что онъ даже нынѣшнюю зиму умретъ со скуки въ праматери русской исторіи.

IV.

Разъ, часу въ первомъ дня, Анна Юрьевна сидѣла въ своемъ будуарѣ почти въ костюмѣ молодой: на ней былъ голубой капотъ, маленькій утренній чепчикъ; лицо ея было явно набѣлено и подрумянено. Анна Юрьевна, впрочемъ, и сама не скрывала этого и во всеуслышаніе говорила, что если бы не

было на свѣтѣ куаферовъ и косметиковъ, то женщинамъ ея лѣтъ на Божій свѣтъ нельзя бы было показываться. Баронъ тоже сидѣлъ съ ней; онъ былъ въ совершенно домашнемъ костюмѣ, безъ галстука, въ туфляхъ вмѣсто сапогъ и въ сѣрой, съ красными оторочками, жакеткѣ.

Лакей вошелъ и доложилъ:

— Николай Гаврилычъ Оглоблинъ!

Анна Юрьевна взглянула на барона.

— Принимать или нѣтъ?—проговорила она, какъ бы спрашивая его.

— Отчего не принимать? Примите!.. Дайте только мнѣ уйти,—отвѣчалъ баронъ и поднялся съ своего мѣста.

— Приси!—сказала Анна Юрьевна лакею.

Тотъ пошелъ.

Баронъ, между тѣмъ, ушелъ въ сосѣднюю комнату и оттуда, по особой винтовой лѣстницѣ, спустился внизъ.

Вошелъ Оглоблинъ: это былъ еще молодой человекъ съ завитой въ мелкіе, мелкіе барашки головой и съ выпуклыми глазами, тоже нѣсколько похожими на бараньи; губы и ноги у него были толстыя и мясистыя.

По происхожденію своему, Оглоблинъ былъ даже аристократичнѣе князя Григорова; родъ его съ материнской стороны, говорятъ, шелъ прямо отъ Рюрика; прапрадѣды отцовскіе были героями нѣсколькихъ битвъ, и только родитель его вышелъ немного плоховать; впрочемъ все-таки былъ сановникъ и слылъ очень богатымъ человекомъ; но самъ Николая Оглоблинъ оказывался совершенной дрянью и до

такой степени пользовался малымъ уваженіемъ въ обществѣ, что, не смотря на то, что ему было уже за тридцать лѣтъ, его до сихъ поръ еще называли monsieur Николая или даже просто Николая. Онъ обыкновенно цѣлые дни ѣздилъ въ моднѣйшемъ, но глупѣйшемъ фаэтонѣ по Москвѣ то съ визитами, то обѣдать къ кому-нибудь, то въ театръ, то на гулянье, и всюду, и вездѣ безумоужку болталъ и не то чтобы при этомъ что-нибудь выдумывалъ или ягалъ,—нисколько: умъ и воображеніе Николая были слишкомъ слабы для того, но онъ только, кстати ли это было или не кстати, рассказывалъ всѣмъ все, что онъ увидитъ или услышитъ.

За такого рода качества ему, разумѣется, не мало доставалось, такъ что отъ многихъ домовъ ему совсѣмъ отказали; товарищи не рѣдко говорили ему *дурака* и *подлеца*; но Николая не унимался и даже годъ отъ году все больше и больше начиналъ изливаться изъ себя то, что получалъ онъ изъ внѣшняго міра посредствомъ уха и глаза.

— А я, кухня, и не зналъ, что вы въ городѣ,—зарапортовалъ онъ сейчасъ же, какъ вошелъ, своимъ мясистымъ языкомъ, шлепая при этомъ своими губами и даже брызгая немного слюнями:—но вчера тамъ у отца собрались разные старички и говорятъ, что у васъ тамъ въ училищѣ актъ, что ли, былъ съ мѣсяцъ тому назадъ... былъ?..

— Былъ!.. Что же?—сказала ему Анна Юрьевна довольно суровымъ голосомъ.

— И тамъ архіерей, что ли, какой-то былъ!..

— Былъ и архіерей, — говорила Анна Юрьевна тѣмъ же суровымъ голосомъ.

— И что тамъ начальница училища какая-то есть... *mademoiselle* Жиглинская, что-ли...

— Есть, и что же?

— А то, что,—началь Оглоблинъ, и шепелявый языкъ его немного запнулся при этомъ:—будто бы архіерей...— я, ей-богу, передаю вамъ то, что другіе говорили,—спросилъ даже: дама она или дѣвица...

Слышали вы это?

— Нѣтъ, не слыхала.

— Спросилъ, говорятъ, и потомъ у себя, что ли, или тамъ въ какомъ-нибудь интимномъ кружкѣ своемъ и говорить: «что это, говорить, начальница въ училищѣ у Анны Юрьевны дѣвица и отчего же *elle est enceinte?*»

— *D'après quoi est-ce qu'il pense cela?*—воскликнула Анна Юрьевна, замѣтно обеспокоенная этимъ извѣстіемъ.

— *Je ne sais pas!* — отвѣчалъ Николая, пожимая плечами.

— Ну!.. *il se trompe!*.. *Elle n'est pas enceinte, mais elle est malade!*—говорила Анна Юрьевна, желая какъ-нибудь спасти Елену отъ подобной молвы.

— *C'est bien probable!*..—согласился и Николая:—но, вѣдь, вы знаете, наши старички, — продолжалъ онъ, брызгая во всѣ стороны слюнями:—разъехались, распѣтушились... «Въ женскомъ, говорятъ, заведеніи, начальница съ такой дурной нравственностью!.. Ее надобно, говорятъ, сейчасъ исключить!»..

Анна Юрьевна не на шутку при этомъ разсердилась.

— Дурная нравственность *passé encoire!*—начала она, дѣлая удареніе на каждомъ почти словѣ.—Огъ

дурной нравственности человекъ можетъ поправиться; но когда кто дуракъ и занимаетъ высокую должность, такъ тутъ ничѣмъ не поправишь и такого дурака надобно выгнать... Такъ вы это и скажите вашимъ старичкамъ, — понравится имъ это или нѣтъ.

Николя при этомъ самодовольнѣйшимъ образомъ захохоталъ.

— Ей-богу, сказалъ бы, да разсердятся только; отцу развѣскажу, — отшлепалъ онъ своимъ язычищемъ.

— Отцу скажи, онъ изъ такихъ же!

— Изъ такихъ же! — подтвердилъ и Никола, продолжая хохотать. — Такъ они еще говорили, — при-совокупилъ онъ болѣе уже серьезнымъ тономъ: — въ газетахъ даже есть статья о вашемъ училищѣ.

— Какая статья? — спросила Анна Юрьевна. Сама она никогда не читала никакихъ газетъ и даже чувствовала къ нимъ величайшее отвращеніе, вслѣдствіе того, что еще во время ея парижской жизни въ одной небольшой французской газеткѣ, самымъ скандальнымъ образомъ и съ ужасными прибавленіями, была рассказана вся ея біографія.

— Я потомъ отцу и говорю: «какая, я говорю, статья?» Онъ меня позвалъ въ кабинетъ и подалъ: «на, говорить, снеси завтра къ Аннѣ Юрьевнѣ!»

И вслѣдъ за тѣмъ Никола вынулъ изъ кармана номеръ газеты и подалъ его Аннѣ Юрьевнѣ. Та прочла статейку, и лицо ея снова запылало гнѣвомъ.

— Ахъ, какое негодяйство! — воскликнула она.

Статьейка газеты содержала слѣдующее: «Нигилизмъ начинаетъ проникать во всѣ слои нашего общества, и мы, признаться, съ замирающимъ сердцемъ и болѣе всего опасались, чтобы онъ не кос-

нулся наконецъ и до нашей педагогической среды; опасенія наши, къ сожалѣнiю, болѣе чѣмъ оправдались: въ одномъ женскомъ учебномъ заведенiи начальница его, дѣвица, до того простерла свободу своихъ нигилистическихъ воззрѣнiй, что обыкновенно прїѣзжаетъ въ училище и уѣзжаетъ изъ него по большей части съ своимъ обожателемъ».

Вѣсть объ этомъ въ редакцію сообщилъ Елпидифоръ Мартынычъ, который пользовалъ въ оной, и, разговорившись какъ-то тамъ о развращенiи современныхъ нравовъ, привелъ въ примѣръ тому Елену, которую онъ дѣйствительно встрѣтилъ разъ подъѣзжающею съ княземъ къ училищу, и когда его спросили, гдѣ это случилось, Елпидифоръ Мартынычъ сначала объяснилъ, что въ Москвѣ, а потомъ назвалъ и самое училище.

«Печатая это,—гласила статья далѣе,—мы надѣемся, что лица, поставленные блюсти за нравственность юныхъ воспитанницъ, для которыхъ такой примѣръ можетъ быть пагубенъ на всю ихъ жизнь, не преминутъ не медля же вырвать изъ педагогической нивы подобный плевель!»

— Вы господина, что издаетъ эту газету, знаете? — обратилась Анна Юрьевна къ своему гостю.

— Знаю-съ! — отвѣчалъ Никола.

— Ну, такъ передайте ему, что я презираю его мнѣнiемъ *et que je me moque de ses rasquinades* и учиться у него управлять моимъ училищемъ не буду!

— Хорошо-съ, передамъ! — сказалъ, опять засмѣявшись, Никола и очень, какъ видно, довольный такимъ порученiемъ: — у насъ послѣ того Катерина Семеновна была, — бухалъ онъ, не давая себѣ ни ма-

дѣйшаго отчета въ томъ, что онъ говоритъ и кому говоритъ. — «Что-жь, говорить, спрашивать съ маленькой начальницы, когда, говорить, старшая начальница то же самое дѣлаеть.»

— Это я, что-ли, то же самое дѣлаю?

— Да, вы; она ужасно васъ всегда бранить... У васъ вотъ тутъ внизу баронъ Мингеръ живетъ!— прибавилъ Никола, показывая на полъ.

— Живетъ!—подтвердила Анна Юрьевна.

— Катерина Семеновна говоритъ, что вы за него замужъ выходите.

— Выхожу, можетъ-быть... Ей-то что-жь до этого!... Завидно, что-ли?

— Должно быть, завидно, что ее никто не беретъ!—сказалъ Никола и снова захохоталъ своимъ глупымъ смѣхомъ. Наконецъ, выболтавъ все, что имѣлъ на душѣ, онъ сталъ прощаться съ кузиной.

— Мнѣ во многихъ еще мѣстахъ надобно побывать! — говорилъ онъ, протягивая ей свою жирную и пухлую руку.

По уходѣ его, Анна Юрьевна велѣла позвать къ себѣ барона.

Тотъ пришелъ.

— Дуралей этотъ Никола множество новостей мнѣ привезъ,—сказала она ему.

— Новостей?—спросилъ баронъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

— Да, и ужасно какого вздору: прежде всего, что я за васъ замужъ выхожу... разъ—враки.

— Враки...—повторилъ за нею протяжно баронъ.

— Потомъ ужъ газетная сплетня: статья тамъ есть про мое училище.

— Есть... читалъ...—произнесъ баронъ тѣмъ же протяжнымъ голосомъ.

— Что же вы мнѣ не сказали о ней?

Баронъ пожалъ плечами.

— Во-первыхъ, я полагалъ, что вы сами ее знаете и читали; а, во-вторыхъ, и спорить съ вами не хотѣлъ.

— Но въ чемъ вы спорить со мной тутъ думали?—спросила Анна Юрьевна.

— Въ томъ, что я съ этой статьей совершенно согласенъ: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, дѣвушекъ, подобныхъ Еленѣ, держать начальницами учебныхъ заведеній.

— А какъ же у васъ, у мужчинъ, дураки набитые занимаютъ высочія мѣста?

— И это очень не хорошо!—возразилъ ей баронъ.

— Хорошо или нѣтъ, они, однако, занимаютъ.

Баронъ еще и прежде того пробовалъ Аннѣ Юрьевнѣ дѣлать замѣчанія насчетъ Елены; но она всякій разъ останавливала его довольно рѣзко, что сдѣлала и теперь, какъ мы видимъ.

— Ваше дѣло-съ! — произнесъ онъ замѣтно недовольнымъ тономъ.

— Чисто мое, и ни до кого оно не касается!—сказала Анна Юрьевна; но въ эту самую минуту судьба какъ-бы хотѣла смирить ея гордость и показать ей, что это вовсе не ея исключительно дѣло, и что она въ немъ далеко не подновластна и всемогуща.

Вошелъ лакей и подаль ей пакетъ.

— Казенный-съ! — проговорилъ онъ какимъ-то прачнымъ голосомъ.

Анна Юрьевна, взглянувъ на адресъ, измѣнилась немного въ лицѣ и проворными руками распечатала письмо. Оно было, какъ и ожидала она, объ Еленѣ.

«Милостивая государыня, Анна Юрьевна!—писалось въ ней:—глубоко цѣня ваши просвѣщенные труды и заботы о воспитаніи русскихъ недостаточнаго состоянія дѣвицъ, я тѣмъ болѣе спѣшу сообщить вамъ, что начальница покровительствуемаго вами училища, дѣвица Жиглинская, по дошедшимъ о ней свѣдѣніямъ, самаго вреднаго направленія, и даже предосудительнаго, въ смыслѣ нравственности, поведенія, чему явнымъ доказательствомъ можетъ служить ея настоящее печальное состояніе. Будучи увѣренъ, что въ этомъ ослабленіи вами руководствовала единственно ваша доброта, я вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просилъ бы васъ сдѣлать немедленное распоряженіе объ удаленіи сказанной дѣвицы отъ занимаемой ею должности.»

Дочитавъ письмо, Анна Юрьевна сейчасъ передала его барону, который тоже прочелъ его и, грустно усмѣхнувшись, покачалъ головой.

— Печальная вещь, но которой, впрочемъ, надобно было ожидать,—проговорилъ онъ.

— *De la part des fous on peut s'attendre de tout!*—произнесла Анна Юрьевна.

Баронъ на это ей ничего не сказалъ.

— Что же вы, однако, намѣрены дѣлать?—спросилъ онъ ее потомъ, помолчавъ немного.

— Я сама не знаю!... Должна буду удалить ее; но я и сама послѣ этого выйду!... Дайте мнѣ перо и бумага, я сейчасъ же это и сдѣлаю.

Баронъ пододвинулъ то и другое Аннѣ Юрьевнѣ. Она сѣла и написала:

«По письму вашему я сдѣлаю распоряженіе и велю бѣдной дѣвушкѣ подать въ отставку. Какое непріятное чувство во мнѣ поселяетъ необходимость повиноваться вамъ, вы сами можете судить, а потому, чтобы не подвергать себя другой разъ подобной непріятности, я прошу и меня также уволить отъ должности: трудиться въ такомъ духѣ для общества, въ какомъ вы желаете, я не могу. Письмо мое, по принятому обычаю, я хотѣла было заключить, что остаюсь съ моимъ уваженіемъ, но никакъ не рѣшаюсь написать этихъ словъ, потому что они были бы очень не искренни.»

— Позвольте!.. позвольте!..—воскликнулъ баронъ, все время стоявшій за плечомъ у Анны Юрьевны и смотрѣвшій, что она пишетъ:—такъ писать нельзя, что вы въ концѣ приписываете.

— Отчего нельзя? — спросила настойчиво и капризно Анна Юрьевна.

— Оттого, что васъ подъ судъ отдадутъ за подобное письмо. Развѣ можно въ полуофициальномъ письмѣ написать, что вы кого бы то ни было не уважаете!

— Ну, что-жъ изъ того, что отдадутъ подъ судъ?.. Пускай отдають: съ меня взять нечего — я женщина!

— Это все равно; васъ все-таки будутъ таскать въ судъ къ отвѣтамъ и потомъ посадятъ, можетъ быть, на нѣсколько времени въ тюрьму.

Послѣдняго Анна Юрьевна немножко испугалась.

— Позвольте я вамъ продиктую,—подхватилъ ба-

ронъ, замѣтивъ нѣсколько испуганное ея настроеніе: — все, что вы желаете выразить, я скажу и только соблюду нѣкоторое приличіе.

— Ну, диктуйте, — согласилась Анна Юрьевна, сядя снова за письмо.

Баронъ ей продиктовалъ:

«Получивъ ваше почтеннѣйшее письмо, я не премину предложить бѣдной дѣвушкѣ выйти въ отставку, хоть, въ то же время, смѣю васъ завѣрить, что она болѣе несчастное существо, чѣмъ порочное. Усматривая изъ настоящаго случая, до какой степени я иначе понимала мою обязанность противъ того, какъ вы, вѣроятно, ожидали, я, къ великому моему сожалѣнію, должна просить васъ объ увольненіи меня отъ настоящей должности, потому что, поступаая такъ, какъ вы того желаете, я буду насиловать мою совѣсть, а дѣйствуя по собственному пониманію, конечно, буду не угодна вамъ».

— Вотъ видите, заключилъ баронъ, кончивъ диктовать письмо: — вышло ядомъ пропитано, но придраться не къ чему.

— Никакого тутъ яду нѣтъ. Не такъ бы къ этимъ господамъ слѣдовало писать! — возразила Анна Юрьевна съ неудовольствіемъ, однако написанное прежде ея письмо изорвала, а продиктованное барономъ запечатала и отправила. Баронъ вообще, день ото дня, все больше и больше начиналъ имѣть на нее вліяніе, и это, по преимуществу, происходило отъ того, что онъ казался Аннѣ Юрьевнѣ очень умнымъ человѣкомъ.

— *Escoutez, mon cher!* — обратилась она къ нему,

послѣ нѣкотораго раздумья: — князь Григоровъ не секретничаетъ съ вами объ Еленѣ?

— Нѣтъ, не секретничаетъ, — отвѣчалъ баронъ.

— Съѣздите къ нему, будьте такъ добры, и расскажите все это! — заключила Анна Юрьевна.

Баронъ сдѣлалъ гримасу: ему очень не хотѣлось ѣхать къ Григоровымъ, такъ какъ онъ предполагалъ, что они вѣроятно уже знали или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвали объ его отношеніяхъ къ Аннѣ Юрьевнѣ, а потому онъ долженъ былъ казаться имъ весьма некрасивымъ въ нравственномъ отношеніи, особенно княгинѣ, которую баронъ такъ еще недавно увѣрялъ въ своей неизмѣнной любви; а съ другой стороны, не угодить и Аннѣ Юрьевнѣ онъ считалъ какъ-то неудобнымъ.

— Пожалуйста, — повторила между тѣмъ та.

Баронъ, нечего дѣлать, поднялся и повѣхалъ, а черезъ какой-нибудь часъ вернулся и привезъ даже съ собой князя. Сей послѣдній не очень, повидимому, встревожился сообщеннымъ ему извѣстіемъ, что отчасти происходило отъ того, что все послѣднее время князь былъ хоть и не въ веселомъ, но зато въ какомъ-то спокойномъ и торжественномъ настроеніи духа: его каждоминутно занимала мысль, что скоро и очень скоро предстояло ему быть отцомъ. О, съ какимъ восторгомъ и упоеніемъ онъ готовъ былъ принять эту новую для себя обязанность!...

— Я радъ, съ своей стороны, что Елена не будетъ служить, — сказалъ онъ Аннѣ Юрьевнѣ.

— Но я зато не рада!... — возразила она. — Тутъ

они затронули меня!... Я сама должна черезъ это бросить мое мѣсто.

— И то отлично, что вы бросаете мѣсто!... Развѣ въ Россіи можно служить? — подхватилъ князь.

— Я также нахожу, что отлично винуть подобную должность,—подтвердилъ и баронъ. Ему давно хотѣлось навести какъ-нибудь Анну Юрьевну на эту мысль съ тѣмъ, чтобы удобнѣе было уговорить ее ѣхать сначала за-границу, а потомъ и совсѣмъ поселиться въ Петербургѣ.

Анна Юрьевна однако доводами своихъ кавалеровъ мало убѣдилась и оставалась разсерженною и взволнованною.

Князь послѣ того поѣхалъ сказать Еленѣ о постигшей ее участи и здѣсь встрѣтилъ то, чего никакъ не ожидалъ: дверь ему, по обыкновенію, открыла Мареуша, у которой на этотъ разъ носъ даже былъ распухшимъ отъ слезъ, а лѣвая щека была вся въ синякахъ.

— Дома Елена Николаевна? — спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ-съ, никакъ нѣтъ! — отвѣтила Мареуша, едва удерживаясь отъ рыданій.

— Но гдѣ же она? — спросилъ съ безпокойствомъ князь.

— Онѣ совсѣмъ отъ маменьки уѣхали-съ.

— Какъ совсѣмъ уѣхала? Куда уѣхала?

— Въ гостиницу Роше какую-то!... Дворникъ сейчасъ и платья ихнія повезъ туда за ними.

Князь понять ничего не могъ изъ всего этого.

— Что же она разсорилась, что ли, съ матерью? — спросилъ онъ.

— Не знаю-съ, — отвѣчала Мареуша, недоумѣвавшая, кажется, говорить ли ей правду или нѣтъ.

— А Елизавета Петровна гдѣ?—спросилъ князь.

— Онѣ дома-съ.

Какъ ни противно было князю каждый разъ встрѣчаться съ Елизаветой Петровной, но на этотъ разъ онъ самъ назвался на то, чтобы узнать отъ нея, что такое случилось.

— Поди, доложи, приметъ ли она меня?—сказалъ онъ Мареушѣ.

Та пошла.

— Пожалуйте, просятъ-съ, — сказала она, возвращаясь къ нему въ переднюю.

Князь пошелъ.

Елизавета Петровна приняла князя у себя въ спальнѣ и лежа даже въ постелѣ. Лицо у нея тоже было заплаканное и дышавшее гнѣвомъ.

— Что Елена-то Николаевна ваша надѣлала со мной!... — произнесла она тотчасъ же, какъ князь вошелъ.

— Что такое?—спросилъ тотъ.

Елизавета Петровна злобно усмѣхнулась.

— Разгнѣваться изволила... Эта сквернавка, недодяйка Мареутка, — чесался у ней языкъ-то, — донесла ей, что управляющій вашъ всего какъ-то раза два или три приходилъ ко мнѣ на дачу и приносилъ отъ васъ деньги, такъ зачѣмъ вотъ это, какъ я смѣла принимать ихъ!... и такихъ мнѣ дерзостей наговорила, такихъ, что я во всю жизнь свою ни отъ кого не слыхала ничего подобнаго.

Князь слушалъ Елизавету Петровну съ понуреной головой и съ недовольнымъ видомъ; ему,

видимо, казалось все это вздоромъ и бабьими дразгами.

— И все это по милости какой-нибудь мерзкой дѣвки.—продолжала, между тѣмъ, та, снова приходя въ сильный гнѣвъ. — Ну, и досталось же ей!... досталось!... будетъ съ нея...

Елизавета Петровна, въ самомъ дѣлѣ, передъ тѣмъ только била и таскала Мареушу за волосы по всѣмъ почти комнатамъ, такъ что сама даже утомилась и бросилась послѣ того на постель; а добродушная Мареуша полагала, что это такъ и быть должно, потому что очень считала себя виноватою, разстроивъ барыню съ барышней своей болтовней.

— Что жь, Елена Николаевна совсѣмъ отъ васъ уѣхала?—спросилъ князь Елизавету Петровну.

— Совсѣмъ!... Говорить, что не хочетъ, чтобы я ею торговала. Я пуще подбивала ее на это... Жаль, видно, стало куска хлѣба матери, и съ чѣмъ теперь я осталась?... Нищая совсѣмъ! Пока вотъ вы не стали помогать намъ, дня по два сидѣли не ѣвши въ нетопленныхъ комнатахъ, да еще жалованье ея тогда было у меня, а теперь что? Ужь какъ милостыни буду просить у васъ, не оставьте вы меня—несчастную!

Елизавета Петровна повернулась при этомъ на своей постели и спустила одну руку до самаго пола, какъ бы представляя, что она кланяется князю до земли.

— Будете вы обезпечены, — этимъ не тревожьтесь! — сказалъ ей тотъ съ досадою и собираясь уйти.

— А нынѣшній-то мѣсяць подучу ли, что прежде

получала? Онъ ужъ весь прошелъ!... — проговорила Елизавета Петровна кроткимъ голосомъ.

— Получите и за нынѣшній и за будущій, — отвѣчалъ ей князь, выходя въ залу и явно презрительнымъ тономъ. Сѣвъ въ карету, онъ велѣлъ, какъ можно проворнѣе, везти себя въ Роше-де-Жанкаль. Елена взяла тотъ же номеръ, гдѣ они обыкновенно всегда встрѣчались. При входѣ князя, она взмахнула только на него глазами, но не тронулась съ своего мѣста. За послѣднее время она очень похудѣла; подъ глазами у нея шли синіе круги; румянецъ былъ какой-то неровный.

— Прекрасно, отлично со мной вы поступали! — говорила она, подавая, впрочемъ князю руку, когда тотъ протянулъ свою.

— Что такое я поступалъ? — отвѣчалъ тотъ смѣясь.

— Ничего!... смѣшно это очень!... — продолжала искренно сердитымъ голосомъ Елена. — Хоть бы словомъ, хоть бы звукомъ намекнулъ мнѣ, что у нихъ тутъ происходитъ: хороша откровенность между нами существуетъ!

— Въ чемъ тутъ откровенности-то быть, — я даже не знаю!...

— Какъ вы не знаете? — воскликнула Елена: — вы знали, я думаю, что я всю честь мою, все самолюбіе мое ставила въ томъ, чтобы питаться своими трудами и ни отъ кого не зависѣть, и вдругъ оказывается, что вы перешепнулись съ милой маменькой моей и я содержанкой являюсь, никакъ не больше, самой чистѣйшей содержанкой!

— Содержанкой, выдумала что!... — произнесъ князь.

— Какъ же не содержанкой? Мать мнѣ сама призналась, что она получала отъ васъ нѣсколько мѣсяцевъ по триста рублей серебромъ каждый, и я надѣюсь, что деньги эти вы давали ей за меня и она, полагаю, знала, что это вы платите за меня!... Какъ же вы оба смѣли не сказать мнѣ о томъ?... Я не вещь неодушевленная, которую можно нанять и отдавать въ наемъ, не спрашивая даже ея согласія!

— Я единственно не сказалъ тебѣ потому, что этого не желала мать твоя.

— А вы развѣ не знали, что за существо мать моя?... развѣ я скрывала отъ васъ когда-нибудь ея милыя качества? Но, можетъ быть, вамъ ея взглядъ на вещи больше нравится, чѣмъ мой; вамъ тоже, можетъ быть, желалось бы не любить меня, а покупать только!...

— Я не погупалъ васъ, а дѣлился съ вами тѣмъ, чего у меня избытокъ: вы сами собственность считаете почти зломъ, отъ котораго каждому хорошо освободиться!

— Да-съ, прекрасно!... — возразила ему съ запальчивостью Елена: — это было бы очень хорошо, еслибы вы весь вашъ доходъ дѣлили между бѣдными, и я съ удовольствіемъ бы взяла изъ нихъ слѣдующую мнѣ часть; но быть въ этомъ случаѣ приятнымъ исключеніемъ я не желаю, и тѣмъ болѣе, что я нисколько не нуждалась въ вашихъ деньгахъ: я имѣла свои средства!

— Но ваши средства были такъ ничтожны, что

на нихъ нельзя было существовать. Елизавета Петровна мнѣ призналась, что до моей маленькой помощи вы не имѣли дровъ на что вкупить—обѣда порядочнаго изготовить, и если вамъ не жаль себя и вашего здоровья, такъ старуху вамъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ пощадить и сдѣлать для нея жизнь нѣсколько поспокойнѣе.

— Я нисколько не обязана эту старуху особенно успокаивать! — возразила Елена.

— Какъ не обязаны!... она вамъ мать! — воскликнулъ даже съ удивленіемъ князь.

— Чтожь такое мать! — отвѣчала, въ свою очередь, съ запальчивостью Елена.

Князь пожалъ на это плечами.

— То, что въ насъ есть чисто-инстинктивное и совершенно безсознательное чувство любви родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ! — возразилъ онъ ей.

— Да, родителей къ дѣтямъ — это такъ, и оно дано имъ природой въ смыслъ поддержанія рода, чтобы они берегли и лелѣяли своихъ птенцовъ; дѣти же обыкновенно, наоборотъ: какъ получать силы, въ нихъ сейчасъ является стремленіе улетѣть изъ роднаго гнѣзда. Конечно, есть родители, которые всѣхъ самихъ себя кладутъ въ воспитаніе дѣтей, въ ихъ будущее счастье, тѣ родители, разумѣется, заслуживаютъ благодарность отъ своихъ дѣтей; но моей матери никакъ нельзя приписать этого: въ дѣтствѣ меня гораздо больше любилъ отецъ, потому что меня веселилъ и наряжалъ совершенно посторонній человекъ и, наконецъ, воспитало и поучило благотворительное заведеніе.

Съ каждымъ словомъ Елены, князь становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Онъ совершенно соглашался, что она говоритъ правду, но все-таки ему тяжело было ее слушать.

— Вы, можетъ быть, дѣйствительно, — началъ онъ, не поднимая глазъ на Елену:— имѣете нѣкоторое право не заботиться очень много о вашей матери, но вы теперь должны ужь подумать о самой себѣ: вамъ самимъ будетъ не на что существовать!

— Почему же мнѣ не на что будетъ существовать? Я жалованье имѣю.

— То есть, имѣли!... Вотъ прочтите эту бумагу, которую прислали о васъ Аннѣ Юрьевнѣ, — проговорилъ князь и подалъ полученное Анной Юрьевной письмо, которое онъ, уѣзжая отъ нея, захватилъ съ собой.

Прочитавъ письмо, Елена страшно измѣнилась въ лицѣ. Князь никакъ не ожидалъ даже, чтобы это такъ сильно ее поразило.

— Что жь, развѣ Анна Юрьевна и выгонитъ меня по этому письму?—спросила она съ раздувшимися ноздрями и дрожащимъ немного голосомъ.

— Аннѣ Юрьевнѣ дѣлать больше нечего: она не можетъ не послушать даннаго ей приказанія, — отвѣчалъ неторопливо князь.

— Нѣтъ, этого нельзя!... этого не должно быть!...— возразила Елена. — Вы, князь, извольте хлопотать какъ угодно!... поднимите всѣ ваши аристократическія связи и отстойте меня!...

— Весьма радъ бы былъ, — сказалъ тотъ: — но тутъ ничего не подѣлаешь: вы прочтите, кѣмъ под-

писано письмо; этихъ господъ никакими связями не пересилишь!

— Поэтому я такъ и погибать должна? — спросила Елена.

— Но чѣмъ же погибать, другъ мой милый? Вдумайтесь вы хорошенько и поспокойнѣй въ ваше положеніе, — началъ князь сколь возможно убѣдительною голосомъ. — На что вамъ служба?... за чѣмъ она вамъ?... Неужели я по своимъ чувствамъ и по своимъ средствамъ, наконецъ, — у меня вѣдь, Елена, больше семидесяти тысячъ годового дохода, — неужели я не могу обезпечить васъ и вашу матушку.

— Я не хочу мсей матери обезпечивать — понимаете вы?... Я еще давеча сказала, что ей довольно мною торговать! Если вы хотите ей помогать, такъ лично для нея, но никакъ не для меня!... Чтобъ и имени моего тутъ не было!

— Прекрасно: я ей буду помогать лично для нея, но какъ же вы-то чѣмъ будете жить? Позвольте вы мнѣ вамъ предложить что-нибудь для вашего существованія?

— Теперь, конечно, давайте! Не съ голоду же умирать! — отвѣчала Елена, пожимая плечами. — Не думала я такъ повести жизнь, — продолжала она почти отчаяннымъ голосомъ: — и вы, по крайней мѣрѣ, — отнеслась она къ князю: — поменьше мнѣ давайте!... наймите мнѣ самую скромную квартиру — хоть этимъ отличиться немного отъ содержанки!

— Вы помѣшаны, Елена, ей-богу, помѣшаны! — сказалъ князь.

— Ну, да, разумеется, помѣшанная: думала всю жизнь сама собой просуществовать, а судьба-то и пристукнула: «врешь!... помни, что ты женщина! а негодяи-мужчины давнымъ-давно и всюду отняли у васъ эту возможность!...»

Князь ничего ей не возражалъ: его, по преимуществу, беспокоило то, что Елена, въ ея положеніи, волнуется и тревожится.

— Если я умру теперь, что весьма возможно, — продолжала она: — то знайте, что я унесла съ собой одно неудовлетворенное чувство, про которое еще Кочубей у Пушкина сказалъ: «есть третій кладъ — святая мечь, ее готовлюсь къ Богу снести!» Меня вотъ въ этомъ письмѣ, — говорила Елена, указывая на письмо къ Аннѣ Юрьевнѣ: — укоряютъ въ вредномъ направленіи; но каково бы ни было мое направленіе, худо ли, хорошо ли оно, я говорила о немъ всегда только съ людьми, которые и безъ меня такъ же думали, какъ я думаю; значить, я не пропагандировала моихъ убѣжденій!... Напротивъ того, въ этой дурацкой школѣ глупыхъ дѣвчонокъ заставляла всегда твердѣйшимъ образомъ учить катихизисъ и разныя священныя исторіи, внушала имъ страхъ и уваженіе ко всевозможнымъ начальническимъ физиономіямъ; но меня все-таки выгнали, вышвырнули изъ службы, а потому теперь ужъ извините: никакого другаго чувства у меня не будетъ къ моей родинѣ, кромѣ ненависти. Впрочемъ, я и по рожденію больше полячка, чѣмъ русская, и за все, что теперь будетъ клониться къ погибели и злу вашей дорогой Россіи, я буду хвататься, какъ за драгоценность, какъ за ароматъ какой-нибудь.

Князь продолжалъ оставаться нахмуреннымъ.

— Странная логика! — продолжалъ онъ: — вамъ одинъ какъ-то господинъ сдѣлалъ зло, а вы начинаете питать ненависть ко всей странѣ.

— Не одинъ этотъ господинъ, а вся страна такая отъ малаго и до большаго, отъ мужика и до министра!... И вы сами точно такой же!... И это чувство я передамъ съ молокомъ ребенку моему; пусть оно и его одушевляетъ и даетъ ему энергію дѣйствовать въ продолженіе всей его жизни.

— Но прежде, чѣмъ передавать ему такія убѣжденія, — возразилъ князь, видя, что Елена все больше и больше выходитъ изъ себя, — вамъ надобно позаботиться, чтобы здоровымъ родить его, а потому успокойтесь и не думайте о той непріятности, которую я имѣлъ глупость передать вамъ.

— Ахъ, да, дѣйствительно, — воскликнула Елена грустно-насмѣшливымъ голосомъ: — женщина прежде всего должна думать, что она самка, и что первая ея обязанность родить здоровыхъ дѣтей, здоровой грудью кормить ихъ, потомъ снова беременить и снова кормить: обязанность пріятная — нечего сказать!

— Зато самая естественная, не придуманная, — сказалъ князь.

— Конечно, конечно!... — соглашалась Елена тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ. — Непріятно въ этомъ случаѣ для женщинъ только то, что такъ какъ эти занятія самки имъ не даютъ времени заняться ничѣмъ другимъ, такъ мужчины и говорятъ имъ: «ты, матушка, шагу безъ насъ не смѣешь сдѣлать, а не то сейчасъ умрешь съ голоду со всѣми дѣтенышами твоими»!

— Но что же дѣлать съ тѣмъ, что женщины, а не мужчины родятъ, — это ужъ законъ природы, его же не преjdeши! — сказалъ князь смѣясь.

— Нѣтъ, преjдемъ, преjдемъ—извините!—повторяла настойчиво Елена.

— Но какъ и чѣмъ?—спросилъ князь.

— А тѣмъ, что родимъ ребенка, да и отдадимъ его въ общину!

— И вы въ состоянiи были бы теперь вашего ребенка отдать въ общину?

— Отчего же не отдать?... Не знаю, что я потомъ къ нему буду чувствовать, но, суди по теперешнимъ моимъ чувствамъ, кажется, отдала бы...—отвѣчала Елена, но какъ-то уже не такимъ рѣшительнымъ тономъ.

— Нѣтъ, не отдали бы!—возразилъ ей князь, и вскорѣ потомъ ушелъ отъ нея. Всю дорогу онъ прошелъ пѣшкомъ и былъ точно ошеломленный. Последнiй разговоръ его съ Еленой не то, что былъ для него какою-нибудь неожиданностью, — онъ и прежде еще того хорошо зналъ, что Елена такимъ образомъ думаетъ; наконецъ, самъ почти также думалъ, — но все-таки мнѣнiя ея какъ-то выворачивали у него всю душу, и при этомъ ему невольнo представлялась княгиня, какъ совершенная противоположность Еленѣ: та обыкновенно каждую недѣлю писала родителямъ длиннѣйшiя и почтительныя письма и каждое почти воскресенье одѣвалась въ одно изъ лучшихъ платьевъ своихъ и ѣхала въ церковь слушать проповѣдь; все это, пожалуй, было ему немножко смѣшно видѣть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отрадно.

V.

Миклаковъ, не смотря на то, что условился съ княгиней играть въ карты, не бывалъ однако у Григоровыхъ въ продолженіе всего того времени, пока они жили на дачѣ. Причина, его останавливавшая въ этомъ случаѣ, была очень проста: онъ находилъ, что у него нѣтъ приличнаго платья на то, чтобы явиться къ княгинѣ, и все это время занятъ былъ изготовленіемъ себѣ новаго туалета: недѣли три, по крайней мѣрѣ, у него ушло на то, что онъ обдумывалъ, какъ и гдѣ бы ему добыть на сей предметъ денегъ, такъ какъ жалованья онъ всего только получалъ сто рублей въ мѣсяцъ, которые проживалъ до послѣдней копейки; оставалось поэтому одно средство: заказать себѣ у какого-нибудь извѣстнаго портнаго платье въ долгъ; но Миклаковъ никогда и ни у кого ничего не занималъ. По нѣскольку разъ въ день онъ подходилъ къ нѣкоторымъ богатымъ магазинамъ портныхъ, всходилъ даже до половины лѣстницы къ нимъ и снова ворочался. Наконецъ, разъ, выпивъ предварительно въ Московскомъ трактирѣ рюмки три водки, онъ рѣшился и вошелъ въ магазинъ нѣкоего господина Майера. Подмастерье съ жидовскою фizioномією встрѣтилъ его.

— Могу я видѣть господина хозяина?—спросилъ Миклаковъ, краснѣя немного въ лицѣ.

— Господина хозяина?... — переспросилъ его съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ подмастерье.

— Да... Я желалъ бы съ нимъ переговорить объ

одной вещи, — сказалъ какъ-то неловко и сильно сконфузясь Миклаковъ.

— Ваша фамилія? — спросилъ подмастерье опять тѣмъ же тономъ недоумѣнія.

— Онъ меня не знаетъ: это все равно, скажу ли я мою фамилію или нѣтъ, — говорилъ Миклаковъ, окончательно сконфузясь.

Подмастерье нѣкоторое время недоумѣвалъ; онъ врядъ ли не начиналъ подозрѣвать въ Миклаковѣ мошенника, который хочетъ выслать его изъ комнаты, а самъ въ это время и стянеть что-нибудь.

— Генрихъ! — крикнулъ онъ наконецъ, какъ бы придумавъ нѣчто.

На этотъ зовъ изъ сосѣдней комнаты выскочилъ молодой человекъ въ самотоднѣйшихъ узкихъ штанахъ и тоже съ жидовскою физиономіей.

— Попросите сюда Адольфа Иваныча! — сказалъ ему подмастерье.

— А!... Адольфа Иваныча!... — крикнулъ юный Генрихъ и опять убѣжалъ въ сосѣдную комнату.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того появился и самъ Адольфъ Иванычъ, уже растолстѣвшій и краснощекій жидъ, съ довольнѣйшей физиономіей и съ какими-то масляными губами: онъ сейчасъ только изволилъ завтракать и былъ еще даже съ салфеткой въ рукахъ.

— Васъ спрашиваетъ вотъ этотъ господинъ! — сказалъ ему подмастерье, указывая рукой на Миклакова.

Адольфъ Иванычъ подошелъ къ тому и нѣсколько вопросительно склонилъ голову.

Миклаковъ началъ, немножко запинаясь, и былъ при этомъ не то, что ужъ красный, а какой-то багровый:

— Я вотъ видите-съ... служу бухгалтеромъ... жалованье получаю порядочное... и просилъ бы васъ... сдѣлать мнѣ въ долгъ... за поручительствомъ, разумѣется, казначея нашего... въ долгъ платье... съ разсрочкой на полгода, что-ли!...

— Платье?... Въ долгъ?... — повторилъ Адольфъ Иванычъ и неторопливо обтеръ себѣ при этомъ ротъ салфеткой. — Ваша фамилія? — прибавилъ онъ затѣмъ, какъ бы нѣсколько строгимъ голосомъ.

— Фамилія моя не княжеская и не графская, а просто Миклаковъ! — отвѣчалъ тотъ въ свою очередь тоже рѣзко.

Адольфъ Иванычъ открылъ при этомъ широко глаза.

— Господинъ Миклаковъ, авторъ такихъ прекрасныхъ разсужденій? — произнесъ онъ съ уваженіемъ и съ удивленіемъ.

— Тотъ самый-съ! — отвѣчалъ Миклаковъ, сильно этимъ ободренный.

— Но скажите, отъ чего же вы не пишете теперь? — спрашивалъ его Адольфъ Иванычъ.

— Да такъ!... Какъ-то разошелся со всѣми господами журналистами.

— Жаль!... Очень жаль!... Я еще въ молодости читалъ ваши сочиненія и увлекался ими: дѣйствительно, въ Россіи очень многое дурно и всѣмъ, кто умѣетъ писать, надобно-съ писать, потому что во всѣхъ сословіяхъ начинаютъ ужъ желать читать! Всѣ хотятъ хоть сколько-нибудь — просвѣтиться!...

Какое же вамъ платье угодно имѣть, почтеннѣйшій господинъ Миклаковъ? — заключилъ Адольфъ Ивановичъ съ какой-то почти нѣжностью.

— Да я и не знаю... — отвѣчалъ тотъ, пришедшій въ свою очередь тоже въ какое-то умиленное состояніе:—фрачную пару, что ли, сюртукъ потомъ... Пальто... брюки какіе-нибудь цвѣтныя.

— Прекрасно-съ!.. Безподобно!.. — повторялъ за нимъ Адольфъ Ивановичъ. — Снимите мѣрку!.. — при-совокупилъ онъ подмастерью, который, съ замѣтнымъ уже уваженіемъ къ Миклакову, сталъ исполнять это приказаніе.

— Мнѣ бы, знаете, и бѣлье надобно было сдѣлать, — говорилъ Миклаковъ, вытягивая, по требованью подмастерья, то руку, то ногу. — Нѣтъ ли у васъ знакомой мастерицы, которая бы мнѣ совершила это въ долгъ?

— Да мы же вамъ и сдѣлаемъ, — что вамъ хлопотать!.. Отлично сдѣлаемъ!..—воскликнулъ Адольфъ Ивановичъ, и подмастерье, не ожидая отъ хозяина дальнѣйшихъ приказаній, снялъ съ Миклакова также мѣрку и для бѣлья.

— Нужно-съ въ Россіи просвѣщеніе, — нужно-съ!.. — толковалъ, между тѣмъ, Адольфъ Ивановичъ.

— А что будетъ стоить все мое платье и бѣлье?—спросилъ Миклаковъ, гораздо болѣе занятый своимъ туалетомъ, чѣмъ просвѣщеніемъ въ Россіи.

— Счетъ!.. — крикнулъ Адольфъ Ивановичъ подмастерью. — Тотъ сейчасъ же написалъ его и подаль Миклакову, у котораго, по прочтеніи этого счета, все лицо вытянулось: платье и бѣлье вышло на

шестьсотъ рублей; значитъ, ровно на половину его годичнаго жалованья.

— Немножко дорого!... — проговорилъ онъ негромкимъ голосомъ.

— Дорого-съ, очень дорого!... — согласился и Адольфъ Иванычъ; но уступить, кажется, не намѣренъ былъ ни копѣйки.

Миклаковъ, дѣлать нечего, рѣшился покориться необходимости, хотя очень хорошо понималъ, что потомъ ему не на что будетъ купить никакой книжки, ни подписаться въ библиотекѣ, и даже онъ лишится возможности выпивать ежедневно сквернѣйшаго, но въ то же время любимѣйшаго имъ, по привычкѣ, вина лисабонскаго, или, какъ онъ выражался, побесѣдовать вечеромъ съ доброй Лизой.

— Прикажете доставить вамъ удостовѣреніе отъ казначея?... — проговорилъ онъ Адольфу Иванычу.

— Ни, ни, ни!.. Не нужно-съ! Я господину Миклакову вѣрю гораздо болѣе, чѣмъ всѣмъ на свѣтѣ казначеямъ.

— Ну, благодарю!... — сказалъ Миклаковъ, протягивая Адольфу Иванычу руку, которую тотъ съ чувствомъ и дружески пожалъ, и когда наконецъ Миклаковъ совсѣмъ пошелъ изъ магазина, онъ нагналъ его на лѣстницѣ и почти на ухо шепнулъ ему:

— У меня братъ вотъ пріѣхалъ изъ-за границы!... Я сейчасъ съ нимъ и завтракалъ!.. Другъ задушевный Герцена былъ!... Всѣ мысли его зналъ.

— Вотъ какъ!.. — произнесъ Миклаковъ, чтобы что-нибудь сказать въ отвѣтъ.

— Да!... да!.. — повторилъ Адольфъ Иванычъ съ

важностью. — И онъ тоже совершенно со мной согласенъ, что въ Россіи нужнѣй всего просвѣщеніе. Русскій работникъ, напримѣръ, мужикъ русскій — онъ не глупъ, нѣтъ!... Онъ не просвѣщенъ!... Онъ только думаетъ, что если праздникъ, такъ онъ непременно долженъ быть пьянъ, а будь онъ просвѣщенъ, онъ зналъ бы, что праздникъ не для того, а чтобы человекъ отдохнулъ, — согласны вы съ этимъ?

— Конечно!...—согласился Миклаковъ. — И такъ до свиданья, monsieur Майеръ! — прибавилъ онъ затѣмъ поспѣшно.

— До свиданья, до свиданья! — сказалъ ему тотъ самымъ радушииѣйшимъ образомъ.

Какъ ни велико оказалъ одолженіе почтенный господинъ Майеръ Миклакову, но тотъ, выйдя отъ него, сейчасъ же разразился почти ругательствомъ.

«Скверно-съ, скверно не имѣть денегъ, — говорилъ онъ, пробираясь домой, — всякій лавочникъ, всякій торгошъ будетъ вамъ нести чушь, и вы ему должны улыбаться, потому что онъ меценатъ вашъ!»

Но, какъ бы ни было, однако, магазинъ Адольфа Иваныча съ этого дня сдѣлался предметомъ самаго тщательнаго вниманія для Миклакова: онъ чуть не каждый день заходилъ узнавать, что не нужно ли что-нибудь примѣрять на немъ, и когда наконецъ ему изготовлены были сюртучная пара и нѣсколько сорочекъ, то онъ, не медля, все это забралъ и какъ бы съ сокровищемъ какимъ пошелъ домой. Здѣсь онъ прежде всего написалъ княгинѣ записку: «По разнаго рода дѣламъ моимъ, я не могъ до сего времени быть у васъ; но если вы позволите мнѣ сегодняш-

ній день явиться къ вамъ въ качествѣ вашего партнера, то я исполнилъ бы это съ величайшимъ удовольствіемъ.»

Снести это посланіе Миклаковъ нарочно нанялъ мальчика изъ сосѣдней мелочной лавочки, который недолгъ принесть и отвѣтъ ему.

«Я рада буду васъ видѣть, и сегодня цѣлый день дома», писала ему княгиня.

Такое позволеніе, какъ видно, очень обрадовало Миклакова; онъ нѣсколько разъ и съ улыбкою на губахъ перечиталъ письмо княгини и часовъ съ семи принялся одѣваться: надѣвъ прежде всего бѣлую, крахмальную рубашку, онъ почувствовалъ какую-то свѣжесть во всемъ тѣлѣ; новый, черный сюртучекъ, благодаря шелковой подкладкѣ въ рукавахъ, необыкновенно свободно шмыгнулъ у него по рукамъ; даже самая грудь его, одѣтая уже не въ грязную, цвѣтную жилетку, а въ черную, изящно отороченную ленточкой, стала какъ бы дышать бѣльшимъ благородствомъ; словомъ, въ этомъ костюмѣ Миклаковъ помолодѣлъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять. Взавъ въ руки свое старое пальто и свернувъ немного на бокъ круглую шляпу, онъ, весело и напѣвая даже пѣсенку, пошелъ шагать по улицамъ московскимъ. У Григоровыхъ въ этотъ день, какъ нарочно, произошелъ цѣлый рядъ маленькихъ событій, которыя тѣмъ не менѣ имѣли вліяніе на судьбу описываемыхъ мною лицъ. Началось съ того, что съ самаго ранняго утра къ нимъ явилась госпожа Петицкая. Княгиня на этотъ разъ была болѣе обыкновеннаго въ откровенномъ настроеніи духа и между прочимъ рассказала своей прія-

тельницѣ, что у ней съ мужемъ чисто одни только дружественныя отношенія.

— Но какъ же это такъ, какъ такъ?—воскликнула госпожа Петицкая, исполненная удивленія.

— Но развѣ между нами могутъ существовать другія отношенія?—возразила ей, съ своей стороны, княгиня.

— Почему-жъ не могутъ?—спросила госпожа Петицкая голосомъ невиннѣйшаго младенца.

— Потому что онъ любить другую женщину,—отвѣчала княгиня спокойно и съ достоинствомъ.

— Ахъ, такъ вы это знаете?—воскликнула госпожа Петицкая опять-таки дѣтски-невиннымъ голосомъ.

— Онъ самъ мнѣ давно сказалъ объ этомъ!—отвѣчала княгиня съ прежнимъ достоинствомъ.

Госпожа Петицкая рѣшительно не знала какъ и держать себя: начать ли бранить князя или нѣтъ? Она впрочемъ слишкомъ не любила его, чтобы удержаться при подобномъ случаѣ.

— Все это очень хорошо!...—начала она, какъ-то скосивъ на сторону весь свой ротъ:—но тутъ я одного не могу понять: какимъ образомъ молоденькую, хорошенькую жену промѣнять на подобную цыганку, потому что mademoiselle Жиглинская, по моему, рѣшительно цыганка.

— Это ужъ его вамъ надобно спросить, а не меня!—отвѣчала ей съ горькой усмѣшкой княгиня.

Разговоръ этотъ ихъ былъ прерванъ полученнымъ письмомъ отъ Миклакова, прочитавъ которое княгиня сейчасъ же написала на него отвѣтъ, и обо всемъ этомъ тоже не сочла за нужное скрывать отъ госпожи Петицкой.

— А у меня сегодня вечеромъ гость будетъ! — сказала она ей.

— Кто такой? — спросила госпожа Петницкая съ любопытствомъ.

— Миклаковъ! — отвѣчала княгиня.

— Ну, не интересень!...

— Но онъ очень уменъ, говорятъ!

— Не думаю!... Что пьяница — это я слышала; во объ умъ его что-то никто не говоритъ!...

— Нѣтъ, онъ очень, говорятъ, уменъ! — повторила еще разъ княгиня.

Въ это время вошелъ лакей и доложилъ:

— Николай Гаврилычъ Оглоблинъ!

Княгиня сдѣлала при этомъ недовольную мину.

Monsieur Оглоблинъ приходился тоже кузеномъ и князю Григорову, который впрочемъ такъ строго и сурово обращался съ нимъ, что monsieur Николая почти не осмѣливался бывать у Григоровыхъ; но услышавъ послѣднее время въ домѣ у отца разговоръ объ Еленѣ, гдѣ между прочимъ пояснено было, что она любовница князя, и узнавъ потомъ, что ее выгнали даже за это изъ службы, Николая воспылавъ нестерпимымъ желаніемъ, что бы тамъ послѣ съ нимъ ни было, рассказать обо всемъ этомъ княгинѣ.

Подъѣхавъ къ дому Григоровыхъ, онъ не совсемъ былъ увѣренъ, что его примутъ, и его дѣйствительно не приняли бы; но за него заступилась госпожа Петницкая.

— Примите его, душенька! — воскликнула она: — я такъ много слышала объ этомъ господинѣ...

Княгиня послушалась ея и велѣла впустить Николаю.

Тотъ влетѣлъ расфранченный и блистающій удовольствіемъ.

— Анну-то Юрьевну... — началъ онъ отшлепывать сію же минуту своими толстыми губищами, — выгнали изъ службы!

— Какъ выгнали? — спросила княгиня почти испуганнымъ голосомъ.

Госпожа Петицкая свои, по обыкновенію, опущенные въ землю глаза приэтомъ приподняла и уставила на Оглоблина.

— Выгнали! — повторилъ Никола почему-то съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. — Тамъ у ней начальница училища была какая-то Жиглинская... Она дѣвушка, а очутилась въ положеніи дамы, а Анна Юрьевна все заступалась за нее, — ихъ обѣихъ и вытурили! Ха, ха, ха!

— Вотъ какъ, и Елену вытурили? — спросила госпожа Петицкая какъ бы больше княгиню.

— Не знаю, я не слыхала этого, — отвѣчала та съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Вытурили обѣихъ!... это, головой моей парирую, что вѣрно!... — выбивалъ язычищемъ своимъ Никола. — Къ намъ пріѣзжалъ Яковъ Семенычъ Перковъ — вы знаете Перкова?

— Да, немножко!... — отвѣчала княгиня.

— Онъ этакой святоша... житія архіереевъ все описываетъ, и говоритъ моей маман: «Аннѣ Юрьевнѣ, говорить, можно быть начальницей женскихъ заведеній только въ Японіи, а не въ христіанскомъ государствѣ».

— Почему же въ Японіи? — спросила княгиня невиннымъ голосомъ.

— Неужели вы не понимаете? — воскликнулъ Николая.

— Нѣтъ! — отвѣчала княгиня, смотря на него, попрежнему, съ недоумѣніемъ.

— Et vous aussi? — отнесся Николая къ Петицкой.

— Я немножко!... — отвѣчала та, слегка краснѣя: когда что касалось до какихъ-нибудь знаній, то госпожа Петицкая, не смотря на свою скромность, всегда признавалась, что она все знаетъ и все понимаетъ.

— Тамъ дѣвушекъ учать не въ пансіонахъ, а въ другихъ мѣстахъ!... — пояснилъ Николая и залился снова смѣхомъ.

Но княгиня, кажется, и тутъ ничего не поняла.

Госпожа же Петицкая, задержавъ при этомъ, по обыкновенію, дыханіе, окончательно покраснѣла.

— Яковъ Семенычъ, по моему, совершенно справедливо говоритъ, — отшлепывалъ Николая, побрызгивая слюнями во всѣ стороны: — дѣвушка эта сдѣлалась въ извѣстномъ положеніи: значитъ, она грѣшна противъ седьмой заповѣди — такъ?

На вопросъ этотъ обѣ дамы ему не отвѣчали.

— Значить, ее надобно наказать!... предать покаянію, заключить въ монастырь....

— Монастырей не достало бы, если бы всѣхъ за это такъ наказывали, — сказала княгиня, слегка усмѣхаясь.

— Нѣтъ, мало что не достало бы!... Тогда хуже бы вышло: стали бы скрывать это и убивать своихъ дѣтей! — проговорила госпожа Петицкая.

— Сдѣлайте милость: пусть убиваютъ, а ихъ за

это на каторгу будутъ ссылатъ! — расхорохорился Николая.

— Но почему же вы такъ строго судите?... Это почему? — отнеслась къ нему госпожа Петницкая: — неужели вы сами совершенно безгрѣшны?

— О, я совершенно безгрѣшенъ! — отвѣчалъ Николая и самодовольнымъ образомъ захохоталъ во все горло.

— Вы?... вы? — воскликнула госпожа Петницкая съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ и устремляя на Николаю пронизательный взглядъ.

— Да, я! — отвѣчалъ, продолжая смѣяться, Николая.

— Ну, я имѣю причины думать совсѣмъ другое! — возразила госпожа Петницкая.

— Вы имѣете? — спросилъ Николая. — Ахъ, это очень интересно! — воскликнулъ онъ и пересѣлъ рядомъ съ госпожею Петницкой.

Та при этомъ подобрала немножко платье съ той стороны, съ которой онъ сѣлъ, и даже вся поотодвинулась отъ него нѣсколько: она опасалась, чтобы Николая, разговаривая съ ней, не забрызгалъ ее слюнями.

— Что такое вы имѣете, что такое? — началъ онъ приставать къ ней, наклоняясь почти къ самому уху ея.

Госпожа Петницкая въ самомъ дѣлѣ знала про Николаю кой-какія подробности: года три тому назадъ, она жила на дачѣ въ Паркѣ, на одномъ дворѣ съ французенкой *mademoiselle* Пижонъ, тайною страстію *monsieur* Оглоблина, и при этомъ слышала, что онъ очень много тратитъ на нее денегъ. Кромѣ того,

госпожа Петидкая изъ своего верхняго окна очень хорошо могла смотрѣть въ окна къ mademoiselle Пижонъ, — у госпожи Петидкой была почти страсть заглядывать въ чужія окна!... При этомъ она видѣла, какъ Никола, для потѣхи mademoiselle Пижонъ, плясалъ въ одномъ бѣльѣ, какъ иногда стоялъ передъ ней на колѣняхъ, и при этомъ она была его по щекамъ; какъ въ нѣкоторыя ночи онъ являлся довольно поздно; но въ комнаты впускаемъ не былъ, а постоявъ только въ сѣняхъ, уѣзжалъ обратно.

— Наконецъ это неблагородно! — воскликнулъ Никола: — произнести человѣку обвиненіе и не сказать, въ чемъ оно состоитъ!...

Никола думалъ, что это онъ сказалъ очень умную, а главное, чрезвычайно современную фразу.

— А, такъ вы хотите, чтобы я назвала вамъ вашу тайну? — проговорила госпожа Петидкая немножко какъ бы и утрашающимъ голосомъ.

— Хочу, скажите! — отвѣчалъ ей на это смѣло Никола.

— Извольте, я вамъ напомню: Паркъ, Вазовскій переулокъ, третья дача на лѣвой сторонѣ.

— А!.. Ха, ха, ха! — захохоталъ Никола.

— Такъ вы, значить, смѣтаете теперь тому, что тамъ происходило? — спросила его госпожа Петидкая.

— Ха, ха, ха! — продолжалъ хохотать Никола: — но какъ вы это знаете?... вотъ что удивительно.

— Я все знаю, все знаю! — говорила госпожа Петидкая знаменательно.

— И когда-нибудь мнѣ это скажете? — говорилъ Никола съ разгорѣвшимися глазами.

— Не знаю, увижу, какъ вы будете стоять того!... — отвѣчала Петичкая.

Николя, по преимуществу, доволенъ былъ тѣмъ, что молодая и недурная собой женщина заговорила съ нимъ о любви; дамамъ его круга онъ до того казался гадокъ, что тѣ обыкновенно намеку себѣ не позволяли ему сдѣлать на это; но госпожа Петичкая въ этомъ случаѣ, видно, была менѣ ихъ брезглива.

— Но гдѣ же я съ вами буду встрѣчаться? — присовокупилъ Николя вполголоса.

— Да пріѣзжайте хоть сюда ужó вечеромъ!... Здѣсь будутъ кое-кто! отвѣчала ему госпожа Петичкая тоже вполголоса.

— А княгиня ничего?... Приметь? Впрочемъ я и безъ доклада войду!... А вы будете? — говорилъ Николя.

— Буду — непременно!

Николя послѣ этого поднялся съ своего мѣста.

— Adieu, кузина! — проговорилъ онъ, обращаясь къ княгинѣ.

— Adieu! отвѣчала ему та, какъ бы очень занятая своей работой и не поднявъ даже глазъ на него.

Николя уѣхалъ.

Князь послѣднее время впадался съ женой только во время обѣда, и когда они на этотъ разъ сошлись и сѣли за столъ, то княгиня и ему тоже объявила:

— А у меня сегодня будетъ твой пріятель Миклаковъ.

— И отлично!... Онъ славный господинъ! — прознесъ князь.

— Но только я ужасно его боюсь: онъ насмѣшникъ, должно быть, большой! — сказала княгиня.

— И насмѣшникъ не то что этакій веселый, а ядовитый! — подхватила госпожа Петицкая, неизвѣстно за что почти ненавидѣвшая Миклакова.

— Не свои ли вы качества приписываете ему? — сказалъ ей на это князь, начавшій послѣднее время, въ свою очередь, тоже почти ненавидѣть госпожу Петицкую.

Та при этомъ очень сконфузилась, покраснѣла и разобидѣлась.

— Благодарю покорно за подобное мнѣнiе обо мнѣ! — проговорила она.

— Почему-жь оно для васъ обидно?... Ядовитость не такое дурное качество, котораго бы люди могли стыдиться! — возразилъ ей князь.

— Да, но все-таки... — произнесла госпожа Петицкая и не докончила своей мысли.

— Все-таки подобныхъ вещей не говорить въ глаза! — пояснила за нее княгиня.

Князь отвѣтилъ на это небольшой гримасой и совершенно отвернулся отъ госпожи Петицкой.

— Миклаковъ вотъ какой человѣкъ, — заговорилъ онъ потомъ, явно обращаясь къ одной только женѣ: — въ молодости онъ обѣщалъ быть ученымъ, готовился быть оставленнымъ при университетѣ; но, на бѣду великую, въ одномъ барскомъ домѣ, гдѣ давалъ уроки, онъ встрѣтилъ дочь — дѣвушку смазливую и не глупую!... Онъ влюбился въ нее по уши; она отвѣчала ему тѣмъ же, давала ему даже тайныя свиданiя въ саду, а когда время приспѣло, такъ и вышла замужъ, за кого ей приличнѣе и нужнѣе было! Бѣдный Миклаковъ все тутъ потерялъ — всякое сердечное спокойствiе, вѣру въ людей, всю свою уни-

верситетскую карьеру и наконецъ способность заниматься, потому что съ ума сошелъ!

— Какъ съ ума сошелъ?... Не можетъ быть! — воскликнули въ одинъ голосъ княгиня и Петицкая.

— Такъ, сошелъ! — повторилъ князь: — а потому чловѣкъ, котораго постигали въ жизни подобныя событія, врядъ ли способенъ къ одной только ядовитости; а что онъ теперь обозлился на весь Божій міръ, такъ имѣетъ на то полное нравственное право!

Всю эту исторію любви Миклакова князь узналъ отъ Елены, отъ которой тотъ не скрывалъ ея. Самъ же Миклаковъ никогда прямо не говорилъ о томъ князю.

— Вотъ никакъ бы не предполагала, что Миклаковъ можетъ влюбиться до такой степени, — проговорила княгиня.

— И я тоже! — подхватила госпожа Петицкая.

— Мало ли кто чего не предполагаетъ, и женщины вообще очень дурно понимаютъ мужчинъ! — возразилъ князь.

— Точно также какъ и мужчины! — сказала ему на это госпожа Петицкая.

Но князь на это ея замѣчаніе не отвѣтилъ ни словомъ и, попрежнему, сидѣлъ, отвернувшись отъ нея. Между тѣмъ разсказъ его о Миклаковѣ перевернулъ въ головѣ княгини совершенно понятіе о семъ послѣднемъ: она все послѣ обѣда продумала, что какую прекрасную душу онъ долженъ имѣть, если способенъ былъ влюбиться до такой степени, и когда, наконецъ, вечеромъ Миклаковъ пришелъ, она встрѣтила его очень дружественно и, по свойствен-

ной женщинамъ наблюдательности, сейчасъ же замѣтила, что онъ одѣтъ почти франтомъ. Княгиня это было пріятно: предчувствіе говорило ей, что такъ щегольски Миклаковъ одѣлся для нея. Вскорѣ затѣмъ въ залъ раздались новые шаги: княгиня думала, что это князь, но въ гостинную явился Николая Оглоблянь. На лицѣ княгини явно выразилось удивленіе, а госпожа Петидкая, при его появленіи, немного потупилась. Николая замѣтилъ, кажется, не совсѣмъ пріятное выраженіе на лицѣ хозяйки.

— А я вамъ давеча, кухня,—началъ онъ,—забылъ сказать, что у отца скоро будетъ балъ!... Не забудьте объ этомъ и позаботьтесь о вашемъ туалетѣ: я нарочно заѣхалъ вамъ сказать о томъ.

Пріемъ этотъ Николая употреблялъ во всѣхъ домахъ, куда пріѣзжалъ не приглашенный.

— Не знаю, я врядъ ли буду у васъ на балѣ,— отвѣчала ему довольно сухо княгиня.

— Ну, нѣтъ, пріѣзжайте! — воскликнулъ Николая и поспѣшилъ затѣмъ усѣсться рядомъ съ госпожею Петидкой.

Княгиня же обратилась къ Миклакову.

— Вы желаете играть въ карты?

— Если вамъ угодно! — отвѣчалъ тотъ.

Княгиня повела его въ совершенно особое отдѣленіе гостиной, за трельяжемъ, увитымъ плющемъ и цвѣтами, и гдѣ заранѣе были приготовлены столъ, карты и свѣчи. Здѣсь они усѣлись играть. Миклаковъ вначалѣ сильно потрухивалъ проиграть, потому что у него въ карманѣ было всего только три рубля серебромъ; но, сыгравъ нѣсколько игръ, совершенно успокоился: княгиня играла какъ новорож-

денный младенецъ и даже, повидимому, нисколько не хлопотала играть получше. Ее главнымъ образомъ мучило желаніе заговорить съ Миклаковымъ поскорѣе объ его несчастной любви и сумашествіи.

— Скажите, — начала она, сильно конфузясь и краснѣя: — мнѣ мужъ про васъ говорилъ... только, вы, пожалуйста, не разсердитесь!... Я конечно глупо дѣлаю, что спрашиваю васъ, но мнѣ ужасно любопытно: правда ли?... Но нѣтъ, прежде вы лучше скажите мнѣ, что не разсердитесь на меня.

— Никогда и ни за что не разсержусь, — отвѣчалъ ей Миклаковъ. — Развѣ на ангела можно сердиться, — прибавилъ онъ, тасуя нѣсколько дрожащими руками карты.

— На ангела!... — повторила княгиня еще болѣе смущеннымъ голосомъ. — Мнѣ мужъ говорилъ, что вы разъ сходили съ ума отъ несчастной любви!

Миклаковъ очень хорошо понялъ, что такая рекомендація въ глазахъ княгини была для него не дурна.

— Цѣлый годъ былъ сумашедшій! — отвѣчалъ онъ ей просто и совершенно не рисующимся образомъ.

— Вотъ этакъ пріятно быть любимой! — проговорила княгиня.

— Но непріятно такъ любить, — возразилъ ей съ горькой усмѣшкой Миклаковъ.

Далѣе разговоръ на эту тему не продолжался. Миклаковъ сталъ молча играть въ карты и только повременамъ иногда слегка вздыхалъ, и княгиня каждый разъ уставляла на него при этомъ добрый взглядъ; наконецъ, она, какъ-бы собравшись со смѣ-

лостію и ставя при этомъ огромнѣйшій ремизъ, спросила его тихимъ голосомъ.

— Гдѣ жь теперь эта особа?

— Она давно ужь умерла, — отвѣчалъ ей Миклаковъ, попрежнему, просто.

Княгиня какъ-будто бы пріятно было это услышать.

Къ концу пультки, она, проигравъ рублей сорокъ, вспомнила вдругъ.

— Ахъ, monsieur Миклаковъ, вы, можетъ быть, ужинаете? — происнесла она.

— Ужинаю, если ужинъ есть, и не ужинаю, когда его нѣтъ!

— Онъ сейчасъ будетъ! — воскликнула княгиня и сама побѣжала хлопотать объ ужинѣ, который черезъ полчаса и былъ готовъ.

Monsieur Оглоблинъ, въ продолженіе всего вечера, не отошелъ отъ госпожи Петицкой, такъ что ей даже посмѣялась княгиня:

— Вы, кажется, новаго обожателя себѣ приобрѣли?

— Кажется!—отвѣчала Петицкая съ усмѣшкой и съ маленькой гримасой.

За ужиномъ Миклаковъ, по обыкновенію, выпилъ довольно много; но говорить что-либо лишнее остерегся и былъ только, какъ показалось княгинѣ, очень задумчивъ. При прощаньи, онъ у ней пожалъ крѣпко руку.

— Благодарю васъ за все, за все! — говорилъ онъ съ удареніемъ.

— Вы будете иногда приходить ко мнѣ? — спро-

сила на этотъ разъ княгиня сама, смотря на него своимъ добрымъ взглядомъ.

— Когда прикажете, хоть завтра же!

— Завтра приходите! — сказала ему княгиня.

— Хорошо! — отвѣчалъ Миклаковъ и ушелъ,

Николя, въ свою очередь, предложилъ госпожѣ Петичкой довести ее до дому: они тоже, должно быть, постолковались между собой нѣсколько и пустились въ нѣкоторыя откровенности: Николя, на примѣръ, узналъ, что госпожа Петичкая ни отъ кого не зависящая вдова; а она у него выпытала, что онъ съ mademoiselle Пижонъ покончилъ все, потому будто бы, что она ему надоѣла; но въ сущности, mademoiselle Пижонъ его бросила, и по этому поводу довольно откровенно говорила своимъ подругамъ, что подобнаго свинью нельзя къ себѣ долго пускать, какъ бы онъ ни велики платилъ за то деньги. Затѣмъ, госпожа Петичкая сдѣлала Николя такой вопросъ, что кого же онъ теперь любитъ? А онъ началъ ее съ божбой увѣрять, что никого!... Но госпожа Петичкая этому, разумѣется, не вѣрила. Тогда Николя ей объяснилъ, что онъ, пожалуй, теперь принадлежитъ всѣмъ женщинамъ и ни одной въ особенности, и этому госпожа Петичкая повѣрила. Похвавъ, дорогой, Николя самъ ужъ рассказалъ ей, что онъ имѣетъ своего личнаго, независимаго отъ отца, годоваго дохода двадцать тысячъ; госпожа Петичкая перевела при этомъ какъ-то особенно дыханіе. Когда наконецъ они подѣхали къ квартирѣ госпожи Петичкой, Николя прямо спросилъ ее, что въ какой день онъ можетъ застать ее дома!...

— Въ воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ, се-

реду, четвергъ, пятницу и субботу! — отвѣчала ему скороговоркой госпожа Петицкая.

— А если я не застаю васъ въ какой-нибудь день дома, что тогда съ вами сдѣлать? — сказалъ Никола, тоже, въ свою очередь, желая сострить.

— Тогда на другой день прїѣдете! — произнесла госпожа Петицкая, проворно соскакивая съ саней и скрываясь за калиткою своего дома.

Всѣ эти объясненія сильно взволновали Николая.

— Эка какая она — а? — говорилъ онъ — и толстыя губищи его какъ-то отвисли у него при этомъ.

VI.

Ссора съ матерью сильно разстроила Елену, такъ что, по переѣздѣ на новую квартиру, которую князь нанялъ ей не вдалекѣ отъ своего дома, она постоянно чувствовала себя не совсѣмъ здоровою, но скрывала это и не ложилась въ постель: она, по преимуществу, опасалась того, чтобы Елизавета Петровна, узнавъ объ ея болѣзни, не воспользовалась этимъ и не явилась къ ней подъ тѣмъ предлогомъ, что ей никто не можетъ запретить видѣть больную дочь. Кромѣ того, Елена не хотѣла беспокоить и князя, который, она видѣла, ужасно тревожится грядущимъ для нея кризисомъ: она даже думала, чтобы этотъ кризисъ прошелъ секретно для него, и ему уже сказать тогда, когда все будетъ кончено. Въ одну ночь, однако, князь вдругъ получилъ отъ Елены какимъ-то страннымъ почеркомъ

написанную записку: «Другъ мой, поспѣши ко мнѣ, я умираю, спасите хоть ребенка».

Князь, едва надѣвъ на себя кое-что, бросился къ ней. Онъ засталъ Елену, лежащую на постели, съ посинѣлымъ лицомъ и закатившимися глазами. Довольно нестарая еще акушерка суетилась и хлопотала около нея.

— Ну, вотъ теперь мнѣ легче будетъ умирать! — проговорила Елена, увидавъ князя и беря его за руку.

Вслѣдъ же затѣмъ его отозвала акушерка.

— Пошлите поскорѣй за докторомъ!... Я одна тутъ ничего не могу сдѣлать! — проговорила она.

Князь опять побѣжалъ домой, самъ разбудилъ кучера и послалъ его за знаменитымъ докторомъ; кучеръ возвратился и доложилъ, что знаменитый докторъ у другой больной. Князь, при этомъ извѣстїи, вырвалъ у себя цѣлую прядь волосъ изъ головы, послалъ еще за другимъ знаменитымъ докторомъ, но тотъ оказался самъ больнымъ. Князь былъ готовъ съ ума сойти, тѣмъ болѣе, что Елена почти съ голосу на голосъ кричала. Онъ зналъ ея терпѣливость и понималъ, каковы должны быть ея страданія. Среди такого отчаянїя, онъ вдругъ припомнилъ, какъ еще покойная мать его говорила ему, что ей въ родахъ очень помогъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Поѣзжай за Иллионскимъ! — крикнулъ онъ стоявшему въ дверяхъ кучеру.

Тотъ поскакалъ за Иллионскимъ.

Елпидифора Мартыныча разбудили и доложили ему, что его зовутъ отъ князя Григорова къ го-

спожь Жиглинской. Онъ уже слышалъ, что Елена больше не жила съ матерью, и понялъ такъ, что это, вѣроятно, что-нибудь насчетъ родовъ съ ней происходить. Первое его намѣреніе было не ѣхать и оставить этихъ господъ гордецовъ въ безпомощномъ состояніи; но мысль, что этимъ онъ можетъ возвратить себѣ практику въ знатномъ домѣ Григоровыхъ, превозмогла въ немъ это чувство.

Онъ поѣхалъ. Князь, увидавъ его, чуть не бросился ему на шею.

— Спасите, Бога ради, несчастную! — воскликнулъ онъ.

— Я помочь только могу, а не спасти; спасти ее можетъ одинъ только Богъ! — отвѣчалъ ему наставническимъ голосомъ Елпидифоръ Мартынычъ. — Войдя затѣмъ къ больной, онъ началъ ее довольно опытнымъ образомъ изслѣдовать; благодаря значительной силѣ въ рукахъ и большой смѣлости, Елпидифоръ Мартынычъ, какъ акушеръ, былъ, пожалуй, не дурной.

— Я ничего тутъ не вижу особенно опаснаго!.. — говорилъ онъ, продолжая мрачно смотрѣть на Елену.

— Можетъ быть, младенецъ очень великъ!.. — тихо и не смѣло ему замѣтила акушерка.

— Ну, да, врите больше!.. — возразилъ ей Елпидифоръ Мартынычъ и, взявъ Елену за руку, сталъ у нея пульсъ щупать, наклонивъ при этомъ даже голову, какъ бы за тѣмъ, чтобы лучше чувствовать біеніе артерій.

— Кромѣ слабости и упадка силъ рѣшительно ничего нѣтъ! — продолжалъ онъ, какъ-бы разсуждая самъ съ собой. Затѣмъ Елпидифоръ Мартынычъ,

отошедъ отъ Елены, осмотрѣлъ ее уже издали. — Ну, прежде всего надобно помолиться Богу! — заключилъ онъ и началъ молиться.

Акушерка, въ подражаніе ему, тоже стала молиться.

Князь смотрѣлъ на всю эту сцену, стоя прислонившись къ косяку и съ какимъ-то безсмысленнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Съ Елпидифора Мартыныча, между тѣмъ, катился уже холодный потъ; лицо у него было блѣдно: глаза горѣли какой-то рѣшимостью.

— Потрудитесь, моя милая, теперь всѣ, какіе у васъ есть, ковры и одвѣла послать на полъ, чтобъ сдѣлать его помягче, — сказалъ онъ менѣе суровымъ голосомъ стоявшей въ дверяхъ горничной.

Та принялась исполнять его приказанія. Елпидиѳоръ Мартынычъ мрачно и внимательно смотрѣлъ на ея труды.

— Зачѣмъ вы все это дѣлаете? — спросилъ его наконецъ князь, какъ бы пришедшій нѣсколько въ себя.

— А вотъ за тѣмъ, чтобы вы ушли отсюда!... Ступайте!... Ступайте!... — сказалъ ему Елпидиѳоръ Мартынычъ и почти вытолкнулъ князя за дверь, которую за нимъ затворилъ и сверхъ того еще и заперъ. Князь, очутившись въ залѣ, сталъ однако съ напряженнымъ и какимъ-то трагическимъ вниманіемъ прислушиваться къ тому, что происходило за дверью.

— Ну-съ, теперь все готово, и отлично! — слышался ему голосъ Елпидиѳора Мартыныча. — Не угодно ли вамъ, милостивая государыня, привстать

и пройтись немножко! — присовокупилъ онъ, видимо относясь къ Еленѣ.

— Не могу!... не могу!... — простонала была та на первыхъ порахъ.

— Нѣтъ!... можете!... встаньте!... это необходимо—к-ха! — говорилъ, кашлянувъ слегка, Елпидифоръ Мартыничъ.

Когда Елена начала вставать, то къ ней, должно быть, подошла на помощь акушерка, потому что Елпидифоръ Мартыничъ явно что на ту крикнулъ: «не поддерживайте!... не ваше дѣло!...» и послѣ того онъ заговорилъ гораздо болѣе ласковымъ тономъ, обращаясь, конечно, къ Еленѣ: «ну вотъ такъ!... идите!... идите ко мнѣ!»

Елена вѣроятно подходила къ нему.

— К-ха!—кашлянулъ вдругъ страшнѣйшимъ образомъ Елпидифоръ Мартыничъ, а выѣтъ съ тѣмъ страшно вскрикнула и Елена. Князь толкнулся было въ дверь, но она не уступила его усиліямъ. Прошло нѣсколько страшныхъ, мучительныхъ мгновений... Князь стоялъ, уткнувшись головою въ дверь, у него все помутилось въ головѣ и въ глазахъ; только вдругъ онъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ: ему послышался ясно плачь ребенка... Князь опустился на стоявшее около него кресло; слезы невѣдомо для него самого потекли у него по щекамъ. «Боже, благодарю Тебя!» произнесъ онъ, скидывая глаза къ небу.

Долго-ли просидѣлъ князь въ такомъ положеніи, онъ самъ того не зналъ; наконецъ запертая дверь отворилась, и въ ней показался Елпидифоръ Мартыничъ.

— Ну что, благополучно? — спросил его трепещущимъ голосомъ князь и съ еще болѣе выступившими слезами на глазахъ.

— Все отличнѣйшимъ манеромъ!... Сына-съ вамъ подарила!... — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ какъ бы веселымъ голосомъ, хоть холодный потъ все еще продолжалъ у него выступать на лбу, такъ что онъ безпрестанно утиралъ его своимъ фуляровымъ платкомъ.

Князь въ радости своей не спросилъ даже Елпидифора Мартыныча, что такое собственно онъ сдѣлалъ съ Еленой, а между тѣмъ почтенный докторъ совершилъ надъ нею довольно смѣлую и рискованную вещь: онъ, когда Елена подошла къ нему, толкнулъ ее, что есть силы, въ грудь, такъ что она упала на полъ и тѣмъ поспособствовалъ ея природѣ!... Способъ этотъ Елпидифоръ Мартынычъ заимствовалъ у одной деревенской повитухи, которая всякій разъ и съ большимъ успѣхомъ употребляла его, когда родильницы трудно рожали. Самъ же Елпидифоръ Мартынычъ употребилъ его всего только другой разъ въ жизни: разъ въ молодости надъ одной солдаткой въ госпиталѣ, такъ какъ о тѣхъ не очень заботились, умирали ли онѣ или оставались живыми, и теперь надъ Еленой: здѣсь очень ужъ ему хотѣлось блеснуть искусствомъ въ глазахъ ея и князя! Довольный и торжествующій, онъ сѣлъ въ залѣ писать рецептъ, а князь потихоньку, на цыпочкахъ вошелъ въ спальню, гдѣ увидѣлъ, что Елена лежала на постели, вѣки у ней были опущены, и сама она была блѣдна, какъ мертвая. Князь не осмѣлился даже подойти къ ней и пробрался было въ сосѣднюю

комнату, чтобы взглянуть на сына; но и того ему акушерка на одно мгновение показала, такъ что онъ разсмотрѣлъ только красненькій носикъ малютки. Князь послѣ того, какъ бы не зная чѣмъ себя занять, снова возвратился въ залу и сѣлъ на прежнее свое мѣсто; онъ совершенно былъ какой-то растерянный: радость и ужасъ были написаны одновременно на лицѣ его. Елпидифоръ Мартынычъ, кончивъ писаніе рецепта, обратился къ нему.

— Вотъ-съ извольте все это взять въ аптеку и употреблять по назначенію; а завтра часовъ въ двѣнадцать я опять къ вамъ заѣду, — проговорилъ онъ; затѣмъ всталъ, отыскалъ свою шляпу и проворно пошелъ. Князь тутъ только вспомнилъ, что надобно было заплатить Елпидифору Мартынычу, и поспѣшилъ его догнать.

— Благодарю васъ,—говорилъ онъ:—суя ему въ руку пятьсотъ рублей серіями, которыя случились у него въ карманѣ.

— Не нужно-съ! не нужно! — отвѣтилъ вдругъ Елпидифоръ Мартынычъ, кинувъ быстрый взглядъ на деньги и отстраняя ихъ своей рукой отъ себя.— Я не изъ корысти спасалъ больную, а, прежде всего, по долгу врача, а потомъ и для того, чтобы вы оба устыдились и не на каждомъ бы перекресткѣ кричали, что я дуракъ и идиотъ; бываютъ обстоятельства, что и идиоты иногда понадобятся!

Говоря это, Елпидифоръ Мартынычъ блисталъ удовольствіемъ отъ мысли, что онъ могъ такъ великодушно и такъ благородно отомстить князю и Еленѣ. Первый же стоялъ передъ нимъ съ потупленнымъ и нахмуреннымъ лицомъ.

— Пожалуйста, возьмите!...—повторилъ онъ еще разъ, протягивая опять къ Елпидифору Мартынычу руку съ деньгами.

— Не возьмусь-съ! — отвѣчалъ тотъ, снова кинувъ какой-то огненный взоръ на деньги и надѣвая колоши. Черезъ минуту онъ хлопнулъ дверьми и скрылся совсѣмъ изъ глазъ князя.

За минуту такого торжества для Елпидифора Мартыныча вскорѣ послѣдовали и минуты раскаянія. Приѣхавъ домой, онъ легъ было въ постель, но заснуть не могъ, и вдругъ, раздумавшись, ужасне сталъ досадовать на себя, зачѣмъ онъ не взялъ отъ князя денегъ. «Вотъ дуракъ-то я!» — говорилъ онъ самъ съ собой, повертываясь съ одного бока на другой. «Вотъ дуралей-то!» — прибавлялъ онъ, повертываясь опять на прежній бокъ, и такимъ образомъ онъ промучился до самаго утра, или, лучше сказать, до двѣнадцати часовъ, когда могъ ѣхать къ Жиглинской, гдѣ ожидалъ встрѣтить князя, который, можетъ быть, снова предложитъ ему деньги; но князя онъ не нашелъ тамъ: тотъ былъ дома и отсыпался за проведенную безъ сна ночь. Елпидифоръ Мартынычъ надѣялся на слѣдующій день, по крайней мѣрѣ, встрѣтить князя и дѣйствительно встрѣтилъ его: князь былъ съ нимъ очень внимателенъ и любезенъ, но о деньгахъ ни слова; на слѣдующій день тоже,—и такимъ образомъ прошла цѣлая недѣля. Елпидифоръ Мартынычъ потерялъ всякое терпѣнье и разъ даже не выдержалъ и сказалъ агушеркѣ:

— А что, вамъ не платили еще ничего здѣсь?

— Нѣтъ, не платили, а что же?

— Да такъ; мнѣ тоже; я самъ, впрочемъ, имѣлъ глупость: тогда князь тотчасъ же послѣ родовъ предлагалъ мнѣ тысячу рублей, а я не взялъ! Какъ, думаю, брать въ такую минуту, — сами согласитесь!

— Конечно! — согласилась акушерка. — Но что же, все равно, онъ послѣ вамъ заплатитъ.

— Да, вѣдь, то-то послѣ заплатитъ — к-ха!... Какъ тоже онъ понялъ мои слова? Можетъ быть, онъ думаетъ, что я никогда не хочу съ него брать денегъ... Нельзя ли вамъ такъ этакъ, стороной, имъ сказать: «а что, молъ, платили ли вы доктору? — Пора, молъ, вездѣ ужъ по истеченіи такого времени платятъ!»

— Низачто, низачто! — воскликнула акушерка. — Они, пожалуй, подумаютъ, что этимъ я хочу о платѣ себѣ напомнить; низачто!

— Ну, глупо! Другой разъ васъ ни на какую практику съ собой не приглашу! — сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Пожалуй, не приглашайте! — сдѣлайте такое ваше одолженіе! — отвѣчала насмѣшливо акушерка.

Елпидифоръ Мартынычъ сталъ въ такое затруднительное положеніе касательно этихъ денегъ, что рѣшился даже посоветоваться съ Елизаветой Петровной и, собственно съ этой цѣлью, нарочно заѣхалъ къ ней.

— Поздравляю васъ со внукомъ! — сказалъ онъ, входя къ ней.

— Какъ, развѣ родила Леня? — воскликнула Елизавета Петровна, вспыхнувъ вся въ лицѣ: — того, чтобы даже ей не прислали сказать, когда дочь родитъ, она ужъ и не сжидала!

— Какъ же, родила съ недѣлю тому назадъ, пре-хорошенькаго мальчика!...

Елизавета Петровна на это молчала.

— Что-жь, вамъ надобно теперь ѣхать и позна-комиться со внукомъ! — продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Гдѣ ужъ мнѣ этакой чести дожидаться!... Я всю жизнь, можетъ быть, не увижу его!... И въ подворотню свою, чай, заглянуть теперь не пустятъ меня! — отвѣчала Елизавета Петровна, и ей нестерпимо захотѣлось хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть на внука.

— Нѣтъ, пустятъ! — успокоивалъ ее Елпидифоръ Мартынычъ.

— А я знаю, что не пустятъ! — возражала ему Елизавета Петровна, и слезы уже текли по ея желтымъ и поблекшимъ щекамъ.

— Да, вотъ дѣти-то!... Кабы они хоть немного понимали, сколько дороги они родительскому сердцу, — говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ размышляющимъ голосомъ. — Но вы все-таки съѣздите къ нимъ; примутъ ли они васъ или нѣтъ — это ихъ дѣло.

— Съѣзжу, исполню этотъ долгъ мой, — сказала Елизавета Петровна.

— Съѣздите!... — повторилъ еще разъ ей Елпидифоръ Мартынычъ: — ну, и спросите ихъ, — продолжалъ онъ, какъ-бы болѣе шутливымъ голосомъ: — «а что, молъ, кто у васъ лечитъ?» Они скажутъ, разумѣется, что я.

— А развѣ вы ее лечите?

— Я... На волоскѣ ея жизнь была... три дня она не разрѣшалась... Всѣхъ модныхъ докторовъ

объѣхали, никто ничего не могъ сдѣлать, а я, слава Богу, помогъ безъ ножа и безъ щипцовъ, — нынче вѣдь очень любятъ этимъ дѣйствовать, благо инструменты стали свѣтлые, вострые: рѣжь ими тѣло человеческое, какъ рѣпу.

— Что вы-то такое сдѣлали?—спросила его Елизавета Петровна.

— Такъ тутъ секретецъ одинъ,—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ уклончиво.

— Князь, чай, хорошо заплатилъ вамъ за это? —спросила Елизавета Петровна, заранѣе почти догадавшаяся, къ чему онъ ведетъ весь этотъ разговоръ.

— Да пока еще ничего! —отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, какъ-то стыдливо потупляя глаза свои. Тутъ маленькое недоразумѣнныце вышло... Когда все это благополучно кончилось, онъ вдругъ кидается ко мнѣ и предлагаетъ тысячу рублей...

— Тысячу же рублей однако? — перебила его Елизавета Петровна.

— Цѣлую тысячу,—повторилъ Елпидифоръ Мартынычъ, неизвѣстно какимъ образомъ сосчитавшій, сколько ему князь давалъ:—но я тутъ, понимаете, себя не помнилъ — к-ха!... весь исполненъ былъ молитвы и благодарности къ Богу — к-ха!... мнѣ даже, знаете, обидно это показалось: думаю, я спасъ жизнь—к-ха! двумъ существамъ, а мнѣ за это деньгами платять!... Какія сокровища могутъ вознаградить за то?!.. «Не надо, говорю, мнѣ ничего!»

— Вотъ ужъ это, по моему, глупо! — сказала Елизавета Петровна. — Съ бѣдныхъ не взять — другое дѣло, а съ богатыхъ — что ихъ жалѣть!

— Согласенъ, что такъ; но что же прикажете съ характеромъ своимъ дѣлать? Не надо, да не надо!... Проходитъ послѣ того день, другой, недѣля, а они все, можетъ быть, думаютъ, что мнѣ не надо, — такъ я на бобахъ и остался!

— И ништо вамъ, сами виноваты, — сказала ему Елизавета Петровна.

— Самъ, самъ!.. — согласился Елпидифоръ Мартынычъ. — Не пособиете ли вы мнѣ въ этомъ случаѣ?... Право, мнѣ становится это нѣсколько даже обидно... вотъ когда и нужно, — присовокупилъ онъ какимъ-то даже растроганнымъ голосомъ: — чтобы родители были при дѣтяхъ и наставляли ихъ, какъ они должны себя вести!

— Плохо ужъ нынѣшнихъ дѣтей наставлять! — воскликнула Елизавета Петровна.

— Плохо-то, плохо! Конечно, что на первыхъ порахъ слова родительскія имъ покажутся непріятными; ну, а потомъ, какъ обдумаются, такъ, можетъ быть, и сдѣлаютъ по ихнему; я, вы знаете, для васъ дѣлалъ, въ этомъ отношеніи, сколько только могъ, да и впередъ — к-ха!... что-нибудь сдѣлаю, — не откажитесь ужъ и вы, по пословицѣ: долгъ платежемъ красенъ!

— Сдѣлаю, скажу, если только примутъ меня! — отвѣчала Елизавета Петровна.

— Примутъ, примутъ! — повторилъ двоекратно Елпидифоръ Мартынычъ и, поѣхавъ отъ Елизаветы Петровны, готовъ былъ прибить себя отъ досады, что о деньгахъ, которыя были почти въ рукахъ его, онъ долженъ былъ теперь столько хлопотать. Почтенный докторъ, впрочемъ, совершенно понапрасну

безпокоился. Князь ~~пиль~~ намѣреніе поблагодарить его гораздо больше, чѣмъ самъ того ожидалъ Елпидифоръ Мартынычъ; кромѣ того, князь предположилъ возобновить ему годичную практику въ своемъ домѣ, съ тѣмъ только, чтобы онъ каждый день звѣждалъ и наблюдалъ за Еленой и за ребенкомъ. Послѣ помощи, оказанной Иллионскимъ Еленѣ, князь рѣшительно сталъ считать его недурнымъ докторомъ и не говорилъ ему о своихъ предположеніяхъ по тому только, что все это время, вмѣстѣ съ Еленой, онъ былъ занятъ гораздо болѣе важнымъ предметомъ.

— Какъ же мы назовемъ нашего пленца?—спросилъ онъ ее.

— Да хоть Николаемъ, въ честь моего отца, который былъ весьма, весьма порядочный человекъ!— отвѣчала она.

— Хорошо; но когда же мы крестить его будемъ?

Елена при этомъ вопросѣ молчала нѣкоторое время.

— Знаешь что, — начала она неторопливо и съ разстановкой:— если бы только возможно это было, такъ я желала бы лучше его совсѣмъ не крестить!

— Какъ не крестить? — воскликнулъ князь.

— Такъ, не крестить... Я и ты, разумѣется, нисколько не убѣждены въ томъ, что это необходимо; а потому, зачѣмъ же мы надъ собственнымъ ребенкомъ будемъ разыгрывать всю эту комедію.

— Какъ же, ты такъ-таки совсѣмъ и хочешь оставить его некрещенымъ? — спросилъ князь, все еще не могшій прийти въ себя отъ удивленія.

— Такъ, совсѣмъ некрещенымъ, — отвѣчала

Елена, какъ-бы ясно и опредѣленно обдумавшая этотъ предметъ.

— Но это, — началъ князь, все болѣе и болѣе теряясь: — по нашимъ даже русскимъ законамъ совершенно невозможно; ты этимъ подведешь подъ отвѣтственность и непріятности себя и ребенка!

— Вотъ въ томъ-то и дѣло; я никакъ не желаю, чтобы онъ жилъ подъ русскими законами..., Ты знаешь, я никогда и ни на что не просила у тебя денегъ; но тутъ ужь буду требовать, что какъ только подростетъ немного нашъ мальчикъ, то его отправить за границу, и пусть онъ будетъ лучше какимъ-нибудь кузнецомъ американскимъ или англійскимъ фермеромъ, но только не русскимъ.

— Но и тамъ все-таки нельзя быть некрещенымъ.

— Тамъ, то есть, въ Америкѣ, онъ можетъ приписаться къ какой хочетъ сектѣ, по собственному желанію и усмотрѣнію.

Князь, на первыхъ порахъ, почти ничего не нашелъ, что ей отвѣчать: въ томъ, что всякій честный человѣкъ, чего не признаетъ, или даже въ чемъ сомнѣвается, не долженъ разыгрывать комедій, онъ, пожалуй, былъ согласенъ съ Еленой: но, съ другой стороны, оставить сына некрещенымъ,—одна мысль эта приводила его въ ужасъ.

— Нѣтъ, я никакъ не желаю не крестить его! — сказалъ онъ, вставая съ своего мѣста и начавъ ходить по комнатѣ.

По тону голоса князя и по выраженію лица его, Елена очень хорошо поняла, что его не своротить съ этого рѣшенія и что на него, какъ она выража-

лась, нашелъ бычекъ старыхъ идей; но ей хотѣлось, по крайней мѣрѣ, поязвить его умственно.

— Это почему ты не желаешь? Нельзя же имѣть какое-то безпричинное нежеланіе...—спросила она.

— Да хоть по тому, что я не желаю производить надъ сыномъ моимъ опыты и оставлять его ужь конечно единственнымъ, некрещеннымъ человѣкомъ въ цѣломъ цивилизованномъ мѣрѣ.

Последнее представленіе поколебало, кажется, нѣсколько Елену.

— А китайцы и японцы?... И это еще неизвѣстно, чья цивилизація лучше — ихъ или наша!... — проговорила она.

— Я нахожу, что наша лучше,—сказалъ князь.

— Я такъ нахожу, такъ хочу... какой прекрасный способъ доказывать и убѣждать! — сказала насмѣшливо Елена.—Спросимъ, по крайней мѣрѣ, Миклакова, — присовокупила она,—пусть онъ рѣшитъ нашъ споръ, и хоть онъ тоже съ очень сильнымъ старымъ душкомъ, но все-таки смотритъ посмѣлѣе тебя на вещи.

— Изволь, спросимъ! — согласился князь — и, вслѣдствіе этого разговора, въ тотъ же день нарочно заѣхалъ къ Миклакову и, рассказавъ ему все, убѣдительно просилъ его вразумить Елену, такъ что Миклаковъ явился къ ней предувѣдомленный и съ замѣтно насмѣшливой улыбкой на губахъ. Одѣтъ онъ былъ при этомъ такъ франтовато, что Елена, не смотря на свое слабое здоровье и то, что ее занималъ совершенно другой предметъ, тотчасъ же замѣтила это и, подавая ему руку, воскликнула:

— Что это, какимъ вы франтомъ нынче?

— Онъ нынче всегда такимъ является и каждый вечеръ изволить съ моею супругой въ карты играть! — подхватилъ князь.

— Изволю-съ, изволю!...—отвѣчалъ Миклаковъ, нѣсколько краснѣя въ лицѣ.

— Ну, прежде всего подите и посмотрите моего сына!—сказала ему Елена.

— Да, да, прежде всего этого господина надобно посмотрѣть! — отвѣчалъ Миклаковъ и прошелъ въ дѣтскую.

— Какой отличный мальчикъ! какой прелестный! — кричалъ онъ оттуда.

Елена при этомъ вся цвѣла радостью. Князь, въ свою очередь, тоже не менѣе ея былъ доволенъ этимъ.

Миклаковъ наконецъ вышелъ изъ дѣтской и сѣлъ.

— Славный мальчикъ, чудесный!—повторилъ онъ и тутъ еще разъ.

— А вотъ Елена Николаевна хочетъ не крестить его, — сказалъ князь.

— Что-съ?—спросилъ торопливо Миклаковъ, какъ-бы ничего этого не знавшій.

— Хочу, чтобы онъ остался некрещенымъ, — отвѣчала Елена.

— Но на какомъ же это основаніи?

— На томъ, что оба мы, родители его, не признаемъ никакой необходимости въ томъ.

— Поэтому вы сына вашего хотите оставить безъ всякой религіи?

— Хочу!—сказала Елена.

Миклаковъ поднялъ отъ удивленія плечи.

— Признаюсь, я не знаю ни одного дикаго народа, который бы не имѣлъ какой-нибудь религіи.

— У дикахъ она пусть и будетъ, потому что всѣ религіи проистекають или изъ страха, или отъ невѣжества.

— Отъ невѣжества ли, отъ страха ли, изъ стремленія ли ума признать одно общее начало и, наконецъ, изъ особенной ли способности человѣка вѣровать, но только религіи присущи всѣмъ людямъ, и потому какъ же вы хотите такое естественное чувство отнять у вашего сына?!

— Если у него нельзя отнять религіознаго чувства, то я не хочу, по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ былъ православный.

— Какой же бы религіи вы желали посвятить его?—спросилъ насмѣшливо Миклаковъ.

— Да хоть протестантской!.. Она все-таки поумнѣй и попросвѣщеннѣй!—отвѣчала Елена.

— А позвольте спросить, долгое ли время вы изволили употребить на изученіе того, чтобы опредѣлить достоинство той или другой религіи?—продолжалъ Миклаковъ тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ.

— Для этого вовсе не нужно употреблять долгаго времени, а просто здравый смыслъ сейчасъ же вамъ скажетъ это.

— Ну, а я этого здраваго смысла, признаюсь, меньше всего въ васъ вижу,—возразилъ Миклаковъ.

— Это почему?—воскликнула Елена.

— А потому, что если бы вы имѣли его достаточное количество, такъ и не возбудили бы даже вопроса: крестить ли вамъ вашего сына или нѣтъ, а прямо бы окрестили его въ религіи той страны,

въ которой предназначено ему жить и дѣйствовать; и пусть онъ самъ мѣняетъ ее послѣ, если ему этого пожелается, — вотъ бы что сказалъ вамъ здравый смыслъ и что было бы гораздо умнѣе и даже либеральнѣе.

— Можетъ быть, умнѣе, но никакъ не либеральнѣе, — сказала, отрицательно покачавъ головой, Елена.

— Нѣтъ, либеральнѣй, — повторилъ еще разъ Миклаковъ: — то, что вы сдѣлаете вашего сына протестантомъ, — я не говорю уже тутъ объ юридическихъ неудобствахъ, — что вы можете представить въ оправданіе этого?... — Одну только вашу капризную волю и желаніе, потому что предмета этого вы не изучали, не знаете хорошо; тогда какъ родители, дѣйствующіе по здравому смыслу, очень твердо и положительно могутъ объяснить своимъ дѣтямъ: «милые мои, мы васъ окрестили православными, потому что вы русскіе, а въ Россіи всего удобнѣе быть — православнымъ!»

— Въ томъ-то и дѣло, что я вовсе не хочу, чтобы сынъ мой былъ русскій!

— И того вы не имѣете права дѣлать: сами вы русская, отецъ у него русскій, и потому онъ долженъ оставаться русскимъ, пока у него собственнаго, личнаго какого-нибудь желанія не явится по сему предмету; а то вдругъ вы сдѣлаете его, положимъ, какимъ-нибудь нѣмцемъ и протестантомъ, а онъ потомъ спроситъ васъ: «на какомъ основаніи, маменька, вы отторгнули меня отъ моей родины и отъ моей природной религіи?» — что вы на это скажете ему?

— Ничего я ему не скажу, — возразила Елена съ досадой: — кромѣ того, что у него былъ отецъ, а у того былъ пріятель — оба люди самыхъ захлтыхъ понятій.

— А мы ему скажемъ, — возразилъ Миклаковъ: — что у него была маменька — въ одно и тоже время очень умная и сумасшедшая.

— Не сумасшедшая я! — воскликнула на это Елена... — а надобно же когда-нибудь и кому-нибудь начать.

— Что такое начать? — спросилъ ее Миклаковъ, — чтобы всѣ люди протестантами, что ли, были?

— Подите вы съ вашими протестантами! — воскликнула Елена. — Чтобы совсѣмъ не было религіи — понимаете?...

Когда Елена говорила послѣднія слова, то у ней вся кровь даже бросилась въ лицо; князь замѣтилъ это и мигнулъ Миклакову, чтобы тотъ не спорилъ съ ней больше. Тотъ понялъ его знакъ и возражалъ Еленѣ не столь рѣзкимъ тономъ.

— А вотъ когда не будетъ религіи, тогда, пожалуй, не крестите вашего сына; но пока онъ существуетъ, такъ ужъ позвольте мнѣ даже быть воспріемникомъ его! — заключилъ онъ, обращаясь въ одно и то же время къ князю и къ Еленѣ.

— Ну, дѣлайте тамъ, какъ хотите, — сказала та съ прежней досадой и отворачиваясь лицомъ къ стѣнѣ.

— Я очень радъ, конечно, — отвѣчалъ князь и пожалъ даже Миклакову руку.

— А когда же эта исторія будетъ? — спросилъ тотъ.

— Какъ-нибудь на этой недѣлѣ,—отвѣчалъ протѣжно князь. — Можно на этой недѣлѣ? — счелъ онъ, однако, нужнымъ спросить и Елену.

— Мнѣ все равно! — отвѣчала та, не повертываясь къ нимъ лицомъ.

— На недѣлѣ, такъ на недѣлѣ! — сказалъ Миклаковъ и взялся за шляпу.

— А вы еще къ намъ... къ княгинѣ зайдете?—спросилъ его князь.

— Зайду-съ, — отвѣчалъ Миклаковъ опять какъ бы нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ.

По уходѣ его, Елена велѣла подать себѣ малютку, чтобы покормить его грудью. Мальчикъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ прехорошенькій, съ большими, черными, какъ спѣлая вишня, глазами, съ густыми, черными волосами; онъ еще захлебывался, глотая своимъ маленькимъ ротикомъ воздухъ, который въ комнатѣ у Елены былъ нѣсколько посвѣжѣе, чѣмъ у него въ дѣтской.

— Милый ты мой, — говорила она, смотря на него съ нѣжностью: — и тебя въ жизни заставятъ такъ же дурачиться, какъ дурачатся другіе!

VII.

Приходъ, къ которому принадлежалъ домъ князя Григорова, а также и квартира Елены, былъ обширный и богатый. Священникъ этого прихода, довольно еще молодой, былъ большой любитель до свѣтской литературы. Онъ имѣлъ пріятный теноръ, читалъ во время служенія: всегда очень толково, волосы и

бороду немного подстригалъ, ходилъ въ синихъ или темногранатныхъ рясахъ и носилъ при этомъ часы на золотой цѣпочкѣ. Съ купечествомъ и съ своею братією, духовенствомъ, отецъ Іоаннъ (имя священника) говорилъ, разумѣется, въ извѣстномъ тонѣ; но съ дворянствомъ, и особенно съ молодыми людьми, а еще паче того со студентами, любилъ повольнодумничать, и повольнодумничать порядочно. Дьяконъ же въ этомъ приходѣ, съ лицомъ нѣсколько перекошеннымъ и похожимъ на кривой топоръ (басъ онъ имѣлъ немовѣришій), былъ, напротивъ, чловѣкъ совершенно простой, занимался починкой часовъ и переплетомъ книгъ; но за то былъ предлюбопытный и зналъ до мельчайшихъ подробностей все, что въ приходѣ дѣлалось: напримѣръ, ему положительно было извѣстно, что князь по крайней мѣрѣ лѣтъ пятнадцать не исповѣдывался и не причащался, что никогда не ходилъ ни въ какую церковь. Въ недавнее время онъ провѣдалъ и то, что князь къ нимъ же въ приходъ перевезъ содержанку свою. Обо всемъ этомъ дьяконъ самымъ добродушнѣйшимъ образомъ докладывалъ священнику. Тотъ на это не дѣлалъ никакого замѣчанія и только при этомъ какъ-то необыкновенно гордо смотрѣлъ на дьякона. Вообще отецъ Іоаннъ держалъ весь причтъ ужасно въ какомъ отдаленномъ и почтительномъ отъ себя разстояніи. Въ одну изъ заутренъ дьяконъ доложилъ снова ему:

— Метреса-то у князя родила.

— А она дѣвица? — спросилъ зачѣмъ-то священникъ.

— Дѣвица, кажется! — отвѣчалъ дьяконъ.

Отецъ Іоаннъ на это ничего не сказалъ, но какъ-будто бы ему пріятно было слышать, что дѣвица родила.

Князь и Елена въ этотъ самый день именно недоумѣвали, какимъ образомъ имъ пригласить священниковъ крестить ихъ ребенка: идти для этого къ нимъ князю самому, — у него рѣшительно не хватало духу на то, да и Елена находила это совершенно неприличнымъ; послать же горничную звать ихъ, — они, пожалуй, обидятся и не придутъ. Пока Елена и князь рѣшили это, вдругъ къ нимъ въ комнату вбѣжала кухарка и доложила, что маменька Елены Николаевны пріѣхала и спрашиваетъ: «примутъ ли ее?»

Елизавета Петровна до того смиренно явилась, что даже вошла не въ переднюю дверь, а черезъ заднее крыльцо въ кухню.

Князь и Елена переглянулись между собой.

— Что-жь, ты примешь ее? — спросилъ онъ Елену по-французски.

Та сдѣлала недовольную мину.

— Очень бы не желала; но если сегодня ее не принять, все равно, она завтра пріѣдетъ... — отвѣчала Елена тоже по-французски. — Преси! — присо-вокупила она кухаркѣ по-русски.

Та ушла, и вслѣдъ затѣмъ появилась Елизавета Петровна тише травы и ниже воды.

— Ну, что, какъ твое здоровье? — сказала она, подойдя въ дочери, самымъ кроткимъ голосомъ.

Елена послѣ родинъ еще не встала и лежала въ постелѣ.

— Теперь ничего! — отвѣчала она довольно сухо матери.

Елизавета Петровна простояла нѣкоторое время въ молчаніи: она даже шляпки не снимала съ головы, ожидая, вѣроятно, что ее не пригласятъ долго оставаться.

— А что можно мнѣ внучка моего посмотреть? — прибавила она опять кротчайшимъ голосомъ.

— Посмотрите!... Онъ тамъ въ комнатѣ!... — отвѣчала Елена, показывая ей глазами на сосѣднюю комнату.

Елизавета Петровна самыми тихими шагами ушла туда.

Князю, между тѣмъ, пришла мысль воспользо-ваться посѣщеніемъ Елизаветы Петровны.

— А что ежели я попрошу мать твою похлопотать насчетъ крестинъ?... Я тутъ ничего не понимаю, — сказалъ онъ Еленѣ.

— Очень хорошо сдѣлаешь; пусть она и устроятъ все это!... — отвѣтила Елена, видимо довольная этой выдумкой князя.

— Но кто же скажетъ ей о томъ: ты или я? — спрашивалъ князь.

Въ это время Елизавета Петровна возвратилась изъ дѣтской.

— Премиленькій!... Агушки ужъ понимаетъ, ей-богу! — проговорила она тихо и тихо съла около дочери.

— Какое понимаетъ!... Мы еще и не крестили его, и имени ему не давали!... — сказала Елена.

— Ахъ, какъ это можно!... Пора, пора! — посо-вѣтовала Елизавета Петровна нѣсколько посмѣлѣе:

она и тѣмъ была довольна, что съ нею разговариваютъ, а не молчатъ.

— Мы оба не знаемъ, какъ это сдѣлать...—продолжала Елена. — Похлопочите, пожалуйста, вы объ этомъ!

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! — сказала Елизавета Петровна совершенно уже смѣло и съ нѣкоторою даже важностію. — Я-то это дѣло очень хорошо знаю... Слава тебѣ Боже: у меня самой трое дѣтей было.

— А у васъ трое было дѣтей? — спросилъ ее князь ласково. Онъ очень ужъ благодаренъ былъ Елизаветѣ Петровнѣ, что она принимала на себя крестьянныя хлопоты.

— Трое-съ. Въ живыхъ только вотъ она одна, ненаглядное солнышко, осталась, — отвѣчала Елизавета Петровна и вздохнула даже при этомъ, а потомъ, снимая шляпку, обратилась къ дочери: — Ну, такъ я извощика, значить, отпущу; ночевать, впрочемъ, не останусь, а уѣду къ себѣ: гдѣ мнѣ, старухѣ, по чужимъ домамъ ночевать... И не засну, пожалуй, всю ночь.

Послѣднія слова Елизавета Петровна сказала для успокоенія Елены, чтобы та не подумала, что она совсѣмъ у ней хочетъ поселиться; получая и безъ нея отъ князя аккуратнымъ образомъ по триста рублей въ мѣсяцъ, она вовсе не хотѣла обременять ее собой.

— Скажите, вы все-таки, вѣроятно, желаете сдѣлать завтракъ для священниковъ? — отнеслась она къ князю.

— Право, не знаю! — отвѣчалъ тотъ, пожимая

плечами.— Желая, чтобы было сдѣлано, какъ вездѣ это дѣлается.

— Вездѣ такъ и дѣлается, вездѣ! — подхватила Елизавета Петровна: — потому что шампанское акушерка подаетъ; тутъ ей обыкновенно и деньги кладутъ,—въ этомъ ея главный доходъ. И какъ же теперь шампанское подавать безъ завтрака,—неловко, согласитесь сами...

Князь согласился съ ней.

— Наконецъ, священники всегда обижаются, когда ихъ не угощаютъ, — всегда!... Сколько разъ я отъ нихъ слышала: «закусочки, говорятъ, даже не поставили, словно щенка какого-нибудь мы крестили»!

Елизавета Петровна очень настаивала на завтракъ, главнымъ образомъ потому, что въ эти минуты сама очень проголодалась, и въ ея воображеніи необыкновенно пріятно рисовались отбивныя телячьи котлеты, превосходно приготовляемыя однимъ ея знакомымъ кухмистеромъ-кондитеромъ, поставившимъ обыкновенно обѣды на свадьбы, похороны, крестины.

— Ну, такъ вы поэтому священниковъ и пригласите!... — подхватилъ князь, болѣе всего беспокоимый послѣднимъ обстоятельствомъ.

— Хорошо! — сказала Елизавета Петровна на первыхъ порахъ очень было рѣшительно; но потомъ она пообдумала, видно, нѣсколько.

— На два слова!—сказала она, уходя въ другую комнату и махая рукой князю.

Тотъ, хоть и не совсѣмъ охотно, но вышелъ къ ней.

— Я за священниками сходить—схожу,— начала Елизавета Петровна,—но что я мать Елены, я имъ не скажу; потому что будь она дама, то другое бы дѣло...

— Ну, да!... — подхватилъ князь, очень хорошо понявший, что хочетъ сказать Елизавета Петровна.

— Я сейчасъ же къ нимъ въ церковь и пойду, благо обѣдня еще не кончилась. Вѣдь эта большая церковь, вѣроятно, вашъ приходъ?— присовокупила она, показывая на виднѣвшуюся въ окно огромную колокольню.

— Эта самая! — отвѣчалъ князь.

— Въ минуту слетаю туда!— сказала Елизавета Петровна и, проворно войдя въ комнату дочери, проворно надѣла тамъ шляпку и проворнѣйшимъ шагомъ отправилась въ церковь, куда она, впрочемъ, поспѣла къ тому уже времени, когда юный священникъ выходилъ съ крестомъ. Онъ, видимо, хотѣлъ представить себя сильно утомленнымъ, и грустнымъ выраженіемъ лица желалъ какъ-бы свидѣтельствовать о своихъ аскетическихъ подвигахъ.

Елизавета Петровна прямо подлетѣла къ нему.

— Покорнѣйшая просьба, батюшка, къ вамъ, — проговорила она, поцѣловавъ крестъ и раскланиваясь передъ священникомъ.

Ея нахальный и расфранченный видъ невольно обратилъ вниманіе отца Іоанна.

— Чѣмъ могу служить-съ? — отвѣчалъ онъ, потупляя передъ ней свои голубые глаза.

— Тутъ одна моя знакомая родила и желаетъ имя наречи и окрестить своего ребенка.

— Это въ домѣ Яковлева, вѣроятно?—спросилъ всезнающій и стоящій около священника дьяконъ.

— Точно такъ!—отвѣчала Елизавета Петровна.

— Это, что я вамъ вчера говорилъ! — сказалъ дьяконъ священнику.

— А! — произнесъ тотъ, снова потупляя свои глаза.

— Такъ завтрашній день въ 12-ть часовъ окрестить и откушать!... — продолжала Елизавета Петровна.

— Хорошо-съ!—сказалъ священникъ задумчивымъ тономъ.

Получивъ этотъ отвѣтъ, Елизавета Петровна отправилась обратно къ дочерн.

— Ну-съ, священниковъ я пригласила,—сказала она.—А кто же у васъ будутъ воспріемниками: кумъ и кума?

— Кумъ будетъ Миклаковъ,—отвѣчалъ князь и затѣмъ пріостановился.

— А кума ужъ вы будьте! — подхватила Елѣна.

— Хорошо, очень пріятно, съ большимъ удовольствіемъ! — отвѣчала Елизавета Петровна радостно и немножко важничая. — Теперь, поэтому, о завтракъ только надобно похлопотать,—сколько вы изволите жертвовать на него?—отнеслась она снова къ князю.

Толстыя тедячьи котлеты все соблазнительнѣй и соблазнительнѣй рисовались въ воображеніи Елизаветы Петровны.

— Сколько нужно будетъ?—отвѣчалъ тотъ.

— Ста рублей не пожалѣете?

— Разумѣется!—сказалъ, усмѣхаясь, князь.

Во все это время Елена имѣла мучительнѣйшее выраженіе лица.

— Постороннихъ у васъ никого не будетъ, а только кумъ, кума, акушерка, докторъ?

— Да! — подтвердилъ князь.

— Ахъ, кстати о докторѣ!.. — подхватила Елизавета Петровна, какъ-будто бы къ слову. — У васъ, вѣдь, Елпидифоръ Мартынычъ лѣчитъ, а что вы заплатили ему?

— То есть, я ему заплачу потомъ, — отвѣчалъ князь, нѣсколько сконфуженный такимъ вопросомъ.

Елена же при этомъ болѣе не вытерпѣла.

— Мамаша, это наконецъ несносно!... Что за разпросы: заплатили ли тому, что дадите на то?... Вамъ что за дѣло до этого?! — почти вскрикнула ова сердитымъ голосомъ.

— Не буду, не буду больше! — отвѣчала Елизавета Петровна, замѣтно струхнувъ, и затѣмъ подойдя къ Еленѣ, поцѣловала ее, перекрестила и проговорила: — Ну, прощай, я поѣду... До свиданья! — присовокупила она почти дружественнымъ голосомъ князю.

Тотъ, не вставая съ мѣста, кивнулъ ей головой.

Елизавета Петровна отправилась къ знакомому ей кухмистеру тоже пѣшкомъ и тѣмъ же проворнымъ шагомъ. Услышавъ, что онъ боленъ, она не остановилась передъ этимъ и дорвалась до его спальни. Кондитеръ былъ уже девяностолѣтній старикъ, глухой и плохо видящій.

— Здравствуйте, Яковъ Иванычъ! — воскликнула Елизавета Петровна, входя къ нему. — Что, вы, вѣроятно, не узнали меня?

— Нѣтъ, не знаю, извините! — отвѣчалъ кондитеръ, выглядывая на нее изъ-подъ зеленаго зонтика своего.

— Я Елизавета Петровна Жиглинская.

— А, вотъ кто... Очень радъ, покорнѣйшее прошу садиться! — заговорилъ кондитеръ гораздо болѣе любезнымъ голосомъ: въ прежніе годы, когда у Жиглинскихъ былъ картежный домъ, почтенный старецъ готовилъ у нихъ по тысячѣ и по подторы обѣды.

— Я къ вамъ съ дѣломъ, — продолжала Елизавета Петровна: — приготовьте-ка мнѣ завтрачекъ, — у меня дочь родила.

— Дочь?... Вотъ какъ! — воскликнулъ старецъ еще привѣтливѣе. — За кѣмъ же она замужемъ? — присовокупилъ онъ.

— Да тутъ за однимъ господиномъ... Его, впрочемъ, нѣтъ въ Москвѣ.

— Нѣтъ въ Москвѣ? — повторилъ, какъ-бы сообщая кое-что про себя, многоопытный старецъ.

— Завтрачекъ вы мнѣ сдѣлайте персонъ на десять, рублей во сто серебромъ.

— Можно это! — протянулъ старецъ, и въ его почти омертвѣломъ лицѣ на мгновеніе блеснулъ лучъ какого-то удовольствія: онъ сразу же тутъ сообразилъ, что отъ этого дѣла дѣла рублей съ полсотни наживетъ.

— Завтрачекъ, понимаете, чтобы приличный, дворянскій былъ.

— Дворянскій будетъ! — подтвердилъ старикъ. — А въ карты послѣ крестинъ будутъ играть?

— Конечно, будутъ! — отвѣчала, неизвѣстно на какомъ основаніи, Елизавета Петровна.

— Чтобы карты отъ моихъ лакеевъ были! — объяснилъ старецъ.

— Отъ вашихъ, отъ вашихъ! — успокоила его Елизавета Петровна и затѣмъ, оставивъ ему адресъ Елены, отправилась, наконецъ, домой. Всѣмъ этимъ днемъ и тѣмъ, что случилось съ ней, Елизавета Петровна была очень довольна.

На другой день, часу въ 12-мъ, лица долженствующія участвовать въ крещеніи, собрались. Князь, впрочемъ, по предварительному соглашенію съ Еленой, не пришелъ совсѣмъ, Елпидифора Мартыныча тоже не было: не получая до сихъ поръ отъ князя ни полушки, онъ наконецъ разобидѣлся и дня два уже не былъ у Елены.

Елизавета Петровна, разумѣется, явилась раньше всѣхъ, въ чепцѣ съ цвѣтами, набѣденная, нарумяненная; лицо ея дышало важностью и удовольствіемъ. Акушерка тоже была довольно нарядна и довольно весела; но зато Миглаковъ, въ новомъ своемъ фракѣ, въ новомъ бѣлѣ и бѣломъ даже галстукѣ, сидѣлъ мрачный въ залѣ на стулѣ. Онъ самъ напросился на кумовство, а теперь и не радъ былъ тому, потому что вся эта процедура начинала казаться ему страшно скучною. Наконецъ пришли священники. Отецъ Іоаннъ былъ въ самой новенькой своей гарнитуровой рясѣ; подстриженные волосы и борода его были умаслены, сапоги чистѣйшимъ образомъ вычищены. Онъ велѣлъ на эти крестины

взять весьма дорогія ризы, положенныя еще покойнымъ отцомъ князя Григорова въ церковь; купель тоже была (это, впрочемъ, по распоряженію дьякона) вычищена. Церемонія началась. Отецъ Іоаннъ одной своей гарнитуровой рясой и сильно вычищенными сапогами уже произвелъ на Миклакова весьма не-приятное впечатлѣніе; но когда онъ началъ весьма жеманно служить, выговаривая черезчуръ ясно и какъ бы отчеканивая каждое слово, а иногда зачѣмъ-то поднимая къ верху свои голубые глаза, то просто привелъ его въ бѣшенство: «Вотъ фигляръ-то и комедіантъ!»—думалъ Миклаковъ, стоя у купели. Затѣмъ отецъ Іоаннъ, говоря куму и кумѣ, чтобы они дунули и плюнули, точно какъ-будто бы усмѣхнулся при этомъ. «А, такъ ты вотъ еще изъ какихъ... Ну, я теперь тебя насквозь понимаю!»—продолжалъ почти съ бѣшенствомъ думать Миклаковъ. Онъ имѣлъ своимъ правиломъ, что если кто попъ, тотъ и будь поцъ... будь набоженъ, а если кто офицеръ, такъ будь храбръ и не разсуждай; но если выскочилъ умственно и нравственно изъ своего положенія, такъ выходи вонъ и ищи себѣ другой дѣятельности. Отца Іоанна онъ рѣшилъ, при первомъ удобномъ случаѣ, срѣзать на чемъ свѣтъ стоитъ. По окончаніи церемоніи, дьячки, забравъ купель и облаченіе, отправились домой. Отецъ Іоаннъ ни на какихъ обѣдахъ и завтракахъ не позволялъ имъ оставаться, такъ какъ имъ всегда почти накрывали или въ лакейской, или гдѣ-нибудь въ заднихъ комнатахъ: онъ не хотѣлъ, чтобы духовенство было такъ публично унижаемо; самъ же онъ остался и усѣлся въ передній уголъ, а дьяконъ все ходилъ и посматри-

валъ то въ одну сосѣднюю комнату, то въ другую, и даже заглядывалъ подъ ларь въ передней. Ему все хотѣлось увидать князя Григорова, который, по его мнѣнію, непременно долженъ быть гдѣ-нибудь тутъ. Елизавета Петровна, расплакавшаяся отъ полноты чувствъ во время церемоніи, по окончаніи ея, сей-часъ же повела Миклакова поздравить родильницу.

Елена лежала на постели въ новенькомъ, нарядномъ чепчикѣ, въ батистовой, бѣлѣйшей кофтѣ и подъ розовымъ одѣяломъ. Такимъ образомъ нарядиться ее почти насильно заставила Елизавета Петровна и даже сама привезла ей все это въ подарокъ.

— Ну, поздравляю васъ, поздравляю! — говорилъ Миклаковъ Еленѣ.

— Съ чѣмъ, съ чѣмъ? — повторила та дважды и какъ-бы укоризненнымъ голосомъ.

Елизавета Петровна, нисколько, разумѣется, не понявшая подобнаго возраженія дочери, прошла въ другую комнату, чтобы поскорѣе велѣть подавать священникамъ чай.

Когда Миклаковъ снова вернулся въ залу, его спросилъ дьяконъ своимъ густымъ и осиплымъ басомъ:

— Вашъ чинъ и фамилія для записанія въ книгу?

— Надворный совѣтникъ Миклаковъ, — отвѣчалъ ему тотъ.

— Благодарю! — сказалъ дьяконъ и записалъ фамилію на бумагѣ.

Отецъ Іоаннъ внимательно вслушался въ отвѣтъ Миклакова. Онъ не преминулъ догадаться, что это былъ тотъ самый сочинитель, про котораго онъ не-

давно еще читалъ въ одномъ журналѣ ругательнѣйшую статью.

Отецъ Іоаннъ въ натурѣ своей, между прочимъ, имѣлъ два свойства: во-первыхъ, онъ всему печатному почти безусловно вѣрилъ, — если котораго сочинителя хвалили, тотъ и по его мнѣнію былъ хорошъ, а котораго бранили, тотъ худъ; во-вторыхъ, не смотря на свой кроткій видъ, онъ былъ человѣкъ весьма ехидный и любилъ каждаго уязвить, чѣмъ только могъ.

— А я недавно читалъ критику на ваши сочиненія, — началъ онъ, клая съ замѣтнымъ франтовствомъ ногу на ногу.

— На мои сочиненія? — спросилъ Миклаковъ нѣсколько уже удивленнымъ голосомъ.

— Да, — отвѣчалъ ему отецъ Іоаннъ съ важно-стью. — Тутъ, — прибавилъ онъ съ нѣкоторой разстановкой: — во многомъ васъ порицаютъ, и я нахожу, что нѣкоторыя изъ порицаній справедливы и основательны.

— Вы находите? — повторилъ Миклаковъ. — Въ голосѣ его послышался какой то хрипъ, и еслибъ отецъ Іоаннъ зналъ, какую онъ бурю злобы поднималъ противъ себя въ душѣ Миклакова, то, конечно, остерегся бы говорить ему подобныя вещи. Миклаковъ рѣшился уже теперь не продернуть попенка, а просто-напросто пугнуть его хорошенько. Сдѣлавъ надъ собой всевозможное усиліе, чтобъ овладѣть собою, онъ прежде всего вознамѣрился приласкаться къ отцу Іоанну и, пользуясь тѣмъ, что въ это время вошла въ залу Елизавета Петровна и общимъ поклономъ просила всѣхъ садиться за завтракъ, па-

радиѣйшимъ образомъ разставленный официантами старца, — онъ, какъ-бы совершенно добродушнымъ образомъ, — обратился къ нему:

— Что намъ, батюшка, предаваться бесполезнымъ литературнымъ разговорамъ!... Выпьемте-ка лучше съ нами водочки!

— Нѣтъ-съ! благодарю, я не пью, — отвѣчалъ отецъ Іоаннъ не безъ важности.

— А вы, отецъ дьяконъ? — спросилъ Миклаковъ дьякона.

— Я пью-съ! — пробасилъ тотъ.

— Водку не пить конечно прекрасная вещь, — продолжалъ Миклаковъ: — но я все дѣтство мое и часть молодости моей прожилъ въ деревнѣ и вотъ что замѣчалъ: священникъ если пьяница, то по большей части малый добрый; но если ужъ не пьетъ, то всегда почта сутяга и кляузникъ.

— Это есть, есть! — подтвердилъ съ удовольствіемъ и дьяконъ, улыбаясь себѣ въ бороду.

Отецъ Іоаннъ эти слова, кажется, принялъ прямо сказанными на его счетъ; но, по наружности, постарался это скрыть.

— Образъ жизни деревенскихъ священниковъ таковъ, — отвѣчалъ онъ: — что, находясь посреди невѣжественныхъ крестьянъ, они невольно отъ скуки или обезумѣвать должны, или изощрять свой умъ въ писаніи какихъ-нибудь кляузъ. Здѣсь вонъ есть и библіотеки, и духовные концерты, — и то въ нашемъ санѣ инымъ временемъ бываетъ крайне скучно.

— Ну, нѣтъ!... По-моему, тутъ есть нѣсколько другая причина, — возразилъ ему Миклаковъ: — они видятъ, что имъ каждодневно приходится обманыв-

вать этихъ невѣжественныхъ крестьянъ, ну и совѣстно: люди попорядочнѣе и пьютъ со стыда! Самъ Миклаковъ, въ продолженіе всего этого разговора, пилъ безпрестанно и ничего почти не ѣлъ.

— Чѣмъ же они обманываютъ ихъ? — спросилъ отецъ Іоаннъ съ легкимъ отѣнкомъ улыбки на лицѣ.

— Какъ чѣмъ, батюшка? — воскликнулъ Миклаковъ. — Ахъ, отецъ Іоаннъ!... отецъ Іоаннъ!... — прибавилъ онъ, какъ бы дружественно-укоризненнымъ голосомъ: — будто вы не знаете и не понимаете этого...

Отецъ Іоаннъ позамѣтнѣе при этомъ улыбнулся; но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ Миклакову глазами на дякона, какъ бы упрасивая его не компрометировать его и не говорить съ нимъ о подобныхъ вещахъ при этомъ человѣкѣ.

— Меня вотъ что всегда удивляло, — продолжалъ Миклаковъ, какъ-бы вовсе не понявшій его знака: — я знаю, что есть много умныхъ и серьезно образованныхъ священниковъ, — что они, произнося проповѣди, искренно ли убѣждены въ томъ, что говорятъ, или нѣтъ?

— Смотря по тому, что говорятъ... — отвѣчалъ отецъ Іоаннъ съ прежней полуулыбкой.

— Стало быть, есть нѣчто и даже, можетъ быть, нѣсколько этихъ *ничто*, въ чемъ вы сомнѣваетесь? — спросилъ Миклаковъ.

— Конечно, что нельзя же всего провѣрить умомъ человѣческимъ, и потому многое остается неразгаданнымъ, — отвѣчалъ спятъ какъ-то уклончиво отецъ

Іоаннъ:—тайное предчувствіе шептало ему, что онъ долженъ былъ говорить осторожно.

— Но надѣюсь, что въ этомъ случаѣ не дьяволъ же васъ смущаетъ и поселяетъ въ васъ сомнѣніе,— проговорилъ Миклаковъ, пожимая плечами.

— Разумѣется... Что же такое дьяволъ?!—отвѣчалъ отецъ Іоаннъ, уже явно усмѣхаясь.

Выраженіе лица Миклакова въ эту минуту мгновенно измѣнилось: изъ добродушнаго оно сдѣлалось какимъ-то строгимъ.

— А вѣдь это скверно, батюшка, ужасно скверно! — воскликнулъ онъ.

Глаза Миклакова въ это время совершенно уже посоловѣли, и онъ былъ замѣтно пьянъ. Въ эту же самую минуту вышла акушерка съ шампанскимъ.

Миклакову пришлось отдать ей свои послѣднія десять рублей, что еще болѣе усилило его дурное расположеніе духа.

— Скверно это-съ, скверно! — продолжалъ онъ повторять.

Отецъ Іоаннъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, не понимая, къ чему онъ это говоритъ.

— Вотъ, изволите видѣть,—объяснилъ наконецъ Миклаковъ (языкъ у него при этомъ нѣсколько даже заинался): — въ той статьѣ, о которой вы такъ обязательно напомнили мнѣ, говорится, что я подкупленъ правительствомъ; а такъ какъ я человѣкъ искренній, то и не буду этого отрицать,— это болѣе чѣмъ правда: я, дѣйствительно, служу въ тайной полиціи...

Отецъ Іоаннъ, а также и дьяволъ подались нѣсколько назадъ на своихъ мѣстахъ.

— И вотъ о томъ, батюшка, что вы, по вашимъ словамъ, во многомъ сомнѣваетесь, я, — извините меня, — долженъ буду донести моему начальству, а оно, вѣроятно, сообщитъ объ этомъ митрополиту.

Отецъ Іоаннъ поблѣднѣлъ при этомъ.

— Я ничего подобнаго не говорилъ! — произнесъ онъ!

— Какъ, вы ничего не говорили? Нѣтъ! нѣтъ!.. Не отпѣкивайтесь!.. По вашему священству, вамъ стыдно такое заpiresательство чинить! Вы — свѣтильники наши... — болталъ Миклаковъ.

— Что же я такое говорилъ?—воскликнулъ отецъ Іоаннъ: у него губы даже дрожали при этомъ. — Доносъ и клевета конечно все могутъ на челоуѣка изобрѣсть! — присовокупилъ онъ.

— Что на васъ будетъ доносъ — это совершенно справедливо; но чтобы это была клевета — это вздоръ-сь, совершеннѣйшій вздоръ-сь! — восклицалъ, какъ-то даже взвизгивая, Миклаковъ.

— Но я васъ прошу, по крайности... — началъ было отецъ Іоаннъ и не могъ докончить, потому что въ это время Елизавета Петровна позвала Миклакова къ Еленѣ.

— Это зачѣмъ? — спросилъ было тотъ.

— Нужно-сь, ступайте!—повторила настоятельно Елизавета Петровна.

Миклаковъ послушался и пошелъ.

— Что это вы за глупости священнику говорили, что донесете на него? — сказала Елена сердитымъ голосомъ Миклакову; весь предыдущій

разговоръ она слышала отъ слова до слова изъ своей комнаты.

— Учу батьку, дрессирую немножко его! — отвѣчалъ Миклаковъ.

— Подите сейчасъ и скажите ему, что вы все это шутили.

— Низачто, низачто!.. — воскликнулъ Миклаковъ. — Пусть себѣ мучится и терзается... А вотъ у васъ такъ ручку поцѣлую, ибо сейчасъ домой отправляюсь! — сказалъ Миклаковъ и въ самомъ дѣлѣ поцѣловалъ у Елены руку.

— Говорятъ же вамъ, скажите, что вы шутили! — повторила ему еще разъ Елена.

— Я ему скажу только другое, только другое! — говорилъ Миклаковъ, выходя въ залу, гдѣ сейчасъ же отыскалъ свою шляпу.

— Такъ я буду имѣть неудовольствіе донести на васъ! — сказалъ онъ, расшаркиваясь передъ отцомъ Іоанномъ, — а васъ похваляю, похваляю, — попъ настоящій! — отнесся онъ къ дьякону и ушелъ.

Отецъ Іоаннъ остался совершенно растеряннымъ; но его также Елизавета Петровна позвала къ Еленѣ.

— Вы, пожалуйста, не безпокойтесь, — сказала ему та: — Миклаковъ вовсе не служитъ въ тайной полиціи, — это честнѣйшій и либеральнѣйшій человѣкъ.

Отецъ Іоаннъ, какъ-то сомнительно скосивъ ротъ, улыбнулся.

— Судя по тѣмъ отзывамъ, которые я читалъ о немъ въ литературѣ, онъ далеко не пользуется именемъ такого человѣка.

— Онъ потому и не пользуется, что очень че-

стенъ, всёмъ говоритъ правду въ глаза, всёхъ задираетъ!.. Пожалуйста, не безпокойтесь!

— Благодарю васъ за утѣшеніе, хоть и не могу вполне онымъ успокоиться, а прошу васъ объ одномъ, что если будетъ какой-либо доносъ, засвидѣтельствовать въ мою пользу, — ствѣчалъ отецъ Іоаннъ.

Этой своей просьбой онъ показался противнымъ Еленѣ.

— Да не будетъ на васъ никакого доноса! — воскликнула она съ явной досадою.

— Дай Богъ!.. — произнесъ, вздохнувъ, отецъ Іоаннъ и затѣмъ, раскланявшись съ Еленой, вышелъ отъ нея, а черезъ минуту оба они съ дякономъ шли къ домамъ своимъ, имѣя при этомъ головы понуренными!

VIII.

Миклаковъ издавна велъ безобразную жизнь, такъ что, по его собственному выраженію, онъ съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ литературу, ничего порядочнаго не дѣлалъ и даже послѣднее время читалъ мало. Утра у него, обыкновенно, проходили въ службѣ, а вечера или у какого-нибудь пріятеля, гдѣ затѣвались карты, попойка и бессмысленные споры съ разными пошляками, или у пріятельницы секретной; но встрѣча съ княгиней и нѣкоторое сближеніе съ ней заставило его какъ-бы отрезвиться физически и нравственно и устыдиться своихъ поступковъ. Собственно говоря, Миклаковъ не признавалъ за женщиной ни правъ на большой умъ, ни правъ на вы-

совія творческія способности въ искусствахъ, а потому больше всего цѣнилъ въ нихъ сердечную нѣжность и цѣломудріе. Корделію, дочь короля Лира, онъ считалъ высшимъ идеаломъ всѣхъ женщинъ; нѣчто подобное онъ видѣлъ и въ княгинѣ, поразившей его, по преимуществу, своей чистотой и строгой нравственностью. Что касается до сей послѣдней, то она, въ свою очередь, тоже день ото дня начала получать о Миклаовѣ все болѣе и болѣе высокое понятіе: кромѣ его прекраснаго сердца, которое княгиня въ немъ подозрѣвала влѣдствіе его романическаго сумашествія, она стала въ немъ видѣть человѣка очень честнаго, умнаго, образованнаго и независимаго рѣшительно ни отъ чьихъ чужихъ мнѣній. Обо всѣхъ этихъ качествахъ Миклаова княгинѣ, впрочемъ, больше натолковалъ князь.

Спустя нѣсколько дней послѣ крестинъ у Елены, госпожа Петецкая, успѣвшая одной только ей извѣстнымъ способомъ провѣдать, что у Елены родился сынъ, и даже то, что она не хотѣла его крестить, — сейчасъ же прибѣжала къ княгинѣ и рассказала ей объ этомъ. Какъ княгиня ни была готова къ подобному извѣстію, все-таки оно смутило и встревожило ее. Она рѣшилась разспросить поподробнѣе Миклаова, который, какъ довела ей та же госпожа Петецкая, былъ воспріемникомъ ребенка.

Вечеромъ Миклаовъ, по обыкновенію, пришелъ къ княгинѣ, и всѣ они втроемъ успѣли играть въ карты. Княгиня, впрочемъ, часовъ до одиннадцати не въ состояніи была обратиться къ Миклаову съ разспросами; наконецъ она начала, но и то издалека:

— А что, скажите, вы видите вашу знакомую, mademoiselle Жиглинскую?

— Видаю-съ! — отвѣтилъ ей Миклаковъ почтительно. — Онъ постоянно держалъ себя у княгини нѣсколько мрачно, но съ величайшимъ уваженіемъ какъ въ ней самой, такъ и ко всей окружающей ее средѣ.

— У ней есть, кажется, прибавленіе семейства? — продолжала княгиня.

Миклаковъ нѣкоторое время затруднялся отвѣчать; но потомъ, какъ видно, надумалъ.

— Если ужъ вы знаете объ этомъ, то скрывать, конечно, нечего.. Есть!

— Что же, сынъ или дочь? — добавила госпожа Петицкая, по обыкновенію, самымъ невиннымъ голосомъ, какъ-будто бы ничего объ этомъ не знавшая и въ первый разъ еще слышавшая о томъ.

— Сынъ-съ! — отвѣчалъ ей Миклаковъ довольно вѣжливо.

«Князь, я думаю, очень этимъ доволенъ?» хотѣла было первоначально спросить княгиня, но у ней духу не хватило, и она перевернула на другое:

— А вотъ что еще мнѣ скажите: правда ли, что Жиглинская не хотѣла было крестить ребенка?

Вопросъ этотъ опять очень смутилъ Миклакова: отъ княгини онъ не хотѣлъ бы ничего скрывать и въ то же время при госпожѣ Петицкой не желалъ ничего говорить.

— Что за пустяки такіе! — произнесъ онъ усмѣхаясь.

— Я думаю, что вздоръ! — подхватила княгиня: — потому что еслибъ это правда была, то это пока-

зывало бы, что она какая-то страшная и ужасная женщина.

— Нѣтъ, она вовсе не страшная и не ужасная женщина, — отвѣчалъ Миклаковъ уже серьезно: — а немножко эксцентричная — это дѣйствительно; но въ то же время она очень умная и честная дѣвушка!

— Не знаю, можетъ быть, это отъ ея эксцентричности происходитъ; но про нее, въ самомъ дѣлѣ, рассказываютъ ужасныя вещи, — вмѣшалась въ разговоръ госпожа Петицкая.

— Мало ли про кого что рассказываютъ-сь! — отвѣчалъ ей съ удареніемъ Миклаковъ; онъ самъ слыхалъ про госпожу Петицкую такія вещи, которыя тоже могли бы показаться ужасными; но только не хотѣлъ ей напоминать теперь о томъ.

Княгиня, между тѣмъ, оставалась печальною и смущенною; ей неволью припомнилось то время, когда она была невѣстой князя: какъ онъ трепеталъ отъ восторга при одномъ ласковомъ взглядѣ ея, отъ одного легкаго пожатія руки ея, и что же теперь стало? Княгиня готова была расплакаться отъ грусти. Ея печальный видъ не увернулся съ глазъ Миклакова и навелъ его тоже на весьма невеселыя мысли касательно собственнаго положенія.

«Она все еще, кажется, изводитъ любить мужа, думалъ онъ, играя въ карты и взглядывая повре-
менамъ на княгиню, — да и я-то хорошъ, продолжалъ онъ, какъ-то злобно улыбаясь: — вообразилъ, что какая-нибудь барыня можетъ заинтересоваться мною: изъ какого чорта и изъ какого интереса дѣлать ей это?.. Рожицы смазливой у меня нѣтъ; богатства — тоже; ловкости военнаго человѣка не бы-

вало; физики атлетической не имѣю. Есть нѣкоторыя умишко,—да на что онъ имъ?.. Въ семь предметовъ они вкуса настоящаго не понимаютъ».

«Все это прекрасно-съ!—разсуждалъ онъ затѣмъ, придя домой и въ томъ же озлобленномъ настроеніи. — Но если я въ самомъ дѣлѣ не имѣю для ея сіятельства нивакаго значенія, то зачѣмъ же мнѣ въ такомъ случаѣ таскаться къ ней каждый день?.. Надобно, по крайней-мѣрѣ, сдѣлать ей декларацію: «такъ и такъ-моль, а тамъ, какъ вамъ угодно будетъ». Но Миклаковъ очень хорошо зналъ, что на словахъ онъ не въ состояніи будетъ сдѣлать никогда никакой деклараціи ужь по одному тому, что всякій человѣкъ, объясняющійся въ любви, до того ему казался смѣшнымъ и ничтожнымъ, что онъ скорѣе бы умеръ, чѣмъ самъ сталъ въ подобное положеніе.

«Мы княгиняѣ напишемъ! — рѣшился онъ послѣ нѣкотораго размышленія: — благо бумага все терпитъ: трусь на бумагѣ можетъ явиться храбрецомъ; подлець нагло говоритъ о своемъ благородствѣ; она смиренно переноситъ всякую ложь, пошлость, глупость, — вивать бумагѣ! Напишемъ-съ», — повторилъ еще разъ Миклаковъ, и дѣйствительно написалъ. Письмо его вышло въ томъ же юмористическомъ и насмѣшливомъ тонѣ, хоть вмѣстѣ съ тѣмъ на сердцѣ у него сильно щемило и болѣло:

«Милостивая государыня, княгиня Елизавета Сергѣевна!—писалъ онъ.—Если дьяволамъ дозволено не безкорыстно возводить свои очи на ангеловъ земныхъ, именуемыхъ женщинами, то я виновенъ въ томъ предъ вами, и пылаю къ вамъ не-

удержимой страстью, послѣ которой опять, можетъ быть, придется еще разъ сойти съ ума. Съ вашей стороны, прошу быть совершенно откровенною, и если вамъ не благоугодно будетъ дать благопріятный на мое письмо отвѣтъ, за полученіемъ котораго не премну я самъ придти, то вы просто велите вашимъ лакеямъ прогнать меня: «не смѣй-де, этакая демократическая шваль, питать такія чувства къ намъ, бѣлокостнымъ!»! Все же сіе будетъ легче для меня, чѣмъ сидѣть вѣки-вѣчинскіе въ холодномъ и почтительномъ положеніи передъ вами, тогда какъ душа требуетъ пасть передъ вами ницъ и молить васъ хоть о маленькой взаимности».

Отправившись, какъ и всегда, вечеромъ къ княгинѣ, Миклаковъ захватилъ это письмо съ собой. Госпожу Петцкую онъ засталъ тамъ же: она еще и не уходила со вчерашняго дня отъ княгини. Сѣли, какъ водится, играть въ карты. Миклаковъ безпрестанно щупалъ себя за карманъ, какъ-бы опасаясь, чтобы письмо оттуда не выскочило. Самъ онъ былъ при этомъ блѣденъ и замѣтно встревоженъ. Все это замѣтили княгиня и госпожа Петцкая. Послѣдняя врядъ ли не догадалась, что она тутъ немножко лишняя, потому что, воспользовавшись первой удобной минутой, вышла. По уходѣ ея, Миклаковъ заговорилъ какимъ-то могильнымъ и торопливымъ тономъ.

— Вы какъ-то просили меня прочесть вамъ мои сочиненія,—это все вздоръ, они не стоятъ того; а вотъ я лучше желаю, чтобы вы прочли то, что я собственно для васъ написалъ. Можно вамъ передать это?

Тутъ ужь княгиня въ свою очередь поблѣднѣла.

— Давайте! — проговорила она торопливо.

Миклаковъ вынулъ изъ кармана письмо и подалъ его ей. Княгиня сейчасъ же спрятала его въ карманъ.

— Я завтра приду за отвѣтомъ! — присовокупилъ Миклаковъ.

— Приходите! — отвѣчала княгиня протяжно.

Госпожа Петецкая довольно долго еще не возвращалась; но Миклаковъ и княгиня ни слова уже не говорили между собой и даже не глядѣли другъ на друга.

Весь слѣдующій день Миклаковъ провелъ въ сильномъ безпокойствѣ и волненіи. Онъ непременно ожидалъ, что когда придетъ къ Григоровымъ, то усатый швейцаръ ихъ, съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ, скажетъ ему строгимъ голосомъ: «Дома нѣтъ-съ!»

Но швейцаръ однако встрѣтилъ его съ обычной своей флегмой.

— А что дома княгиня? — спросилъ его Миклаковъ.

— У себя-съ! — отвѣчалъ швейцаръ, повертывая къ нему свою засаленную спину и вѣшая вмѣстѣ съ тѣмъ его пальто на обычномъ гвоздикѣ.

Миклаковъ прошелъ въ гостиную, гдѣ княгиня всегда его принимала: но тамъ никого не засталъ и оставался довольно долгое время одинъ, такъ что, увидавъ выглянувшую на него изъ-за дверей, съ любопытствомъ, горничную, онъ поспѣшилъ сказать ей:

— Доложи княгинѣ, что я пришелъ.

— Слушаю-сь! — отвѣчала та и вѣроятно сейчас же доложила, потому что княгиня наконецъ вышла. Лицо ея имѣло весьма разстроенное и какъ бы испуганное выраженіе.

— Bonsoir! — сказала она и тотчасъ же сѣла на диванъ въ нѣсколько церемонной позѣ.

Миклаковъ тоже сѣлъ невдалекѣ отъ нея и тоже въ церемонной позѣ. Разговоръ между ними не начинался нѣсколько минутъ, наконецъ Миклаковъ прервалъ это молчаніе.

— Я пришелъ получить вашу отвѣтъ на мое письмо... — проговорилъ онъ.

— Вы уже получили его! — отвѣчала княгиня, держа глаза совсѣмъ опущенными въ землю.

— То есть, я не прогнанъ: значитъ, я могу растолковать это совершенно въ мою пользу?

— Я не знаю, ей-богу, — отвѣчала княгиня, не поднимая глазъ.

— Какъ вы не знаете? — спросилъ Миклаковъ, удивленный и испуганный такимъ отвѣтомъ: — я, кажется, весьма прямо и ясно спросилъ.

Княгиня молчала.

— Почему-жь вы отвѣчаете мнѣ такъ уклончиво? — присовокупилъ онъ.

— Потому что я не могу иначе отвѣчать! — сказала княгиня.

— Отчего-жь не можете?

— Оттого, что я на дняхъ совсѣмъ уѣзжаю въ Петербургъ, къ отцу и матери своей.

И слезы при этомъ заискрились на глазахъ княгини.

— Въ Петербургъ уѣзжаете, навсегда!.. — по-

вторилъ глухимъ голосомъ Миклаковъ.—И вы давно имѣли это намѣреніе?

— Давно!

— Ну, и то хорошо, что раньше этого не зналъ!.. Было въ жизни хоть нѣсколько минутъ счастливаго самообольщенія... Охъ, Боже мой, Боже мой, — какъ бы больше простоналъ Миклаковъ.

Княгиня обмирала и едва могла переводить дыханіе. Получивъ наканунѣ объясненіе въ любви Миклакова, она съ той поры пережила тысячу разнообразныхъ и мучительныхъ чувствованій: сначала она обрадовалась, потому что для нея найдена наконецъ была цѣль въ жизни, но потомъ и испугалась того: какъ! отвѣчать любовью совершенно постороннему человѣку? Что скажетъ ея совѣсть?.. Что скажетъ князь... общество? Отказаться же отъ этой любви — значило опять обречь себя на скуку, на одиночество, а такая жизнь казалась княгинѣ теперь больше невозможною, и она очень хорошо сознавала, что, оставаясь въ Москвѣ, не видѣться съ Миклаковымъ она будетъ не въ состояніи. Чтобы спасти себя отъ этого соблазна, она рѣшилась уѣхать въ Петербургъ къ отцу. Съ этимъ намѣреніемъ княгиня пробыла весь день и съ этимъ же намѣреніемъ приняла Миклакова; но его разстроенный видъ, его печаль и отчаяніе, когда она сказала ему свое рѣшеніе, сильно поколебали ея рѣшимость: она уже готова была сказать ему, что она, пожалуй, и не поведетъ, однако произнести эти слова ей было невыносимо стыдно и она сочла за лучшее промолчать.

Миклаковъ вскорѣ послѣ того всталъ и, держа въ рукахъ шляпу, произнесъ:

— Итакъ, до свиданья?

— До свиданья... — проговорила княгиня.

— Зачѣмъ же я, безумецъ, говорю: до свиданья? Надобно говорить откровеннѣе: навсегда прощайте!

Княгиня и на это хотѣла сказать, что зачѣмъ же навсегда, что она вовсе не желаетъ этого и что этого никогда быть даже не можетъ, но ничего однако не сказала.

Миклаковъ еще нѣкоторое время постоялъ передъ ней, какъ бы ожидая услышать отъ княгини хоть одно слово въ утѣшеніе, но она молчала, и Миклаковъ, раскланявшись, ушелъ. Княгиня легче даже сдѣлалось, когда она перестала его видѣть!.. Она сейчасъ же ушла къ себѣ въ комнату и здѣсь, тщательно скрывая это отъ прислуги, начала потихоньку плакать...

Миклаковъ прошелъ отъ княгини не домой, а въ Московскій трактиръ, выпилъ тамъ цѣлое море раз-ной хмѣльной дрянн, поессорился съ однимъ госпо-диномъ, нашумѣлъ, набуянилъ, такъ что, по друже-ственному только расположенію къ нему трактирныхъ служителей, онъ не отправленъ былъ въ часть, и одинъ изъ половыхъ бережно даже отвезъ его домой. Здѣсь онъ сначала спалъ, какъ мертвый, потомъ часу въ девятомъ утра проснулся съ совершенно почти обезумѣвшей головой. Мысли, одна другой несбыточнѣе, безсвязно проходили въ умъ его: то ему думалось ѣхать за княгиней въ Петербургъ, преслѣдовать ее годъ, два, лишь бы добиться ея любви, — то похитить ее здѣсь и увезти куда-нибудь

съ собой далеко. Наконецъ, онъ вдругъ вскочилъ съ своей постели, схватилъ бумагу и написалъ княгини письмо: «Я страшно заболѣлъ и вѣроятно не вдолгъ опять помѣшаюсь... Молю объ одномъ: пришлите мнѣ вашъ большой портретъ, который виситъ у васъ въ угольной комнатѣ; я поставлю его вмѣсто образа въ головахъ, когда буду умирать!»

Отправивъ записку эту, онъ снова послалъ за водкой, напился ею до безчувственности и опять заснулъ.

Княгиня, получивъ записку, окончательно перепугалась. Портретъ она, разумѣется, сейчасъ же послала и приложила къ нему еще записочку: «По-сылаю вамъ мою фотографію; но вы спрячьте ее, потому что я сегодня непременно упрошу мужа захватить къ вамъ и сказать мнѣ, что такое съ вами?»

За обѣдомъ она дѣйствительно сказала князю:

— Миклаковъ прислалъ ко мнѣ записку, что онъ очень боленъ.

— Это чѣмъ и отчего? — спросилъ тотъ.

— Не знаю, — проговорила княгиня потупляясь. — Ты не заѣдешь-ли его провѣдать.

— Непремѣнно, сегодня же!

— Пожалуйста, съѣзди и мнѣ скажешь, что такое съ нимъ, — повторила княгиня.

— Хорошо! — отвѣчалъ князь и, вставъ изъ за стола, сейчасъ же велѣлъ подать себѣ карету и поѣхалъ къ Миклакову.

Тотъ въ это время успѣлъ уже опять проснуться, и мрачный, истерзанный, сидѣлъ передъ полученнымъ портретомъ княгини и смотрѣлъ на него. Вдругъ раздались шаги. Миклаковъ сообразилъ, что

это можетъ быть князь, и спряталъ портретъ въ ящикъ.

Въ номеръ, дѣйствительно, вошелъ князь.

— Что такое съ вами? — воскликнулъ онъ, пораженный наружнымъ видомъ Миклакова.

— Да такъ что-то... не совсѣмъ хорошо! — отвѣчалъ тотъ, по преимуществу, стараясь, какъ бы не дохнуть на князя виномъ.

— Но что же именно? — разспрашивалъ его тотъ.

— Опять, кажется, сумашествіе начинается, — отвѣчалъ Миклаковъ, держась за голову, которая отъ боли треснуть была готова.

— Не можетъ быть! — возразилъ князь искренно-встревоженнымъ голосомъ. — Но что же это отъ любви, что-ли, опять какой нибудь? — присовокупилъ онъ, смотря, по преимуществу, съ удивленіемъ на воспаленные глаза Миклакова и на его перепачканные въ пуху волосы.

— А чортъ его знаетъ отъ чего! — отвѣчалъ тотъ.

— Не хотите-ли, я вамъ медика пришлю?

— Не нужно-съ! — пропзнесъ съ досадою Миклаковъ, и при этомъ всталъ со стула, подошелъ къ постели своей и легъ на нее, а потомъ началъ растирать рукою грудь, какъ бы затрудняясь, чѣмъ дышать.

Князь продолжалъ смотрѣть на него съ участіемъ.

— Не мѣшаю-ли я вамъ? Вы заснуть, кажется, хотите, — присовокупилъ онъ, видя, что Миклаковъ закрылъ глаза и нѣсколько времени лежитъ въ такомъ видѣ.

— Да, лучше оставьте меня; я одинъ какъ-нибудь тутъ пролежусь, — отозвался, не открывая своихъ глазъ, Миклаковъ.

— А медика рѣшительно не хотите? — переспросилъ его князь.

— Рѣшительно не хочу.

Князь, дѣлать нечего, уѣхалъ и завернулъ сначала домой, чтобы рассказать о своемъ посѣщеніи княгини.

— Онъ чуть-ли опять съ ума не сходитъ, — проговорилъ онъ, входя къ ней.

Княгиня поблѣднѣла.

— Какъ съ ума сходитъ? — почти воскликнула она. — Что же, онъ лежитъ въ постели?

— Не лежитъ, а весь видъ имѣетъ сумашедшаго человѣка; я предлагалъ было прислать ему доктора, — не хочетъ.

— Но если онъ сумашедшій, что же его слушать? Просто послать къ нему доктора!

— Посылай, пожалуй, — не приметъ, или даже прогнать!

При этомъ разговорѣ, князю въ первый разъ еще запало въ голову нѣкоторое подозрѣніе, что не влюблена-ли жена въ Миклакова, и онъ рѣшился спросить объ этомъ Елену, которая, какъ припомнилъ онъ теперь, кое-что, въ шутку конечно, и намекала ему на это.

По отъездѣ мужа снова изъ дому, княгиня осталась въ совершенномъ отчаяніи: изъ-за нея человекъ съ ума сходитъ, могъ умереть — наконецъ! По

своей добротѣ, она готова была пожертвовать собою, чтобы только спасти его; но какъ это сдѣлать, она рѣшительно не могла понять. Къ счастью, къ ней явилась на помощь госпожа Петецкая, которая сейчасъ же замѣтила ея смущенный и разстроенный видъ и приступила къ ней съ разспросами: что это значить? Княгиня рѣшилась на этотъ разъ быть совершенно откровенною. Она рассказала ей, какъ Миклаковъ прислалъ ей съ объясненіемъ въ любви записку, какъ онъ у нея былъ потомъ, и она сказала ему, что уѣзжаетъ въ Петербургъ къ отцу и матери.

— Но развѣ вы въ самомъ дѣлѣ уѣзжаете? — воскликнула госпожа Петецкая, тоже испугавшись. Она сама очень многое теряла въ княгинѣ, не говоря уже о дружбѣ ея, даже въ матеріальномъ отношеніи: та безпрестанно дѣлала ей подарки, давала часто денегъ взаймы!

— Да, то есть, я хотѣла уѣхать, — отвѣчала княгиня сконфуженнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ?.. Для чего?

— Для того... Что же мнѣ остается дѣлать?

— Какъ что?.. Я не понимаю вашего вопроса.

— Не отвѣчать же мнѣ на его чувство, — пояснила наконецъ княгиня, краснѣя въ лицѣ.

— Стало быть, онъ вамъ не нравится!

— Тутъ дѣло не въ томъ, нравится ли онъ мнѣ или нѣтъ; но мнѣ никто не долженъ нравиться.

— Это почему? — спросила госпожа Петецкая съ удивленіемъ.

— Потому, что я — замужняя женщина.

— Нѣтъ, вы не замужняя женщина, вы — раз-

водка, даже больше того: вы — вдова, потому что мужъ вашъ для васъ невозвратимъ, и что бы вы теперь ни дѣлали, васъ извинять не только что люди, но и Богъ!

— Да я-то себя не извиню! — отвѣчала княгиня.

Госпожа Петицкая при этомъ пожала плечами.

— Тутъ дѣло не во мнѣ, — продолжала княгиня: — еслибъ одной меня касалось, я бы сумѣла совладѣть со всякимъ моимъ чувствомъ; но тутъ другой человѣкъ замѣшанъ: онъ, говорятъ, съ ума сходитъ и умретъ.

— Очень не мудрено... Это не баронъ, который поухаживалъ, его прогнали, онъ и утѣшился сейчасъ: Миклаковъ — человѣкъ съ чувствомъ, съ душой.

Госпожа Петицкая готова была Богъ знаетъ какъ хвалить Миклакова, чтобы только полюбила его княгиня и не уѣхала въ Петербургъ.

— А теперь я и поправить рѣшительно не знаю какъ, — присовокупила та.

— Ахъ, Боже мой, какъ трудно, скажите пожалуйста! — воскликнула Петицкая: — напишите ему, что отвѣчаете на его чувство — вотъ и все!

— Низачто!.. никогда!.. — воскликнула княгиня почти съ ужасомъ. — Если бы какъ-нибудь при свиданіи успокоить и утѣшить его какимъ-нибудь словомъ, — я готова.

— Ну, утѣшьте его при свиданіи.

— Но гдѣ-жъ я его увижу?

— У васъ... Пошлите къ нему, чтобъ онъ пришелъ къ вамъ.

— Не могу я послать къ нему, потому что это значило бы прямо признаться ему въ любви.

Петлицкая только усмѣхнулась при этомъ и опять пожала плечами; княгиня начала становиться для нея совершенно непонятною.

— Ну, хотите я къ нему напишу, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ?

— Что-жъ изъ того, что онъ къ вамъ придетъ?

— То, что и вы ко мнѣ пріѣзжайте: у меня и увидите, — больше ничего!

Княгиня нѣкоторое время думала.

— Пожалуй... Хорошо!.. — отвѣтила наконецъ она.

Госпожа Петлицкая послѣ этого сейчасъ же побѣжала домой и написала Миклакову записку на французскомъ языкѣ, въ которой приглашала его къ ней, поясняя, что у нея будетъ «une personne, qui désire lui dire quelques paroles consolatrices», и что настанетъ даже время, «il sera complètement heureux». Въ концѣ же записки было прибавлено: «у меня также будетъ и княгиня Григорова». Къ счастью Миклакова, что онъ послѣ посѣщенія князя удержался и не пилъ цѣлый вечеръ; на другой день поутру отправился даже на службу, по возвращеніи съ которой онъ и получилъ благодатную вѣсточку отъ госпожи Петлицкой. Радость его съ полною ясностью и описать даже не могу, а скажу только, что Миклаковъ началъ по своему номеру танцовать, припрыгивать, прищелкивать. Затѣмъ, не выпивши ни рюмки вина или водки, пообѣдалъ только, и такъ какъ всю предыдущую ночь не спалъ, то заснулъ мертвымъ сномъ и часовъ въ восемь проснулся поздоро-

вѣвшій и совершенно счастливый. Расфрантившись, надушившись, онъ отправился къ госпожѣ Петицкой, которая въ своей маленькой кмартиркѣ, очень мило убранной, приготовила все какъ слѣдуетъ для приѣма гостей. У ней готовъ былъ чай съ бриошками, карточный столикъ былъ поставленъ въ небольшой гостиной, и даже заказанъ былъ легкій ужинъ. Когда Миклаковъ пришелъ къ Петицкой, княгиня была уже у ней.

— Вы были больны? — спросила его Петицкая.

— Да, и порядочно! — отвѣчалъ ей Миклаковъ немного смущеннымъ голосомъ отъ тайной мысли, чѣмъ собственно онъ былъ боленъ.

Княгиня вся пылала въ лицѣ.

Госпожа Петицкая, только-что передъ тѣмъ убѣж давшая ее какъ можно скорѣе ободрить Миклакова поспѣшила будто бы за чѣмъ-то но хозяйству выйти.

— Кто это позволилъ вамъ быть больнымъ? — проговорила княгиня, когда они остались вдвоемъ, и видимо употребляя надъ собой страшное усиліе.

— Что дѣлать, силъ неостало перенести такой ударъ, — отвѣчалъ Миклаковъ, держа голову и глаза потупленными,

— Удара тутъ никакого нѣтъ!... Я вовсе не ѣду въ Петербургъ! — говорила княгиня.

— Не ѣдете? — спросилъ Миклаковъ радостнымъ голосомъ.

— Не ѣду! Только теперь, пожалуйста, нечего больше объ этомъ говорить!... — присовокупила она скороговоркой и затѣмъ сейчасъ же перевела разговоръ на совершенно другіе предметы. Когда потомъ

госпожа Петицкая возвратилась, то княгиня замѣтно была рада ея приходу и даже сказала ей:

— Не извольте больше уходить!

Госпожа Петицкая, разумѣется, повиновалась ей; но вмѣстѣ съ тѣмъ сгорала сильнымъ нетерпѣніемъ узнать, объяснился ли Миклаковъ съ княгиней или нѣтъ, и для этой цѣли она изобрѣтала разные способы: пригласивъ гостей, послѣ чаю, съѣсть играть въ карты, она приняла видъ, что какъ-будто бы совершенно погружена была въ игру, а въ это время однимъ глазомъ подсматривала, что переглядываются ли княгиня и Миклаковъ, и замѣчала, что они переглядывались; потомъ, по окончаніи пульки, Петицкая, какъ-бы забывъ приказаніе княгини, опять ушла изъ гостиной и сильнѣйшимъ образомъ хлопнула дверью въ своей комнатѣ, желая тѣмъ показать, что она затворилась тамъ, между тѣмъ сама, спустя нѣкоторое время, влѣзла на свою кровать и стала глядѣть въ нарочно сдѣланную въ стѣнѣ щелочку, изъ которой все видно, что происходило въ гостиной. При этомъ госпожа Петицкая очень ясно рассмотрѣла, что Миклаковъ сидѣлъ нѣкоторое время, понуривъ голову, и чертилъ мѣломъ на столѣ; княгиня же, откинувшись на задокъ кресель, то вскидывала на него глаза свои, то снова опускала ихъ. Вдругъ Миклаковъ что-то такое проговорилъ ей. Княгиня на это, осмотрѣвшись боязливо кругомъ, протянула ему свою руку, которую онъ съ жаромъ поцѣловалъ. Госпожа Петицкая и этимъ ужъ была довольна на первый разъ и сошла съ своего наблюдательнаго поста.

IX.

Въ одно утро Елпидифоръ Мартынычъ бесѣдовалъ съ Елизаветой Петровной и самъ былъ при этомъ въ какомъ-то елейномъ и добромъ настроеніи духа. Князь наканунѣ только прислалъ ему тысячу рублей и приглашеніе снова сдѣлаться годовымъ въ домѣ его врачомъ.

— Что, ничего еще на внучка не получали? Ничѣмъ князь его не обезпечилъ? — спрашивалъ онъ, повертывая между пальцами свою золотую табакерку.

— Ничѣмъ!... ни грошемъ!... — отвѣчала Елизавета Петровна невеселымъ голосомъ.

— Онъ обезпечить непременно!... Не такой человекъ князь! — успокоивалъ ее Елпидифоръ Мартынычъ.

— Знаю, что не такой человекъ по душѣ своей; но, вѣдь, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: сегодня живъ, а завтра нѣтъ, — что тогда со всѣми нами будетъ?

— Да, конечно, к-ха!... — согласился Елпидифоръ Мартынычъ: — объяснить бы какъ-нибудь вамъ это надо было ему, присовокудилъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ это — благодарю покорно! — возразила Елизавета Петровна грустно-насмѣшливымъ голосомъ. — Мнѣ дочка, вонъ, напрямикъ сказала: «Если вы, говорятъ, маменька, еще разъ заикнетесь говорить съ княземъ о деньгахъ, такъ я видѣться съ вами не буду». Ну, такъ мнѣ тутъ погибай лучше все, а видѣть ее я желаю.

— Конечно, конечно! — опять согласился Елпидифоръ Мартынычъ.

— Вы тоже не хотите сказать князю объ этомъ, хоть и ваша личная польза тутъ замѣшана, — говорила Елизавета Петровна.

— Мнѣ какъ сказать ему объ этомъ?... — На это надобно имѣть большое право.

— Да, вѣдь, прежде же говорили?...

— Прежде все-таки не о такомъ важномъ предметѣ шелъ разговоръ. Кромѣ того, я тутъ тоже черезъ одну особу дѣйствовалъ.

— Черезъ какую же это особу?

— Такъ, тутъ, черезъ одну — к-ха!

— Гдѣ же теперь эта особа?

— Умерла! — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, чтобъ отвязаться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ Елизаветы Петровны.

Дѣйствовалъ онъ, какъ мы знаемъ, черезъ Анну Юрьевну; но въ настоящее время никакъ не могъ сдѣлать того, потому что, когда Анна Юрьевна вышла въ отставку, и отъ новой попечительницы Елпидифору Мартынычу, какъ любимцу бывшей попечительницы, начала угрожать опасность быть спущеннымъ, то онъ, чтобы спастись на своемъ мѣстѣ, сдѣлалъ ей на Анну Юрьевну маленькій доносецъ, которая, случайно узнавъ объ этомъ, прислала ему съ лакеемъ сказать, чтобъ онъ послѣ того и въ домъ къ ней не смѣлъ показываться. Елпидифоръ Мартынычъ смиренно покорился своей участи, хотя въ душѣ и глубоко скорбѣлъ о потерѣ практики въ такомъ почтенномъ домѣ.

— Но какъ же тутъ быть, что дѣлать? — спрашивала его Елизавета Петровна.

Елпидифоръ Мартынычъ развелъ руками.

— К-ха!... — началъ онъ, какъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ съ кашля: — отъ времени тутъ надобно больше всего ожидать.

— Что же время можетъ сдѣлать?... Только несчастье намъ можетъ принести, если, чего не дай Богъ слышать, князь умретъ, — перебила его Елизавета Петровна.

— А время вотъ что-съ можетъ принести!... — продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, перемежая по временамъ рѣчь свою кашлемъ:—когда вотъ послѣдній разъ я видѣлъ княгиню, она очень серьезно начала спрашивать меня, что полезно ли будетъ для ея здоровья уѣхать ей за границу, — ну я, разумѣется, зная ихъ семейную жизнь, говорю: «что отлично это будетъ, безподобно, и поѣзжайте,» говорю, «не на одинъ какой-нибудь сезонъ, а на годъ, на два.»

— Чтожь изъ того, что она поѣдетъ за границу?.. Поѣдетъ, да и прѣдетъ! — возразила Елизавета Петровна.

Елпидифоръ Мартынычъ нахмурилъ при этомъ свои густыя брови.

— Ну, пока еще прѣдетъ, а князь тѣмъ временемъ совершенно будетъ въ рукахъ вашихъ, — произнесъ онъ.

— Да развѣ въ моихъ, батюшка, въ моихъ развѣ рукахъ онъ будетъ?... Я опять тутъ ни при чемъ останусь! — воскликнула Елизавета Петровна.

— Что-жь ни при чемъ? вамъ тогда надобно бу-

детъ немножко побольше характеру показать!.. Идти къ князю на домъ, что ли, и просить его, чтобъ онъ обезпечилъ судьбу внука. Онъ вашу просьбу долженъ въ этомъ случаѣ понять и одѣнить, и теперь, какъ ему будетъ угодно — деньгами ли выдать или вексель. Только на чье имя? На имя младенца дѣлать глупо: умеръ онъ, — Еленѣ Николаевнѣ одни только проценты пойдутъ; на имя ея — она не желаетъ того; значитъ, прямо вамъ: умрете вы, никому же достанется, какъ имъ!..

— Такъ, такъ! — согласилась Елизавета Петровна съ блистающими отъ удовольствія глазами, и какъ бы заранѣе предвкушая блаженство имѣть на князѣ въ тридцать, въ сорокъ тысячъ вексель.

Умасливъ такимъ образомъ старуху, Елпидифоръ Мартынычъ поѣхалъ къ Еленѣ, которая въ это время забавлялась съ сыномъ своимъ, держа его у себя на колѣняхъ. Князь сидѣлъ невдалекѣ отъ нея и почти съ пламеннымъ восторгомъ смотрѣлъ на малютку, наконецъ, не въ состояніи будучи удержаться, наклонился, вынулъ ножку ребенка изъ-подъ пеленки и началъ ее цѣловать.

— А посмотри, ручки у него какія смѣшныя, — сказала Елена, вытаскивая изъ-подъ пеленки ручку ребенка.

Князь и ту началъ цѣловать.

— А носикъ у него какой тоже славный! — произнесла Елена и тутъ ужъ сама не утерпѣла, подняла ребенка и начала его цѣловать въ щечки, въ глазки; тому это не понравилось: онъ сморщилъ носикъ и натянулъ губки, чтобы сейчасъ же рывкнуть; но Елена поспѣшила снова опустить его на колѣни, и малютка, корчась своими раскрытыми рученками и

ноженками, принялся свои собственные кулачки совать себѣ въ ротъ. Счастію князя и Елены предѣловъ не было.

Въ комнату вошелъ наконецъ пріѣхавшій Елпидифоръ Мартынычъ.

— Приятная семейная картина! — произнесъ онъ негромкимъ голосомъ.

— Ахъ, здравствуйте! — сказала ему на это Елена довольно ласковымъ голосомъ.

— Здравствуйте! — сказалъ ему тоже ласково и князь.

— Прежде всего-съ к-ха! — началъ Елпидифоръ Мартынычъ: — осмотримъ Николая Григорьяча... Теплота въ тѣлцѣ умѣренная, пупокъ хорошъ, а что это глазки ваши вы такъ держите?... Не угодно ли вамъ ихъ открыть!..—И Елпидифоръ Мартынычъ дотронулся легонько пальцемъ до горлышка ребенка и тотъ при этомъ сейчасъ же открылъ на него свои большіе, черные глаза.

— Воспалены немного, воспалены,—продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ:—маленькое прилитіе крови къ головкѣ есть.

— Но онъ ужасно много ѣсть и спить! — какъ бы пожаловалась Елена на сына.

— И отлично дѣлаетъ, что симъ занимается, отлично! — подхватилъ Илліонскій и усѣлся, чтобы, по обыкновенію своему, поболтать.

— Какой случай сейчасъ! — началъ онъ съ усмѣшкою: — подъѣзжаю я почти къ здѣшнему дому, вдругъ мнѣ навстрѣчу сынъ этого богача Оглобинъ, — какъ его: Николай Гаврилычъ, что ли!... Вѣдь онъ, кажется, родственникъ вамъ?

— По несчастью, родственникъ, — отвѣчалъ князь, начинавшій немного досадовать въ душѣ, зачѣмъ Елпидифоръ Мартынычъ разсѣлся тутъ и мѣшаетъ ему любоваться сыномъ.

— Только вдругъ онъ кричитъ: «стой! стой!» — продолжалъ свой рассказъ докторъ. — Я думалъ, Богъ знаетъ что случилось: останавливаюсь... онъ соскакиваетъ съ своего экипажа, подбѣгаетъ ко мнѣ: «дайте-ка, говоритъ, мнѣ вашу шляпу, а я вамъ отдамъ мою шапку. Мнѣ, говоритъ, ужь нужно ѣхать въ маскарадъ, и я хочу нарядиться докторомъ». «Что такое, говорю, за глупости!» Ну, присталъ: «дайте, да дайте!» Думаю, сынъ такого почтеннаго и именитаго человѣка, — взялъ, да и отдалъ, а онъ мнѣ далъ свою шапку. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что моя-то шляпенка ничего не стоитъ, а шапка рублей двѣсти, чай, заплачена. — И съ этими словами Елпидифоръ Мартынычъ встряхнулъ передъ глазами своихъ слушателей въ самомъ дѣлѣ дорогую бобровую шапку Оглоблина и вмѣстѣ съ тѣмъ очень хорошо замѣтилъ, что разговоромъ своимъ несколько не заинтересовалъ ни князя, ни Елену; а потому, полагая, что, по общей слабости влюбленныхъ, они снова желаютъ остаться вдвоемъ, онъ не преминулъ тотчасъ же прекратить свое каляканье и уѣхать.

Николя Оглоблинъ выпросилъ шляпу у Елпидифора Мартыныча дѣйствительно для маскарада; но только хотѣлъ нарядиться не докторомъ, — это онъ солгалъ, а трубочистомъ. Мѣсяца два уже monsieur Николя во всѣхъ маскарадахъ постоянно ходилъ съ одной женской маской въ черномъ домино, а самъ былъ просто во фракѣ; но передъ послѣднимъ те-

атральнымъ маскарадомъ получилъ, вѣроятно, отъ этого домино записочку, въ которой его умоляли, чтобы онъ явился въ маскарадъ замаскированнымъ, такъ какъ есть будто бы злые люди, которые подмѣчаютъ ихъ свиданія, — «но только, Бога ради, прибавлялось въ записочкѣ, не въ богатомъ костюмѣ, въ которомъ сейчасъ узнаютъ Оглоблина, а въ самомъ простомъ.» Никола началъ думать себѣ голову: какой-бы это такой простой костюмъ изобрѣсть; не въ цирюльню же ѣхать и взять тамъ себѣ какую-нибудь мерзость. Но когда онъ встрѣтилъ Елипидфора Мартыныча и невольно обратилъ вниманіе на его лоснящуюся противъ солнца скверную, круглую шляпенку, то ему вдругъ пришла въ голову счастливая мысль выпросить эту шляпу и одѣться трубочистомъ. Намѣреніе свое, какъ мы видѣли, онъ привелъ въ исполненіе и въ двѣнадцать часовъ былъ уже въ предполагаемомъ костюмѣ въ театральной залѣ. Вскорѣ потомъ онъ увидѣлъ свое знакомое женское домино и прямо направился къ нему.

— Ахъ, это вы?—проговорило ему домино пискливымъ голосомъ.

— Я-съ! — отвѣчалъ Никола, едва ворочая подъ маской своими толстыми губищами и сильно задыхаясь подъ ней.

Затѣмъ маска взяла Оглоблина подъ руку.

— Лучше намъ, я думаю, ложу взять; здѣсь тѣсно, да и такая дрянная толпа, — проговорила она.

— Вот! повиновался ей Никола и взялъ самую темную ложу въ бенуарѣ.

Толпа замаскированныхъ все больше и больше прибывала и, между прочимъ, вошли цѣлыхъ пять

мужскихъ масокъ: двѣ впереди подъ руку и сзади тоже подъ руку три. Маски эти, должно быть, были все народъ здоровый, не совсѣмъ благовоспитанный и замѣтно выпившій.

— Что-жъ они здѣсь?—спросила одна изъ переднихъ масокъ.

— Здѣсь! Я ужъ справлялся. — Онъ сегодня въ костюмѣ трубочиста.

— А, въ костюмѣ трубочиста! Ха, ха, ха!.. говорилъ и смѣялся спрашивающій.

Задняя тройка шла молча и какъ-то неуклюже шагая. Въ передней парѣ одинъ одѣтъ былъ разбойникомъ, съ огромнымъ кинжаломъ за поясомъ, а другой — кучеромъ съ арапникомъ. Задніе же всѣ нарядены были въ потасканные, грубые костюмы капуциновъ, съ огромными четками въ рукахъ. Проходя мимо того бенуара, въ которомъ помѣстился Никола съ своей маской, разбойникъ кивнулъ головой своему товарищу и проговорилъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:

— Смотри, вотъ они гдѣ сидятъ.

— Ага!.. И отлично! — повторилъ опять другой и снова захохоталъ. — Ребятамъ-то надобно дать еще выпить!—присовокупилъ онъ, когда они прошли ложу.

— Дадимъ! Пойдемте, господа, вонимте! — проговорилъ разбойникъ, обращаясь къ задней тройкѣ.

— Вонимъ, вонимъ! отозвалась одна изъ масокъ, и всѣ они, съ видимымъ удовольствіемъ, последовали за разбойникомъ, который провелъ ихъ въ буфетъ, гдѣ и предложилъ имъ цѣлый графинъ водки въ ихъ распоряженіе. Всѣ три капуцина

сейчасъ же выпили по рюмбѣ и потомъ, не закусивши даже, по другой; а разбойникъ и кучеръ угостили себя по стаканчику лисабонскаго.

— Теперь-съ,—началь первый изъ нихъ толковать прочимъ товарищамъ:—какъ они тронутся, мы на тройкѣ за ними; дѣвка ужъ подкуплена, на звонокъ отворить намъ, мы войдемъ и сдѣлаемъ свое дѣло...

— Чтобы тоже кто изъ сосѣдей не услыхалъ: пожалуй, и полицію притащать!—замѣтилъ одинъ изъ капуциновъ, вѣроятно, болѣе благоразумный.

— Да никто, чортъ ты этакой, не услышитъ,—возразилъ ему съ досадой разбойникъ:—совершенно отдѣльный флигель и ходъ даже съ улицы: я прѣзжалъ туда, бывало, какой пьяный, пѣлъ и оралъ, чертямъ тошно,—никто никогда ничего не слыхалъ!

— Да вѣдь, наконецъ, братъ, коли взялся, такъ отиѣкиваться нечего! — подхватилъ кучеръ, обращаясь къ капуцину.

— Коли деньги взялъ, такъ дѣйствуй, какъ велѣтъ! — подхватилъ другой капуцинъ.

— Да, это точно что...—согласился невеселымъ голосомъ первый капуцинъ.

Въ это время Никола и Петицкая (читатель, вѣроятно, догадался, кто была эта маска) продолжали сидѣть въ своемъ бенуарѣ и разговаривали между собой. Госпожа Петицкая была на этотъ разъ болѣе, чѣмъ грустна. Пользуясь тѣмъ, что она сидѣла въ совершенно почти темномъ углу ложи, маску свою она сняла и, совершенно опустивъ въ землю глаза, нетерпѣливой рукой, сама, кажется, не замѣчая, того, вертѣла свое домино до того, что изорвала даже его.

Monsieur Николая тоже былъ въ какомъ-то раздраженно-воспаленномъ состоянiи. Онъ передъ тѣмъ только спросилъ бутылку шампанскаго, которую хотѣлъ было распить вмѣстѣ съ госпожей Петицкой, что и дѣлалъ всегда обыкновенно въ прежнiе маскарады; но та рѣшительно отказалась, такъ что онъ всю бутылку принужденъ былъ выпить одинъ.

— Этому рѣшительно не должно продолжаться, — говорила госпожа Петицкая.

— Но почему же? — спрашивалъ Николай удивленнымъ и испуганнымъ голосомъ.

— Потому что завтра или послѣ-завтра должна прѣхать моя сестра ко мнѣ, и я не хочу, чтобы она была свидѣтельницей моего позора.

У поспожы Петицкой ни на какую сестру въ цѣломъ мiрѣ намека не было.

— Но что-жь сестра?.. Мы можемъ видаться не у васъ, а въ гостиницахъ! — какъ-то плепалъ больше Николая своимъ толстымъ языкомъ.

— Что?.. что?.. — воскликнула госпожа Петицкая. — Это ужь глупо, наконецъ, такъ говорить! — проговорила она, какъ-бы и раздраженнымъ голосомъ.

Николай сильно сконфузился такимъ замѣчанiемъ.

— Вы принимаете меня и не знаю за какую женщину... — продолжала госпожа Петицкая.

— Нисколько я не принимаю!.. И думать никогда ничего подобнаго не смѣлъ!.. Я люблю только пламенно васъ, — говорилъ Николай.

Петицкая захохотала самымъ обиднымъ, саркастическимъ смѣхомъ.

— Чему же вы смѣетесь? — спросилъ ее Николай,

въ свою очередь, тоже обиженнымъ и опечаленнымъ тономъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — произнесла на это, какъ-бы больше сама съ собой, госпожа Петицкая. — Если бы вы дѣйствительно любили меня пламенно, обратилась она къ Николаю: — такъ не стали бы спрашивать, чему я смѣюсь, а сами бы поняли это.

— Но какъ же мнѣ понять? Ей-богу, я не знаю, научите меня, — *je vous supplie*.

— Подобнымъ вещамъ не учать-сь, а мужчины, любя, сами знаютъ ихъ!

Николай на это пожалъ только плечами. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ поставленъ въ довольно затруднительное положеніе; по своему уму-разуму и по опытамъ своей жизни, онъ полагалъ, что если любимая женщина груститъ, капризничаетъ, недовольна вами, то стоить только дать ей денегъ, и она сейчасъ успокоится: но въ госпожѣ Петицкой онъ встрѣтилъ совершенно противоположное явленіе: сблизясь съ ней довольно скоро послѣ ихъ перваго знакомства, онъ, видя ея небогатую жизнь, предложилъ было ей пятьсотъ рублей; но она отвергнула это съ негодованіемъ. Потомъ онъ и послѣ того нѣсколько разъ умолялъ ее принять отъ него или деньги, или хоть подарокъ какой-нибудь; на все это госпожа Петицкая только грустно усмѣхалась и отрицательно качала головой. Она въ этомъ случаѣ имѣла совершенно иные виды: слывя между всѣми своими знакомыми, конечно, немножко за кокетку, но въ то же время за женщину весьма хорошей нравственности, тѣмъ не менѣе однако госпожа Петицкая, при мужѣ и во вдовствѣ, постоянно имѣла обожателей, но только

она умѣла это дѣлать какъ-то необыкновенно скрытно: выдалась съ ними по большей части не дома, а если и дома, то всегда подбирала прислугу очень глупую и ничего не понимающую. Самой живой и сильною страстью ея въ послѣднее время былъ Архангеловъ; онъ сильно плѣнилъ ее красотой своею; но на розахъ любви, если только подъ ними не подложено обезпеченнаго состоянія, какъ извѣстно, нельзя долго почить. Госпожа Петицкая увидала, что ей скоро кушать будетъ нечего, потому что Архангеловъ только опивалъ и объѣдалъ ее, да еще денегъ у нея бралъ займы; само благоразуміе заставляло ее не пренебречь ухаживаніемъ monsieur Николя и, рассчитывая на его недалекость и чувственный темпераментъ, госпожа Петицкая надѣялась даже женить его на себѣ; для этого она предположила сначала сблизиться съ нимъ, показать ему весь рай утѣхъ, и вдругъ все это прервать, объяснивъ ему, что рай сей онъ можетъ возвратить только путемъ брака. Настоящее свиданіе было послѣднее, на которомъ она и предназначила объявить ему свое рѣшеніе.

— Что-жь, мы отсюда къ вамъ поѣдемъ? — проговорилъ Николя какимъ-то ужъ робкимъ голосомъ.

Петицкая нѣкоторое время недоумѣвала: сказать ли ему свое рѣшеніе въ маскарадѣ и потомъ самой уѣхать, оставя Николя одного?.. Но какъ въ этомъ случаѣ можно было понадѣяться на мужчину: пожалуй, онъ тутъ же пойдетъ, увлечется какой-нибудь маской и сейчасъ же забудетъ ее! Гораздо было вѣрнѣе зазвать его въ свой уединенный уголокъ, увлечь его тамъ и тогда сказать ему: *finita la comedia!*

— Поѣдете, если ужъ вы такъ желаете этого,— отвѣчала она ему грустнымъ тономъ.

Николя былъ въ восторгѣ и предложилъ сейчасъ же уѣхать изъ маскарада.

— Хорошо,—отвѣчала Петицкая и на это грустнымъ тономъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они въ каретѣ Николая уже неслись въ скромный проулокъ жилища госпожи Петицкой. Вскорѣ за ними, этимъ же путемъ, проѣхала и ухорская извозничья тройка съ нѣсколькими сѣдоками.

По возвращеніи домой, Петицкая не позволила Николаю войти прямо за собой въ спальню и объявила ему, что она еще переодѣться хочетъ, потому что ей будто бы страшно неловко было въ маскарадномъ платьѣ, и когда, наконецъ, онъ былъ допущенъ, то увидѣлъ ее сидящею въ восхитительной блузѣ.

Николя даже совѣстно сдѣлалось, что самъ онъ одѣтъ былъ трубочистомъ. Онъ тяжело опустился въ кресло и началъ глядѣть на свою собесѣдницу. Отъ выпитаго шампанскаго и отъ волновавшей его страсти у него глаза даже выперло впередъ.

— Подите сюда, я васъ поцѣлую! — произнесъ онъ какимъ-то задыхающимъ голосомъ.

— Нѣтъ!... Нельзя! — отвѣчала на это госпожа Петицкая, отрицательно качнувъ головой и не трогаясь съ своего мѣста.

— Отчего же нельзя?—спросилъ Николая уже съ испугомъ и удивленіемъ.

— Отъ того же!... — отвѣчала протяжно Петиц-

вая, — что посидите еще у меня немного, и adieu навсегда.

— Не можетъ быть, вы шутите?... — говорилъ Никола: у него на глазахъ почти были слезы.

— Нисколько!... — Я долго себѣ позволяла безразсудно увлекаться, пора же и опомниться!

— Но почему же безразсудно?—бормоталъ Никола.

— Почему безразсудно?... — Странный вопросъ! — отвѣчала госпожа Петецкая грустно-насмѣшливымъ голосомъ.—Словомъ,—присовокупила она рѣшительнымъ тономъ:—любовницей я ничѣй больше быть не желаю, но женой вашей съ величайшимъ восторгомъ буду!

Никола опять выпучилъ глаза, и неизвѣстно, что бы онъ отвѣчалъ, но въ это время раздакъ сильный звонокъ.

Петецкая вздрогнула и не успѣла крикнуть горничной, чтобы та не отворяла дверей, какъ услышала, что та ужъ прибѣжала и отворила ихъ.

Въ переднюю вошли нѣсколько замаскированныхъ людей: это были знакомые намъ разбойникъ, кучеръ и капуцины. Горничная какъ-бы отъ испугу вскрикнула и затѣмъ, убѣжавъ въ кухню, спряталась тамъ. Разбойникъ повелъ своихъ товарищей хорошо, какъ видно, знакомымъ ему путемъ. Они вошли сначала въ залу, а потомъ, черезъ маленькую дверь, прямо очутились въ спальнѣй.

— А, вотъ они!—вскрикнулъ разбойникъ, вынувъ свой кинжалъ и махнувъ имъ.

— Боже мой! — вскрикнула Петецкая. Она, кажется, узнала вошедшихъ, или, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ.

Николя съ испуганнымъ и удивленнымъ лицомъ хлопалъ пока только глазами.

— Распоряжайтесь съ этимъ бариномъ хорошенько!—вскрикнулъ разбойникъ, показывая на него товарищамъ. Тѣ сейчасъ же бросились на Никола, и какъ тотъ ни отбивался, они повергли его на полъ и принялись его хлестать — кучеръ плетью, а кауццины четками.

— Боже мой! Боже мой!—стонала, между тѣмъ, Петецкая, ломая руки.

Передъ ней стоялъ разбойникъ съ поднятымъ кинжаломъ. Никола первоначально продолжалъ, ругаясь, отбиваться и старался высвободиться; наконецъ началъ орать во все горло и кричать: «карауль!»

— О, не кричите такъ!... вы меня совсѣмъ погубите!—упрашивала его Петецкая.

Николя началъ ужъ восклицать: «умираю! умираю!»

— Ну, бросьте его!—разрѣшилъ, наконецъ, разбойникъ.

Кауццины поотпустили Никола, который мгновенно же поднялся на ноги и бросился бѣжать. Въ передней онъ едва успѣлъ схватить шубу и, держа ее въ рукахъ, вскочилъ въ свою карету и велѣлъ, что есть духу, везти себя домой.

— Ну, теперь васъ, madame, — обратился разбойникъ къ Петецкой.

— Сержъ, умоляю тебя, я невинна! — взмолилась къ нему она.

— Знаю я васъ, какъ вы невинны! — воскликнулъ разбойникъ.

Здѣсь, впрочемъ, авторъ находитъ болѣе удобнымъ навинуть завѣсу на послѣдовавшую затѣмъ грустную и возмутительную картину и воскликнуть только:

«О, родина моя!

•Когда смягчишься въ нравахъ ты!»

Х.

На другой день послѣ описаннаго нами горестнаго событія, княгиня получила отъ Петицкой записку, которую та прислала въ ней со своей горничной, очень безобразной изъ себя. Горничную эту госпожа Петицкая тоже считала весьма недалекою; но въ сущности врядъ ли это было такъ: горничная дѣйствительно имѣла рожу наподобіе пряничной формы и при этомъ какой-то огромный, глупый носъ, которымъ она вдобавокъ еще постоянно храпѣла и сопѣла; но въ то же время она очень искусно успѣла увѣрить барыню, что во вчерашнемъ происшествіи будто бы сама очень испугалась и поэтому ничего не слыхала, что происходило въ спальнѣ. Въ запискѣ своей, написанной, по обыкновенію, очень правильнымъ французскимъ языкомъ, госпожа Петицкая умоляла княгиню пріѣхать къ ней, такъ какъ она очень больна и, что хуже всего, находится совершенно безъ денегъ; но идти и достать ихъ гдѣ-нибудь — у ней совершенно не хватаетъ силъ. Госпожа Петицкая не упустила ни одного случая, чтобы не занять у княгини хоть маленькой суммы, которую она, разумется, никогда и не воз-

вращала. Добрая княгиня очень встревожилась этимъ извѣстіемъ и сама вышла къ горничной.

— Что такое съ твоей барыней?—спросила она.

— Онѣ нездоровы очень-съ!—отвѣчала съ храпомъ горничная и вмѣстѣ съ тѣмъ улыбаясь всѣмъ своимъ ртомъ.

— Но чѣмъ именно?

— Спинка, должно быть, болить-съ! — произнесла горничная и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-бы не утерпѣвъ, фыркнула на всю комнату.

— Но чему же ты смѣешься, моя милая?—спросила княгиня, нѣсколько уже разсердившись на нее.

— Да я всегда такая-съ!—отвѣчала горничная, вытягивая въ себя съ храпомъ воздухъ: ей главнымъ образомъ смѣшно было вспомнить, что именно болить у ея госпожи.

Сама княгиня не поѣхала къ своей подругѣ, такъ какъ она ждала къ себѣ Мивлакова, но денегъ ей конечно сейчасъ же послала и кромѣ того отправила нарочнаго къ Елпидифору Мартынычу съ строгимъ приказаніемъ, чтобы онъ сейчасъ же ѣхалъ и оказалъ помощь госпожѣ Петицкой. Тотъ, конечно, не смѣлъ ослушаться и пріѣхалъ къ больной прежде даже, чѣмъ возвратилась ея горничная.

Дверь съ крыльца въ переднюю оставалась еще со вчерашняго вечера не запертою. Елпидифоръ Мартынычъ вошелъ въ нее, прошелъ потомъ залу, гостиную и затѣмъ очутился въ спальнѣ госпожи Петицкой. Та въ это время лежала въ постели и плакала.

— Это что, о чемъ такія слезы? — воскликнулъ

Елпидифоръ Мартынычъ. Онъ видалъ Петицкую еще прежде того нѣсколько разъ у княгини.

— Ахъ, Боже мой, Елпидифоръ Мартынычъ! — воскликнула она, въ свою очередь, стараясь поправить нѣсколько свое неглиже.

— Я-съ, я-съ это — в-ха! — отвѣчалъ ей докторъ, садясь около ея кровати. — Княгиня прислала меня къ вамъ и велѣла мнѣ непременно васъ вылечить!

— Merci! — проговорила больная, почему-то вся всникнувши въ лицѣ.

— Что же у васъ такое болитъ-съ? — спрашивалъ Елпидифоръ Мартынычъ, нѣсколько наклоняясь къ ней.

— Все болитъ! — отвѣчала Петицкая.

— Какъ все? Что-нибудь да не болитъ же — вѣдь!... — возразилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Все! — повторила госпожа Петицкая настойчиво.

Елпидифоръ Мартынычъ поставленъ былъ въ большое недоумѣніе; онъ взялъ ея руку и пощупалъ пульсъ.

— Пульсъ нервный только, — произнесъ онъ. — Видно только раздраженіе нервное. Что вы, не разсердились ли на что-нибудь, не опечалились ли чѣмъ-нибудь, не испугались ли чего?

— Ахъ, я очень испугалась! — воскликнула Петицкая, какъ бы обрадовавшись послѣдному вопросу Илліонскаго. — Вообразите, я ѣхала на извозицѣ; онъ меня выпровинулъ, платье и салонъ мой за что-то зацѣпились въ саняхъ; лошадь между тѣмъ побѣжала и протащила меня по замерзшей улицѣ!

— А, скверно это, скверно... — Что же, переломовъ нѣтъ ли гдѣ въ рукѣ, въ ногѣ?

— Переломовъ нѣтъ.

— Ушибы, значить, только?

— Да ушибы.

— Г-мъ! — произнесъ глубокомысленно Елпидифоръ Мартынычъ. — Посмотрѣть надобно-съ, взглянуть!—присовокупилъ онъ.

— Ня за что на свѣтъ, ни за что!—воскликнула госпожа Петицкая.

— А вотъ это такъ предразсудокъ, совершенный предразсудокъ!—возразилъ ей Илліонскій — Стыдливость тутъ ни къ чему-съ не ведетъ.

— Ну, какъ вы тамъ хотите, а я не могу.

— Все-таки примочку какую-нибудь прописать вамъ надобно.

— Пожалуй!—протянула госпожа Петицкая.

Елпидифоръ Мартынычъ вышелъ прописать рецептъ и только было успѣлъ въ маленькой гостиной за круглый столъ, надѣлъ очки и закинулъ голову нѣсколько вправо, чтобы сообразить, что собственно прописать, какъ вдругъ пораженъ былъ неопытнымъ удивленіемъ: на одномъ изъ ближайшихъ стульевъ онъ увидѣлъ стоявшую, или, лучше сказать, валяющуюся свою собственную круглую шляпку, которую онъ далъ Николаю Оглоблину для маскарада. Первымъ движеніемъ Елпидифора Мартыныча было закричать госпожѣ Петицкой нѣсколько лукавымъ голосомъ: «какая это такая у ней шляпа», но многолѣтняя опытность жизни чело-вѣка и врача инстинктивно остановила его, и онъ только громчайшимъ образомъ кашлянулъ на

всю комнату: «к-ха!» такъ что Петипкая даже вздрогнула и неволью проговорила сама съ собой:

— Господи! какъ онъ кашляетъ ужасно...

Елпидифоръ Мартынычъ послѣ того принялся писать рецептъ, продолжая искоса посматривать на свою шляпенку и соображая, какимъ образомъ она могла попасть къ госпожѣ Петипкой.

— Когда же съ вами эта непріятность отъ извощика случилась?—крикнулъ онъ своей пациенткѣ, какъ-бы для соображенія при писаніи рецепта, а въ сущности для объясненія обстоятельствъ по случаю шляпы.

— Вчера!—отвѣчала ему больная изъ своей комнаты.

— Вчера!...—повторилъ протяжно докторъ: вчера онъ именно и далъ шляпу Николаю.

Для Елпидифора Мартыныча не оставалось болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что между симъ молодымъ человѣкомъ и госпожей Петипкой кое-что существовало.

— Стало быть, у извощика лошадь была очень бойкая, если онъ такъ долго не могъ остановить ее?—крикнулъ онъ ей опять.

— Очень бойкая! — отвѣчала ему та.

— Бойкая!...—повторилъ еще разъ Елпидифоръ Мартынычъ и самъ съ собой окончательно рѣшилъ, что она вовсе ѣхала не на извощикѣ, а вѣроятно на бойкихъ лошадяхъ Николая Оглоблина, и ѣхала, вѣроятно, съ нимъ изъ маскарада.

— А рано ли вы это ѣхали? — попытался онъ еще спросить ее.

— Очень поздно, изъ маскарада ѣхала! — отвѣчала госпожа Петицкая.

Елпидифоръ Мартынычъ при этомъ только съ удовольствіемъ улыбнулся.

— Эврика! — произнесъ онъ самъ съ собой, и затѣмъ, написавъ рецептъ и отдавъ его съ приличнымъ наставленіемъ госпожѣ Петицкой, расшаркался передъ нею моднѣе обыкновеннаго, поцѣловалъ у нея даже при этомъ ручку и уѣхалъ. Елпидифоръ Мартынычъ вообще со всѣми женщинами, про которыхъ онъ узнавалъ кое-что, всегда дѣлался какъ-то развязнѣе.

Отъ госпожи Петицкой Елпидифоръ Мартынычъ прямо отправился къ княгинѣ съ тѣмъ, чтобы донести ей о томъ, что исполнилъ ея приказаніе; а потомъ, если выпадетъ къ тому удобный разговоръ, то и рассказать ей о томъ, что успѣлъ онъ наблюдать у госпожи Петицкой. Елпидифоръ Мартынычъ, опять-таки по своей многолѣтней опытности, очень хорошо зналъ, что всякая женщина, какъ бы она ни была дружна съ другой женщиной, всегда выслушаетъ съ удовольствіемъ скандалъ про эту другую женщину, особенно если этотъ скандалъ касается сердечной стороны. Услыхавъ о пріѣздѣ Иллионскаго, княгиня поспѣшила даже выйти къ нему на встрѣчу.

— Что такое съ Петицкой? — спрашивала она, когда Елпидифоръ Мартынычъ только-что успѣлъ показаться въ залѣ.

— Да не хорошо-съ, не хорошо-съ! — отвѣчалъ докторъ. — А пожалуй и хорошо! — присовоунилъ

онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія съ улыбкою.

— Какъ не хорошо и хорошо? — спросила княгиня немножко испуганная и съ удивленіемъ.

— Это такъ, я пошутилъ, — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, лукаво потупляя передъ ней глаза свои.

— Но чѣмъ же собственно она больна?—приставала княгиня.

— Испугомъ, кажется, больше ничего; она ѣхала, выпрокинулась изъ саней и немножко потащилась.

— Господи Боже мой! — воскликнула княгиня, окончательно испуганнымъ голосомъ. — Но откуда же это она ѣхала?

— Изъ маскарада... ночью, и, кажется, не одна!...—отвѣчалъ Илліонскій съ разстановкой (онъ въ это время вмѣстѣ съ княгиней входилъ въ гостиную, гдѣ и усѣлся сейчасъ же въ кресло). — Между нами сказать,—прибавилъ онъ, мотнувъ головой и приподнимая свои густыя брови: — тутъ кроется что-то таинственное.

— Но что такое тутъ можетъ быть таинственнаго?—спросила княгиня.

Елпидифоръ Мартынычъ сначала усмѣхнулся немного, а потомъ разсказалъ подробнѣйшимъ образомъ, какъ онъ отдалъ свою шляпу Николаю Оглобину для маскарада и какъ сегодня, пріѣхавъ къ госпожѣ Петицкой, увидѣлъ эту шляпу у ней въ гостиной.

— Ту самую, которую вы отдали Николаю? — спросила его княгиня.

— Ту самую! — отвѣчалъ Илліонскій.

Княгиня при этомъ покраснѣла даже немного въ лицѣ. Она сама уже нѣсколько времени замѣчала, что у Петицкой что-то такое происходитъ съ Николаемъ Оглоблинымъ, но всегда старалась отогнать отъ себя подобное подозрѣніе, потому что считала Николая ниже вниманія всякой порядочной женщины.

— Зачѣмъ же могла быть у нея его шляпа!

— Вѣроятно, завѣжалъ послѣ маскарада побесѣдовать съ ней!...— На послѣднія слова Елпидифоръ Мартынычъ сдѣлалъ сильное удареніе.

— Я, однако, все-таки тутъ ничего не понимаю!— произнесла княгиня досадливымъ голосомъ. — А вы спрашивали, зачѣмъ у нея эта шляпа?

— Господи помилуй! развѣ о подобныхъ вещахъ спрашиваютъ дамъ? — возразилъ Елпидифоръ Мартынычъ, растопыривая руки.

— А я такъ спрошу ее непременно, — говорила княгиня.

— Нѣтъ, ужъ и вы, пожалуйста, не спрашивайте — к-ха!... Я сказалъ вамъ по преданности моей, а вы меня и выдадите—к-ха!...— началъ было упрашивать Елпидифоръ Мартынычъ.

— Я васъ не буду выдавать — нисколько!... — возразила ему княгиня.

— Да какъ же не выдавать, — отъ кого же вы узнали про это? — продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ какимъ-то уже жалобнымъ голосомъ.

— Ну, ужъ я знаю, отъ кого узнала! — почти прикрикнула на него княгиня.

Елпидифоръ Мартынычъ чмокнулъ только на это губами и уѣхалъ отъ княгини съ твердою рѣши-

мостью никогда ей больше ничего не рассказывать. Та же, оставшись одна, принялась разсуждать о своей пріятельницѣ: болѣе всего княгиню удивляло то, что неужели же Петицкая въ самомъ дѣлѣ полюбила Оглоблина, и если не полюбила, то что же заставило ее быть благосклонною къ нему?

Какъ-бы въ разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ вошелъ лакей и доложилъ, что пріѣхалъ Никола Оглоблинъ.

— Ахъ, проси! — воскликнула на этотъ разъ княгиня съ явнымъ удовольствіемъ.

По свойственному женщинамъ любопытству, она не въ состояніи была удержаться и рѣшилась теперь же, сейчасъ же, не говоря конечно прямо, по-вывѣдать отъ Никола всю правду, которую онъ, какъ надѣялась княгиня, по своей простоватости, не съумѣетъ скрыть.

Никола вошелъ къ ней, замѣтно стараясь быть веселымъ, беззаботнымъ и довольнымъ. Онъ нарочно ѣздилъ по своимъ знакомымъ, чтобы тѣ не подумали, что съ нимъ наканунѣ что-нибудь случилось. На Петицкую Никола былъ страшно сердитъ, потому что догадался, что вздулъ его одинъ изъ ея прежнихъ обожателей. Онъ далъ себѣ слово никогда не видаться съ нею и даже не произносить никогда ея имени, какъ будто бы и не зналъ ея совсѣмъ.

— Пожалуйте-ка сюда, пожалуйста! — сказала княгиня, при его входѣ, нѣсколько даже какъ-бы угрожающимъ голосомъ.

Никола отъ одного этого уже немного сконфузился.

— Что такое, что такое?—зашлепалъ онъ своимъ толстымъ языкомъ.

— А гдѣ вы вчера вечеромъ были? — спросила княгиня, уставляя на него пристальный взглядъ.

Николя просто обмеръ.

— Дома былъ-съ! — отвѣчалъ онъ, рѣшительно не находя, что бы такое придумать.

— А зачѣмъ же вы шляпы у Елпидифора Мартыныча просили!—продолжала княгиня.

— Какой шляпы-съ? — спросилъ Никола, какъ бы ни въ чемъ не повинный.

— А такой, въ которой вечеромъ вы были въ маскарадѣ.

Николя при этомъ покраснѣлъ, какъ ракъ вареный.

— Это вамъ все старый этотъ чортъ Иллионскій наболталъ, — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не Иллионскій! — возразила ему княгиня:—потому что я знаю даже, куда вы изъ маскарада уѣхали.

Николя окончательно растерялся; онъ нисколько уже не сомнѣвался, что княгиня все знаетъ и теперь смѣется надъ нимъ, а потому онъ страшно на нее разсердился.

— Много что-то вы ужъ знаете!—До всего вамъ дѣло!...—произнесъ онъ надувшись.

— Дѣло потому, что вы мнѣ родня...

— Много у меня этакой-то родни по Москвѣ! — бухнулъ Никола.

Княгиня увидѣла, что съ этимъ дуракомъ разговаривать было почти невозможно.

— Какъ это мило такъ выражаться! — сказала она, немножко ужъ разсердясь на него.

— Что выражаться-то? — Вы сами начали... — продолжалъ Николая.

Княгиня окончателно на него разсердилась.

— Дѣйствительно, я на этотъ разъ вповнату и впередъ не позволю себѣ никакой шутки съ вами! — проговорила она и, вставъ съ своего мѣста, ушла совсѣмъ изъ гостиной и больше не возвращалась, такъ что Николая сидѣлъ, сидѣлъ одинъ, пыхтѣлъ, пыхтѣлъ, наконецъ принужденъ былъ уѣхать. Его главнымъ образомъ бѣсило то, отъ кого княгиня могла узнать, и какъ только онъ помышлялъ, что ей извѣстна была вся постигшая его непріятность, такъ кровь подливала у него къ сердцу и неизмѣрная злоба имъ овладѣвала. Съ этимъ самымъ чувствомъ онъ совершилъ всѣ прочіе свои визиты, на которыхъ никто даже не намекнулъ ему о вчерашней непріятности, — значить, одна только княгиня въ цѣлой Москвѣ и знала объ этомъ, а потому она начинала представляться ему самымъ злѣйшимъ его врагомъ. Надобно было ей отомстить хорошенько. О, Николая имѣлъ для этого отличное средство! Госпожа Петичкая давно уже рассказала ему о шурахъ-мурахъ княгини съ Миклаковымъ. «А гдѣ-жь они выдаются?» спросилъ тогда ее Николая.—«Въ домѣ у княгини!... Миклаковъ почти каждый вечеръ бываетъ у ней, и внязя въ это время всегда дома нѣтъ»,—отвѣчала Петичкая.—«Значить, они въ гостиной у нихъ и выдаются!» — продолжалъ допрашивать Николая. «Вѣроятно въ гостиной»,—отозвалась Петичкая. Николая все это очень

хорошо запомнилъ, и поэтому теперь ему стоило сказать о томъ князю, такъ тотъ шутить не будетъ и расправится съ княгиней и Миклаковымъ по-своейски. Николая, какъ мы знаемъ, страшно боялся князя и считалъ его скорѣе за тигра, чѣмъ за человѣка... Но какъ же сказать о томъ князю, кто осмѣлится сказать ему это? «А что если, придумаю Николай, написать князю анонимное письмо?» Но въ этомъ случаѣ онъ опасался, что князь узнаетъ его руку, и потому Николай рѣшился заставить переписать это анонимное письмо своего камердинера. Для этого, вернувшись домой, онъ сейчасъ же позвалъ того ласковымъ голосомъ:

— Пойдемъ, Севастьянушко, ко мнѣ въ кабинетъ. Камердинеръ послѣдовалъ за нимъ.

— Вотъ видишь, — началъ Николай своимъ нервчатымъ языкомъ: — видишь, мнѣ надобно послать письмо.

— Слушаю-съ! — протянулъ Севастьянъ, глубоко-мысленно стоя передъ нимъ.

— Перепиши мнѣ, пожалуйста! — заключилъ Николай.

Камердинеръ посмотрѣлъ на барина съ какимъ-то почти презрѣніемъ и удивленіемъ.

— Да что я за писарь такой! Я и писать-то настоящимъ манеромъ не умѣю, — произнесъ онъ.

— Да ничего, какъ-нибудь, пожалуйста!... — упрасивалъ его Николай.

Камердинеръ опять съ какимъ-то презрѣніемъ усмѣхнулся.

— Да сами-то вы не умѣете, что ли, писать-то? — сказалъ онъ.

— Миѣ нельзя, понимаешь, руку мою знаютъ; догадаются, тогда чортъ знаетъ что со мной сдѣлаютъ!... Перепиши, сдѣлай дружбу, я тебѣ пятьдесятъ пѣлковыхъ за это дамъ.

Камердинеръ отрицательно покачалъ головой.

— Коли съ вами что-нибудь сдѣлаютъ, что же со мною будетъ?

— Да ничего тебѣ не будетъ, увѣряю тебя! — успокоивалъ его Николая.

Севастьянушко и самъ очень хорошо понималъ, что врядъ ли баринъ затѣетъ что-нибудь серьезно-опасное, и если представлялся нерѣшительнымъ, то желалъ этимъ набить лишь пѣну.

— Ну, я тебѣ сто рублей дамъ! — бухнулъ Николая отъ нетерпѣнія сразу.

Камердинеръ почесалъ у себя при этомъ въ затылкѣ.

— Къ кому же такому письмо-то это? — продолжалъ онъ спрашивать, какъ бы все еще недоумѣвая.

— Къ князю Григорову... безъименное!... ниѣмъ не подписанное.... о томъ, что княгиня его живетъ съ другимъ.

— Да вотъ видите-съ, штука-то какая! — произнесъ камердинеръ, нѣсколько уже и смутившись.

— Никакой штуки тутъ не можетъ быть: руки твоей князь не знаетъ.

— Нѣтъ-съ, не знаетъ.

— Люди ихніе тоже не знаютъ твоей руки?

— Нѣтъ-съ, не знаютъ; да и самихъ-то ихъ я никакого не знаю.

— Такъ чего же тебѣ бояться?...
<http://www.vostok.ru>

Камердинеръ продолжалъ соображать.

— Только деньги-то вы мнѣ впередъ ужь пожалуйте: онѣ теперь мнѣ очень нужны-сь! — проговорилъ онъ наконецъ.

— Деньги отдамъ впередъ, — отвѣчалъ Никола, покраснѣвъ немного въ лицѣ.

Камердинеръ не безъ основанія принялъ эту предосторожность: молодой баринъ часто обѣщалъ ему разныя награды, а потомъ какъ-будто бы случайно и позабывалъ о томъ.

Условившись такимъ образомъ съ Севастьяномъ, Никола принялся сочинять письмо и сидѣлъ за этой работой часа два: лобъ его при этомъ неоднократно увлажнялся потомъ; листовъ двѣнадцать бумаги было исписано и перервано; наконецъ онъ изложилъ то, что желалъ, и изложеніе это не столько написано было по-русски, сколько переведено дурно съ французскаго:

«Любезный князь! незнакомые вамъ люди желаютъ васъ увѣдомить, что жена ваша вамъ невѣрна и даетъ рандеву господину Миклакову, съ которымъ каждый вечеръ встрѣчается въ вашей гостиной; объ этомъ знаютъ въ свѣтѣ, и честь вашей фамиліи обязываетъ васъ отомстить княгинѣ и вашему коварному ривалю».

Все сіе посланіе камердинеръ, въ запертомъ кабинетѣ, тоже весьма долго переписывалъ, перемаралъ тоже очень много бумаги, и наконецъ письмо было изготовлено, запечатано, надписано и положено въ почтовый ящикъ, а вечеромъ Никола, по случаю собравшихся у отца гостей, очень спокойно и совершенно какъ-бы съ чистой совѣстью болталъ съ раз-

ными гостями. Онъ, кажется, вовсе и не подозрѣвалъ, до какой степени былъ гадокъ содѣянный имъ противъ княгини поступокъ.

XI.

Князь получилъ анонимное письмо въ то время, какъ собирался ѣхать къ Еленѣ. Прочитавъ его, онъ нѣсколько измѣнился въ лицѣ и вначалѣ, кажется, хотѣлъ было идти къ княгинѣ, показать ей это письмо и попросить у нея объясненія ему; но потомъ онъ удержался отъ этого и остался на томъ же мѣстѣ, на которомъ сидѣлъ: вся фигура его приняла какое-то мрачное выраженіе. Болѣе всего возмущалъ его своимъ поступкомъ Миклаковъ. Положимъ даже, что княгиня сама первая выразила ему свое вниманіе, но ему сейчасъ же слѣдовало устранить себя отъ этого, потому что князь ввелъ его въ свой домъ, какъ друга, и онъ не долженъ былъ позволять себѣ быть развратителемъ его жены, тѣмъ болѣе, что какого-нибудь особенно сильнаго увлеченія со стороны Миклакова князь никакъ не предполагалъ. Самымъ простымъ и естественнымъ дѣломъ казалось князю вызвать подобнаго господина на дуэль; но онъ очень хорошо зналъ, какимъ образомъ Миклаковъ смотритъ на дуэли этого рода, да и кромѣ того, что скажетъ объ этой дуэли Елена: она ее напугаетъ, глубоко огорчитъ, пойдетъ цѣлый рядъ сценъ, объясненій!... Словомъ, разсудокъ очень ясно говорилъ въ князѣ, что для спокойствія всѣхъ близкихъ и дорогихъ ему людей, для спокойствія собственнаго и

наконецъ по чувству справедливости онъ долженъ былъ на любовь жены къ другому взглянуть равнодушно; но въ то же время, какъ и въ исторіи съ барономъ Мингеромъ, онъ чувствовалъ, что у него, при одной мысли объ этомъ, цѣлое море злобы поднимается къ сердцу. Скрыть это и носить въ этомъ отношеніи маску князь видѣлъ, что на этотъ, по крайней мѣрѣ, день въ немъ не достанетъ силъ, — а потому онъ счелъ за лучшее остаться дома, просидѣлъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ весь вечеръ и бѣдшую часть ночи, а когда на другой день случайно увидѣлъ въ зеркалѣ свое пожелтѣвшее и измученное лицо, то почти не узналъ себя. Съ княгиней онъ могъ еще не видаться день и два, но къ Еленѣ долженъ былъ ѣхать.

«Э, чортъ возьми! Могу же я быть спокойнымъ или беспокойнымъ, какъ мнѣ пожелается того!» — подумалъ онъ; но, поѣхавъ къ Еленѣ, все-таки рѣшился, чтобы не очень встревожить ее, совладѣть съ собой и передать ей всю эту исторію, какъ давно имъ ожидаемую. Но Елена очень хорошо знала князя, такъ что едва только онъ вошелъ, какъ она воскликнула встревоженнымъ даже голосомъ.

— Что такое у тебя за видъ сегодня?

— А что? — спросилъ князь, какъ-бы не понимая ея.

— Ты зеленый какой-то....

— Такъ, не здоровится что-то сегодня.

Елена продолжала на него смотрѣть, не спуская глазъ.

Князь, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, постарался даже усмѣхнуться.

— Я вчера получил анонимное письмо, которымъ извѣщаютъ меня, что между княгиней и Миклаковымъ существуетъ любовь...—проговорилъ онъ, продолжая усмѣхаться; но этимъ однако ему не удалось замаскироваться передъ Еленой.

— И тебя это, видно, очень встревожило?—спросила она его.

— Да, отчасти, —отвѣчалъ князь: — и главное въ томъ отношеніи, что этимъ соблазнителемъ моей супруги является Миклаковъ, человекъ, котораго я все-таки любилъ искренно!...

— А, вотъ что!... — произнесла Елена, и князь по одному тону голоса ее догадался, какая буря у ней начинается въ душѣ.

— Ты, разумѣется, —заговорилъ онъ, опять усмѣхаясь немного и какъ-бы желая въ этомъ случаѣ предупредить Елену: — не преминешь сочинить мнѣ за то сцену, но что-жъ дѣлать: чувствовать иначе, какъ я чувствую, я не могу...

— Это съ чего ты взялъ, что я сочиню тебѣ сцену? — воскликнула Елена, гордо поднимая передъ нимъ свою голову. — Слишкомъ ошибаешься!... Пропшла та пора: теперь я тебя очень хорошо понимаю, и еслибы ты даже сталъ притворяться передо мною, такъ я бы это сейчасъ увидѣла: и ты къ теперешнимъ своимъ качествамъ прибавилъ бы въ глазахъ моихъ еще новое, весьма некрасивое.

— Какое же это такое? — спросилъ князь.

— Качество лжеца! — отвѣчала Елена.

— Качество нехорошее! — произнесъ князь. — А какія же мои теперешнія качества, — любопытно было бы знать? — присовокупилъ онъ.

— Качества весьма обыкновенныя... *Весьма!* — отвѣчала Елена почти съ презрительной гримасой! — Ты имѣешь любовницу и жену; обѣихъ ихъ понемножку любишь и очень не желаешь, чтобы которая-нибудь изъ нихъ измѣнила тебѣ!... Словомъ, себя считаешь вправѣ дѣлать все, что тебѣ угодно, и крайне бываешь недоволенъ, когда другіе вздумаютъ поступать тоже по своему усмотрѣнію.

Князь, при такого рода опредѣленіи ему самого себя, покраснѣлъ даже въ лицѣ.

— Очень странно, что ты такого человѣка позволила себѣ полюбить, — сказалъ онъ.

— Ошиблась, больше ничего! — пояснила ему Елена. — Никакъ не ожидала, чтобы люди, опутанные самыми мелкими чувствами и предрасудками, вздумали прикидываться людьми свободными отъ всего этого!... Свободными людьми—легко сказать!—воскликнула она,—а надобно спросить вообще: много ли на свѣтѣ свободныхъ людей?... Ихъ нужно считать единицами посреди сотенъ тысячъ, — это герои: они не только-что не боятся измѣнъ женъ, но даже каторгъ и гильотинъ, и мы съ вами, ваше сіятельство, никакъ ужъ въ этотъ сортъ людей не годимся.

— Совершенно согласенъ! — сказалъ князь. — Но спять тебѣ повторяю, что мнѣ странно, какъ ты полюбила человѣка, подобнаго мнѣ, а не избрала кого-либо, болѣе подходящаго къ воображаемому тобою герою.

— Вначалѣ я тебя считала подходящимъ къ такому герою.

— Что же такое потомъ тебя разочаровало во

мнѣ?... Это мое нѣкоторое вниманіе къ поведенію жены?

— Нѣтъ, не это только, а *многое, многое!*—отвѣчала Елена съ удареніемъ.

Князь хоть и полагалъ, что она говоритъ такимъ образомъ подъ вліяніемъ ревности, а потому, можетъ быть, высказываетъ то, чего и не чувствуетъ; но, какъ бы то ни было, онъ разсердился на нее и рѣшился, въ свою очередь, тоже высказать ей нѣсколько горькихъ истинъ.

— Вотъ видишь ли что! — началъ онъ, съ дрожащими немного отъ досады губами:—согласенъ, что я имѣю предразсудки, мелкія чувства; но когда мы кого любимъ, то не только-что такіе недостатки, но даже пороки прощаемъ!... Значитъ, любви въ тебѣ ко мнѣ нисколько нѣтъ!.. Мало этого, въ тебѣ даже нѣтъ простаго чувства сожалѣнія ко мнѣ, которое мы имѣемъ ко всѣмъ почти людямъ!... Ты очень хорошо знала, что я пришелъ къ тебѣ съ больной моей раной; но ты вмѣсто того, чтобъ успокоить меня, посовѣтовать мнѣ что-нибудь, говоришь мнѣ только дерзости.

— Ахъ, нѣтъ, ужъ извините!.. За совѣтомъ этимъ вамъ лучше обратиться къ какому-нибудь вашему адвокату,—воскликнула Елена.—Тотъ научитъ васъ, куда и въ какой судъ подать вамъ на вашу жену жалобу: законы, вѣроятно, есть противъ этого строгіе; ее посадятъ, конечно, за то въ тюрьму, разведутъ васъ.

— Я вовсе не хочу жены моей сажать въ тюрьму! — возразилъ князь. — И если-бы желалъ чего, такъ это единственно, чтобы не видѣть того, что

мнѣ тяжело видѣть и чему я не желаю быть свидѣтелемъ.

— Въ такомъ случаѣ прогоните вашу жену отъ себя, или еще лучше того: отправьте ее за-границу!.. Это многимъ можетъ показаться даже очень великодушнымъ съ вашей стороны.

— Въ томъ-то и горе, что она не желаетъ этого... — возразилъ князь.

— Тогда начните поколачивать ее, и послѣ этого она непременно ужъ пожелаетъ.

Князь при этомъ усмѣхнулся даже нѣсколько.

— А ты думаешь, что я способенъ поколотить ее?—проговорилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, виновата! — опять воскликнула Елена:—я ошиблась; жену вашу, потому, разумѣется, только, что она жена ваша, вы слишкомъ высоко ставите и не позволите себѣ сдѣлать это противъ нея; но любовница же, какъ я, напимѣрь, то другое дѣло.

— Тебя, значить, это я способенъ поколотить?...

— Еще какъ!.. Съ наслажденіемъ, я думаю! Вообще: бросить, поколотить любовницу всякому нравственному человѣку, какъ ты, даже слѣдуетъ: того-де она и стоитъ!

Слова эти окончательно разсердили князя. Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Послѣ того, какъ ты меня понимаешь, мнѣ въ самомъ дѣлѣ слѣдовало бы тебя оставить, что я и сдѣлалъ-бы, еслибъ у насъ не было сына, за воспитаніемъ котораго я хочу слѣдить,—проговорилъ онъ, стараясь при этомъ не смотрѣть на Елену.

— Въ отношеніи воспитанія вашего сына, на-

чала она:—вы можете быть совершенно покойны и не трудиться наблюдать нисколько надъ его воспитаніемъ, потому что я убила бы сына моего изъ собственныхъ рукъ моихъ, еслибъ увидѣла, что онъ наслѣдовалъ нѣкоторыя ваши милыя убѣжденія!

— И ты искренно это говоришь? — спросилъ ее князь, блѣднѣя весь въ лицѣ.

— Совершенно искренно, *совершенно!*—отвѣчала Елена съ удареніемъ и, повидимому, въ самомъ дѣлѣ искреннимъ голосомъ.

— Хорошо, что заранѣе по крайней мѣрѣ сказала!—проговорилъ князь почти задыхающимся отъ гнѣва голосомъ и затѣмъ всталъ и собралъ все книги, которыя приносилъ Еленѣ читать, взялъ ихъ себѣ подъ руку, отыскалъ послѣ того свою шляпу, зашелъ потомъ въ дѣтскую, гдѣ нѣсколько времени глядѣлъ на ребенка; наконецъ, поцѣловавъ его горячо раза три, четыре, ушелъ совсѣмъ, не зайдя уже больше и проститься съ Еленой. Та, въ свою очередь, тоже осталась въ сильно раздраженномъ состояніи. Ее больше всего выводила изъ себя эта *двойственность и непоследовательность* князя. Говорить, что не любить жену, и дѣйствительно, кажется, мало любить ее; говорить наконецъ, что очень даже радъ будетъ, если она полюбитъ другаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый разъ, какимъ-то тигромъ бѣшенымъ дѣлается, когда княгиня начинаетъ съ кѣмъ-нибудь даже только кокетничать. Положимъ, прежде бѣсновался онъ отъ того, что барона считалъ дрянью совершенною; но про Миклакова онъ никакъ не могъ этого сказать. «Въ самомъ дѣлѣ, имъ лучше разтѣхаться; по крайней мѣрѣ, они не

будутъ мучить другъ друга»,—рѣшила въ мысляхъ своихъ Елена. Кромѣ того отъѣздъ княгини за границу она находила недурнымъ и для себя, потому что этимъ окончательно успокоивалась ея ревность, сообразивъ все это, Елена прежде всего хотѣла перетолковать съ Миклаковымъ и, не любя откладывать никакого своего намѣренія, она сейчасъ-же отправилась къ нему. Миклакова Елена застала дома и, сверхъ обыкновенія, довольно прилично одѣтымъ.

— У меня сейчасъ былъ князь,—начала она, усѣвшись на одномъ изъ сломанныхъ стульевъ:—и сказывалъ, что получилъ анонимное письмо о вашей любви съ княгиней.

— О нашей любви съ княгиней?—повторилъ Миклаковъ, повидимому, тономъ не малаго удивленія.— Но кто-жь ему могъ написать эту нечѣсть?—присовокупилъ онъ.

— Лѣньность это или нечѣсть,—я не знаю, и конечно ужъ не я ему писала! — проговорила Елена, покраснѣвъ отъ одной мысли, что не подумалъ ли Миклаковъ, что князь отъ нея узналъ объ этомъ, такъ какъ она иногда смѣялась Миклакову, что онъ влюбленъ въ княгиню, и тотъ обыкновенно, тоже шутя, отвѣчалъ ей: «влюбленъ-съ!.. влюбленъ!»

— Знаю, что не вы,—произнесъ онъ, нахмуриваясь въ свою очередь. — Впрочемъ, что-жь?.. на здоровье ему, если у него есть такіе добрые и обязательные корреспонденты.

— Ему вовсе не на здоровье, потому что онъ взбѣшенъ, какъ я не знаю что!—возразила Елена.

Миклаковъ усмѣхнулся при этомъ и взглянулъ пристально на Елену.

— Да вы о комъ тутъ больше хлопочете: о насъ или о князѣ?—спросилъ онъ.

— И о васъ, и о князѣ, потому что я никакъ не ручаюсь, чтобъ онъ, въ одну изъ бѣшеныхъ минутъ своихъ, не убилъ васъ обоихъ!

— Даже убилъ?.. Ой, батюшки, какъ страшно!—сказалъ Миклаковъ комическимъ тономъ.

— Пожалуйста, не шутите! Смѣяться въ этомъ случаѣ нечего, потому что князь рѣшительно не желаетъ быть свидѣтелемъ вашей любви, и потому, я полагаю, вамъ и княгинѣ лучше всего теперь уѣхать за-границу.

Миклаковъ на это опять усмѣхнулся.

— Уѣхать за-границу, конечно, каждому хорошо, но для этого прежде всего нужно имѣть деньги.

— За деньгами дѣло не станетъ: князь съ удовольствіемъ дастъ на это княгинѣ денегъ.

— Все это очень хорошо-съ!—возражалъ Миклаковъ:—но это дѣло нисколько до меня не касающееся.

— Какъ не касающееся!..—воскликнула Елена.—И вы должны ѣхать за-границу, если только любите княгиню.

— Я-то?—спросилъ Миклаковъ какимъ-то дурацкимъ голосомъ и почесывая у себя въ затылкѣ.

— Да, вы-то!—повторила Елена.

Миклаковъ продолжалъ улыбаться и почесывать у себя въ затылкѣ.

— Что-же, поѣдете или нѣтъ? — присовокупила Елена.

— Поѣду, если ужъ очень звать будутъ!—отвѣчалъ Миклаковъ.

— Звать его будутъ!.. Вотъ противный-то! —

воскликнула Елена. — Но, во всякомъ случаѣ, вы отправляйтесь къ княгинѣ и внушите ей эту мысль.

— Какую это мысль? — спросилъ Миклаковъ, какъ-бы не понявъ Елены.

— Мысль уѣхать за-границу.

— Ну, ужь это — слуга покорный... Я никогда ей внушать такой мысли не буду.

— Это почему?

— Потому что это прямо, значить, увезти ее съ мужа, да и на мужнины еще деньги!.. Очень ужь это будетъ благородно съ моей стороны.

— Подите вы съ вашимъ казеннымъ *благородно, неблагородно!*.. Васъ вовсе не то останавливаетъ!

— Что же меня останавливаетъ?

— То, что вы старый, развратный старичишка: вамъ просто страшно сойтись надолго съ порядочной женщиной.

Миклаковъ, обыкновенно нисколько не стѣсняясь, всегда рассказывалъ Еленѣ разныя свои безобразія по сердечной части.

— Можетъ быть, и то останавливаетъ...—произнесъ онъ, смотря какъ-то въ уголъ.

— Знаете что?—начала вдругъ Елена, взглянувъ внимательно ему въ лицо:—вы такимъ тономъ говорите, что точно вы нисколько не любите княгини и какъ-будто бы у васъ ничего съ ней нѣтъ...

— Да у меня съ ней ничего и нѣтъ!—отвѣчалъ усмѣхаясь Миклаковъ.

— Такъ-таки ничего?—повторила свой вопросъ Елена.

— Серьезно ничего!.

Елена пожала плечами.

— Странно!..—произнесла она.—Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вамъ и ѣхать съ ней за-границу!

Миклаковъ въ отвѣтъ на это опять почесалъ у себя только затылокъ и молчалъ.

— Что-жь, вы ничего и не скажете княгинѣ о сегодняшнемъ нашемъ разговорѣ съ вами? — спросила его Елена.

— Не знаю. Подумаю...—отвѣчалъ Миклаковъ. Досада замѣтно отразилась на лицѣ Елены.

— Ну-съ,—проговорила она, уже вставая:—я сказала вамъ мое мнѣніе, предостерегла васъ, а тамъ дѣлайте какъ знаете.

— Да это такъ!.. На томъ благодаримъ покорно!—произнесъ Миклаковъ снова тономъ какого-то дурачка.

Елена уѣхала отъ него.

Миклаковъ хоть и старался во всей предыдущей сценѣ сохранить спокойный и насмѣшливый тонъ, но все-таки видно было, что сообщенное ему Еленою извѣстіе обезпожило его, такъ что онъ, оставшись одинъ нѣсколько времени ходилъ взадъ и впередъ по своему номеру, какъ-бы что-то обдумывая: наконецъ, сѣлъ къ столу и написалъ княгинѣ письмо такого содержанія: «Князя кто-то увѣдомилъ о нашей аки-бы преступной съ вами любви, и онъ, говорятъ, очень, на это взбѣшенъ. Приготовьтесь къ этому и примите какія-нибудь съ своей стороны мѣры противъ того: главное, внушите ему, что ревновать ему васъ ко всякому встрѣчному и поперечному не подобаетъ даже по религіи его, — это, мнѣ кажется, больше всего можетъ его обуздать».

Письмо это, какъ и надобно было ожидать, очень

встревожило княгиню, тѣмъ болѣе, что она считала себя уже нѣсколько виновною противъ мужа, такъ какъ сознавала въ душѣ, что любить Миллакова, хоть отношенія ихъ никакъ не дошли дальше того, что успѣла подсмотреть въ щелочку госпожа Петяцкая. Не сознавая хорошенько сама того, что дѣлаетъ, и предполагая, что князя цѣлый вечеръ не будетъ дома, княгиня велѣла сказать Миллакову черезъ его посланнаго, чтобъ онъ пришелъ къ ней; но едва только этотъ посланный отправился, какъ раздался звонокъ. Княгиня догадалась, что прѣѣхалъ князь, и отъ одного этого почувствовала страхъ, который еще больше въ ней увеличился, когда въ комнату къ ней вошелъ лакей и доложилъ, что князь желаетъ ее видѣть и проситъ ее придти къ нему.

— Доложи князю, что я сейчасъ выйду въ гостиную и что я переодѣваюсь теперь, — проговорила она.

Лакей, видя, что барыня вовсе не переодѣвается, глядѣлъ на нее въ недоумѣннн.

— Ну, ступай! — сказала ему княгиня.

Лакей ушелъ.

Княгиня послѣ того зачѣмъ-то поправила свои волосы передъ зеркаломъ, позвала потомъ свою горничную, велѣла ей подать стаканъ воды, выпила изъ него немного и, взглянувъ на висѣвшее на стѣнѣ распятіе, пошла въ гостиную. Князь уже былъ тамъ и ходилъ взадъ и впередъ. Одна только лампа на среднемъ столѣ освѣщала эту огромную комнату. Услыхавъ шаги жены, князь пріостановился. Княгиня, какъ вошла, такъ сейчасъ же поспѣшила сѣсть въ самомъ темномъ мѣстѣ гостиной. Князь снова началъ ходить по комнатѣ. Гнѣвъ на Елену, на кото-

рую онъ очень разсердился, а частію и проходившія въ умъ князя, какъ-бы противъ воли его, воспоминанія о томъ, до какой степени княгиня, въ продолженіи всей ихъ жизни, была въ отношеніи его кротка и добра, значительно смягчили въ немъ неудовольствіе противъ нея. Онъ далъ себѣ слово, что бы тамъ на сердцѣ у него ни было, быть какъ можно болѣе мягкимъ и кроткимъ съ нею въ предстоящемъ объясненіи.

— Я очень радъ, что засталъ васъ дома, началъ онъ почти веселымъ голосомъ.

Княгиня молчала.

— Тутъ одинъ какой-то мерзавецъ,—продолжалъ князь послѣ короткаго молчанія и съ замѣтнымъ усиленіемъ надъ собой:—вздумалъ ко мнѣ написать извѣщеніе, что будто бы вы любите Миклакова.

Княгиня и на это молчала: ей въ одно и то же время было страшно и стыдно слушать князя.

— Скажите, правда это или нѣтъ? — заключилъ онъ почти нѣжно.

Признаться мужу въ своихъ чувствахъ къ Миклакову и въ томъ, что между ними происходило, княгиня все-таки боялась; но, съ другой стороны, запереться во всемъ—у ней не хватало духу; да она и не хотѣла на этотъ разъ, припоминая, какъ князь нѣкогда отвѣчалъ на ея письмо по поводу барона, а потому княгиня избрала нѣчто среднее.

— На подобные вопросы обыкновенно не отвѣчаютъ мужьямъ,—проговорила она, какъ бы больше шутя.

— Отчего же? — спросилъ князь тѣмъ же ласковымъ голосомъ.

— Оттого, что откровенный отвѣтъ можетъ ихъ оскорбить.

— Поэтому вашъ откровенный отвѣтъ могъ бы оскорбить меня?—растолковалъ ее слова князь.

Княгиня на это ничего не сказала.

— Но вы ошибаетесь,—продолжалъ князь:—никакой вашъ отвѣтъ не можетъ оскорбить меня, или, лучше сказать, я не имѣю даже права оскорбляться на васъ: къ кому бы вы какое чувство ни питали, вы совершенно полновластны въ томъ!.. Тутъ только одно: о вашей любви я получилъ анонимное письмо, значить, она сдѣлалась предметомъ всеобщей молвы; вотъ этого, признаюсь, я никакъ не желалъ бы!..

— Но какъ же помочь тому?.. Молва иногда бываетъ совершенно напрасная!—возразила княгиня.

— Да, но тутъ она не напрасная!—перебилъ ее рѣзко князь:—и я бы просилъ васъ, для прекращенія этой молвы, ухватъ что ли куда-нибудь!

Княгиня опять затрепетала: ее испугала мысль, что она должна будетъ разстаться съ Миклаковымъ.

— Но куда же вы хотите, чтобъ я уѣхала? —спросила она прерывающимся голосомъ.

— Лучше всего за границу!.. Пусть съ вами ѣдетъ и господинъ Миклаковъ! — отвѣчалъ князь, какъ-бы понявъ ее страхъ. — Я, конечно, обезпечу васъ совершенно состояніемъ: мое въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, единственное желаніе будетъ, чтобы вы и я послѣ того могли открыто и всенародно говорить, что мы разошлись.

— Разошлись?.. — проговорила княгиня, но на этотъ разъ слово это не такъ страшно отозвалось въ сердцѣ ея, какъ прежде: во-первыхъ, она какъ-

то попривыкла къ этому предположенію, а потомъ ей и самой иногда невыносимо неловко было встрѣчаться съ княземъ отъ сознанія, что она любитъ другаго. Княгиня, какъ мы знаемъ изъ словъ Елпидифора Мартыныча, подумывала уже уѣхать за-границу; но какъ-бы то ни было, слезы обильно потекли изъ ея глазъ.

Князь это видѣлъ, страшно мучился этимъ и нарочно даже сѣлъ на очень отдаленное кресло отъ жены. Прошло между ними нѣсколько времени какого-то тяжелаго и мрачнаго молчанія. Вдругъ тотъ же лакей, который приходилъ звать княгиню къ князю, вошелъ и объявилъ, что пріѣхалъ Миклаковъ. Княгиня при этомъ вздрогнула. Князя тоже вначалѣ, повидимому, покорило нѣсколько. Княгиня, поспѣшно утирая слезы, обратилась къ лакею.

— Скажи, что дома нѣтъ, что всѣ уѣхали на цѣлый вечеръ!.. — проговорила она скороговоркой.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?.. — возразилъ ей князь. — Прими, сважи, что просятъ! приказалъ онъ лакею.

Тотъ пошелъ.

— А вы нѣсколько успокойтесь! — отнесся князь къ женѣ. — Это отлично, что Миклаковъ пришелъ: мы сейчасъ же съ нимъ все и устроимъ! — присовокупилъ онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой.

Миклаковъ, войдя въ гостиную и увидя князя, немного сконфузился: онъ никакъ не ожидалъ, чтобы тотъ былъ дома.

— Здравствуйте, мой милый другъ! — сказалъ князь, пріѣтливо протягивая къ нему руку.

Миклаковъ неловко принялъ у него руку и такъ же неловко поклонился княгинѣ.

— А вотъ мы сейчасъ съ княгиней рѣшили, — продолжалъ князь:—что намъ, чѣмъ морочить добрыхъ людей, такъ лучше явно, во все-очію разойтись!

Миклаковъ отвѣтилъ на это только взглядомъ на княгиню, которая сидѣла, потупивши лицо свое въ землю.

— И чтобы прекратить по этому поводу всякую болтовню, она уѣзжаетъ за-границу, и вотъ я даже васъ бы просилъ сопутствовать ей...

— Меня?.. Сопутствовать княгинѣ? — переспросилъ Миклаковъ.

— Да, васъ!—отвѣчалъ князь и хотѣлъ, кажется, еще что-то такое добавить, но не въ состояніи уже былъ того сдѣлать.

Миклаковъ въ свою очередь тоже, хотъ и усмѣхался, но замѣтно растерялся отъ такого прямого и откровеннаго предложенія. Услыхавъ поутру отъ Елены, что княгинѣ и ему хорошо было бы уѣхать за-границу, онъ считалъ это ея фантазіей, а теперь вдругъ самъ князь говорить ему о томъ.

— Что-жь, вы проводите ее или нѣтъ? — спросилъ его тотъ, снова указывая глазами на жену.

Миклаковъ видѣлъ необходимость что-нибудь отвѣчать.

— Мнѣ еще для этого прежде нужно въ отставку подать, — проговорилъ онъ какъ-бы размышляющимъ и соображающимъ тономъ.

— Въ отставку подать не долго, — подхватилъ князь.

Миклаковъ думалъ нѣкоторое время.

— Но я не знаю, — произнесъ онъ потомъ: — пріятно ли будетъ княгинѣ мое сопутничество.

— Вы желаете, чтобы Миклаковъ вамъ сопутствовалъ?—отнесся къ ней князь.

— Желаю, потому что все-таки лучше ѣхать хоть съ однимъ знакомымъ человѣкомъ, — отвѣчала княгиня.

— Ну, поэтому и все теперь!—сказалъ князь.— Черезъ недѣлю вы, полагаю, можете и ѣхать, а къ этому времени я устрою тамошнюю жизнь вашу!— прибавилъ онъ княгинѣ; затѣмъ, обратясь къ Миклакову и проговоривъ ему: «до свиданья!»—ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Миклаковъ послѣ того нѣкоторое время продолжалъ усмѣхаться про себя. Княгиня же сидѣла печальная и задумчивая.

— У васъ, значитъ, было уже и объясненіе? — спросилъ онъ ее.

— Да, было!—отвѣчала она отрывисто.

— Что же, вы сказали ему, что все это вздоръ?

— Нѣтъ, не сказала! — произнесла княгиня по-прежнему отрывисто.

— Отчего же?

— Оттого, что это не вздоръ!

— Вы полагаете, что не вздоръ? — повторилъ Миклаковъ знаменательно.

Княгиня молчала.

— Ну, а этимъ отъѣздомъ вашимъ за-границу онъ самъ распорядился?—продолжалъ Миклаковъ.

— Самъ,—сказала княгиня.

— Но вы, кажется, недовольны такимъ его распоряженіемъ.

— Очень!—отвѣчала княгиня.

— Почему же?

— Потому что я знаю, что буду наказана за то Богомъ.

Миклаковъ опять усмѣхнулся.

— Какъ Богъ ни строгъ, но ему пока рѣшительно не за что еще наказывать васъ! — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ есть за что! — произнесла княгиня почти патетически.

Миклаковъ на это развесть только руками.

Князь, между тѣмъ, войдя въ кабинетъ, прямо бросился на канapé и закрылъ глаза: видимо, что всѣми этими объясненіями онъ измученъ былъ до послѣдней степени!

XII.

Княгиня на другой, на третій и на четвертый день послѣ того, какъ рѣшена была ея поѣздка за границу, оставалась печальною и встревоженною. Наконецъ она, какъ-бы придумавъ что-то такое, написала Петицкой, все еще болѣвшей, о своемъ отъездѣ и просила ее, чтобы она, если только можетъ, пріѣхала къ ней. Госпожа Петицкая, получивъ такое извѣстіе, разумѣется, забыла всякую болѣзнь и бросилась къ княгинѣ. У той въ это время сидѣлъ Миклаковъ, и они разговаривали о князѣ, который, послѣ объясненія съ княгиней, рѣшительно осыпалъ ее благодареніями: сначала онъ прислалъ княгинѣ съ управляющимъ брилліанты покойной своей матери, по крайней мѣрѣ, тысячъ на сто: потомъ — кучую крѣпость на имѣніе, приносящее около пятнадцати

тысячъ годоваго дохода. Управляющій только при этомъ каждый разъ спрашивалъ княгиню: «что когда она изволить уѣзжать за-границу?»

Выслушавъ обо всемъ этомъ рассказъ, Миклаковъ сдѣлалъ насмѣшливую гримасу.

— Очень ужъ онъ женерозничаетъ не кстати! — произнесъ онъ.

— Отчего же не кстати? — спросила княгиня съ маленькимъ удивленіемъ.

— Оттого что вовсе не то чувствуетъ, — продолжалъ насмѣшливо Миклаковъ: — и въ душѣ, вѣ-роятно, весьма бы желалъ, какъ указано въ Домостроѣ, плеткой даже поучить васъ!...

— Ахъ, нѣтъ! Въ душѣ онъ очень добрый человекъ! — возразила княгиня.

Разговоръ этотъ ихъ былъ прерванъ раздавшимися въ сосѣдней комнатѣ быстрыми шагами госпожи Петлицкой.

— Боже мой, душенька, ангель мой! куда это вы уѣзжаете? — восклицала она, какъ только появилась въ комнатѣ.

— За границу! — отвѣчала ей княгиня.

— Что со мной теперь, несчастной, будетъ, что будетъ? — продолжала восклицать госпожа Петлицкая, ломая себѣ руки.

Положеніе ея въ самомъ дѣлѣ было некрасивое: послѣ несчастной исторіи съ Николой Оглоблинымъ, она просто боялась показаться на Божій свѣтъ, изъ опасенія, что всѣ объ этомъ знаютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она очень хорошо понимала, что въ дѣлѣ Москвѣ, между всѣми ея знакомыми, одна только княгиня все ей простить, что бы про нее ни услы-

хала, и не дастъ ей, наконецъ, умереть съ голоду, чего госпожа Петицкая тоже опасалась, такъ какъ послѣднее время прожила окончательно.

— Теперь только и осталось одно — идти да утопиться въ Москвѣ-рѣкѣ! — присовокупила она, разводя руками.

— Вовсе вамъ не нужно топиться ни въ какой рѣкѣ, — возразила ей княгиня съ улыбкою: — потому что вы должны ѣхать со мною за границу!

— Я?... Съ вами? — воскликнула Петицкая, никакъ не ожидавшая такого предложенія.

— Да, вы! — повторила княгиня.

При этомъ Миклаковъ взглянулъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на княгиню; но она сдѣлала видъ, что какъ-будто бы не замѣчаетъ этого.

— Но я не имѣю средствъ, княгиня, ѣхать за границу! — возразила Петицкая.

— Средства у меня очень хорошія, и потому вамъ объ этихъ пустякахъ беспокоиться нечего! — сказала ей княгиня.

У госпожи Петицкой послѣ этого глаза мгновенно увлажнились слезами.

— Княгиня! — начала она какимъ-то прерывающимся голосомъ: — я не знаю, благодарить ли мнѣ васъ или удивляться вамъ?...

— Ни то, ни другое, а ѣхать со мной! — проговорила княгиня одушевленнымъ и веселымъ тономъ.

— Что ѣхать съ вами я готова, вы, я думаю, не сомнѣвались въ томъ; но въ то же время это такая для меня неожиданность и такая радость, что до сихъ еще я не могу придти въ себя!

— Ну, и отлично, что радость!... Мы будемъ съ

съ вами жить вмѣстѣ, гулять, переѣзжать изъ одного города въ другой.

— Ужь конечно! — подтвердила госпожа Петицкая въ какомъ-то раздумьи, и потомъ, какъ-бы сообразивъ хорошенько все, что дѣлаетъ для нея княгиня, она вдругъ протянула ей руку и проговорила почти трагическимъ голосомъ:

— Благодарю васъ!

Въ отвѣтъ на это княгиня хотѣла было ее поцѣловать, но госпожа Петицкая вмѣсто того упала къ ней совсѣмъ въ объятія и зарыдала.

Этого Миклаковъ не въ состоянii уже былъ вынести. Онъ порывисто всталъ съ своего мѣста и началъ ходить съ мрачнымъ выраженiемъ въ лицѣ по комнатѣ. Княгиня однако и тутъ опять сдѣлала видъ, что ничего этого не замѣчаетъ; но очень хорошо это подмѣтила госпожа Петицкая и даже нѣсколько встревожилась этимъ: спустя нѣкоторое время, она, какъ-бы придя нѣсколько въ себя отъ своего волненiя, обратилась къ Миклакову и спросила его:

— А вы, monsieur Миклаковъ, не ѣдете за границу?

— Нѣтъ-съ, ѣду! — отвѣчалъ онъ ей.

О, тогда госпожѣ Петицкой показалось, что она очень хорошо понимаетъ: она полагала, что Миклаковъ тоже ѣдетъ на деньги княгини и теперь ему досадно, что она хочетъ то же самое сдѣлать и для другихъ! Госпожа Петицкая судила въ этомъ случаѣ о Миклаковѣ нѣсколько по своимъ собственнымъ чувствамъ.

— Вы, однако, скорѣе должны собираться! Мы уѣзжаемъ черезъ недѣлю! — сказала ей княгиня.

— Что мнѣ собираться!... Я въ полчаса могу собраться, — возразила госпожа Петицкая. — Но нѣтъ, нѣтъ! — продолжала она снова трагическимъ голосомъ: — я вообразить себѣ даже не могу этого счастья, что вдругъ я съ вами, моимъ ангеломъ земнымъ, буду жить подъ одной кровлей и даже поѣду за границу, о которой всегда мечтала. Нѣтъ, этого не можетъ быть и этому никогда не сбыться!

— Но отчего же?—спросила княгиня.

— Оттого же, что, вѣроятно, найдутся нѣкоторые люди, которые будутъ отсовѣтывать вамъ взять меня съ собою!—отвѣчала грустнымъ и печальнымъ голосомъ госпожа Петицкая. Подъ именемъ *нѣкоторыхъ людей* она, конечно разумѣла Миклакова, а частію и князя.

— Никогда я не передумаю и никто мнѣ не отсовѣтуетъ этого,—отвѣчала княгиня съ явной настойчивостью; она тоже, въ свою очередь, догадалась, кого госпожа Петицкая разумѣетъ подъ именемъ *нѣкоторыхъ людей*.

— Ну, хорошо, смотрите же! — отвѣчала ей та, и затѣмъ вскорѣ ушла, чтобы поспѣшить въ самомъ дѣлѣ сборами.

— Что вы за сумашествіе дѣлаете, навязывая себѣ на руки эту скверную бабу! — воскликнулъ Миклаковъ, какъ только остался вдвоемъ съ княгиней.

— Для васъ она скверная, а для меня очень хорошая, — возразила ему та упрямымъ и недовольнымъ голосомъ.

— Но чѣмъ?... Развѣ тѣмъ, что низкопоклонница, сплетница и даже развратница! — продолжалъ. восклипать Миклаковъ.

Княгиня при такихъ эпитетахъ его покрасѣла.

— Развѣ можно такъ говорить о женщинѣ? — проговорила она: вообще ее часто начиналъ шокировать грубый и рѣзкій тонъ Миклакова. — И что всего досаднѣе, — продолжала она: — мужчины не любятъ Петицкой за то только, что она — умная женщина; а между тѣмъ сами говорятъ, что они очень любятъ умныхъ женщинъ.

— Умную еще какую-то нашли! Она лукавая — это такъ... — воскликнулъ Миклаковъ: — а лукавство никакъ не умъ, котораго первый признакъ есть справедливость и ясность.

— Нѣтъ, умная, не спорьте! — настаивала на своемъ княгиня. Она придумала взять съ собою Петицкую — чисто съ цѣлю имѣть въ ней оплотъ и защиту свою противъ любви къ Миклакову. Она вознамѣрилась ни на минуту не разставаться съ Петицкой, говорить съ ней обо всемъ, совѣтоваться. Подчиняясь суровой волѣ мужа, который, видимо, отталкивалъ ее отъ себя, княгиня хоть и рѣшилась уѣхать за границу и при этомъ очень желала не разставаться съ Миклаковымъ, тѣмъ не менѣе, много думая и размышляя послѣднее время о самой себѣ и о своемъ положеніи, она твердо убѣдилась, что никогда и никого внѣ брака вполне любить не можетъ, и мечты ея въ настоящее время состояли въ томъ, что Миклаковъ ей будетъ преданнѣйшимъ другомъ и, пожалуй, тайнымъ обожателемъ ея, но и только. По своему нѣсколько мечтательному и идеальному міровоззрѣнію, княгиня воображала, что мужчина, если онъ только истинно любитъ женщину, можетъ и долженъ удовлетворяться этимъ. Но всего этого

она не хотѣла открывать Миклакову и сказала ему нѣсколько иную причину, почему пригласила Петипкую.

— Какъ вы не понимаете того! — продолжала она. — Когда Петипкая поѣдетъ со мной, то все-таки я поѣду съ дамой, съ компаньонкой, а то мою поѣздку Богъ знаетъ какъ могутъ растолковать!..

Миклаковъ многое хотѣлъ было возразить на это княгинѣ; но въ это время вошелъ лакей и подаль ему довольно толстый пакетъ, надписанный рукою князя. Миклаковъ поспѣшно распечаталъ его; въ пакетѣ была большая пачка денегъ и коротенькая записочка отъ князя: «Любезный Миклаковъ! посылаю вамъ на вашу поѣздку за границу тысячу рублей и надѣюсь, что вы позволите мнѣ ежегодно высылать вамъ таковую же сумму!» Прочитавъ эту записку, Миклаковъ закусилъ сначала немного губы и поблѣднѣлъ въ лицѣ.

— Этотъ господинъ начинаетъ себѣ очень большія шуточки позволять, — проговорилъ онъ.

— Что такое? — спросила его съ безпокойствомъ княгиня.

Миклаковъ подаль ей письмо и деньги.

Княгиня прочла и тоже замѣтно сконфузилась.

— Ну, я съ нимъ поговорю по этому поводу, — продолжалъ Миклаковъ: ему и прежде того еще очень хотѣлось побесѣдовать съ княземъ. — Доложи князю, что я желаю его видѣть, — присовокупилъ онъ стоявшему въ дверяхъ лакею и ожидавшему приказанія.

— Для чего вы хотите его видѣть? — спросила княгиня съ безпокойствомъ, когда лакей ушелъ.

— Да хоть бы для того, чтобы отдать ему деньги назадъ, — отвѣчалъ Миклаковъ.

Лакей снова возвратился и доложилъ, что князь просить Миклакова въ кабинетъ.

Тотъ торопливо пошелъ туда.

Княгиня осталась въ сильно тревожномъ состояніи.

Войдя къ князю, Миклаковъ довольно небрежно поклонился ему и сейчасъ же сѣлъ.

— Я получилъ отъ васъ какое-то странное письмо съ приложеніемъ къ оному и пришелъ вамъ возвратить все сіе! — проговорилъ онъ насмѣшливо и бросилъ на столъ передъ княземъ письмо и деньги.

— Отчего же странное?—спросилъ тотъ нѣсколько сконфуженнымъ тономъ.

Миклаковъ пожалъ, какъ-бы отъ удивленія, плечамн.

— Потому что я никогда, сколько помню, не говорилъ вамъ ни о какихъ моихъ нуждахъ, никогда не просилъ у васъ денегъ взаймы: съ какой же стати вы пожелали сдѣлать мнѣ презентъ?

— Я полагалъ, что ваши средства недостаточны на столько, чтобы жить на нихъ за границею, — проговорилъ князь довольно ровнымъ голосомъ.

— Такъ на какія же средства, по-вашему, я могъ рассчитывать, ѣдучи за границу? На средства княгини, что-ли?...—спросилъ его Миклаковъ, устремляя на князя проницательный взглядъ. — Сколько я ни ожидалъ слышать отъ васъ дурное мнѣніе о себѣ, но такого, признаюсь, все-таки не чаялъ, а потому позвольте васъ разубѣдить въ немъ нѣсколько. Я-съ потому только ѣду за границу, что могу тамъ суще-

ствовать независимо ни отъ кого въ мірѣ. Я выслужилъ пенсію въ тысячу двѣсти рублей!... У меня есть кромѣ того маленькій капиталъ, за который я продалъ на дняхъ мою бібліотеку!...

— Въ такомъ случаѣ я очень радъ за васъ, — прервалъ его князь, съ трудомъ сдерживая себя и какъ-то порывисто кидая валявшіяся на столѣ деньги въ ящикъ: — онъ полагалъ, что этимъ кончится его объясненіе съ Миклаковымъ, но тотъ однако не уходилъ.

— И вообще я желалъ-бы знать, — началъ Миклаковъ снова:—что хорошо ли вы обдумали ваше рѣшеніе отправить княгиню за границу и чтобы я ей сопутствовалъ?

Князь сдѣлалъ только на это презрительную гримасу и молчалъ. Миклаковъ замѣтилъ это и еще болѣе взбѣсился.

— Вамъ, какъ я слышалъ, написалъ кто-то какую-то сплетню про меня и про княгиню,—продолжалъ онъ: — оправдываться въ этомъ случаѣ я не хочу, да нахожу и бесполезнымъ, а все-таки долженъ вамъ сказать, что хоть вы и думаете всѣми теперишними вашими поступками разыграть роль великодушнаго Жоржъ-Зандовскаго супруга Жака, но вы забываете тутъ одно, что Жакъ былъ виноватъ передъ женой своей только тѣмъ, что былъ старше ея, и по одному этому онъ простилъ ея привязанность къ другому; мало того, снова принялъ ее, когда этотъ другой бросилъ ее. Въ положеніе его вы никакъ не можете стать, потому что, прежде всего, сами увлеклись другой женщиной, погубили ту совершенно и вмѣстѣ съ тѣмъ отринули

отъ себя жену вашу!... Еслибы даже кто и полюбилъ княгиню, то во всякомъ случаѣ поступилъ бы не безчестно противъ васъ, въ силу того что подъялъ только брошенное!

Князю наконецъ стали казаться всѣ эти разсужденія Миклакова какимъ-то умышленнымъ надругательствомъ надъ нимъ.

— Я удивляюсь, къ чему вы все это говорите?— произнесъ онъ едва сдерживаемымъ отъ бѣшенства голосомъ.

— Да къ тому, чтобы вы себя-то ужъ не очень великодушнымъ человѣкомъ считали,—отвѣчалъ Миклаковъ,— такъ какъ многіе смертные дѣлаютъ то же самое, что и вы, только гораздо проще и искреннѣе и не бывъ даже сами ни въ чемъ виноваты, а вы тутъ получаете должное возмездіе!

Князь не въ состояніи былъ далѣе выдерживать.

— Да кто-жь, чортъ возьми!—воскликнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу,— далъ вамъ право приходить ко мнѣ и анализировать мои чувства и поступки? Я васъ однимъ взмахомъ руки моей могу убить, Миклаковъ! поймите вы это, и потому прошу васъ оставить меня!

Говоря это, князь поднялся передъ Миклаковымъ во весь свой огромный ростъ. Тотъ тоже всталъ съ своего мѣста и, какъ ежъ, весь оцетинился.

— Это такъ, вы сильнѣе меня! — началъ онъ, стараясь сохранить насмѣшливый тонъ: — но противъ силы есть разныя твердыя орудія! — присовокупилъ онъ, и положилъ руку на одно изъ пресъпапье.

Въ это время быстро вошла въ кабинетъ княгиня, ходившая уже по залѣ и очень хорошо слышавшая разговоръ мужа съ Миклаковымъ.

— Князь, умоляю васъ, успокойтесь! — обратилась она прежде къ мужу. — Миклаковъ, прошу васъ, уйдите!... — Я не перенесу этого, говорю вамъ обоимъ!

Князь ничего на это не сказалъ женѣ, даже не взглянулъ на нее; но, проворно взявъ съ окошка свою шляпу, вышелъ изъ кабинета и черезъ нѣсколько минутъ совсѣмъ ушелъ изъ дому.

Миклаковъ, между тѣмъ, сталъ ходить по комнатамъ.

— Какой сердитенькій баринъ, — а? — говорилъ онъ, потирая руки: — не любить какъ противъ шерсти кто его погладитъ?...

Княгиня въ свою очередь принялась почти рыдать.

— Бы-то же о чемъ плачете? — спросилъ ее съ досадою Миклаковъ.

— Такъ... я ужь знаю о чемъ! — отвѣчала она.

Во всей предыдущей сценѣ Миклаковъ показался княгинѣ человѣкомъ злымъ, несправедливымъ и очень неделикатнымъ.

— Если вы когда-нибудь опять затѣете подобное объясненіе съ мужемъ, я возненавижу васъ! — проговорила она сквозь слезы.

— Я же виноватъ! — произнесъ съ удивленіемъ Миклаковъ, видимо считавшій себя совершенно правымъ.

Князь въ это время шелъ по направленію къ квартирѣ Елены, съ которой не видался съ самаго того времени, какъ разсорился съ нею. Онъ думалъ даже совсѣмъ съ ней болѣе не видаться: высказанное ею въ послѣдній разъ почти презрѣніе къ нему глубоко оскорбило и огорчило его. Въ первые дни, когда князь хлопоталъ объ отъѣздѣ жены за границу, у него доставало еще терпѣнья не идти къ Еленѣ, и вообще это время онъ ходилъ въ какомъ-то туманѣ; но вотъ хлопоты кончились, и что ему затѣмъ оставалось дѣлать? Мысль о самоубійствѣ какъ бы невольно начала ему снова приходиться въ голову. «Умереть, убить себя!» помышлялъ князь въ одно и то же время съ чувствомъ ужаса и омерзѣнія, и его въ этомъ случаѣ не столько пугала мысль Гамлета о томъ, *«что будетъ тамъ, въ безвѣстной сторонѣ»*, — князь особенно объ этомъ не беспокоился, — сколько онъ просто боялся физической боли при смерти, и наконецъ ему жаль было не видать болѣе этого неба, иногда столь прекраснаго, — не дышать болѣе этимъ воздухомъ, иногда такимъ ароматнымъ и теплымъ!.... О какихъ-нибудь чисто-нравственныхъ наслажденіяхъ князь какъ-то не вспоминалъ, можетъ быть, потому, что послѣднее время только и дѣлалъ, что мучился и страдалъ нравственно.

Очутившись на улицѣ, князь сообразилъ только одно — идти къ Еленѣ, чтобъ и съ ней покончить все и навсегда; а потомъ, пожалуй, и пулю себѣ въ лобъ... Елена, между тѣмъ, давно ужъ и съ нетерпѣніемъ поджидала его. Побранившись въ послѣднее свиданіе съ княземъ, она нисколько не удивлялась и

не тревожилась тѣмъ, что онъ нейдетъ къ ней, такъ какъ понимала, что сама сдѣлала бы то же самое на его мѣстѣ. Въ это время Елена услыхала отъ Миклакова, что князь отправляетъ жену за границу, — это ей было пріятно узнать, и гнѣвъ на князя въ ней окончательно пропалъ. Но вотъ, однако, князь не шель дѣлюю недѣлю. Еленѣ начинало дѣлаться скучно: чтобы наполнить чѣмъ-нибудь свое время, она принялась шить наряды своему малюткѣ и нашла ихъ, по крайней мѣрѣ, съ дюжину; князь все-таки не является. Терпѣніе Елены истощилось; она приготовилась уже написать князю бранчивое письмо и спросить его: «что это значитъ, и по какому праву онъ позволяетъ себѣ выкидывать подобныя штучки», какъ вдругъ увидѣла изъ окна, что князь подходитъ къ ея домику. Первымъ движеніемъ Елены была радость, но она сдержала ее, сѣла на свое обычное мѣсто, взяла даже работу свою въ руки и приняла какъ-бы совершенно спокойный видъ. Князь, войдя, слегка пожалъ ей руку. Его искаженное и явно дышавшее гнѣвомъ лицо смутило нѣсколько Елену, и при этомъ она хорошенько не знала, на нее ли князь продолжаетъ сердиться или опять дома онъ чѣмъ-нибудь, благодаря своей глупой ревности, былъ взбѣшенъ.

— А что Колю могу я видѣть? — спросилъ князь, почти не глядя на Елену.

— Онъ у себя въ дѣтской, — отвѣчала она.

Князь прошелъ туда. Ребенокъ спалъ въ это время. Князь открылъ пологъ у его кровати и нѣсколько времени съ такимъ грустнымъ выраже-

ніемъ и съ такой любовью смотрѣлъ на него, что даже нянька-старуха замѣтила это.

— Да не прикажете ли, батюшка, я разбужу его и покажу вамъ? — проговорила она.

— Нѣтъ, не надо! — отвѣчалъ князь вздохнувъ, и потомъ, снова возвратясь къ Еленѣ, сѣлъ не вдалекѣ отъ нея.

Та какъ-бы старательнѣйшимъ образомъ продолжала работу свою.

— Я хотѣлъ бы васъ спросить... — заговорилъ князь, попрежнему не глядя на Елену: — о томъ презрѣніи, которое вы такъ беспощадно высказали мнѣ въ прошлый разъ: что оно постоянно вамъ присуще?.. — И князь не продолжалъ далѣе.

Елена поняла всю серьезность и щекотливость этого вопроса.

— А еслибъ я питала такое презрѣніе къ тебѣ, то какъ ты думаешь, я оставалась бы съ тобой хоть въ какихъ-нибудь человѣческихъ отношеніяхъ, а не только въ тѣхъ, въ какихъ я нахожусь теперь? — спросила она его въ свою очередь.

— Не успѣла еще прервать ихъ, — отвѣчалъ князь, грустно усмѣхнувшись. — Ты сама говорила, что прежде иначе меня понимала.

— Долго что-то очень собираюсь прервать ихъ... Ты не со вчерашняго дня страдаешь и мучишься о супругѣ твоей и почти пламенную любовь выражаешь къ ней въ моемъ присутствіи. Кремень, такъ и тотъ, я думаю, можетъ лопнуть при этомъ отъ ревности.

Князь опять грустно усмѣхнулся.

— Ревность не заставляетъ же насъ высказы-

вать презрѣніе къ тому человѣку, котораго мы ревнуемъ,—проговорилъ онъ.

— Но въ минуты ревности я, можетъ быть, тебя и презираю, — я не скрою того!.. Можетъ быть, даже убить бы тебя желала, чего я въ спокойномъ состояніи, какъ самъ ты, конечно, увѣренъ, не желаю...

Елена на этотъ разъ хотѣла успокоить князя и разубѣдить его въ томъ, что высказала ему въ порывѣ досады, хотя въ глубинѣ души и сознавала почти справедливость всего того, что тогда говорила.

— А что, какъ ты думаешь, еслибъ я всѣ твои выходки по случаю супруги встрѣчала равнодушно, какъ это для тебя лучше или хуже бы было? — спросила она.

— По крайней мѣрѣ покойнѣй бы было,—возразилъ князь.

— А, покойнѣй!.. Ну, того мужчину нельзя поздравить съ большимъ уваженіемъ отъ женщины, если она какія-нибудь пошлости и малодушіе его встрѣчаетъ равнодушно,—тутъ ужъ настоящее презрѣніе, и не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ; а когда сердятся, такъ это еще ничего,—значить, любятъ и цѣнятъ! — проговорила Елена.

Князь, съ своей стороны, тоже при этомъ невольно подумалъ, что еслибъ Елена въ самомъ дѣлѣ питала къ нему такое презрѣніе, то зачѣмъ же бы она стала насиловать себя и не бросила его совершенно. Не изъ-за куска же хлѣба дѣлаетъ она это: зная Елену, князь никакъ не могъ допустить того.

— Ну, не извольте дуться, извольте быть веселымъ!—проговорила она, вставая съ своего мѣста и садясь князю на колѣни.—Говорятъ вамъ, улыбнитесь, — продолжала она, цѣлуя и теребя его за подбородокъ.

Князь, наконецъ, слегка улыбнулся.

— Будетъ ужъ, довольно оплакивать супругу!... не утерпѣла Елена и еще разъ его кольнула.—Говорятъ, она ѣдетъ границу?—прибавила она.

— Ёдетъ.

— А когда?

— Дня черезъ три.

— И Миклаковъ тоже ѣдетъ?

— И онъ ѣдетъ.

— Но чѣмъ же они жить будутъ за границей?

— У Миклакова свое есть, а княгиня и отдалъ третью часть моего состоянія, отвѣчалъ князь.

— Ну, вотъ, душка, мерсі за это, отлично ты это сдѣлалъ!—проговорила Елена и опять начала цѣловать князя.

— Знаешь что,—продолжала она потомъ какимъ-то даже заискивающимъ голосомъ:—миѣ бы ужасно хотѣлось проститься съ княгиней.

— Это зачѣмъ?—спросилъ князь почти съ удивленіемъ.

— Такъ, миѣ хочется сказать ей на дорогу нѣсколько моихъ дорбыхъ пожеланій!... Но дѣло въ томъ: если миѣ ѣхать къ вамъ, то княгиня, конечно, меня не приметъ.

— Вѣроятно!—подтвердилъ князь.

— И потому нельзя ли миѣ просто ѣхать на желѣзную дорогу,—продолжала Елена опять тѣмъ же

заискивающимъ голосомъ: — и тамъ проститься съ княгиней?

Князь молчалъ, но по лицу его замѣтно было, что такое намѣреніе Елены ему вовсе не нравилось.

— Вѣдь ты поѣдешь провожать ее?—присовокупила между тѣмъ Елена.

— Можетъ быть!—отвѣчалъ протяжно князь.

— Въ такомъ случаѣ мы поѣдемъ съ тобой вмѣстѣ.

— Но я думалъ было поѣхать ее провожать изъ дому, да и ловко ли намъ вмѣстѣ съ тобой туда прѣхать? возразилъ на это князь.

— Напротивъ, тебѣ одному ѣхать, по-моему, не ловко! воскликнула Елена.

— Почему не ловко? спросилъ князь.

— Потому что супруга твоя увѣзжаетъ съ обожателемъ своимъ, и ты чувствительнѣйшимъ образомъ прѣдешь провожать ее одинъ; а когда ты прѣдешь со мной, такъ скажутъ только, что оба вы играете въ ровную!

— И то дѣло!—согласился усмѣхнувшись князь.

Въ день отъѣзда княгини Григоровой, къ дебаркадеру Николаевской желѣзной дороги подвѣхала карета, запряженная шегольской парю кровныхъ воронныхъ лошадей. Изъ кареты этой вышли очень полная дама и довольно худощавый мужчина. Это были Анна Юрьевна и баронъ. Анна Юрьевна за послѣднее время не только что еще больше пополнила, но какъ-то даже расплылась.

— Мы хоть здѣсь съ ней простимся!—говорила она, съ усиліемъ поднимаясь на лѣстницу и слегка при этомъ поддерживаемая барономъ подъ руку.— Я вчера къ ней заѣзжала, сказали: «дома нѣтъ», а я непременно хочу съ ней проститься!

Затѣмъ Анна Юрьевна прошла въ залу 1 го класса. Баронъ послѣдовалъ за ней.

Тамъ ужъ набралось довольно много отъѣзжающихъ, но княгини еще не было.

— Подождемте здѣсь ее, она непременно сегодня выѣзжаетъ!.. говорила Анна Юрьевна, тяжело опускаясь на диванъ.

Лицо барона приняло скучающее выраженіе и напомнило нѣсколько то выраженіе, которое онъ имѣлъ въ началѣ нашего разсказа, придя съ княземъ въ книжную лавку; онъ и теперь также сталъ разсматривать висѣвшую на стѣнѣ карту. Наконецъ Анна Юрьевна сдѣлала восклицаніе:

— Ну вотъ, слава Богу, пріѣхала!—говорила она, поднимаясь съ своего мѣста и идя на встрѣчу княгинѣ, входившей въ сопровожденіи госпожи Петицкой.

Объ онѣ были одѣты въ одинаковыя и совершенно новыя дорожныя платья.

— Я хоть здѣсь хотѣла перехватить васъ!—говорила Анна Юрьевна, пожимая руку княгини.

Госпожа Петицкая скромно, но въ то же время съ глубокимъ уваженіемъ, поклонилась Аннѣ Юрьевнѣ.

— А вы тоже пріѣхали проводить княгиню?—спросила та.

— О, нѣтъ, я съ ними ѣду компаньонкой за гра-

ницу!—отвѣчала госпожа Петицкая, не поднимая глазъ.

— Компаньонкой?—переспросила Анна Юрьевна.—А мнѣ этотъ дуралѣй Оглоблинъ что-то такое пріѣзжалъ и болталъ, что Миклаковъ тоже ѣдетъ за границу.... — присовокупила она.

При этомъ княгиня и Петицкая покраснѣли: одна отъ одного имени, другая отъ другаго.

— Да, онъ тоже ѣдетъ!—отвѣчала княгиня, не смотря на Анну Юрьевну, или, лучше сказать, ни на кого не смотря.

Баронъ, молча поклонившись княгинѣ и Петицкой, устремилъ на первую изъ нихъ грустный взглядъ: онъ уже слышалъ о странномъ выборѣ ею предмета любви и въ душѣ крайне удивлялся тому.

Наконецъ въ залъ показался Миклаковъ. Онъ къ обществу княгини не подошелъ даже близко, а только поклонился всѣмъ издали.

Баронъ продолжалъ грустно смотрѣть на княгиню.

— А что же мужъ твой не пріѣдетъ проводить тебя?—спросила Анна Юрьевна княгиню.

— Нѣтъ, онъ пріѣдетъ!—отвѣчала та, продолжая, по прежнему, ни на кого не смотрѣть, и въ то же время лицо ея горѣло яркимъ румянцемъ.

Не задолго до звонка появился князь съ Еленой, при видѣ которой княгиня окончательно смутилась, она никакъ не ожидала когда-нибудь встрѣтиться съ этой женщиной.

Елена сначала поклонилась всѣмъ дамамъ общимъ поклономъ.

— Хороша, хороша!... — сказала ей укоризненнымъ голосомъ Анна Юрьевна: — Меня изъ-за васъ изъ службы выгнали, а вы и глазъ ко мнѣ не пожете!

— Но я все это время была больна!—отвѣчала Елена.

— Ахъ, Господи! вашей болѣзнию не годы же бываютъ больны!—воскликнула Анна Юрьевна.—А лучше просто признайтесь, что вамъ не до меня было.

— Если не до васъ, такъ и ми до кого въ мѣрѣ!—подхватила Елена.

— Это еще можетъ быть!—согласилась Анна Юрьевна.

Елена послѣ того обратилась къ княгинѣ и, воспользовавшись тѣмъ, что та стояла нѣсколько вдали отъ прочихъ, она скороговоркой проговорила:

— Князь сказалъ мнѣ, что на дому вы меня не примете, а потому я хотѣла по крайней мѣрѣ здѣсь, на пути вашемъ, пожелать вамъ всего хорошаго.... Меня вы конечно ненавидите и презираете, но я не такъ виновата, какъ, можетъ быть, кажусь вамъ! Дѣло все въ разницѣ нашихъ убѣжденій: то, что вѣроятно вамъ представляется безнравственнымъ, по моему только право всякой женщины, а то, что по вашему священный долгъ, я считаю однимъ безполезнымъ принужденіемъ и насилуваніемъ себя! Вамъ собственно я никогда не желала сдѣлать ни малѣйшаго зла, и теперь мое самое пламенное желаніе, чтобы вы были вполнѣ и навсегда счастливы на всю вашу будущую жизнь.

— Я на васъ нисколько и не сержусь! — отвѣчала тоже торопливо княгиня и вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшила отойти отъ Елены и стать около Анны Юрьевны.

Елена при этомъ невольно улыбулась про себя: она видѣла, что княгиня не поняла ни словъ ея, ни ея желанья сказать ихъ. Затѣмъ Елена начала наблюдать за княземъ, интересуясь посмотрѣть, какъ онъ будетъ держать себя въ послѣднія минуты передъ разставаньемъ съ женой. Она непременно ожидала, что князь подойдетъ къ княгинѣ, скажетъ съ ней два, три ласковыхъ слова; но онъ, поздоровавшись очень коротко съ барономъ, а на Миклакова даже не взглянувъ, принялся ходить взадъ и впередъ по залѣ и взглядывалъ только при этомъ повременамъ на часы.

Наконецъ пробилъ звонокъ. Всѣ проворно пошли къ выходу, и княгиня, только уже подойдя къ рѣшеткѣ, отдѣляющей дебаркадеръ отъ вагоновъ, остановилась на минуту и, подавъ князю руку, проговорила скороговоркой: «прощайте!»

— Прощайте! — протянулъ нѣсколько подольше ея князь.

У княгини при этомъ глаза мгновенно наполнились слезами. Выраженіе же лица князя, какъ очень хорошо подмѣтила Елена, было какое-то неподвижное. Вслѣдъ за княгиней за рѣшетку шмыгнула также и госпожа Петичкая. Миклаковъ, какъ-то еще до звонка и невидимо ни для кого, прошелъ и усѣлся во 2-мъ классѣ вагоновъ; княгиня съ Петичкой ѣхали въ 1-мъ классѣ. Вскорѣ послѣ того поѣздъ тронулся. <http://rcin.org.pl>

Анна Юрьевна направилась опять къ выходу къ своей каретѣ и идя кричала князю:

— Пріѣзжай какъ-нибудь ко мнѣ обѣдать!

— Пріѣду!—отвѣчалъ тотъ, идя въ свою очередь съ понуренной головой около Елены.

Когда стали сходить съ лѣстницы, баронъ опять поддержалъ Анну Юрьевну слегка за руку.

За ихъ экипажемъ поѣхали также и князь съ Еленой. Выраженіе лица его продолжало быть какимъ-то неподвижнымъ. У него никакъ не могла выйти изъ головы только-что совершившаяся передъ его глазами сцена: въ вокзалѣ желѣзной дороги съѣхались Анна Юрьевна со своимъ наемнымъ любовникомъ, самъ князь съ любовницей, княгиня съ любовникомъ, и все они такъ мирно, съ такимъ уваженіемъ разговаривали другъ съ другомъ: все это князю показалось по меньшей мѣрѣ весьма страннымъ! Но Елену въ это время занимала совершенно другая мысль: ей очень не понравилось присутствіе Петицкой около княгини.

— Петицкая тоже за границу поѣхала съ княгиней?—спросила она.

— Тоже!—отвѣчалъ князь.

— Ну, въ такомъ случаѣ поздравляю: она черезъ недѣлю-же поссорить княгиню съ Миклаковымъ!

— Это ужь ихъ дѣло!—произнесъ князь.

— Нѣтъ, и твое!—возразила ему Елена,—потому что княгиня тогда опять вернется къ тебѣ!

— Нѣтъ, это благодарю покорно! Я ее больше не приму.

— Нѣтъ, ты примешь, если только ты порядочный человекъ!—повторила ему настойчиво Елена.

Князь при этомъ пожалъ плечами и немного усмѣхнулся.

— Я, кажется, по-твоему все на свѣтѣ долженъ дѣлать, что только мнѣ непріятно!—произнесъ онъ.

— А не принимай въ такомъ случаѣ на себя роли, которая тебѣ несвойственна!...— замѣтила ему ядовито Елена.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Оглавление X-го тома.

ВЪ ВОДОВОРОТЪ.

	СТР.
1-я первая	1
2-я вторая	21

Описание X-го года

в г. Вологде

F

24.186/10-11